

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

2 / 2023

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2 (35) / 2023

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

E-ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2023-2

Издатель

Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, website www.istorex.org
Tel.: 373 22 773 955

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 9 **В. В. ВИДЕМАНН** *Две модели капитализма*
- 18 *«Проблема состоит в том, что Путин не является читателем, он не знает русской культуры, он не чувствует русскую душу». Интервью с Ч. Руудом*

Национальная память

- 26 **А. Ю. ПЕРЕТЯТЬКО** *Между наукой и мифом: наблюдения над конструированием историй пяти поселений Юга России в 2010–2020 гг.*
- 55 **Н. Н. МОРОЗОВ** *Румынская революция 1989 года как предмет уголовного расследования*
- 61 *«Никто не осужден и не арестован за убийство участников протестов и полицейских во время Майдана». Интервью с И. Качановским*

Репрессии в семейной памяти

- 68 *«И точно помним и тюрьму, и то, за что садились». Интервью с Е. М. Молоствовою*
- 86 *«КГБ нам создало организацию». Интервью с И. Т. Ронкиной*

Киевская Русь в исторической памяти

- 100 **Д. А. БОРОВКОВ** *Киевская Русь в концепции И. Я. Фроянова*

Концепты исторической мысли

- 126 **Л. А. МОСИОНЖНИК** *Вольтеровская Россия между историей и утопией*
- 148 **Ю. В. ДУНАЕВА** *Историческая биография: от персональной истории до философии истории*

Как это было на самом деле

- 164 **А. Р. ДЮКОВ** *«Который сегодня день?» Константин Калиновский и паролы виленского повстанческого подполья*

Кино и историческая память

175 М.В. НОВИКОВА

Конструирование образа Второй мировой войны в кинематографе ФРГ и объединённой Германии

РЕЦЕНЗИИ

Мир

190 Н.Н. ПОДОСОКОРСКИЙ

О новой биографии вице-адмирала Горацио Нельсона, написанной М.М. Куриевым. Рец.: Куриев М.М. Нельсон. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023. 432 с., ил.

199 А.С. СТЫКАЛИН

Рец.: Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.) / Отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 310 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»)

209 Я.Г. ШЕПЕЛЬ

Рец.: Piper H. Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg. Berlin: BeBra, 2019. 351 S.

217 М.В. КИРЧАНОВ

Историческая память между национализмом и ревизионизмом: мемориальная политика в бывшей Югославии в современной российской историографии

Русское средневековье

233 С.С. БЕЛЯКОВ

«Русское самовластие» Сергея Сергеева. Рец.: Сергеев С.М. Русское самовластие. Власть и её границы: 1462–1917 гг. М.: Яуза-каталог, 2023.

Российская империя

246 А.А. ТЕСЛЯ

Литва в имперской политике и администрации: до и после 1863 года. Рец.: Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи / Авториз. пер. с лит. Т. Тимченко. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 376 с. — (серия “Historia Rossica”)

251 П.И. ТАЛЕРОВ

«Мёртвые сраму не имут...» Вместо рецензии

СССР

260 А.Л. КУДРЯШОВ

Новый взгляд на старый пейзаж (заметки на полях). Рец: Николай Митрохин. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1–2. — М., Новое литературное обозрение, 2023.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

265

«Вся революционная политика языка была ответом на враждебность того народа, который предстояло освободить». Интервью с Е. Н. Блиновым

290

«Мне рано рассказывать о трудностях эмигрантской жизни, потому что она у меня только началась». Интервью с А. С. Десницким

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

307

«Мы начинаем смотреть на прошлое и читать некоторые исторические документы, держа в уме 24 февраля 2022». Интервью с И. Р. Петровым

318

«Страна, которая фальсифицирует свою историю, обречена на исчезновение...» Интервью с П. В. Кузнецовым

330

«Я по характеру — архивная крыса». Интервью с И. В. Курукиным

339

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

- 9 V. V. WIEDEMANN *Two models of capitalism*
- 18 *“The problem is I think Putin is not a reader, he does not know Russian culture, he does not feel the Russian soul”. Interview with C. Ruud*

National memory

- 26 A. YU. PERETYATKO *Between science and myth: observations on the constructing of histories of five settlements of South Russia in 2010–2020*
- 55 N. N. MOROZOV *Romanian Revolution of 1989 as the subject of a criminal investigation*
- 61 *“Not a single person is convicted or arrested for the Maidan massacre”. Interview with I. Katchanovski*

Repression in family memory

- 68 *“And we definitely remember both the prison and what we were imprisoned for.” Interview with E. Molostova*
- 86 *The KGB created an organization for us.” Interview with I. T. Ronkina*

Kievan Rus in historical memory

- 100 D. A. BOROVKOV *Kievan Rus in the concept of I. Ya. Froyanov*

Concepts of historical thought

- 126 L. A. MOSIONJNIC *Voltaire’s Russia between history and utopia*
- 148 YU. V. DUNAEVA *Historical biography: from personal history to the philosophy of history*

As it actually was

- 164 A. R. DYUKOV *»What day is it today?» Konstantin Kalinowski and the watchwords of the Vilna rebel underground*

Cinema and historical memory

175 M. V. NOVIKOVA

Construction of the image of the Second World War in the cinema of the Federal Republic of Germany before 1990 and of the contemporary united Germany

REVIEWS**The world**

190 N. N. PODOSOKORSKY

About the new biography of Vice Admiral Horatio Nelson, written by M. M. Kuriev. Rev.: Kuriev M. M. Nelson. M.: Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot», 2023. 432 p.

199 A. S. STYKALIN

Rev.: Slavyane i Rossiya: Balkany v vikhre nacional'no-osvoboditel'nykh dvizhenij (K 200-letiyu nachala Grecheskoj revolyucii 1821–1829 gg.) / Otv. red. S. I. Danchenko. — M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2022. — 310 s.: il. — (Nikitinskie chteniya «Slavyane i Rossiya»)

209 I. G. SHEPEL

Rev.: Piper H. Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg. Berlin: BeBra, 2019. 351 S.

217 M. V. KYRCHANOFF

Historical memory between nationalism and revisionism: memorial policy in the former Yugoslavia in contemporary Russian historiography

Russian Middle Ages

233 S. S. BELIAKOV

«Russian autocracy» by Sergei Sergeev. Rev.: Sergeev S. M. Russian autocracy. Power and its borders: 1462–1917. M.: Yauza-katalog, 2023.

The Russian Empire

246 A. A. TESLYA

Lithuania in imperial policy and administration: before and after 1863. Rev.: D. Staliunas Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossijskoj imperii / Avtoriz. per. s lit. T. Timchenko. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. — 376 s. — (seriya "Historia Rossica")

251 P. I. TALEROV

"The dead have no shame..." Instead of a review

USSR

260 A.L. KUDRYASHOV

A new look at the old landscape (marginal notes). Rev.: N.A. Mitrokhin Ocherki sovetskoj ehkonomicheskoy politiki v 1965-1989 godakh. Toma 1–2, – M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

CURRENT INTERVIEW

265

«The whole revolutionary policy of language was a response to the hostility of the people who were to be liberated.» Interview with E.N. Blinov

290

Too early to describe the hardships of my emigration, it barely started. Interview with A. S. Desnitsky

---

HISTORIAN'S TIME

307

“We are starting to look back and read some historical documents with February 24, 2022 in mind”. Interview with I. R. Petrov

318

«A country that falsifies its history, doomed to extinction...» Interview with P. V. Kuzenkov

330

«I am an archival researcher». Interview with I. V. Kurukin

339

Requirements for publication of articles and documents

В. В. Видеманн

ДВЕ МОДЕЛИ КАПИТАЛИЗМА

Статья посвящена сравнительному анализу англосаксонской и рейнской моделей экономики.

Ключевые слова: англосаксонский, рейнский, корпоративный, неолиберализм, капитализм, социальный, антиглобализм, право, философия.

Сведения об авторе: Видеманн Владимир Владимирович, филолог, историк, антрополог, журналист, писатель. Член Либертарианской партии Великобритании.

Контактная информация: vw@bricservice.co.uk

V. V. Wiedemann

TWO MODELS OF CAPITALISM

The article is devoted to the analysis of the Anglo-Saxon and Rhenish economic models.

Key words: Anglo-Saxon, Rhenish, corporate, neo-liberalism, capitalism, social, anti-globalism, law, philosophy.

Information about the author: Wiedemann Vladimir Vladimirovich – philologist, historian, anthropologist, journalist, writer. Member of the Libertarian Party of Great Britain.

Contact information: vw@bricservice.co.uk

Современный мир все глубже скатывается к разного рода системным противоречиям, чреватым глобальным переформатированием всей привычной жизни. Одними из таких противоречий являются экономиче-

ские, что и не удивительно. Ведь как политика, так и соответствующая ей политическая идеология, являются, по словам классиков, всего лишь концентрированно выраженной формой экономики. Какие же экономические

противоречия мы наблюдаем в сегодняшней действительности?

Очевидной формой глобального экономического противостояния в XX веке было соперничество капиталистической и социалистической моделей развития. После распада СССР и перехода постсоветских государств, включая страны просоветского блока, к рыночной экономике, мир — как многие полагали — вышел на финишную прямую к тому, что американский политолог Фрэнсис Фукуяма назвал «концом истории», имея в виду конец геэкономического противостояния сверхдержав и окончательное учреждение либерального миропорядка. Но что-то пошло не так... Что же именно? Постараемся в этом разобраться.

Прежде всего, отметим, что либеральный миропорядок по Фукуяме — это не просто проявление абстрактного капитализма, взявшего верх над абстрактным социализмом, но формат англосаксонской модели капитализма, вытеснившей советскую модель социализма. При том, что китайская модель социализма продолжает благополучно развиваться, являясь сегодня основным экономическим бенефициаром — как это ни парадоксально может звучать — неолиберальной глобализации под знаменами свободного мира.

Да и сам англосаксонский капитализм не является исключительной формой современного капитализма и системно, почти как в случае с социализмом, противостоит другому типу капитализма — рейнскому, иначе называемому германским или евроконтинентальным. На наш взгляд,

именно противостояние этих двух типов капитализма, как форм рыночной экономики, и определяет природу текущего геэкономического, переходящего в геополитический, конфликта. Для того чтобы разобраться в природе этого нового глобального противостояния систем, кратко отметим основные черты этих, противоречащих друг другу, форм капиталистической рыночности.

В постсоветской публицистике, политологии и экономической мысли с понятиями «капитализма», «свободного рынка» и «свободного мира» принято почти исключительно отождествлять англосаксонскую модель развития, что и не удивительно. Достаточно вспомнить огромное количество американских советников, юристов и экономистов, соучаствавших в постперестроечном преобразовании России, а также массовое паломничество постсоветских специалистов в университеты англосаксонского мира для получения соответствующего образования. И потом они стремились реформировать российскую экономическую систему по лекалам своих учителей. Процесс этот, фактически, идет до сих пор, несмотря на рост критических голосов, призывающих перейти на другую систему развития, альтернативную действующей. О чем тут речь?

Разберемся, прежде всего, с англосаксонским типом капитализма, который, в чистом виде, сегодня действует исключительно в англосаксонских державах: США, Канаде, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Элементы англосаксонской модели могут также иметь место в других

странах, хотя только частично, с учетом местных «культур-капиталистических» особенностей.

Англосаксонская модель экономического развития действует на основе свободного рынка, частной собственности и минимального регулирования со стороны государства. Ее основными принципами являются:

1. Свободный рынок и частная собственность, где цены на товары и услуги формируются путем взаимодействия спроса и предложения. Частная собственность признается фундаментом всей экономической системы.
2. Низкий уровень налогов и государственного регулирования, что создает благоприятные условия для развития бизнеса и привлечения инвестиций.
3. Гибкий рынок труда, когда работодатели имеют возможность налаживать производство и нанимать рабочую силу в зависимости от текущих рыночных условий. Это может включать такие меры, как временные контракты, работу на полную ставку или на дому.
4. Сильная конкуренция между предприятиями, что создает условия для роста инноваций и повышения производительности труда.
5. Развитая финансовая система, включающая в себя биржи, фондовые рынки, инвестиционные фонды и банки. Финансовая система играет важную роль, обеспечивая доступ к капиталу и финансированию новых предприятий.

Эффективность англосаксонской экономической модели обеспечивается особенностями англосаксонского (общего) права, основанного на прецедентной системе. Это значит, что суды в своих решениях следуют уже имевшим место решениям, если обстоятельства дела аналогичны. Такой подход позволяет судам развивать право на основе конкретных случаев, а не только общего законодательства.

В англосаксонской правовой системе также действует обычное право, основанное на обычаях и практиках, исторически сложившихся в определенном регионе или обществе. Обычное право не определено законом и не зафиксировано в письменной форме, но может быть использовано судами при принятии решений.

Таким образом, понятие справедливости в англосаксонском праве тесно увязано с культурно-историческим контекстом развития общества и не носит (по меньшей мере теоретически) сиюминутного характера. Отсюда же — апелляция к «правилам», существующим параллельно «законам», но не нарушающим последних, а как бы проясняющим волю законодателя.

Теперь посмотрим, чем характерна система рейнского капитализма, называемая также «социальным капитализмом». Здесь основной идеей является сбалансированное сочетание рыночной экономики и социального государства. Эта модель ставит на первый план интересы не только бизнеса и капитала, но также трудящихся, учитывая при этом цели общественной политики.

Рейнская экономика строится на следующих принципах:

1. Компромисс между работниками и работодателями. Структуры управления предприятия включают в себя представителей работников, участвующих в принятии решений и ведении переговоров по вопросам оплаты труда, условий работы и другим социальным моментам.

2. Опережающие социальные меры. Государство активно регулирует экономику, вводя законы, защищающие работников и социальные группы с низкими доходами. Это может включать такие меры, как социальная помощь, страхование от безработицы и медицинская страховка.

3. Развитая система профессионального образования. Рейнская экономика предполагает наличие высококвалифицированных работников, что достигается за счет развития системы профессионального образования и повышения квалификации трудовых ресурсов.

4. Государство активно инвестирует в развитие инфраструктуры и социальных услуг, таких как жилье, транспорт, здравоохранение и образование.

В целом, рейнская экономика является моделью социально ориентированной рыночной экономики, учитывающей интересы различных социальных групп.

Рейнская экономическая модель развивалась прежде всего в Германии и Франции, позже — в других странах романо-германского права

(континентальная Европа, включая Россию, а также бывшие колонии континентальных держав). Это право, в отличие от англосаксонского, строго кодифицировано.

Романо-германская правовая система основана на законе, который определяется законодательными органами и фиксируется в письменной форме. Здесь акцент делается на изучении закона и его понимании через правовую теорию и общую науку о праве. Это отличается от системы англосаксонского права, где больше внимания уделяется изучению прецедентов.

В романо-германской системе права судьи ответственны за применение закона, но не за его создание. Также большое значение придается письменным доказательствам (письма, контракты, свидетельства и прочие документы). Важность устных свидетельств и показаний свидетелей не так велика, как в англосаксонском праве.

Однако, отметим, что не все страны, в которых частично действует система англосаксонского права, однозначно следуют англосаксонской экономической модели (напр. Индия, Пакистан, ЮАР, Нигерия, Израиль, Филиппины). Одна из причин этого в том, что англосаксонская неолиберальная модель рассматривается многими идеологами социального капитализма (или социального государства) как разновидность непроизводительного спекулятивного капитализма, где доминирует мотив кратковременной прибыли. Рейнская социальная модель, напротив, характеризуется (в идеале) ори-

ентацией на долгосрочные интересы и устойчивое производство.

В неолиберальной экономике, в ходе борьбы за рыночное доминирование, большое значение имеет практика слияния предприятий и поглощения более слабых конкурентов. Соответственно, предприятие или фирма здесь не рассматривается как некое стабильное образование, учитывающее интересы акционеров, руководства компании и наемных работников, а понимается как товар, т.е. исключительно как носитель рыночной стоимости, из которой следует извлечь максимальный доход.

Если в англосаксонской экономике основную роль играют фондовые биржи, то как в континентальной — банки, владеющие значительной долей капитала компаний. При этом сами компании, в свою очередь, являются акционерами крупных банков (т.н. «перекрестное владение акциями»). Здесь также большое значение играет система «соправления», когда главными органами управления на предприятии выступают правление, наблюдательный совет, а также совет предприятия, куда входят представители наемных работников.

Но не все так однозначно с точки зрения экономической эффективности той или иной модели. Рейнская модель, в принципе, соответствует требованиям развития индустриального общества. Ее фундаментальные начала были разработаны в Германии еще до Второй мировой войны. К ней, в частности, восходят и социальное государство Бисмарка, и национал-социализм Третьего рейха, и послевоенное чудо Западной

Германии (экономическая политика Л. Эрхарда).

Однако, после распада мировой системы социализма советского типа, совпавшего с началом перехода мира в фазу постиндустриального развития, эффективность рейнской модели начала снижаться в пользу англосаксонской (неолиберальной), стимулирующей большую динамику в плане глобального трансфера инвестиций, предприятий и рабочей силы. Это привело к деиндустриализации промышленно развитых стран, в том числе — англосаксонских. Под вопрос встало экономическое благосостояние не только рабочего класса, но и существенной части среднего класса как такового. Ответом послужило зарождение широкого международного движения против неолиберальной корпоративной глобализации (т.н. антиглобалисты). Причем родиной этого движения стали именно США, где высокообразованная интеллигенция вовремя смекнула, «куда ветер дует».

Одним из триггеров этого движения стала книга профессора Гарвардской Школы Бизнеса и общественного активиста Дэвида Кортена, написавшего программную книгу «Когда корпорации рулят миром» (When Corporations Rule the World, 1995). Причем корпорации тут понимаются как инструменты не национальных, а международных финансовых структур, неподконтрольных национальным правительствам (т.е. недемократических) и перехватывающих управление ресурсами отдельных государств у местных индустриальных элит. Соответственно, обслуживающий этих корпорации персонал не

может считаться частью национального среднего класса, ибо его прибыли не зависят напрямую от баланса национальной экономики.

Но в континентальной Европе, где в начале 90-х царил кризис левой идеологии, восприняли антиглобализм как очередной этап борьбы против капитализма в целом и постарались превратить в форму неомарксизма, совершенно не понимая экономической логики англосаксонских активистов. Те же, в свою очередь, переиначили традиционный марксизм в аналитический, делая упор на изучение классической английской экономики и вынося за скобки две другие фундаментальные (согласно Ленину) составляющие марксизма: немецкую классическую философию и французский утопический социализм.

Тут мы можем прочертить еще одну разделительную линию между англосаксонской и евроконтинентальной культурами. В англосаксонских странах доминирует т. н. аналитическая философия, тогда как в странах континентальной Европы (включая Россию) — континентальная.

Аналитическая философия выделяется акцентом на анализ языка и логики высказывания, поскольку многие философские проблемы возникают именно из-за неясности терминов, используемых для их описания. Отсюда склонность аналитических философов к изучению логики мышления, семантики, эпистемологии (теории познания) и онтологии (теории бытия). Здесь основное внимание уделяется различным формам аргументации и доказательств, а так-

же исследованию логических структур, используемых в философских аргументах.

Континентальная философия занимается широким кругом философских тем, включая метафизику, феноменологию, герменевтику, социальную и политическую философию, философию искусства и т. д. Она также отличается от аналитической философии склонностью к абстрактно-спекулятивному подходу и обращает много внимания на исторический и культурный контекст, породивший соответствующие философские темы.

В настоящее время, особенно в последнее десятилетие (2013–2023), системный конфликт между двумя моделями экономического развития, англосаксонской и рейнской (евроконтинентальной) серьезно усилился. Причин этому несколько, в том числе: достижение потолка рентабельности долларовой экономики, кризис индустриального производства в странах англосаксонского ядра, экономическое усиление Китая как фактического лидера глобализации.

На фоне всего этого, совершенно не удивительно, что президент Трамп (2016–2020) открыто объявил о новом курсе возвращения Америке ее былого величия, прежде всего — экономического: «Make America great again»! Что подразумевает, прежде всего, реиндустриализацию Соединенных Штатов. Поэтому Трампа и стали называть «антиглобалистом». Но это именно антиглобализм американского среднего класса, а не европейских леваков, выступающих против капитализма как такового.

Наиболее драматическим образом неолиберальная корпоративная глобализация отразилась на экономике постперестроечной России — стране традиционных континентальных ценностей (экономическая модель германского типа, традиции романо-германского права и континентальной философии). В период ельцинского правления здесь был взят курс на переформатирование всей экономики по англосаксонским «спекулятивным» лекалам, однако с приходом Путина страна постепенно перешла на рельсы государственно-монополистического капитализма, сближающего ее с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии (включая Китай).

Сегодня, повсеместно и в полный рост, встает проблема поиска принципиально новой экономической модели, способной примирить все назревшие противоречия, в результате которых действующий мировой порядок оказался под угрозой.

Одним из ответов на эти вызовы стал проект т.н. инклюзивного капитализма — экономической системы, в которой должны учитываться интересы не только непосредственно заинтересованных в успехе предприятия акционеров (stockholder model), но также всех соучастников, включая косвенных, производственного процесса (stakeholder model). Однако, как указывают правоведы, если понятие «акционера» определяется вполне однозначно, то понятие «соучастника» юридически очень размыто, что позволит руководству компаний игнорировать интересы стейкхолдеров в пользу стокхолдеров.

Идея инклюзивного капитализма, озвученная основателем и бессменным руководителем Даосского форума Клаусом Швабом и поддержанная папой римским Франциском, является, по сути, попыткой совместить в единой системе принципы англосаксонской модели, исходящей из приоритета акционеров, с социальным капитализмом рейнского типа, где преимущество имеют все соучастники экономической системы, включая широкие круги потребителей. А пока конкретные схемы инклюзивного капитализма не заработали, в мире продолжается раскол мнений, интересов и политических стратегий.

Возможно ли, в этой связи, новое возвращение социализма как системной оппозиции капитализму? Если под социализмом понимать государственно-монополистический капитализм, имеющий сегодня место в Китае, а также, по факту, действовавший в СССР (государство-корпорация с внутренними корпоративными ценами), то он никуда и не уходил. Просто в советской модели развития производственные факторы земли и капитала максимально игнорировались в общей концепции народно-хозяйственной практики в пользу фактора труда.

Однако, советская модель — это тоже модель, прежде всего, индустриального развития, а действующие в ней три основных фактора производства — труд, земля и капитал — были зафиксированы еще Адамом Смитом. Каждый из этих факторов имеет своего монополиста-бенефициара в лице отдельного класса, а политическая идеология каждого из

них известна как лейборизм (труд), консерватизм (земля) и либерализм (капитал). В странах континентальной Европы лейборизм получил название социализма. Отсюда — идея о трудовом государстве и диктатуре пролетариата. В иных случаях можно говорить о диктатуре помещиков (консерваторы-землевладельцы) или капиталистов (либералы как представители торгово-промышленного капитала).

В наше время появились новые производственные факторы и соответствующие им классы: предпринимательская способность (наемные менеджеры), недра (сырьевики) и финансовый капитал (инвесторы). Кроме того, если раньше каждый производительный класс выступал своеобразным монополистом своего производственно-факторного ресурса (рабочие не имели счетов в банках или недвижимости, земельная аристократия не работала на предприятиях и считала торговлю чем-то порочным, а ростовщикам запрещалось земледелие), то сегодня все сместилось в сторону большей экономической свободы и радикального реформирования структуры доходов населения, участвующего в процессе общественного производства.

Соответствующим образом изменилась и политическая идеология различных классов, причем она перестала соответствовать классическим канонам социализма, консерватизма и либерализма индустриальной эпохи. Это порождает сложности с определением как современных производительных классов, так и их политических целей. Причем новые классы выступают своеобразными

социальными антагонистами своих исторических предшественников: наемные менеджеры против пролетариата, владельцы сельскохозяйственных угодий против сырьевиков, индустриальный капитал против финансового.

Остроту с определением новой экономической модели, адекватной вызовам современности, усиливает наметившаяся милитаризация глобальной экономики. С одной стороны, это означает реиндустриализацию англосаксонских держав за счет континентальных (напр. перенос в США производств из Германии и Китая), с другой — бунт континентального производителя против своих элит, являющихся частью глобальной неолиберальной корпоратократии. При этом, реиндустриализация играет против интересов корпоратократии, стремящейся сохранить свои прибыли любой ценой. Системный конфликт между республиканцами и демократами в Америке — одна из граней этого противостояния.

Военные заказы — идеальное средство развития тяжелой промышленности и научно-технического потенциала страны. А если речь идет о международном военном сотрудничестве, то здесь свой шанс к выживанию видит и наднациональная корпоратократия, выступающая в роли эффективного менеджера процесса. Отсюда — повсеместная интенсификация военного сектора — как на национальном, так и интернациональном уровнях. В первом случае можно видеть примеры таких стран, как Китай, Индия, Россия, Иран, Пакистан, Япония, Южная Корея, Тайвань, Израиль, ОАЭ. Во втором — консолидирован-

ные экономики военных блоков, прежде всего НАТО и AUKUS. Уровень милитаризации экономики во всех странах разный, в зависимости от участия их в текущих военных конфликтах. А поскольку тенденция к большой войне в Евразии нарастает, то растут и военные бюджеты государств.

Война — традиционная форма разрешения экономических и общественно-политических противоречий. Тут как в подсечно-огневом земледелии: чтобы подготовить поле к новому урожаю, нужно на корню выжечь всю старую растительность. Но при этом не следует уничтожать сельскохозяйственный инвентарь земледельца и его жилье. Так и здесь: наука и жизненно важные ресурсы должны оставаться интактными. Поэтому целью современной большой войны может быть продолжительный широкомасштабный военный конфликт, без его перехода в апокалиптическую фазу. Это в теории.

На практике все гораздо сложнее. Милитаризация экономики требует ее социализации, а это означает серьезный крен в сторону рейнской модели, экстремальной формой которой является модель национально-социалистического характера («социализм с национальным лицом», будь оно китайское, немецкое или русское). Вторая Мировая война как раз представляла собой, в значительной степени, столкновение милитаризованных социалистических экономик Третьего рейха и СССР. Странам свободного мира (США и Британ-

ской империи) тоже пришлось прибегнуть к существенному усилению государственного регулирования своих экономик, однако, обошлось без радикального закручивания гаек.

Как будет на этот раз? Приведет ли текущая реиндустриализация к последующему вытеснению промышленного капитала финансовым? Или будут найдены новые эффективные модели народно-хозяйственного развития, в том числе — в рамках складывающихся региональных блоков и валютных зон? Учитывая уровень развития современного хай-тека, а также растущего потенциала хай-хьюма (high-hum — гуманитарные технологии управления человеческой деятельностью), перед миром открываются небывалые возможности «объективного контроля» в пределах всей сферы финансово-экономической, ресурсно-добывающей и социально-правовой деятельности человека. Это, в свою очередь, с помощью программ искусственного интеллекта может быть оптимизировано в рамках допустимых пределов потребительской нагрузки на планету.

По всей видимости, готовых рецептов выхода из текущего кризиса нет ни у кого. Однако, рост экономической грамотности населения должен способствовать складыванию нового конструктивного консенсуса в общественном сознании хотя бы в передовых, с точки зрения инновативных технологий, странах. А остальные, как говорится, подтянутся. Или их подтянут...

«ПРОБЛЕМА СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО ПУТИН НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЧИТАТЕЛЕМ, ОН НЕ ЗНАЕТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ОН НЕ ЧУВСТВУЕТ РУССКУЮ ДУШУ».

Интервью с Ч. Руудом

Чарльз Рууд в течении пятидесяти четырех лет преподавал в Университете Западного Онтарио (Лондон, Канада). Более сорока раз посещал Москву и Санкт-Петербург для работы в архивах. Его книги посвящены тому, как либеральные идеи влияют на авторитарное общество. В интервью он отвечает на вопросы «Исторической Экспертизы» о своих впечатлениях о Советском Союзе и современной России, о судьбах русской культуры.

Ключевые слова: американский ученый, Советский Союз, Россия, менталитет, демократические свободы, либеральные ценности.

Сведения об авторе: Чарльз Рууд, профессор Департамента истории Университета Западного Онтарио (Канада).

Контактная информация: ruudchuck@gmail.com

“THE PROBLEM IS I THINK PUTIN IS NOT A READER, HE DOES NOT KNOW RUSSIAN CULTURE, HE DOES NOT FEEL THE RUSSIAN SOUL”. Interview with C. Ruud

During the 54 years Charles Ruud taught at the University of Western Ontario in London, Canada, he made over 40 trips to Moscow and St. Petersburg to conduct research in Russian archives. His books have concentrated on the the influence of liberal ideas in an authoritarian society. In an interview, he answers the questions of "Historical Expertise" about his impressions of the Soviet Union and contemporary Russia, about the fate of Russian culture.

Key words: American scientist, Soviet Union, Russia, Russian culture, mentality, democratic freedoms, liberal values.

About the author: Charles A. Ruud, Professor, Department of History, University of Western Ontario (Canada).

Contact information: ruudchuck@gmail.com

Автор книг: Fighting words: imperial censorship and the Russian press, 1804–1906. University of Toronto Press, 1982; Russian entrepreneur: publisher Ivan Sytin of Moscow,

© Историческая Экспертиза, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-18-25

1851–1934. McGill-Queens Presss, 1990. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М.: Терра, 1996; Fontanka, 16: the tsars' secret police. McGill-Queen's University Press, 1999. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993; The constant diplomat: Robert Ford in Moscow. McGill-Queen's University Press, 2009; My life for the book: the memoirs of a Russian publisher by Ivan Dmitrievich Sytin. McGill-Queen's University Press, 2012.

ИЭ: Ян Ассманн утверждает, что коммуникативная (семейная память) в современном обществе охватывает не более трех поколений (80–100 лет). Какова глубина вашей семейной памяти?

Ч.Р.: Моя семья родом со Среднего Запада, из Миннесоты. Это «скандинавский регион». Мой дед приехал из Норвегии, моя бабка — из Германии. Их старший сын, мой отец, стал печатником. Он хотел, чтобы я тоже стал печатником, но я решил стать историком России и начал учить русский язык, который я очень люблю, так как он является системным и логичным. Я считаю, что в результате изучения русского языка мой английский улучшился. Еще одна огромная удача моей юности, что я женился на Марджи, предки которой приехали в Америку из Швеции. Я сконцентрировался на изучении цензуры в Российской империи и к настоящему времени написал шесть книг.

ИЭ: Почему вы занялись исследованием России?

Ч.Р.: Это серьезный вопрос! Я сам удивляюсь этому. Возможно, это связано с тем, что в то время был особый интерес к России, когда мы обнаружили, по меньшей мере мы так считали, что между русскими и американцами существует большое сходство. Так большинству рус-

ских и американцев присуще чувство юмора. Не знаю, согласитесь ли вы с этим, но, по моему мнению, было интересно узнать, как возникло это гармоничное сходство между двумя великими народами, чем это было вызвано, к чему это привело и какое влияние это оказало на мир. Эти моменты сходства привлекли меня к изучению России. Я решил специализироваться на русской истории в тот момент, когда решил стать академическим исследователем. Поэтому я начал уделять все большее внимание этой сфере и постепенно стал заниматься исключительно российскими исследованиями. Другие темы мне тоже были интересны, но русская история обладала неотразимой привлекательностью. Мне нравятся русские. Таковы были мои мысли о моем выборе научной специализации все это время. Я поступил в Уилламеттский университет (Willamette University) в городе Сэйлем (Орегон) в 1951 и закончил его в 1955.

ИЭ: Были ли среди ваших университетских профессоров русские?

Ч.Р.: Да, наиболее интересные профессора были эмигрантами. Они приехали в Америку, начали преподавать в университетах и стали весьма влиятельными учеными и преподавателями. Прежде всего, я вспоминаю Михаила Михайловича Карповича. Это был замечательный человек и замечательный ученый.

Когда я обучался в аспирантуре в Гарвардском университете, я посещал его занятия с огромным энтузиазмом. После Февральской революции он работал в структурах Временного правительства. После захвата власти большевиками он преподавал в Гарварде. Для меня встреча с этим выдающимся ученым носила судьбоносный характер. После Карповича я не встречал никого, кто обладал бы такой способностью формулировать исследовательские проблемы и находить пути к их пониманию, не теряя при этом чувства юмора. С тех пор я понял, что юмор — это отличительная черта людей демократических убеждений. У нас у всех есть опыт общения. Когда вы говорите с людьми демократических взглядов, возникает настоящий разговор. А когда общаетесь с личностями авторитарного типа, разговор всегда носит какой-то сомнительный характер. Попробуйте, например, представить нормальное общение с Трампом? Это невозможно.

ИЭ: Рассказывал ли Карпович студентам о пережитом во время Русской революции?

Ч.Р.: Карпович ничего не рассказывал о себе. Его курс был посвящен преимущественно русской литературе. Русская литература стала частью пробуждения во мне интереса к научным занятиям. Я был просто сражен Гоголем, Тургеневым, Толстым и множеством других русских авторов. Передо мной открылся поистине волшебный мир. И в моих собственных учебных курсах я прилагал много усилий, чтобы побудить у студентов интерес к чтению Толстого и Гоголя. Я считаю, что Гоголь самый

смешной из всех известных мне авторов. Он одновременно в высшей степени мудрый и занимательный. Какой великолепный взгляд на жизнь!

ИЭ: Могли бы вы рассказать о своих стажировках в Советском Союзе?

Ч.Р.: Я приехал первый раз в Россию по программе научного обмена Айрекс (IREX) в 1966, через год после защиты диссертации в университете Беркли. После этого я посещал вашу страну много раз. И для меня это было в высшей степени восхитительное место. В то время многие американцы считали, что Америка должна стать мягче в отношении с Советами. Позднее я узнал, что часть русских считала, что Россия должна перестать проводить жесткую политику против Америки. Т.е. мы мыслили сходным образом. Когда я приехал впервые в Советский Союз, я считал, что знаю русский, но скоро выяснилось, что моих знаний недостаточно для непринужденного общения. Звучание разговорного русского меня удивляло до тех пор, пока я им не овладел. Таким образом первый год ушел на изучение русского, на понимание того, как работать в русских архивах, на привыкание к жизни в Москве. Все это мне удалось успешно осуществить, и, хотя часть моих знакомых считали меня сумасшедшим, я решил опять поехать в Россию, поскольку я был поглощен русскими исследованиями. Вернувшись в Советский Союз, я засел за работу в архивах. Это был вызов, но я с ним справился. Главной темой моих архивных разысканий в СССР была история цензуры. Когда я встретил в архиве одного бол-

гарина, он сказал мне: «Непонятно как советские власти разрешают вам заниматься цензурой, вас должны были депортировать». Это было своего рода свидетельство изменений, происходивших тогда в общественной жизни России, поскольку они позволили мне работать в архивах. Это было начало моей карьеры исследователя.

ИЭ: Кто был вашим наставником в России?

Ч.Р.: Согласно условиям студенческого обмена, каждому из нас выделялся наставник по обучению русскому языку. Со мной индивидуально занимался Борис Константинович Зарянко. И это отличалось от американского опыта языковой подготовки, где все студенты вместе занимались с одним преподавателем. Каждую встречу с Зарянко мы прорабатывали одну тему, пока я ее не осваивал. Это был очень продуктивный подход.

ИЭ: С кем из русских ученых вы сотрудничали во время первых стажировок в Советском Союзе?

Ч.Р.: Моим научным руководителем был Петр Андреевич Зайончковский. Он меня направлял, но не давил, предоставлял возможность самому найти свой путь. Петр Андреевич периодически встречался с американскими стажерами, я время от времени сам приходил к нему, чтобы пообщаться. Он был непревзойденным знатоком архивов. Это был серьезный ресурс для моих занятий, и я с большой пользой для себя следовал его указаниям. Петр Андреевич, несомненно, был либеральным

исследователем, несмотря на то, что в Советском Союзе либералам жить непростое. Трудно сказать, как ему это удавалось, но удавалось. Он написал интересные книги. Конечно, они отличались от тех, что мы писали в Америке. При этом они были в высшей степени глубокими и насыщенными подробностями. Я многому научился из них. Таким образом, он стал моим вдохновителем и проводником по русской истории.

ИЭ: Было ли ваше общение с Зайончковским и другим советскими исследователями ограничено исключительно профессиональными темами, или вы обсуждали и другие вопросы?

Ч.Р.: Насколько я помню, наше общение носило человеческий характер и отличалось от официально принятого в советском обществе. При этом мы понимали, что следует быть осторожными и не заходить слишком далеко, памятуя об ограничениях, в соответствии с которыми были вынуждены работать советские исследователи. Для меня было чрезвычайно ценным обнаружить, что даже при плохой системе можно делать хорошие вещи. Для меня это было откровением, поскольку, направляясь в Советский Союз, я считал, что в условиях диктатуры я должен быть осторожным, что здесь ничего нельзя сделать, но выяснилось, что нам удалось сделать многое. Это, по моему мнению, специфическая черта России: с одной стороны, вы демонстрируете, что являетесь сторонником режима, а с другой – свидетельствуете, что сторонником режима не являетесь. Мне нравится этот опыт.

ИЭ: Могли вы обсуждать с вашими советскими приятелями проблемы советской жизни, например, ограничения свободы слова?

Ч.Р.: Нельзя сказать, что это было невозможно, но, как мне вспоминается, это всегда наводило на размышления. Я никогда не просил их заявлять, что они являются либералами, при этом наши разговоры шли в либеральном направлении. Если они спрашивали меня о жизни в Америке, я старался отвечать таким образом, чтобы не возникало впечатление, что я критикую советский образ жизни. Таким образом, это была тонкая игра и это было прекрасное развлечение. Часть моих американских коллег имели проблемы, поскольку заходили слишком далеко. Одного или двух даже выдворили из страны. Это был урок для всех нас: надо уделять основное внимание своей научной работе, делать то, что позволено, и не валять дурака. Я не выходил за пределы программы моего исследования. В этом не было вины русских. Это было вызвано теми нормами, которые устанавливало советское правительство.

ИЭ: В Советском Союзе вы встречались со своими сверстниками — молодыми учеными. Подружились ли вы с кем-то из них?

Ч.Р.: Это сложный вопрос. В общении Московского университета моим соседом по комнате был Юрий, бывший офицер советской армии. Целыми днями он валял дурака, после обеда обычно шел пить пиво с друзьями. Однажды приехала его мать навестить сына и сказала ему: «Юрий, почему ты не можешь быть

похожим на этого американца?» Но он не хотел этого. Я не упрекаю его, он прекрасно проводил время. Я часто поражался тому, что он вытворял, но, увы, не могу обо всем этом рассказывать. Помню, как на Рождество я поехал в Германию, чтобы встретиться там с членами моей семьи. Когда я вернулся, то обнаружил, что Юрий пригласил некую даму жить с ним в нашей комнате и они заняли мою кровать. Это придавало жизни дополнительный интерес. Я отвоевал свою кровать и жил остаток учебного года в Москве. Таким образом, во время моей первой годовой стажировки в Московском университете, Юрий был мой самый близкий советский знакомый. Тогда же я получил разрешение поехать в Ленинград, где был хороший архив. На самом деле ленинградский архив был более полезен для моих занятий, поскольку в нем было много правительственных документов.

ИЭ: Вы помните своих ленинградских коллег?

Ч.Р.: Я хорошо помню Бориса Львовича Канделя, с которым мы подружились. Время от времени мы встречались и беседовали в тогдашней Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Публичке). Кандель, с одной стороны, хотел общаться с американцем, но с другой — побаивался этого. Помню, что однажды, когда мы беседовали с ним в библиотеке возле окна, он вдруг внезапно сменил тему, так как к нам приблизился православный священник. Кандель потом сказал мне: «Вы должны быть осторожны. Никогда не знаешь, кто к тебе подходит и что у него на уме». Это был важный

урок для меня. Многие священники были тогда под контролем КГБ. Видите, как много я узнал о советской жизни и о русских за время пребывания в Советском Союзе. Вспоминаю, что если мы хотели пообедать, то обычно было необходимо выстоять очередь. И для того, чтобы войти в библиотеку, приходилось порой стоять по полчаса. Войдя в библиотеку, тоже надо было сохранять осторожность, так как наряду с генеральным каталогом был еще служебный каталог. Как-то я по ошибке зашел в служебный каталог и стал просматривать карточки. Ко мне тут же подошел сотрудник библиотеки и сказал, что у меня нет права находиться в этом помещении. Это было очень странно. В читальных залах дежурные каждый час открывали форточки, чтобы проветрить помещения, и в это время большинство присутствующих шли курить. Я помню русские папиросы. Раз я попробовал. Хочу сказать, что не стоило этого делать. И мне никогда не приходило в головы пойти пить пиво среди бела дня, как делал мой сосед по общежитию. Но я заметил, что русские любят пиво.

Уже в постсоветское время я пригласил моих друзей навестить меня в Санкт-Петербурге. Они приехали и почему-то не стали получать удовольствия от местной жизни. Они не могли понять, как надо вести себя в России. Мы решили поехать из Москвы в Санкт-Петербург. Когда я предложил ехать на поезде, один из друзей спросил, почему мы не можем полететь на самолете. Я ответил, что смотреть на Россию надо не сверху, а с земной поверхности. И мы поехали на поезде.

ИЭ: Вы были в Советском Союзе много раз. Могли вы предположить, что начнется Перестройка, когда не диссиденты, а руководитель коммунистической партии начнет процесс рыночных преобразований советского общества? Было ли это сюрпризом для вас?

Ч.Р.: В целом это не стало для меня сюрпризом. Я тогда думал, что русские сейчас способны стать самими собой. Мой основной вывод был, что сейчас проявляется истинная индивидуальность русских, теперь они могут быть честны перед собой. В этом я видел оправдание моих представлений, что русские в реальности весьма схожи с американцами. У нас было, о чем говорить, мы могли легко общаться друг с другом. Теперь мы, как американцы, могли не думать о том, что русские стремятся нас уничтожить. Это было великолепно. Это был замечательный опыт моей жизни.

Очень интересно было тогда наблюдать за русскими. Я помню одну сотрудницу архива. До Перестройки, когда власть держала всех в кулаке, она носила темную одежду и собирала волосы в строгий пучок на затылке. Когда начались послабления, та же самая дама стала носить платья, вышитые цветами, носить свободную прическу и использовать макияж. Это был другой человек. Стала проявляться ее истинная индивидуальность. Это было невероятное изменение личных свойств людей.

ИЭ: К сожалению, время свободы быстро закончилось. Сейчас мы видим, как «брежневский» стиль умеренного авторитаризма раннего

правления Путина сменился квази-«сталинской» диктатурой позднего путинского режима. Часть западных интеллектуалов, в том числе даже некоторые ученые, считают, что классическая русская культура, включая Пушкина, Достоевского и Бродского, является ретранслятором антилиберальных ценностей, и обвиняют названных авторов в том, что они несут ответственность за преступления, совершенные российскими солдатами в Украине. Согласно их точке зрения, необходима повсеместная отмена «токсичной» русской культуры. Что вы думаете по этому поводу?

Ч. Р.: Это нонсенс. Я считаю, что русская культура охраняет и питает демократические идеи. Чтобы убедиться в этом, надо относиться к ней бережно. Я вовсе не считаю, что русская культура каким-то образом покровительствует авторитаризму. Я думаю, что Михаил Карпович обязательно оспорил бы такое утверждение. Он был одним из величайших русских либералов и чувствовал Россию изнутри. Те, кто делают заключения о русской культуре на основании того, что сейчас Россией правят авторитарные личности, вроде, Путина, исходят из ложной посылки. Они не понимают, что такое быть настоящим русским. Я считаю, что проблема состоит в том, что Путин не является читателем, он не знает русской культуры, он не чувствует русскую душу. Это величайшая трагедия для него, для его страны и для мира в целом. Я понимаю русских по-другому. Например, вспоминаю, как Зайончковский выступал перед студентами в Ленинградском университете. Все тогда понимали, что

это либеральная личность, ограниченная обстоятельствами, но, тем не менее, истинный представитель русского духа. Думаю, что это надо иметь в виду.

ИЭ: И последний традиционный вопрос о ваших научных планах?

Ч. Р.: Моя первая книга была о цензуре. Потом я стал искать либералов и нашел их. Одним из них был Иван Сытин, знаменитый русский издатель. Он создал замечательную типографию в Москве, где публиковал великолепную газету «Русское слово». Он знал, как действовать в условиях политических ограничений. Среди сотрудников его газеты был прекрасный писатель и журналист Влад Дорошевич. Его публикации насыщены демократическими идеями. Это был мудрый мастер сатиры, который умел доносить до публики свои симпатии, обходя цензурные ограничения. Это был истинный русский интеллигент. Наряду с Дорошевичем Сытин собрал в своей газете плеяду блестящих писателей и иллюстраторов. Одним из них был писатель и священник Григорий Петров, который мог не только молиться, но и писать прекрасные статьи. Сытин и его авторы были либералами. Эти господа были чрезвычайно интересными, привлекательными и, смею думать, они были русскими.

Сейчас я работаю над книгой о другом великом русском, Николае Пирогове. Он начинал как убежденный поклонник мыслителей Просвещения. Это были прекрасные рационально мыслящие люди XVIII века, которые представляли мир в виде системы механизмов. После того как

Пирогов влюбился, его взгляды стали меняться, он начал склоняться к философии и романтизму. Меня весьма заинтересовала эта комбинация хирурга, который занимается ампутациями, и философа, с позитивными взглядами на мир. Таким образом, он не утратил способности рационально понимать конкретные проблемы, но добавил к этому благоприятное отношение к абстрактным идеям. Он женился на прекрасной женщине, но она, к сожалению, рано умерла, и поэтому он женился во

второй раз. От первой жены у него было двое детей. Он знал, как жить, он знал, как обращаться с женщинами, он был замечательным человеком, который решал сложные проблемы мироустройства и умел их верно понимать. Думаю, что именно это я хотел отразить в рукописи моей книги. Сейчас она находится в издательстве, и мы скоро увидим, что из этого выйдет.

ИЭ: Большое спасибо за ваше интервью

А. Ю. Перетьяко

МЕЖДУ НАУКОЙ И МИФОМ: НАБЛЮДЕНИЯ НАД КОНСТРУИРОВАНИЕМ ИСТОРИЙ ПЯТИ ПОСЕЛЕНИЙ ЮГА РОССИИ В 2010–2020 гг.

Статья посвящена проблеме конструирования локальной истории (истории населенного пункта). Рассмотрев пять примеров конструирования подобной истории населенных пунктов Юга России, автор приходит к выводу, что подобные истории не просто часто создаются авторами-любителями, местными краеведами, но и в жанровом отношении зачастую предполагают не научное исследование, но конструирование социально ориентированного мифа. Такого рода конструирование может принимать различные формы: от почти открытой фальсификации прошлого, оправдываемой востребованностью результатов этой фальсификации, до компиляции разнородных сведений о локусе, с акцентом на привлекательные для местных жителей сюжеты, даже если они не вполне достоверны (причем сложные сюжеты могут упрощаться ради привлекательности). По мнению автора, социально ориентированные нарративы по истории локуса искажают у слабо подготовленного читателя представление о истории, формируя убежденность в том, что историческое исследование подчинено не принципам научности и объективности, но интересам общества, представители которого (чиновники и неподготовленные читатели) определяют ценность исследования. Любопытно определенное сходство между подобным подходом авторов-любителей и концепциями В. Р. Мединского. В то же время разбор работ профессиональных историков, выполненный в статье, показывает, что механическая замена социально ориентированного нарратива по истории локуса на нарратив научный едва ли возможна: локальному читателю нужна не сухая научная история, но привлекательный исторический миф. Автор приходит к выводу, что проблемы местной

истории и вообще попытки непрофессионалов писать историю, оставаясь в рамках общепринятых представлений о прошлом и не впадая при этом в «фольк-историю», нуждаются в дальнейшем исследовании, поскольку они влияют на историческую память и на положение исторической науки в обществе.

Ключевые слова: историография, локальная история, историческая память, локальная память, фальсификация истории

Сведения об авторе: Перетятко Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Южного федерального университета,

Контактная информация: ArtPeretatko@yandex.ru

A.Yu. Peretyatko

BETWEEN SCIENCE AND MYTH: OBSERVATIONS ON THE CONSTRUCTING OF HISTORIES OF FIVE SETTLEMENTS OF SOUTH RUSSIA IN 2010–2020

The subject of the paper is the problem of constructing local history (a settlement's history). Having reviewed five cases of constructing the history of settlements of South Russia, the author comes to conclusion that such narratives are not just created often by amateur authors, local historians, but their genre often also implies not scientific research, but constructing of a socially oriented myth. This way of constructing can assume varied forms: from nearly outright falsification of the past, justified by social requests for such falsification, to a compilation of heterogeneous information about the locus, making an emphasis on plots attractive for locals, even if they are not entirely reliable (and, in addition, complex plots might get simplified for attractiveness). In author's opinion, socially oriented narratives on the locus' history distort a poorly prepared reader's idea of history, forming a conviction that historical research is based not on the scientific principles and objectiveness, but on the interests of society whose members (officials and unprepared readers) determine the value of the research. It is significant that there is a certain resemblance of such kind of approach to the concepts of V. R. Medinsky. At the same time, the analysis of professional historians' works, realized in this paper, shows that the mechanical replacement of socially oriented narrative with the scientific narrative is hardly possible: local reader needs not dry scientific history, but an attractive historical myth. The author comes to conclusion that the problems of local history, and in general the attempts of non-professionals to write history whilst remaining within the accepted notions about the past and not falling into "folk history", call for further research, as they influence historical memory and the status of historical science in the society.

Keywords: historiography, local history, historical memory, local memory, falsification of history

Peretyatko A.Yu. — Cand. in History, Senior Lecturer, the Southern Federal University, Rostov-na-Donu

Contact information: ArtPeretatko@yandex.ru

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Как нужно писать историю? На этот вопрос пыталось ответить множество ученых-профессионалов, философов, социологов, и, конечно, историков. Между тем ежегодно сотни, если не тысячи людей, не имеющих представления не только об этих спорах, но и об истории как науке, выпускают работы, посвященные истории их родного локуса. Подобная ситуация сложилась достаточно давно: показательно, что одной из первых книг, написанных донскими казаками, стало «Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня» не имевшего никакого систематического образования есаула Е.Н. Кательникова (*Кательников 1886*). Сам по себе интерес к прошлому родного края, и, тем более, попытка открыть в этом прошлом новые, доселе не известные факты, бесспорно, заслуживает всяческого уважения, а пример книги Е.Н. Кательникова, которую и поныне изучают профессиональные историки, показывает, что любительский труд об истории родного локуса может пережить века и стать классикой региональной историографии (только в 2011 г. монографию о Е.Н. Кательникове опубликовал профессор ЮФУ Н.А. Мининков (*Мининков 2011*)).

Однако знакомство с современными текстами об истории отдельных поселений может вызвать у профессионального историка сложные чувства. С одной стороны, сама многочисленность работ подобного жанра, выполненных непрофессионалами,

показывает, что интерес к прошлому в современном российском обществе остается достаточно устойчивым. С другой стороны, качественный уровень данных работ оставляет желать лучшего. И, самое главное, наблюдается заслуживающий внимания социальный феномен: сообщества профессиональных историков и региональных краеведов зачастую существуют отдельно друг от друга, и многие тексты по локальной истории либо вовсе не подвергаются научной критике, либо эта критика остается не востребована читателями. Из рефлексий на этот счет нам представляется очень удачной идея С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, которые предложили разделять публицистическую «местную историю», представляющую собой «социально ориентированное историописание», связанное с «потребностями в поиске локальной идентичности», и научно ориентированную «новую локальную историю» (*Маловичко, Румянцева 2012: 15–16*).

Проблема, однако, заключается в том, что сложные отношения «новой локальной истории» (и вообще исторической науки) с «местной историей» (которую в отечественной традиции чаще зовут историческим краеведением) в современной России изучены сравнительно слабо. Значительная часть ненаучной «местной истории» предсказуемо существует за пределами тех мест, где проявляют профессиональную активность ученые-историки: авторы любительских нарративов по истории локуса публикуются в массовых газетах, издаются книги в ненаучных издательствах, а в качестве потребителей их продукции и почитателей выступают

местные библиотеки, школы и администрации. Соответственно, профессиональному историку достаточно просто не замечать, а, тем более, не изучать часто крайне сомнительные в научном отношении тексты по «местной истории». В результате «местная история» окончательно оказывается предоставлена сама себе и начинает порождать исторические мифы, от правдоподобных до откровенно фантастических. Мы бы хотели подчеркнуть, что это часто не вина авторов-любителей, а их беда: без специального образования и советов ученых трудно избежать многих ошибок.

Нам показалось интересным обратиться к конкретным случаям написания социально ориентированной истории локуса, при этом рассматривая такую историю одновременно с позиций исторической науки и социального успеха. Насколько вообще возможно создать работу, которая бы и формировала локальную идентичность у местного читателя и соответствовала требованиям к современному научному исследованию? Какие нарративы по локальной истории, своеобразные «истории поселений», наиболее успешны в обществе, а какие наиболее востребованы у историков? Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы обратились к пяти актуальным примерам (4 относятся к поселениям Ростовской области, 1 — к поселению Краснодарского края), каждый из которых раскрывает определенную проблематику истории локуса:

1) Конструирование локальной истории города Аксая В.Д. Гладченко и сторонниками его идей (откровенное мифотворчество с акцентом на социальный успех);

2) Конструирование локальной истории села Стефанинодара А.А. Мирошниченко и В.В. Назаренко (реальное открытие новых фактов закончилось публичным ненаучным конфликтом исследователей в связи с желанием каждого стать первооткрывателем даты основания села);

3) Конструирование локальной истории города Константиновска В.П. Граф (попытка реконструкции локальной истории исследователем-любителем превращается в кодификацию мифов и реальных фактов из-за неспособности различать их);

4) Конструирование локальной истории станицы Милютинской А.П. Скориком (профессиональный историк, четко противопоставляя себя краеведческой традиции, пишет научно-популярную книгу о локусе);

5) Конструирование локальной истории станицы Троицкой А.В. Дюкаревым и А.А. Шамарой (профессиональный историк выступает исполнителем заказа местного жителя, соотнося локальный миф и историю, пытаясь совместить их).

Разумеется, возможны и совершенно иные подходы к проблеме «местной истории», социально ориентированного историописания локуса. Однако нам хотелось раскрыть не теоретические построения, а именно реальный опыт историков-профессионалов и краеведов-любителей Юга России, относящийся к 2010–2020 гг.

И последние два предварительных замечания. Во-первых, часть наших наблюдений и оценок достаточно критичны по отношению

к известным любителям местной старины. Однако мы считаем крайне важным, чтобы откровенные оправдания фальсификации исторических событий и памятников встречали жесткий отпор хотя бы со стороны профессиональных историков. Должен критиковаться и непрофессионализм, ведущий к систематическим ошибкам и неточностям в историческом тексте. Во-вторых, мы будем регулярно обращаться к материалам, на которые профессиональные историки ссылаются не часто: к сайтам местных библиотек, администраций, к историческим статьям в региональных газетах и т. п. Это связано с самой тематикой нашей статьи: невозможно в полной мере понять создателей «местной истории», не обратившись к тем текстам, в которых их тексты получают положительные оценки.

«АКСАЙ — РОДИНА СЛОНОВ»

В 2004 г. в Ростове-на-Дону была издана книга «Аксайский район: история и современность» (Лобжанидзе 2004). Как порой бывает с книгами по локальной истории, издание вышло ярким, с богатым иллюстративным рядом, включавшим исторические фотографии. Вот только в 2009 г. рецензию на эту книгу с характерным названием «Аксай — родина слонов» опубликовал известный специалист по истории донского казачества П. А. Аваков (Аваков 2008: 184–190). Не будем перечислять всех отмеченных им ошибок, приведем только самые интересные. Нет никаких оснований считать, что персидский царь Дарий был в Аксайском устье, а апостол Андрей Первозванный — на территории города Аксай; этимоло-

гия слова «казак» остается спорной, но утверждение о том, будто бы оно означает «главный ас», мягко говоря, надумано; наконец, Аксайской епархии, к которой в книге был отнесен один из действующих священников, никогда не существовало и не существует (на 2004 г. всю территорию Ростовской области занимала Ростовская и Новочеркасская епархия РПЦ) (Там же: 184–190).

Общий уровень данной книги вполне ясен уже из этих ошибок. Однако для нас более интересны общие замечания П. А. Авакова о разбираемом нарративе. Он отметил, что по существу книга «Аксайский район: история и современность» представляет собой компиляцию из текстов разных авторов, причем полноценного концептуального отбора материала не проводилось: «Под одну обложку втиснуто и притянуто за уши все, что имеет, по мнению автора, отношение к истории Аксайского района» (Там же: 188–190). Составитель компиляции, В. Н. Лобжанидзе, фактически, не исследовал, а выдумывал историю описываемого локуса: «Автор тщился преувеличить историческую роль Аксая, пытался подыскать ему знатных предков в мифологии и древней истории, проецировал на его территорию события, происходившие совсем в других местах» (Там же: 188–190). И вердикт П. А. Авакова неутешителен: составитель, его консультанты и редакторы, в числе которых не было профессиональных историков, создали «эрзац-историю, грубую фальшивку» (Там же: 188–190).

Таким образом, мы имеем дело с предельно ненаучным и фантастичным вариантом конструирования ло-

кальной идентичности. Однако своего читателя книга нашла. Так, она упоминается наравне с полноценными научными исследованиями по донской истории на сайтах неприязнительных районных библиотек Ростовской области (Хронологические вехи б/д; Виртуальная выставка б/д). Но есть и более показательный сюжет. Одним из консультантов при написании книги «Аксайский район: история и современность» был авторитетнейший местный краевед и директор Аксайского военно-исторического музея В.Д. Гладченко (Лобжанидзе 2004: 411). На сайте Аксайской районной библиотеки он безапелляционно объявлен «создателем аксайской истории» (Создатель аксайской истории б/д). Из дальнейшего текста о В.Д. Гладченко следует, что «создал» он историю Аксая в том смысле, что сделал ее привлекательной для неподготовленного слушателя, связав со знаковыми фигурами российской истории: «Самые отпетые хулиганы слушали его, раскрыв рты. Оказывается, именно здесь, в Аксае, в заброшенном домике станционного смотрителя пил чай из самовара сам Пушкин. И Лермонтов, и Толстой, и композитор Алябьев» (Там же). Информация о том, будто бы А.С. Пушкин останавливался на аксайской почтовой станции, вошла и в книгу «Аксайский район: история и современность», а затем была полностью опровергнута П.А. Аваковым: как отметил профессиональный историк, вообще-то почтовая контора в Аксае была открыта только в 1841 г., а так называемое здание почтовой станции в этом городе — «квази-реконструкция почтовой станции XIX века, существование которой в том месте не подтвержда-

ется источниками» (Аваков 2008: 184–190).

Но, несмотря на критику П.А. Авакова, в 2018 г. в Ростове-на-Дону вышла еще одна книга, основанная на материалах В.Д. Гладченко и развивающая его спорные идеи, книга Ю.В. Трущелева «Аксайскому военно-историческому музею — 70 лет» (Трущелев 2018). Крайне показательна реакция на ее выход на страницах важнейшего издания донских краеведов, «Донского временника», в свое время опубликовавшего рецензию П.А. Авакова (т.е. редакция этого издания должна знать о сомнительности многих краеведческих «находок» В.Д. Гладченко). И вот что пишет краевед М.С. Джуныко в связи с сомнениями в достоверности музейфицированных В.Д. Гладченко «Почтовой станции XIX века» и «Таможенной заставы XVIII века» в Аксае: «Главное — сюда приводят экскурсии, здесь организывают выставки, экспозиции. Посетители оставляют благодарные отзывы, приезжают снова» (Джуныко 2019). Несколько другими словами ту же идею приоритета социальной востребованности над исторической достоверностью развивает литератор Э.А. Сокольский. Он приводит некоторые высказывания Ю.В. Трущелева, мягко говоря, полностью дискредитирующие В.Д. Гладченко как исследователя, а потом солидаризируется с мнением Трущелева: если бы у Гладченко и были «какие-то сомнения в военном прошлом объекта, то он держал бы их при себе. Потому что без соответственной “легенды” музей никогда не получил бы в пользование этот прекрасный уголок балки Малый Лог» (Сокольский

б/д). По мнению Э.А. Сокольского, речь вообще идет не о допустимости подлога исторических источников, а всего лишь о «литераторских» моментах, «вызывающие улыбку» (Там же). И вообще, оказывается, «дилетантские» пассажи лишь украшают книгу, придают ей эмоциональный градус «искренного равнодушия» (Там же).

Из подобных рецензий вполне видна значительная часть целевой аудитории «историй поселений». Это люди, которых в принципе мало волнует реальная история и поиск исторической истины, но которыми востребованы легенды о родном месте, делающие его историю более привлекательной и интересной. Соответственно, им нужны создатели истории их родного локуса в прямом смысле этого слова: люди, которые будут пытаться не реконструировать реальную историю, а создавать правдоподобные (или даже неправдоподобные) легенды, эту историю фальсифицировать и возвеличивать. Конечно, такие люди находятся не всегда. Однако и добросовестный автор «истории поселения», особенно если он не является профессиональным историком, зависим от своих читателей или склонен к поиску сенсаций, а потому легко может оказаться на границе (если не за границей) между научным исследованием и мифотворчеством, рискуя превратиться в комического персонажа.

«КРАЕВЕДЫ ОТКРЫТИЕ НЕ ПОДЕЛИЛИ»

Статья под таким названием вышла в 2017 г. в газете «Приазовье» (*Зенюк, Мирошниченко* 2018: 202–204).

Причиной ее появления стали следующие события. В том же году, несколько ранее, таганрогский краевед В.В. Назаренко опубликовал в «Донском временнике» статью «Именем Стефаниды» с подзаголовком «К 190-летию основания села Стефанидинодар Азовского района» (*Назаренко* 2017: 105–112). Хотя прямо дата основания села в тексте не указывалась, судя по контексту, он имел в виду 21 июля 1828 г., когда землю, на которой вскоре возникло поселение, купила помещица Стефанида Похвиснева (Там же: 105–112). Однако почти одновременно эту дату предложил считать основанием Стефанидинодара другой краевед, житель данного села А.А. Мирошниченко, выступив на сей раз уже в ненаучном, но более популярном у широкой публики издании, в местной газете «Приазовье» (*Назаренко б/д а*). А затем между двумя краеведами началась публичная дискуссия с обвинениями личного характера: выяснилось, что они работали над изучением истории села вместе, но поссорились, и теперь взаимно обвиняют друг друга в присвоении результатов исследований.

Для нас важна не личная дискуссия краеведов, а то, что они от нее быстро перешли к спору о том, когда был основан Стефанидинодар, причем этот спор сопровождался постоянными апелляциями к важности этого сюжета для исторической памяти местных жителей. А.А. Мирошниченко настаивал на том, что именно он, а не В.В. Назаренко, первым выявил дату основания села Стефанидинодар (21 июля 1828 г.), ссылаясь на то, что документ, содержащий эту дату, был обнаружен в Государственном

архиве Курской области именно им (Зенюк б/д). В. В. Назаренко, однако, внезапно сменил свое мнение на счет даты основания села и начал доказывать, что им выведена более научно обоснованная дата (1830 г.), когда на территорию будущего села были переселены первые крепостные (Назаренко б/д а). Он призвал современных жителей села отметить 190-летний юбилей в 2020 г., а 2018 год предлагал считать юбилеем другой важной даты, 115-летия передачи местным крестьянам помещичьих земель (Там же). Для понимания отношений этих двух краеведов с местными жителями показательна риторика В. В. Назаренко: «Подтверждением утраты помещиками последних барских владений является план земельного участка, перешедшего сельскому обществу, скан фрагмента из которого я преподношу в дар жителям Стефанидинодара с напутствием: “Знайте и помните!”» (Там же). Наконец, поддержавший А. А. Мирошниченко краевед Д. И. Зенюк решил вывести журнальную дискуссию на административный уровень, заявив, что попросит власти «официально утвердить 21 июля (2 августа по новому стилю) 1828 г. — датой основания села Стефанидинодар» (Зенюк б/д).

А. А. Мирошниченко и Д. И. Зенюк обратились к самим жителям села Стефанидинодар. Согласно официальным документам, 22 сентября 2018 г. сход жителей села, заслушав аргументы двух краеведов (но не их оппонента), единогласно постановил «считать дату основания с. Стефанидинодар Азовского района. Согласно заявителям данных писем — 21 июля 1828 года» (пунктуация сохране-

на) (Выписка 2018). Установление исторических дат голосованием заинтересованных в них непрофессионалов выглядит откровенно новаторским методом. Использование подобного хода в дискуссии возмутило В. В. Назаренко, он обратился к вышестоящим властям, и в итоге был созван круглый стол, на который, наконец, пригласили достаточно авторитетного профессионального историка, начальника отдела археологии Азовского музея-заповедника А. Н. Масловского. Он предложил датировать основание Стефанидинодара не 1828 г. и даже не 1830 г., а годом первого упоминания его названия в исторических документах, но подобный подход не удовлетворил краеведов: как написано в одной из посвященных конфликту газетных статей, «спор был жарким» и кончился тем, что «Масловский покинул заседание» (Стаценко 2020). В той же статье указано, что самим жителям села «не понравилось, что кто-то хочет отменить решение, принятое на сходе», а еще они «приняли сторону своего земляка» (Там же). И в итоге местные депутаты выступили с таким решением (снова обращаем внимание на риторику): «Оставить без изменения ранее вынесенное решение, так как оно отражает мнение жителей села, озвученное на сельском сходе 22 сентября 2018 г., а также в связи с имеющимися историческими источниками» (Там же). Как мы видим, важнее оказались не историческая правда и не научная дискуссия, а мнение местных жителей, многие из которых, вероятно, вообще были не в курсе критики утвержденной ими даты профессиональным историком.

Мы бы хотели обратить внимание и на другие детали этой истории. Прежде всего, отметим, что дискуссия между местными краеведами велась преимущественно не на страницах «Донского временника» или, тем более, научных журналов, но в местной, даже не областной, а районной азовской прессе. Таким образом, о какой-то профессиональной редакции и, тем более, рецензировании их работ не шло и речи. Привлечение к спору местных жителей, также и администрации, взаимные обвинения в нарушении профессиональной этики и общий градус дискуссии так же свидетельствуют, что данный спор быстро перестал быть научным. Как нам представляется, началась битва амбиций, спор за право считаться первооткрывателем даты основания села Стефанинодар. Об этом свидетельствует и крайне пафосная риторика обеих сторон. Так, выход в «Донском временнике» и двух азовских газетах пяти статей двух авторов о Стефанинодаре А.А. Мирошниченко и Д.И. Зенюк совершенно серьезно именуют «исследовательским ажиотажем» (*Зенюк, Мирошниченко* 2018: 202–204). В.В. Назаренко называет неточности при описании хода подготовки этих статей «коверканием историографии» (*Назаренко б/д б*). Самое же ироничное, что при этом с научной точки зрения между всеми спорящими различий вообще нет: все они признают, что земля, на которой вскоре возникло поселение, была куплена Стефанидой Похвисневой в 1828 г., а первые точно зафиксированные факты переселения крестьян туда датируются 1830 г. Таким образом, все сводится к формальному вопросу о том, что считать основанием

села, и кто, в зависимости от итогов этого выбора, будет считаться первооткрывателем данной даты, А.А. Мирошниченко или В.В. Назаренко. Выходит, что, хотя в данном случае краеведы действительно занимались исследованием, выявили новые факты в архивных материалах, вовлекаемых в научный оборот, а не сочинили их, значительная часть их деятельности оказалась откровенно контрпродуктивна и свелась к борьбе самолюбий.

А еще из данного примера хорошо видна ограниченность тех «историй поселения», которые ориентируются исключительно на местного читателя, жаждущего фактов или легенд об истории родного локуса. Едва ли стороннему жителю Ростовской области, не говоря уже о России или мире в целом, принципиально важно, было основано село Стефанинодар (население по переписи 2010 г. — 1329 человек) в 1828 г. или 1830 г. Разумеется, микроистория и «новая локальная история» могут придавать универсальную ценность и изучению самых маленьких поселений. Так, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева приводят слова Л.П. Репиной, согласно которым научная региональная история должна быть «эффективным инструментом исторического познания» (*Маловичко, Румянцева* 2012: 15). Однако, как видно из случаев В.Д. Гладченко, А.А. Мирошниченко и В.В. Назаренко, рассчитанные исключительно на местного читателя «истории поселений» рискуют вообще перестать быть инструментом познания, превратившись даже не в инструменты конструирования важных для жителей локуса мифов, но в инструменты

доказательства авторских концепций, ориентированных исключительно на социальный успех, а не на научное исследование. Именно поэтому, переходя от примеров очевидно проблемных «историй поселений» к примерам более удачным, мы считаем нужным начать с нарратива, лишенного столь явно выраженных недостатков и не вызвавшего серьезной критики, при этом написанного не профессиональным историком и ориентированного на местного читателя — чтобы понять, насколько успешным будет такой текст.

«УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ, ИМЯ КОТОРЫХ — КРАЕВЕДЫ»

Мы решили обратиться к книге В.П. Граф «Наш Константиновск» (Граф 2012). Исследования В.П. Граф востребованы примерно той же целевой аудиторией, что и работы предыдущих рассмотренных нами авторов. Три ее книги приведены на официальном сайте Константиновского района в числе публикаций по местной истории (Перечень публикаций 2014). Статью к ее юбилею опубликовал «Донской временник» (Сухина 2007: 225). В то же время ее работы не слишком востребованы в среде профессиональных историков. Впрочем, о ней упоминает известная исследовательница донской церкви А.В. Шадрина в статье с характерным названием-пожеланием «Краевед должен быть историком!» (Шадрина 2013: 235–237). Согласно А.В. Шадриной, В.П. Граф «замечательный константиновский краевед», но «ее поэтические краеведческие эссе значительно выиграли бы, если бы автор указывал источни-

ки, из которых черпал информацию» (Там же: 235–237). Собственно, уже из этого ясно, почему более разбирающегося в исторической науке читателя нарратив В.П. Граф едва ли удовлетворит: сведений об источниках информации в нем мало, и поэтому он обычно не проверяем. Между тем, в нем есть серьезные ошибки и умолчания, но об этом мы подробнее напишем далее.

Как мы уже видели, книга «Аксацкий район: история и современность» представляла собой слабо систематизированную компиляцию, а А.А. Мирошниченко и В.В. Назаренко предпочли созданию единого нарратива многочисленные газетные статьи. Фрагментарность повествования характерна и для В.П. Граф: фактически ее книга — это сборник статей, прежде публиковавшихся в местной прессе. Последовательного описания Константиновска в ней нет: вместо этого статьи сгруппированы по трем разделам: «Константиновск исторический», «Константиновск живописный» и «Константиновск литературный» (Граф 2012: 93–94). В принципе, подобное деление логически обосновано, и его можно было бы назвать удачным, если бы не крайне неочевидное членение конкретных материалов по разделам: так, статьи об истории районной журналистики включены в исторический раздел, а статьи о георгиевских кавалерах из семьи Дукмасовых — в раздел литературный (при этом об их литературном творчестве в тексте упоминаний нет, только о военных подвигах) (Там же: 93–94). Рецензирования или научной редакции книга, судя по всему, не проходила. Для нас важно, что в одной из этих

статей, о константиновском краеведе В.Н. Крюкове, В.П. Граф высказывает свое мнение об общих вопросах краеведения. Она достаточно однозначно встраивает историю Константиновска в историю России на самом нижнем уровне иерархии («история Константиновска — часть российской истории») и на этом основании заявляет, что в истории ее локуса «не должно быть “белых пятен” и забытых страниц» (Там же: 28). Однако дальнейшие рассуждения В.П. Граф соответствуют логике конструирования локального мифа и не имеют ничего общего с реальным историческим исследованием: «Люди хотят знать о тех местах, где они родились и выросли. А узнать это они могут от удивительных людей, имя которых — КРАЕВЕДЫ. Это патриоты своей малой Родины, любящие свой край» (Там же: 28). Как мы видим, ключевым качеством даже не краеведа, а КРАЕВЕДА снова становится местный патриотизм и любовь к родному локусу, а вот о необходимости для него научного профессионализма и стремления к объективности В.П. Граф ничего не пишет. И это не случайно. Далее в тексте краеведение уже прямо рассматривается как «средство нравственного воспитания молодежи», которое «прививает любовь к Родине, воспитывает уважение к ее истории, к мирному и ратному труду дедов и отцов, формирует мировоззрение патриота и гражданина» (Там же: 29). Это едва ли не идеальная иллюстрация к утверждению С.И. Маловичко и С.Ф. Румянцевой о том, что так называемая «местная история» является «социально ориентированным историописанием», связанным с «потребностями в поиске локальной идентичности», и не

должна относиться к исторической науке.

Однако, в отличие от разобранных выше авторов, социально ориентированный подход к истории в случае с В.П. Граф не означает, что исследовательница «создает» мифические артефакты прошлого или пытается навязывать читателю социально значимые для родного локуса исторические даты. Но при этом и собственно историческое исследование, выявление достоверности описываемых фактов для В.П. Граф, по-видимому, не является принципиально значимым. Она в большинстве случаев ограничивается тем, что приводит информацию по различным источникам и литературе, не проводя ее научной критики, что естественным образом ведет к неточностям и спорным местам.

Например, исследовательница пишет: «Народный герой Дона Степан Тимофеевич Разин, как известно, родился в Черкасске в семье донского казака» (Там же: 7). Однако в действительности точное место рождения С.Т. Разина неизвестно: помимо Черкаска местом его рождения различные авторы называют Пять изб и Зимовейскую, причем преобладающим является именно последний вариант (*Сень* 2022: 71). Далее в Константиновске обнаруживается связанный с С.Т. Разиным артефакт: В.П. Граф не «создает» его сама, но указывает, что, по мнению ростовского журналиста В.С. Моложавенко, «в городе Константиновске еще сохранилась груша из сада, посаженного сыном Степана на подворье Макаровых по улице Карташова» (*Граф* 2012: 7). Обратившись к пер-

воисточнику, мы можем увидеть, что В. С. Моложавенко не указывает, откуда ему известно, что данная груша была посажена сыном С. Т. Разина, но часть информации об этом сыне ему сообщил хозяин участка, на котором росла эта груша, да и вообще очерк В. П. Моложавенко о С. Т. Разине полон приводимых совершенно серьезно рассказов неких «старожил» о казненном триста лет назад атамане (Моложавенко 1984: 24–37). Считает уместным приводить информацию, полученную от местных жителей, без указания на ее явную неподтвержденность и сама В. П. Граф: «Говорят, что учитель и краевед станицы Богоявленской Константиновского района Виссарион Ильич Аникеев знал о точном местонахождении <разинского> клада, но во время Великой Отечественной войны его записки бесследно исчезли» (Граф 2012: 8). В итоге статья В. П. Граф о С. Т. Разине по уже знакомым нам лекалам четко увязывает фигуру легендарного атамана с Константиновском, вовлекая его в локальную память: именно тут, якобы, растет груша, посаженная его сыном, а краевед соседней станицы нашел легендарный разинский клад. Но общий уровень достоверности приводимых сведений, мягко говоря, сомнителен, а самыми слабыми оказываются как раз те, которые работают на вовлечение С. Т. Разина в историческую память локуса, хотя В. П. Граф лично ничего не выдумывает, но просто цитирует и пересказывает работающие в пользу ее нарратива тексты.

Не менее любопытна статья В. П. Граф о П. Н. Краснове. Она написана куда более точно в истори-

ческом отношении, а связь фигуры П. Н. Краснова с Константиновском бесспорна: он сам писал в предисловии к роману «Амазонка пустыни», что «предлагаемый роман написан в марте 1918 года в станице Константиновской, на земле Войска Донского» (Там же: 55). Однако П. Н. Краснов является одной из наиболее спорных фигур донской истории из-за службы А. Гитлеру в годы Великой Отечественной войны. Соответственно, проблема вовлечения его фигуры в локальную память достаточно неоднозначна в моральном плане: он может позиционироваться и как герой Первой Мировой войны, и как крупнейший казачий коллаборант Второй Мировой войны, осужденный на смертную казнь. Но В. П. Граф вместо разрешения этой проблемы просто от нее уходит, рассматривая П. Н. Краснова исключительно как писателя, и вовсе не касаясь его биографии после марта 1918 г. (таким образом, без внимания остается даже его прусская ориентация в качестве атамана Всеволодского Войска Донского в 1918–1919 гг.) (Там же: 55). В итоге связанная с историей места неоднозначная, но знаменитая историческая фигура упрощается, сводясь к бесспорно положительным сторонам своей деятельности, и Константиновск обретает не противоречивого государственного и военного деятеля, а известного писателя, связанного с городом.

Мы видим, что, если В. Д. Гладченко, А. А. Мирошниченко и В. В. Назаренко выступают преимущественно «создателями» мифов об истории локуса, на более или менее достоверной основе выстраивая социально ори-

ентированные историографические конструкты, то В. П. Граф выступает в роли «кодификатора»-потребителя подобных конструктов, не отделяя их в своем тексте от более достоверных историографических конструктов, созданных профессиональными историками, и полученной лично эксклюзивной информации. На наш взгляд, ее книга наиболее ценна именно там, где она оказывается источником, а не литературой: в статьях о современных краеведах и писателях Константиновска, которых автор знает лично. Однако, если оценивать книгу в целом, особенно с учетом того, что вошедшие в нее статьи уже были опубликованы в местной прессе, мы должны признать, что она описывает скорее не реальную историю Константиновска, но своеобразный миф/общепринятое представление о ней, кодифицированные автором в патриотических целях. При этом конструирование мифа в данном случае произошло неосознанно, исключительно потому, что автор не владеет методологией исторической науки: В. П. Граф просто свела воедино обнаруженную ей информацию о Константиновске, сделав акцент на социально значимых, но не всегда достоверных и всегда трактуемых патриотически сюжетах.

«ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ» АВТОРОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В результате мы приходим к достаточно печальному выводу. Сочинение «историй поселений» непрофессиональными авторами для местной аудитории регулярно в итоге оказывается не исследованием, а мифотворчеством. Выше на трех

примерах мы показали три важные причины этого: 1) для местных жителей часто важнее исторической достоверности оказывается привлекательный и громкий локальный миф, даже откровенно необоснованный; 2) целью исследования может быть социальное признание/служение, и тогда исследователи ориентируются не на научное сообщество, а на местного читателя; 3) авторы «историй поселений» часто не владеют методикой исторического исследования и занимаются компиляцией историографических конструктов, не имея возможности определить степень их достоверности. Отметим, что П. А. Аваков и А. В. Шадрина в своих текстах в «Донском временнике» пришли к частично схожим с нашими выводам. Так, П. А. Аваков пишет о «краеведческой склонности к гиперболизации местных реалий» в смысле их возвеличивания (Аваков 2008: 184–190). А. В. Шадрина отмечает в качестве типичных для многих современных краеведов черт неумение выстраивать композицию нарратива и превращение его в «перечень документов или сведений из ранее опубликованных изданий»; опору не на архивные первоисточники, но на более ранние книги; отказ от проставления сносок на источники информации, что делает ее непроверяемой (Шадрина 2013: 235–237).

С учетом многочисленности разного рода «историй поселений», предлагаемых современному читателю, проблема мифотворчества об истории локуса куда важнее, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, нарративы, подобные разобранным выше, создают у своих читателей совершенно ложные представления

о нормальности некритического подхода к источнику информации и даже о допустимости его подлога. Яркие примеры этого уже не у самих авторов «историй поселеня», но у их поклонников мы видели выше: Ю. В. Трущелев, М. С. Джунько и Э. А. Сокольский фактически говорят о неважности исторической достоверности мифа об истории Аксая, созданного В. Д. Гладченко, апеллируя к социальной востребованности этого мифа. Во-вторых, подобные нарративы ведут к своеобразному обесцениванию истории и как повествования, и как науки: событие из истории локуса оказывается возможным сконструировать на заведомо недостаточной источниковой базе, а затем «доказать» его не научными, а общественно-политическими методами. Тут лучшим примером может служить то, что дату основания села Стефанинодар в итоге определяли сельские депутаты, которые не учли замечаний профессионального историка А. Н. Масловского.

А тенденции к субъективности и социальной ангажированности повествований о прошлом, на наш взгляд, оказываются опасны уже не столько для «истории поселений», сколько для российской исторической науки в целом. Подход исследователей-любителей внезапно выглядит очень близким к тем методологическим новациям В. Р. Мединского, которые вызывают критику у многих профессиональных историков. Напомним, что, по мнению А. Л. Юрганова, В. Р. Мединский желает «подчинить науку актуальностям современного идеологического сознания» (*Юрганов* 2018: 305). Согласно С. Е. Эрлиху, «Мединский сформулировал это

четко: истина равна национальным интересам России» (*Ерусалимский* 2018: 297). Как мы видим, идея того, что главной задачей истории является задача социальная, сводящаяся к удовлетворению запроса на привлекательные исторические мифы от жителей конкретного локуса, вовсе не навязана сверху, но очень распространена у авторов и читателей «историй поселений». Соответственно, вполне логично предполагать, что у них не вызовет отторжения аналогичный подход и в исторических нарративах более высокого масштаба, например, об истории России: для таких людей важной окажется не достоверность исследования, а его соответствие общественному запросу, и, следовательно, при оценке исследования они будут опираться не на мнение научного сообщества, а на мнение общественности, часто редуцируемое до мнения конкретного отдельного читателя (которому нравится/не нравится с чисто эмоциональной точки зрения предлагаемая версия истории) или мнения представителей власти (чиновники одобрили и использовали в социальной жизни локуса либо не одобрили исторический нарратив).

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Изменить ситуацию потенциально может только смена концепции «истории поселений», сближение подобных нарративов с современной исторической наукой. Поэтому потенциально интересны обращения к социально ориентированной истории локуса профессиональных историков, имеющих определенный авторитет в научном сообществе. При

этом нас заведомо не интересуют тексты, которые, согласно терминологии С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, относятся к «новой локальной истории», т.е. решают чисто научные задачи. Из изложенного выше очевидно, что серьезный запрос общества именно на тексты, помогающие рядовому читателю «в поиске локальной идентичности», действительно существует.

Отметим здесь, что С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева также обращают внимание на сложный вопрос «профессионализации местной истории» (Маловичко, Румянцева 2013: 50). Они указывают, что, с одной стороны, часть профессиональных историков в принципе отвергает возможность существования ненаучной местной истории и оценивает ее произведения сугубо с научной точки зрения; с другой стороны, местные краеведы остро реагируют на обвинения в ненаучности и позиционируют плюсом своих исследований даже отсутствие в них «академического “птичьего языка”» (Там же: 50–52). Все это позволяет С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой в конечном счете прийти к остроумной формулировке: «Соотнесение социально ориентированного историописания и истории как строгой науки подобно поиску ответа на вопрос: кто кого поборет, слон или кит?» (Там же: 53).

Итак, мы можем только смириться с тем фактом, что историческая наука в чистом виде не способна выполнить тот социальный запрос, который выполняют любительские «истории поселений»: объективное историческое исследование является антиподом социально ориентирован-

ного историописания по самой своей природе. Однако из приведенных выше примеров видно, что и игнорировать жанр «истории поселений» историкам нельзя: это может привести к прочному закреплению в историческом сознании общества откровенно фантастических исторических мифов и даже к изменению отношения к истории как к науке. С другой стороны, обращаясь к социально ориентированной «истории поселения», профессиональный историк не перестает быть ученым и членом научного сообщества. Поэтому перед ним встает крайне сложная задача: как минимум, написать текст, удовлетворяющий взаимно противоположным целям — строго научному описанию истории поселения и желанию его жителей получить интересный и приятный исторический миф. При более амбициозной постановке задачи речь вообще может идти об осознанной попытке скорректировать концепцию жанра «истории поселений». Таким образом, перед обращающимися к социально ориентированной местной истории учеными встает не только чисто практическая задача описать прошлое локуса, но и задача концептуальная: включить в пространство исторической науки жанр, по своей природе социально ангажированный, не разрушив его жанровую уникальность.

ИСТОРИК VS МЕСТНЫЙ КРАЕВЕД

В 2015 г. известный специалист по истории донского казачества, доктор исторических наук А.П. Скорик издал книгу «Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции» (Скорик 2015). Уже с первого ее

предложения ясно, что дальнейший текст никак не будет классическим научным трудом: «Легко и одновременно сложно писать о малой Родине, где все до боли знакомо и многих знаешь лично, где все так привычно и со временем не очень сильно изменяется, но, главное, куда всегда непременно хочется возвращаться вновь и вновь» (Там же: 5). Однако А. П. Скорик как раз совершенно осознанно попытался совместить в своей книге аспекты «научно-исследовательские» (прежде всего, заключающиеся в «реконструкции истории Милютинского казачьего юрта»), «культурно-просветительские» (он хотел дать читателю реконструированную информацию «с использованием занимательных и поучительных сюжетов, порой даже совершенно анекдотических случаев») и «социально-организационные» (историк попытался раскрыть перед читателем «социальный опыт» и «исторические уроки» прошлого) (Там же: 6–7). Таким образом, А. П. Скорик пытался написать социально ориентированную историю локуса, однако сместив акценты по сравнению с многими «историями поселений», написанными краеведами-любителями: вместо создания интересных и приятных местному жителю мифов об истории локуса А. П. Скорик решил научно реконструировать эту историю, но при этом социально ориентировать само повествование, сделав его популярным и поучительным. Иными словами, если в разобранных выше «историях поселений» популярным было, по существу, содержание (приятный местному читателю миф), то А. П. Скорик решил, оставив содержание научным, сделать популярной

форму (популярно рассказать реальную историю локуса).

Любопытна в этом отношении полемика А. П. Скорика с Н. И. Приходько, автором краеведческой «Летописи Милютинского края» (Приходько 2001). Наследие Н. И. Приходько, подобно творчеству В. Д. Гладченко и В. П. Граф, востребовано у чиновников, библиотекарей, локальных журналистов и краеведов. Так, 16 июля 2021 г. библиотекой в хуторе Сулинском были организованы посвященные его памяти краеведческие чтения «С малой родины моей начинается Россия», освещавшиеся в местной прессе (Краеведческие чтения 2021). Традиционно для социально-ориентированной «истории поселений», в нарративе о данном мероприятии озвучивались похвалы патриотизму Н. И. Приходько, его любви к своей малой родине (Там же). Вот только вердикт А. П. Скорика, как мы видели выше, отнюдь не чуждого социальной ангажированности и литературности творчества, в отношении наследия Н. И. Приходько безжалостен. Историк не отрицает приоритет своего предшественника как автора первой обстоятельной истории Милютинской станицы, однако позиционирует его работу даже не как краеведческую, а как «литературно-художественное произведение», особенно подчеркивая отсутствие в ней ссылок на исторические источники (Скорик 2015: 17). При этом, как отмечает А. П. Скорик, в работах Н. И. Приходько есть «целый ряд неточностей», что затрудняет их использование как источника информации (Там же: 17). И, завершая полемику, А. П. Скорик еще раз подчеркивает,

что совершенно сознательно отказался от «историко-краеведческой подачи материала», предпочтя ему написание «научно-популярного сочинения с акцентом на историческую обоснованность» (Там же: 17).

Итак, в случае с книгой А. П. Скорика «Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции» мы имеем дело с осознанной и опирающейся на четко выписанную теоретическую базу попыткой создать «историю поселения» для его жителей на основе не краеведческого подхода (т.е. не «социально ориентированного историописания», по терминологии С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева), но на основе социально ангажированного научно-популярного подхода (т.е. совмещения в нарративе «научно-исследовательских», «культурно-просветительских» и «социально-организационных» аспектов «с акцентом на историческую обоснованность», по терминологии самого автора). Однако насколько удачным получился результат?

Если подходить с чисто научной точки зрения, то книга А. П. Скорика, конечно, не свободна от определенных недостатков, порожденных ее жанровой спецификой. Их вполне признает и сам автор, заранее извиняясь, кстати, за отсутствие «строного единства и последовательности» в своей книге и «фрагментарность» повествования (Там же: 14–16). Выше мы видели, что и для любительских «историй поселений» часто свойственна фрагментарность, доходящая до отсутствия четко выраженной композиции. А. П. Скорик такую композицию выстроил по хронологическому принципу, разделив

свое повествование на восемь очерков: вводный, о имперском периоде, о Гражданской войне, об установлении советской власти, о кампании «за советское казачество», о Великой Отечественной войне, о послевоенном периоде и о современной странице (Там же). Однако в итоге книга разрослась до огромного объема (в ней 1184 страниц!), а ряд сюжетов автор, по собственному признанию, все равно не смог раскрыть из-за отсутствия источников (Там же: 16). Тем не менее, эти недостатки не отменяют главного. Книга А. П. Скорика оказалась очень удачным научным исследованием: она востребована другими учеными и на нее ссылаются многие современные исследователи казачества, как в монографиях (*Ратьковский 2021; Яхтуль 2021*), так и в научных статьях (*Гадицкая 2018: 41–47; Мининков 2016: 170–177*). А. П. Скорика безусловно удалось создать «историю поселения», достойную считаться научной.

Гораздо сложнее с ее социальной востребованностью. Крайне любопытно уже небольшое (буквально две страницы) предисловие А. Н. Королева, главы Милютинского района, к разбираемой книге (*Скорик 2015: 3–4*). С одной стороны, сам факт подобного предисловия демонстрирует очевидное внимание властей к созданию книги об их локусе. С другой стороны, очень показательна специфическая риторика: хотя чиновник и признает книгу А. П. Скорика «достойной», далее он отмечает, что в ней есть «вещи спорные, даже нелюбимые» (Там же: 3–4). Как мы видим, «спорностью» для представителя местного локуса оказывается не фальсифика-

ция исторических фактов и событий, но как раз их «нелицеприятное», беспристрастное описание. А в конце предисловия А. Н. Королев вообще впал в характерную для историков-любителей при описании своего края специфическую экзальтацию («гиперболизацию местных реалий», по П. А. Авакову): «Так с Богом, друзья! Познаем неценюмую мудрость наших предков, чтобы нам самим сегодня не оплошать» (Там же: 4). Итак, логичное предложение А. П. Скорика социально ориентировать историю не через создание мифов о ней, а через получение из нее уроков в интерпретации профессионала само стало мифологизироваться: по мнению главы Милютинского района, читатель книги донского историка должен был искать в ней не просто уроки прошлого, но «неценюмую мудрость предков».

А буквально через год после выхода книги, в 2016 г., некий «Александр А» обратился на официальный сайт администрации Милютинского района Ростовской области, попросив подсказать ему, существуют ли книги по истории этого района (Любые темы 2016). В ответ ему были рекомендованы четыре книги Н. И. Приходько и книга А. П. Скорика (Там же). При этом рекомендации книг Н. И. Приходько сопровождалась комплиментарными описаниями («самобытное начало краеведческого поиска, попытка осмыслить прошлое и настоящее слободы Маньково-Березовской и окрестных хуторов»; «достоверность исторических фактов, доступный язык очерков и рассказов, колорит бесхитростного сельского быта привлекли внимание вдумчивых читателей, знатоков и любителей

истории родного края») (Там же). В случае же с А. П. Скориком даже его фамилия употреблена в неверном склонении («книга профессора НПИ А. П. Скорик») (Там же). А на сайте местной библиотеки в разделе «Краеведение» вообще до сих пор выложены данные всего одной книги за авторством Н. И. Приходько (Краеведение б/д). Зато в подразделе «Гордость нашего района» есть краткая биография Н. И. Приходько, в которой сказано: «Его книги внесли неценюмый вклад в историю нашего района и зародили у читателей интерес к истории родного края» (Там же). Информации о А. П. Скорике и его книге на этом сайте мы не обнаружили (поиск там не работает).

И нам остается констатировать, что попытка А. П. Скорика написать научно-популярную, а не краеведческую «историю поселения» увенчалась в лучшем случае частичным успехом. Он написал успешную научную книгу (мы не сравнивали специально, но, судя по данным eLibrary, эта книга с 52 цитированиями на декабрь 2022 г. является наиболее востребованной в научной литературе «историей поселения» Ростовской области, если не Юга России). Это и понятно: его исследование содержит много вовлекаемой в научный оборот информации, на его страницах постоянно встречаются ссылки на архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного военного архива, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ростовской области и Центра документации новейшей истории Ростовской области. Но в глазах

основных потребителей краеведческих работ, местных библиотекарей, журналистов и чиновников, книга А. П. Скорика в лучшем случае встала в ряд с многочисленными книгами Н. И. Приходько. В свою очередь, книги Н. И. Приходько по-прежнему воспринимаются как полноценные «истории поселения», их обсуждают на чтениях памяти самого краеведа, несмотря на их разгромную критику профессиональным историком.

И, как нам кажется, это во многом связано со специфическими особенностями книги А. П. Скорика, которые делают эту работу интересной для относительно подготовленного читателя, но мешают воспринимать ее читателю массовому. Мы видели выше, что начало книги вполне популярно, однако далее автор начал подробно объяснять специфику своего исследования, его аспекты и свой авторский подход к проблеме «истории поселения». И в итоге введение А. П. Скорика к книге получилось научным с небольшими вкраплениями авторских эмоциональных отступлений: исследователь раскрыл «актуальность темы», «хронологические рамки исследования», «территориальные рамки исследования», «исследовательскую цель», «исследовательские задачи» и т. д. (*Скорик* 2015: 3–28). При этом его введение, подобно всей книге, весьма монументально, и больше любой статьи В. В. Назаренко или Д. И. Зенюка в местной прессе — или его по объему можно сравнить с любым из трех разделов книги В. П. Граф «Наш Константиновск», включающих несколько очерков. Безусловно, в рамках представлений о научном стиле А. П. Скорик пишет очень популярно

и занимательно. Однако читатель, ориентирующийся на очерки указанных выше краеведов в местной прессе, едва ли будет читать развернутое введение теоретико-методологического плана. И та же самая проблема присуща всей книге: занимательные и эмоциональные части в ней перемежаются с сугубо научными. Например, после забавного сюжета о прозвищах казачьих станиц (милютинцев дразнили «свинячим паспортом», после того как их станичный атаман, напившись, требовал паспорт у свиньи) следует чрезвычайно подробное и детализированное описание того, как звали первых граждан Милютинской станицы и из каких станиц шло переселение в нее новых жителей (Там же: 55–65).

В связи с этим примером, кстати, возникает и другой вопрос: насколько читателями «историй поселений», которые, как мы видели выше, обычно пишутся с позиций местного патриотизма, востребована информация об обидной дразнилке исторических жителей своего локуса? И вообще, нужна ли им местами неприглядная и почти всегда неброская история повседневности? Приятно связывать со своим локусом С. Т. Разина или хотя бы П. Н. Краснова, но будет ли социально востребована даже изложенная популярным языком информация о том, что в истории станицы определенную роль сыграл генерал Н. А. Маслаковец, абсолютно неизвестный широкой публике (Там же: 54, 77, 81–110)? И в итоге выходит, что А. Н. Королев говорил о «спорности» книги А. П. Скорика совсем не зря: на фоне основной массы панегирических «историй поселений» эта книга выглядит весьма

своеобразно уже потому, что вместо красивых мифов об истории локуса предлагает правду, порой очень подробную, порой неприятную, и почти всегда менее завлекательную, чем необоснованные домыслы краеведов-любителей о почтовой станции, где останавливался А. С. Пушкин, груше, которую посадил сын С. Т. Разина, или хотя бы о том, что наконец выявлена точная дата основания описываемого поселения.

Подведем итог. Книга А. П. Скорика представляет собой редкую попытку переосмыслить жанр «истории поселения», сблизив его с исторической наукой, но сохранив социальную ориентированность и популярность. Сама по себе книга в итоге получилась безусловно удачной и востребованной в научном сообществе, но общественного резонанса, рецепции реформы жанра другими авторами не произошло. Более того, предыдущие нарративы по истории Милютинской станицы, созданные Н. И. Приходько и содержащие в себе все типичные недостатки традиционных краеведческих «историй поселения», остались востребованы местными жителями. Как нам представляется, это обусловлено спецификой созданного А. П. Скориком исследования: у него получилась все же действительно научная книга, к тому же очень масштабная, требующая внимания читателя, готовности читать, наряду с популярно изложенными местами, целые страницы сухого научного текста и разбирать, после эффектных сюжетов, сюжеты менее эффектные или даже откровенно малопривлекательные, но важные для истории локуса. Поэтому вполне логично, что историки читают и ссыла-

ются на эту книгу, но большая часть обычной аудитории «историй поселений» не видит ее преимуществ перед «литературно-художественным» нарративом Н. И. Приходько. И все же опыт А. П. Скорика показывает, что профессиональный историк способен хотя бы предложить альтернативу творениям местных краеведов, которая составит им конкуренцию на сайтах местных администраций и библиотек.

ИСТОРИК + МЕСТНЫЙ КРАЕВЕД = ?

Последний текст, который мы рассмотрим, вышел в Краснодаре в 2022 г. На обложке книги «Станица Троицкая: история и судьбы» стоят две фамилии: А. В. Дюкарева и А. А. Шамара (*Дюкарев, Шамара 2021*). Однако, как ясно из самого текста, непосредственным автором книги был профессиональный историк, кандидат исторических наук А. В. Дюкарев, а А. А. Шамара, уроженец станицы и директор Кубанской нефтегазовой компании, был автором идеи и всячески содействовал в написании книги (Там же: 6–11). Мы акцентируем внимание на этом факте не для того, чтобы поставить под сомнение атрибуцию книги в качестве творения двух людей: А. А. Шамара не дожил до ее выхода и вынесение его фамилии на обложку выглядит, на наш взгляд, морально правильным жестом, а степень его вклада в предварительную исследовательскую работу могла быть такой, что, хотя текст написан другим человеком, можно говорить о соавторстве. Для нас важнее другое: данная книга выделяется из числа других «историй поселений» именно тем,

что ее идея была предложена патриотом своего локуса, однако к реализации этой идеи он привлек историка-профессионала.

Любопытно и то, что в предисловии А.В. Дюкарева и обращении к читателям А.А. Шамары содержатся разные взгляды на создаваемую ими историю локуса. А.А. Шамара адресует книгу своим одностаничникам и обращается к ним с уже хорошо знакомых нам позиций местного патриотизма: «Эта книга — назидание будущим поколениям, святой долг которых — сберечь историю своей малой родины, подарить ей новое дыхание» (Там же: 294). Вполне традиционны для краеведа-любителя и сложные отношения А.А. Шамары с историческими фактами: «Многие исторические факты уже трудно подтвердить, многие события разными источниками и очевидцами трактуются по-разному» (Там же: 294). А.В. Дюкарев явно рассчитывает на более широкую аудиторию, подчеркивая, что пытался написать не просто «хронику одного поселения», но «разглядеть отражение глобальных исторических событий в судьбах конкретных людей, жителей кубанской станицы Троицкой» (Там же: 10). Весьма любопытна и его попытка возвести кубанскую региональную краеведческую традицию к дореволюционным временам, поставив у ее основания классиков местной историографии Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, П.П. Короленко, Ф.А. Щербину (Там же: 9).

В результате в общих чертах А.В. Дюкарев выстраивает свой нарратив так же, как и А.П. Скорик: это хронологическое описание повсе-

дневности казачьей станицы. Однако есть и ряд важных отличий между их исследованиями. Как мы видели, А.П. Скорик в принципе отказался от исторического мифотворчества, и его книга начинает описывать события с 1876 г., даты основания собственно станицы Милютинской (Скорик 2015: 29). Троицкая станица немногим старше: она была основана в 1865 г. (Дюкарев, Шамара 2021: 16). Но для А.А. Шамары, очевидно, была очень важна преемственность с первыми черноморскими казаками, пришедшими на Кубань в конце XVIII в.: «Для меня это не просто книга, а дань памяти нашим предкам-казакам — основателям Троицкой, пришедшим на кубанские земли по Указу Екатерины II и стоявшим у истоков рождения и развития нашей станицы» (Там же: 294). Как видно из разобранных выше работ, краеведы-любители в подобной ситуации часто пытаются искусственно «удревнить» историю локуса, либо откровенно фальсифицируя ее, либо пытаясь придумать основания для доказательства более ранней даты. Отметим, что в случае с Троицкой станицей последний вариант был очевиден: она основана на территории военного поста русской армии и, соответственно, интерпретация этого поста как предшественника станицы добавило бы к ее истории несколько десятилетий (Там же: 16). Но А.В. Дюкарев пошел другим, куда более элегантным путем, не пытаясь связать станицу с типологически совершенно иным русским поселением на ее месте, однако и не разрушая локальный исторический миф: он начал свое повествование с конца XVIII в., кратко описывая историю черноморских казаков до 1865 г. как

контекст, в котором возникнет новая станица (Там же: 14–16).

Схожим образом А. В. Дюкарев пытается встроиться и в другие локальные исторические мифы, ища в них зерно действительности и показывая их связь с реальной историей. Этому способствует еще одна особенность его текста. Выше мы видели, что А. В. Дюкарева интересуют «судьбы конкретных людей». Возможно, именно это позволило ему плодотворно сотрудничать с А. А. Шамарой, при всем различии в подходах к истории: А. А. Шамара также считал, что «историю вершат люди», а «главное достояние станицы Троицкой — ее жители» (Там же: 294). В итоге книга А. В. Дюкарева, хотя и посвящена фактически истории повседневности, постоянно связывает историю станицы Троицкой со значимыми людьми. Только это не «внешние» по отношению к этой истории люди, знаменитость российского или хотя бы кубанского масштаба, а собственные локальные герои. Разумеется, о подобных локальных героях пишет и А. П. Скорик, однако у него им уделено не так много места, и повествование о них, как и весь нарратив, носит объективно-научный характер (Скорик 2015: 1087–1088). А. В. Дюкарев, напротив, описывает локальный миф о предках, куда более эмоциональный и образный. Так, один из дореволюционных атаманов, Н. И. Кравчук, описывается по устным рассказам его внука: он «был коренастым казаком, не имевшим косой сажени в плечах, зато имевшим мускулистые руки с широкими ладонями, в которых он одинаково крепко держал и эфес казачьей шашки, и чепиги крестьянского плуга» (Дюка-

рев, Шамара 2021: 39). В итоге, хотя нарратив А. В. Дюкарева, как и нарратив А. П. Скорика, неоднороден, и включает в себя как сухие научные описания и отрывки из документов, так и живые истории и воспоминания станичников, соотношение научных и популярных элементов в нем совсем иное, и популярные выражены куда более сильно.

Аналогичный подход А. В. Дюкарев применяет и при описании наиболее сложных исторических сюжетов. Они описаны очень эмоционально, а не научно-объективно, но эту эмоциональность задают приводимые рассказы самих станичников. Вот какими словами, например, описывается красный террор в годы Гражданской войны: «Весной при установлении советской власти, как рассказывала мама, созвали сход около церкви. По спискам выкрикивали фамилии и вырывали из толпы. Яма уже была готова. Обреченных станичников тут же расстреливали. У одной молодой казачки с дитем выкликнули и забрали мужа, так она кинулась за ним с криком: “И меня стреляйте тогда, ироды, без него нет мне жизни”. Тогда у нее забрали ребенка и кинули его в толпу, а ее расстреляли вместе с молодым мужем-казаком» (Там же: 97). Подобный подход в определенной мере снимает ответственность за «нелицеприятные» сюжеты нарратива с историка и перекладывает их на самих жителей локуса старшего поколения.

Таким образом, если А. П. Скорик в своем нарративе о станице Милютинской смотрит на местный исторический миф извне, с позиции историка, то А. В. Дюкарев оказывается

внутри местного мифа, фиксируя и транслируя его, но одновременно убирая откровенно фантастические сюжеты и сопоставляя истории жителей с реальной историей России и Кубани. Мы считаем уместным сравнить его с В. П. Граф: он тоже оказывается «кодификатором» локального мифа, однако, если В. П. Граф кодифицирует совершенно различные источники информации, включая заведомо недостоверные мифы, искусственно созданные другими краеведами, причем делает это без должной критики, то А. В. Дюкарев выполняет ту же самую работу куда более профессионально. С другой стороны, если А. П. Скорик пытался реформировать социально-ориентированный жанр «истории поселения», то А. В. Дюкарев жанрово остается в рамках традиционного для авторов-любителей «историй поселений» конструирования местного мифа, но сконструировал этот миф на гораздо более профессиональном уровне, чем это было сделано в большинстве аналогичных работ.

Поэтому вполне логично, что текст А. В. Дюкарева, созданный в соответствии с идеей влиятельного жителя станицы Троицкой, А. А. Шамары, уже сейчас, непосредственно после выхода, оказался востребован обычными читателями «историй поселений», местными жителями, чиновниками, библиотекарями. Сама презентация книги стала центральным элементом празднования 157-летия станицы (Призыв 2022). При этом в описании данного события в прессе мы сталкиваемся со многими уже знакомыми нам элементами презентации «историй поселений» местными жителями. Напрямер, подчерки-

валось использование в книге такого априори субъективного источника информации, как воспоминания старожилов: «Спикеры рассказали, что при написании книги обращались к федеральным и краевым архивам, ну и конечно, к воспоминаниям, личным документам и фотографиям жителей» (Там же). В то же время нельзя не заметить, что в новости об этом событии на сайте местной газеты подчеркивается как «семейность», так и «объективность» данной книги: «Получилась достоверная, объективная, но при этом буквально семейная книга, которая станет настольной во многих домах станицы, будет храниться бережно и передаваться из поколения в поколение» (Там же).

Однако насколько в действительности достоверна книга А. В. Дюкарева и А. А. Шамары? Как нам представляется, ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться на первый взгляд. Хорошо известно, что личные воспоминания людей часто субъективны. А. В. Дюкарев же нередко приводит информацию, полученную из вторых-третьих рук. Так, мы видели, что дореволюционный атаман станицы Троицкой Н. И. Кравчук описывался по словам его внука, а для характеристики красного террора приводился рассказ некой женщины, которая даже сама его не видела, но слышала о нем от матери. Более того, сам А. В. Дюкарев с информантами в данном случае не разговаривал, а использовал наработки местных краеведов Ф. Д. Терехова и В. Гольшева (*Дюкарев, Шамара 2021: 40, 116*). Однако даже там, где он лично опрашивал старожилов, вопрос о степени достоверности их информации остается фактически не поставленным.

И это порождает серьезнейшую проблему. Хотя А. В. Дюкарев не идеализирует действительность и описывает сложные и кровавые периоды истории станицы, угрозы и опасности для ее жителей почти всегда исходят от внешних лиц или природных факторов. Ярким примером этого может служить описание им сталинских репрессий. Как видно из публикуемых А. В. Дюкаревым документов, в организации репрессий участвовали станичные власти (Там же: 142–146). Но вопрос участия местных жителей в организации репрессий исследователем вообще не ставится. Вот как, например, он описывает ситуацию с доносами: «Планомерно и неуклонно выстраивалась тоталитарная система советского государства, контролировавшая все стороны жизни человека и породившая отвратительное явление — донос» (Там же: 146). Далее приводится конкретный донос, написанный неким Пикаловым, однако ничего об авторе доноса не сообщается, и ответственность за него таким образом фактически оказывается возложена на «тоталитарную систему советского государства», а не кого-то из местных жителей (Там же: 146). Напротив, репрессируемые станичники описываются подробно, по воспоминаниям знакомых, и, разумеется, положительно: «Своей порядочностью, добротой, трудолюбием, а также высокой культурой земледелия Драгановы снискали уважение станичников, и одним из знаков этого уважения было снятие шапки при встрече» (Там же: 147). В итоге возникает без преувеличения парадоксальная ситуация: А. В. Дюкарев не жалеет обвинений в адрес советской власти вообще, утверждая, что она «ломала чувство

собственного достоинства, выкорчевывала имевшиеся убеждения и веру в справедливость» у местных жителей — а буквально в следующем абзаце комплементарно называет поддерживающих ее станичников «активом станицы, строившим в ней новую жизнь» (Там же: 136). И так постоянно: люди, связанные с локусом, местные жители и местные власти почти никогда ни в чем не виноваты и почти всегда героизированы.

Как нам представляется, подобная картина мира сама может быть частью местного мифа, оправдывающей темные стороны истории локуса: одним из вариантов преодоления исторической травмы может быть ее объяснение непреодолимыми объективными факторами, которым нельзя было противостоять, но только вытерпеть, что снимает едва ли не всю ответственность с участников событий. Исследование данной темы могло бы быть очень интересным, но А. В. Дюкарев не анализирует, а просто транслирует и описания событий, и философию своих героев: «Там (в семье — А. П.) было заложено в меня понимание самого главного: труд на грани возможного, стремление к самосовершенствованию, уважение человеческого достоинства — надежный и верный ключ к преодолению жизненных преград» (Там же: 254); «Жизнь пробежала, и в ней было больше трудностей, чем роскоши. Но именно в трудностях решались проблемы разного характера. Я всегда старался особенно не бежать вперед, но и не отставать» (Там же: 255) и т. п. Преодоление, претерпевание, борьба с трудностями, сохранение человеческого достоинства в сложных условиях: в нарративе

А. В. Дюкарева и А. А. Шамары жители станицы Троицкой занимаются этим с 1860 г., когда станицу основали на совершенно неудобном месте, «подчинившись приказу» (Там же: 25), до периода «кризисных явлений» 1990–2000 г. (Там же: 278). Но объективна ли эта картина, или местная память убрала из нее все неблагоприятные сюжеты, например, об участии самих станичников в сталинских репрессиях? Для чего, собственно говоря, были все эти трудности и жертвы, и кто в них виноват? Ответа на эти вопросы мы не получим.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Мы разобрали пять попыток создания «истории поселения», из которых три предпринимались местными краеведами, и две — профессиональными учеными-историками. Как мы видим, полным успехом не увенчалась ни одна из них, однако, как раз из опыта этих попыток хорошо видна основная проблема. С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева правы, принципиально разводя «социально ориентированное историописание» и научно ориентированную «новую локальную историю». Большая часть «историй поселений» не просто социально ориентирована, но еще и направлена на закрепление патриотического мифа об истории локуса. При этом методика закрепления подобного мифа может быть разнообразной: одни авторы ориентированы на «создание» мифа путем фактической фальсификации событий локальной истории, другие «создают» миф путем реинтерпретации и преувеличения реальных событий,

а третьи вообще ориентированы только на «кодификацию» мифа, на сбор непроверенных или в принципе не проверяемых комплиментарных сведений о локальной истории. Но, в любом случае, создаваемый в итоге нарратив, с точки зрения значительной части целевой аудитории, должен прежде всего пробуждать любовь к родному краю. Подобные читатели вообще не оценивают научный уровень исследования, зато для них принципиальны социальные последствия создания подобного мифа. В двух случаях (в Аксае и в Стефанидодаре) мы могли видеть, как вопрос исторической достоверности местного мифа вообще отбрасывался его потребителями как неважный: возможная сфальсифицированность музейных объектов игнорировалась из-за их востребованности, а дату основания поселения определяли его жители, без учета замечаний профессиональных историков, зато выслушав выступление своего земляка-краеведа.

В подобной ситуации возможен, конечно, простой отказ от конкуренции между исторической наукой и любительским краеведением. Проблема, однако, заключается в том, что подобный отказ ведет к значительным негативным последствиям: ниша «историй поселений», востребованная местными жителями, региональными чиновниками, музеями и библиотеками, оказывается захвачена заведомо недостаточно компетентными людьми. В результате искажается само представление читателей о том, как должна выглядеть настоящая история. Пример такого мы тоже видели: А. П. Скорик написал фундаментальную и востребованную учеными

научно-популярную книгу о Милютинской станции, вовлекающую в научный оборот много новых архивных материалов, однако критика им местного краеведа Н. И. Приходько оказалась фактически не услышанной местными читателями, и труды этого краеведа, судя по текстам на сайтах районной администрации и библиотеки, по-прежнему играют большую роль в формировании локальной памяти жителей района.

Следовательно, единственный способ избежать обесценивания исторической науки в глазах той части читателей, которые потребляют «истории поселений», заключается в том, чтобы предложить им более профессиональные и качественные с научной точки зрения «истории поселений», в то же время способные выиграть конкуренцию за внимание местных читателей. Однако представляется, как минимум, дискуссионным вопрос о том, как при этом должен измениться сам жанр «истории поселения». В двух разобранных нами «историях поселений», написанных профессиональными историками, трансформация жанра происходит по-разному: А. П. Скорик предлагает читателю научно-популярный текст, отказываясь от изучения локального мифа в пользу исторической объективности и проверяемых фактов, а А. В. Дюкарев, напротив, принимает этот локальный миф, и кодифицирует его в той части, которая явно не противоречит известной истории. С нашей точки зрения, допустимы оба пути, но они не способны привести к однозначному успеху. Научно-популярный нарратив все же ориен-

тирован на подготовленного потребителя, а местный читатель часто и плохо подготовлен к восприятию серьезного текста, и просто не заинтересован в чтении «нелицеприятной» истории о своем локусе. Соглашаясь же участвовать в создании локального мифа, профессиональный историк, напротив, рискует создать не вполне достоверный труд. С нашей точки зрения, возможен еще третий вариант работы с материалом: изучение локального мифа, но не с позиции его принятия, а с позиции аналитической, с попытками объяснить, почему именно эти мифы оказались востребованы у жителей локуса. Мы, собственно, попытались применить его в своей статье, однако и он не является оптимальным, поскольку вообще деконструирует дорогой многим жителям локальный миф.

Тем не менее, можно констатировать одно: несмотря на недостаточное внимание со стороны профессиональных историков, жанр «истории поселений» востребован читателями и важен для формирования исторической памяти. Как нам представляется, необходимо изучать его, в том числе и методологически: обычно, когда мы говорим о кризисе современной исторической науки, мы упускаем из виду подобное давление на историю снизу, попытки непрофессиональных историков писать исторические труды, не относящиеся к «фольк-хистори», не противопоставляющие себя исторической науке — но, на самом деле, все равно лежащие вне ее и искажающие взгляды своих читателей на «настоящую» историю.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Виртуальная выставка б/д — Межпоселенческая центральная библиотека Мясниковского района Ростовской области. В краю степей необозримых (к 85-летию Ростовской области). Виртуальная выставка. URL: https://www.chaltlib.ru/articles/resurs/jubilei_goda/75_let_rostovskoi_oblast/virtualnaja_vystavka/ (дата обращения: 13.12.2022).

Выписка 2018 — Администрация Круглянского сельского поселения Азовского района Ростовской области. Выписка из протокола схода граждан от 22.09.2018 года. URL: <http://xn--c1aenbemilmq8k.xn--p1ai/vypiska-iz-protokola-skhoda-grazhdan-ot-22-09-2018-goda.html> (дата обращения: 13.12.2022).

Граф 2012 — *Граф В.П.* Наш Константиновск. Ростов-на-Дону, 2012.

Джунько 2019 — *Джунько М.С.* Аксай под одной обложкой // Донской временник. Год 2019-й. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=1697 (дата обращения: 13.12.2022).

Ерусалимский 2018 — "Такого историка, как Владимир Мединский, нет". Интервью с К.Ю. Ерусалимским // Историческая Экспертиза. 2018. № 1.

Зенюк б/д — *Зенюк Д.И.* Дата основания села Стефанидинодар // Читай-Телнеделя. URL: <https://www.xn----7sbb3agh6cxb.xn--p1ai/index.php/article/1845-data-osnovaniya-selastefanidinodar.html> (дата обращения: 13.12.2022).

Зенюк, Мирошниченко 2018 — *Зенюк Д.И., Мирошниченко А.А.* К вопросу о профессиональной этике // Донской временник. Вып. 27. Ростов-на-Дону, 2018.

Призыв 2022 — Призыв. Новости города Крымска и Крымского района. К 157-летию станицы Троицкой вышел свет книга «Станица Троицкая: история и судьбы». URL: [\[stanica-troickaja-istorija-i-sudby\]\(#\) \(дата обращения: 13.12.2022\).](https://www.xn--24-dlcte5bh4g.xn--p1ai/sobitiya/51142-k-157-letijustanicy-troickoj-vyshla-v-svet-kniga-</p></div><div data-bbox=)

Кательников 1886 — *Кательников Е.Н.* Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886.

Краеведение б/д — Муниципальное бюджетное учреждение культуры Ростовской области Милютинская межпоселенческая центральная библиотека. Краеведение. URL: <https://mil-lib.rnd.muzkult.ru/kv> (дата обращения: 13.12.2022).

Краеведческие чтения 2021 — Луч. Информационно-политическая газета Милютинского района. «С малой родины моей начинается Россия». Краеведческие чтения к 85-летию Николая Ивановича Приходько. URL: <https://gazetaluch.ru/s-malaj-rodiny-moej-nachinaetsya-rossiya/> (дата обращения: 13.12.2022).

Лобжанидзе 2004 — Аксайский район: история и современность / Сост. *Лобжанидзе В.Н.* Ростов-на-Дону, 2004.

Любые темы 2016 — Официальный сайт Администрации Милютинского района Ростовской области. Любые темы. URL: <http://old-milutka.donland.ru/Blog/ViewPost.aspx?pageid=98016&ItemID=49356&mid=91207> (дата обращения: 13.12.2022).

Моложавенко 1984 — *Моложавенко В.С.* «Был и я среди донцов...». Ростов-на-Дону, 1984.

Назаренко 2017 — *Назаренко В.В.* Именем Стефаниды // Донской временник. Вып. 26. Ростов-на-Дону, 2017.

Назаренко б/д а — *Назаренко В.В.* Сколько лет Стефанинодару? // Читай-Телнеделя. URL: <https://www.xn----7sbb3agh6cxb.xn--p1ai/index.php/article/1831-skolko-let-stefanidinodaru.html> (дата обращения: 13.12.2022).

Назаренко б/д б — *Назаренко В.В.* Об историографической достоверности и профессиональной этике // Донской

временник. Вып. 28-й. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/1/art.aspx?art_id=1711 (дата обращения: 13.12.2022).

Перечень публикаций 2014 — Администрация Константиновского района Ростовской области. Перечень публикаций по истории города Константиновска и Константиновского района. URL: <https://konstadmin.ru/2013-10-31-04-45-05/1737.html> (дата обращения: 13.12.2022).

Приходько 2001 — *Приходько Н.И.* Летопись Милютинского края: 125-летию образования Милютинского юрта посвящается. Волгодонск, 2001.

Создатель аксайской истории б/д — Муниципальное бюджетное учреждение культуры Аксайского района Межпоселенческая центральная библиотека им. М. А. Шолохова. «Создатель аксайской истории» URL: <http://libr-aksay.ru/?activ=4&page=17416> (дата обращения: 13.12.2022).

Сокольский б/д — Сокольский Э.А. Музей, ставший легендой // Донской временник. Вып. 28-й. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=1780 (дата обращения: 13.12.2022).

Стаценко 2020 — *Стаценко Т.* Теперь у села Стефанинодар есть день рождения // Приазовье. URL: <https://priazove.ru/teper-u-sela-stefanidinodar-est-den-rozhdeniya/> (дата обращения: 13.12.2022).

Сухинина 2007 — *Сухинина Е. Ф.* Она живет краеведением // Вып. 16. Ростов-на-Дону, 2007.

Трущелев 2018 — *Трущелев Ю.В.* Аксайскому военно-историческому музею — 70 лет. Ростов-на-Дону, 2018.

Хронологические вехи б/д — Муниципальное бюджетное учреждение культуры Аксайского района Межпоселенческая центральная библиотека им. М. А. Шолохова. «Хронологические вехи аксайского района» URL: [\[aksay.ru/?page=18476&activ=45\]\(http://aksay.ru/?page=18476&activ=45\) \(дата обращения: 13.12.2022\).](http://libr-</p>
</div>
<div data-bbox=)

Юрганов 2018 — "Плевали власти на мнение общества. Все что мы говорим — ерунда для них". Интервью с А.Л. Юргановым // Историческая Экспертиза. 2018. № 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аваков 2008 — *Аваков П.А.* Аксай — родина слонов // Донской временник. Вып. 17. Ростов-на-Дону, 2008.

Гадицкая 2018 — *Гадицкая М.А.* Голод в колхозной деревне юга России: стратегии выживания в 1932–1933 годах // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 4.

Дюкарев, Шамара 2021 — *Дюкарев А.В., Шамара А.А.* Станица Троицкая: история и судьбы. Краснодар, 2021.

Маловичко, Румянцева 2012 — *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки // Регіональна історія України. Київ, 2012. Вип. 6.

Маловичко, Румянцева 2013 — *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки. Статья вторая // Регіональна історія України. Київ, 2013. Вип. 7.

Мининков 2011 — *Мининков Н.А.* Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов-на-Дону, 2011.

Мининков 2016 — *Мининков Н.А.* «Стольпинский» проект на Дону: донской экономист И. В. Тимощенко о переселениях казаков и создании новых станиц // Новое прошлое/The New Past. 2016. № 4.

Ратьковский 2021 — *Ратьковский И.С.* Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 годы. СПб., 2021.

Сень 2022 — *Сень Д.В.* Научные реконструкции биографии Степана Разина: достижения, проблемы, перспективы // Славяноведение. 2022. № 4.

Скорик 2015 — Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015.

Шадрина 2013 — Шадрина А. В. Краевед должен быть историком // Донской временник. Вып. 22. Ростов-на-Дону, 2013.

Яхтуль 2021 — Яхтуль Ю. А. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в советской России 1921–1929 гг. на примере Кубани и Дона. Краснодар, 2021.

REFERENCES

Avakov P. A. Aksai — rodina slonov. *Donskoi vremennik*. vol. 17. Rostov-na-Donu, 2008.

Dyukarev A. V., Shamara A. A. *Stanitsa Troitskaya: istoriya i sud'by*. Krasnodar, 2021.

Gaditskaya M. A. Golod v kolkhoznoi derevne yuga Rossii: strategii vyzhivaniya v 1932–1933 godakh. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2018. no. 4.

Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki. *Regional'na istoriya Ukraini*. Kiiiv, 2012. vol. 6.

Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki. *Stat'ya vtoraya. Regional'na istoriya Ukraini*. Kiiiv, 2013. vol. 7.

Mininkov N. A. «Stolypinskii» proekt na Donu: donsnoi ekonomist I. V. Timoshchenkov o pereseleniyakh kazakov i sozdanii novykh stanits. *Novoe proshloe/The New Past*. 2016. no 4.

Mininkov N. A. *Donskoi istorik esaul Evlampii Nikiforovich Katel'nikov*. Rostov-na-Donu, 2011.

Rat'kovskii I. S. *Belyi terror. Grazhdanskaya voina v Rossii. 1917–1920 gody*. St. Petersburg, 2021.

Sen' D. V. Nauchnye rekonstruktsii biografii Stepana Razina: dostizheniya, problemy, perspektivy. *Slavyanovedenie*. 2022. no. 4.

Shadrina A. V. Kraeved dolzhen byt' istorikom. *Donskoi vremennik*. vol. 22. Rostov-na-Donu, 2013.

Skorik A. P. *Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii*. Novocherkassk, 2015.

Yakhtul' Yu. A. *Transformatsiya vzaimootnoshenii vlasti s kazachestvom i krest'yanstvom v sovetskoi Rossii 1921–1929 gg. na primere Kubani i Dona*. Krasnodar, 2021.

Н. Н. Морозов

РУМЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1989 ГОДА КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются предпринимаемые в Румынии попытки дать правовую оценку действиям лидеров восстания против диктатуры Чаушеску в декабре 1989 года, прослеживаются перипетии так называемого «дела революции», показывается политическая подоплека этих усилий.

Ключевые слова: дело революции, Чаушеску, генеральный прокурор, Высший кассационный суд, Джелу Войкан Войкулеску

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, публицист, переводчик (Бухарест, Румыния).

Контактная информация: morozovvv1952@mail.ru

N. N. Morozov

ROMANIAN REVOLUTION OF 1989 AS THE SUBJECT OF A CRIMINAL INVESTIGATION

The article examines the attempts made in Romania to give legal assessment to the actions of the leaders of the insurrection against the dictatorship Ceausescu in December 1989, the ups and downs of so called «the dossier of the revolution», shows the political subcurrent of these efforts.

Key words: dossier of the revolution, Ceausescu, prosecutor general, High Court of Cassation, Gelu Voican Voiculescu

About the author: Morozov Nikolay N., candidate of Philological Sciences, publicist, translator (Bucharest, Romania).

Contact information: morozovvv1952@mail.ru

Подходы к декабрьской революции 1989 года в Румынии на протяжении трех десятилетий были самыми разными. Одни торжественно называли

то, что произошло в те памятные дни, «революцией», другие гневно — «переворотом» или «заговором», третьи предпочитали нейтральное «собы-

тия» и даже презрительное «декабрьский переполох». Однако кульминационной точки этот разнობой достиг в момент, когда руководители страны (парадоксальным образом, главные выгодоприобретатели тех «событий») решили рассматривать происшедшее как преступление и завести по этому поводу уголовное дело.

(Чтобы сразу внести ясность, отметим, что сегодня румынские исследователи пришли практически к единому мнению: то, что случилось в декабре 1989 года, было народным восстанием, на которое «наложился» заговор; весь процесс, завершившийся принятием новой конституции в 1991 году, представляет собой революцию, поскольку привел к коренным переменам в государственном устройстве Румынии).

Первые протесты в Румынии против Николае Чаушеску (1918–1989) начались 16 декабря 1989 года в Тимишоаре и были жестоко подавлены. Созванный властями 21 декабря в Бухаресте для осуждения «беспорядков в Тимишоаре» митинг стихийно вылился в демонстрацию протеста, участники которой стали кричать: «Долой Чаушеску!» 22 декабря диктатор бежал на вертолете из окруженного многотысячной толпой здания ЦК Румынской компартии.

Вечером того же дня в Бухаресте прозвучали первые выстрелы, и в стране начались вооруженные столкновения между сторонниками революции и так называемыми террористами, которые, как будто, защищали режим Чаушеску. Хотя от их рук погибло более тысячи человек, до сих пор остается загадкой,

кем были эти таинственные террористы, так как ни один из них не был убит или арестован.

Николае и Елена Чаушеску были задержаны вечером 22 декабря в районе Тырговиште в 80 километрах от Бухареста. Чрезвычайный революционный трибунал осудил чету 25 декабря в гарнизоне Тырговиште по обвинениям в геноциде (более 60 тысяч жертв), организации вооруженных действий против народа, подрыве национальной экономики и попытке бежать из Румынии с присвоением более 1 миллиарда долларов в иностранных банках.

Немедленно после вынесения приговора Николае и Елена Чаушеску были расстреляны. Сообщения об этом процессе, который в прессе был назван «последним сталинистским процессом в Европе», вызвали волну протестов за границей, приведя к дискредитации нового румынского руководства.

Лидеры революции оправдывали скоротечный процесс и поспешную казнь Чаушеску необходимостью прекратить охватившие страну вооруженные столкновения. «Это было нужно, чтобы остановить гибель людей, — сказал в преддверии 30-летия со дня расстрела Чаушеску агентству Медиафакс бывший президент Румынии Ион Илиеску. — Было видно, что после процесса и казни все военные столкновения прекратились. Решение было правильным, и это был единственный выход из этой драмы и трагедии для всех» (mediafax.ro б/д).

После этого в стране были проведены фундаментальные преобразования:

восстановлена частная собственность, введена многопартийность, провозглашены права и свободы человека.

Сегодня в Румынии декабрьская революция 1989 года считается одним из основополагающих событий в истории страны.

Впервые прокуроры открыли «дело революции», которое журналисты называют самым затяжным в истории румынского правосудия, еще в 1990 году. Задачей следователей было определить виновных в гибели более тысячи человек и ранении свыше 3,5 тысяч человек во время декабрьских событий 1989 года.

После продолжавшихся четверть века проволочек в октябре 2015 года прокуроры решили закрыть «дело революции», придя к выводу, что перестрелка была результатом хаоса, паники и вакуума во власти после бегства Чаушеску.

В начале 2016 года, однако, президент Румынии Клаус Йоханнис назвал дело «большой задолженностью румынского правосудия». В результате «дело революции» было в этом же году вновь открыто, а в апреле 2018 года Иону Илиеску и ряду других лидеров декабрьской революции было официально предъявлено обвинение в преступлении против человечества.

В свою очередь, Илиеску назвал действия румынского правосудия «фарсом». «Народное восстание привело к вакууму власти, — написал он в своем блоге. — Ряд людей из самых разных слоев общества и самых раз-

ных политических убеждений попытались придать смысл и направление переменам, взяли на себя ответственность. Теперь их обвиняют в том, что они осмелились сделать это. Все превращается в фарс, оскорбляющий жертву и память тех, кто боролся за свободу и демократию» (ioniliescu.wordpress.com б/д).

В декабре 2018 года было возбуждено уголовное преследование против Илиеску и ряда других лидеров революции.

8 апреля 2019 года генеральный прокурор Аугустин Лазэр сообщил на пресс-конференции, что военное отделение Генеральной прокуратуры Румынии завершило следствие по «делу революции» и передало его в суд. «Завершение этого дела означает, что достигнута одна из важнейших целей, поставленных три года назад, — закрытие исторических дел», — сказал он. Генпрокурор уточнил, что «дело революции» насчитывает 3330 томов, из которых, по его словам, 2030 были подготовлены после 13 июня 2016 года, и принес извинения в связи с тем, что следствие продолжалось почти 30 лет. Было опубликовано обвинительное заключение (501 страница).

Обвинения в преступлении против человечества были вновь предъявлены экс-президенту Иону Илиеску, бывшему вице-премьеру Джелу Войкану Войкулеску и бывшему командующему ВВС, генералу Иосифу Русу.

В это время 89-летний Ион Илиеску был уже пенсионером (1 апреля 2019 года в одной из бухарестских

больниц он перенес операцию на сердце), 78-летний Джелу Войкан Войкулеску занимал пост генерального директора Института румынской революции в декабре 1989 года (институт ликвидирован правительством в декабре 2019 года, потом восстановлен в марте 2021 года на основе постановления Конституционного суда с новым руководством, в настоящее время находится в процессе реорганизации), а 83-летний Иосиф Рус был председателем Румынской ассоциации по пропаганде и истории авиации, практически не участвовал в общественной жизни.

Президент Румынии Клаус Йоханнис приветствовал завершение прокурорами следствия по делу о румынской революции 1989 года и передачу дела в суд. «Президент Клаус Йоханнис считает, что это чрезвычайно важный шаг после долгого ожидания правды о декабрьских событиях 1989 года», — указывается в сообщении, размещенном на сайте президентской администрации. «Преступления революции не могут оставаться безнаказанными!» — указывается в нем. «В декабре 1989 года коммунистический режим обрушился так же, как и утвердился: путем преступлений и злоупотреблений» (presidency.ro б/д).

Предварительные слушания по делу о румынской революции 1989 года начались в 29 ноября 2019 года в Высоком кассационном суде Румынии (высшая судебная инстанция).

22 мая 2021 года суд решил вернуть «дело революции» следователям. Инстанция констатировала

ряд нарушений в обвинительном заключении и постановила исключить часть доказательств из дела, предоставив военной прокуратуре 5 дней, чтобы исправить погрешности и сообщить суду, сохраняет ли она намерение отправить обвиняемых в суд или ходатайствует об отзыве дела.

3 августа 2022 года Генеральный прокурор Габриела Скутя сообщила, что «дело революции» вновь направлено в суд, а 16 августа на сайте Генеральной прокуратуры было размещено новое обвинительное заключение (345 страниц), «учитывая <...> общественный интерес к обстоятельствам, установленным на основе доказательств для направления дела в суд».

Согласно этому документу, «начиная с полудня 22.12.1989, была развернута широкая, систематическая и комплексная операция по введению в заблуждение (диверсии и дезинформация), инициаторами которой были военно-политические лидеры Румынии, пришедшие к государственной власти 22 декабря 1989 года».

Они «внедрили в сознание всех румын, в том числе среди вооруженных сил, идею существования мощных контрреволюционных сил и необходимости их ликвидировать». Последствием этого стало «распространение общего психоза терроризма», который «привел к многочисленным ситуациям братоубийственного огня, хаотичной стрельбы, огромного расхода боеприпасов».

В результате в период 22–30 декабря, согласно документу, были убиты 857 человек и 2382 ранены, то есть значи-

тельно больше, чем в период репрессий, проведенных по указанию Чаушеску в период 16–22 декабря (153 убитых и 831 раненых).

По последним данным, в период 17–31 декабря 1989 года в крупнейших городах Румынии погибли 1166 человек (*Grigoriu* 2013).

«Во время революции [в Румынии] не действовали террористические силы, <...> иностранные силы или другие внутренние засекреченные силы (типа структур сопротивления)», — указывается в обвинительном заключении. «Объяснимо, что спецслужбы различных государств интересовались событиями в Румынии. Не было доказательств, что представители этих разведструктур принимали участие в вооруженных действиях на территории страны».

В документе особо отмечается, что в последние годы диктатуры в Румынии сложилась «диссидентская группировка, поставившая цель устранить президента Николае Чаушеску, но удержать Румынию в сфере влияния СССР». Утверждается также, что «группировка Илиеску» тщательно скрывала свои «просоветские симпатии», поскольку они «могли помешать захвату и удержанию власти в государстве, а также ее легитимации в глазах общественного мнения, будучи известна антисоветская позиция большинства румынской общественности». (*public.g* б/д).

24 февраля 2023 года Высокий кассационный суд неожиданно пришел к выводу, что не обладает необходимой компетенцией для рассмотре-

ния «дела революции», поскольку в период событий (22–30 декабря 1989 года) Ион Илиеску не был президентом Румынии, и передал дело в Бухарестский апелляционный суд.

В настоящее время «дело революции» находится в привычном подвешенном состоянии.

Нетрудно заметить, что на протяжении времени отношение к «делу революции» в Румынии менялось в зависимости от политического контекста. Этот контекст в течение уже трех десятилетий характеризуется противостоянием левых и правых политических сил. Сразу после 1989 года это были ФНС, с одной стороны, и «исторические партии», включая Национал-либеральную партию (НЛП), — с другой, затем — правящая Социал-демократическая партия (СДП) и лидер оппозиции НЛП.

Так, в 2016 году «Дело революции» было вновь открыто по инициативе только что избранного президента Клауса Йоханниса — бывшего лидера НЛП. Собственно, и генеральный прокурор признал, что две трети доказательств нового обвинительного заключения было собрано после июня 2016 года.

В ноябре 2021 года двум, казалось бы, непримиримым политическим партиям — НЛП и СДП — удалось достигнуть компромисса и сформировать коалиционное правительство, опирающееся на солидное большинство в парламенте. Таким образом, после продолжительного периода политической нестабильности Румыния стала управляемой. Можно

предположить, что этим и объясняется нынешнее «подвешенное» состояние «дела революции». Надолго ли?

Если все же начатый судебный процесс будет доведен до конца, и обвиняемые станут виновными, то это будет означать, что в 1989 году ФНС взял власть незаконно — при помощи «диверсий и дезинформации». Таким образом будет дискредитирована и его наследница — СДП. От такого удара румынским социал-демократам, особенно перед приближающимся 2024 годом, когда в стране должны пройти президентские, парламентские и местные выборы, оправиться будет нелегко.

Комментируя «дело революции», влиятельный публицист Ион Кристою заявил, что власти фактически поддержали тезис о том, что в декабре 1989 года в Румынии произошел государственный переворот, и это означает, что «с официальной точки зрения, этот момент национальной гордости не существует» (cristoiublog.ro б/д).

Бывший заместитель премьера Румынии Джелу Войкан Войкулеску назвал «дело революции» нелепым. «Это абсурд, потому что революцию нельзя судить, — сказал он автору этих строк. — Революция это — перелом в жизни общества, насильственное и глубоко незаконное событие по отношению к существовавшему до этого правовому порядку».

«К сожалению, изучение декабрьских событий 1989 года постепенно становится политическим инструментом, — считает глава Европей-

ской ассоциации геополитических и стратегических исследований «Георге И. Брэтиану», историк Константин Корняну. — Вмешательство военной прокуратуры в исследование исторического явления и выводы следствия возрождают старую тему из 1990-х годов — о том, что революция была «украдена» группировкой Иона Илиеску. Думаю, что, по сути, речь идет о поисках козла отпущения за неудачи Румынии в последние десятилетия».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

mediafax.ro б/д — URL: <https://www.mediafax.ro/social/interviu-exclusiv-ion-iliescu-au-fost-oameni-legati-de-interesele-clanului-ceausescu-care-s-au-simtit-datorisa-isi-indeplineasca-misiunea-pentru-care-fusesera-platiti-18677529> (дата обращения 18.05.2023).

ioniliescu.wordpress.com б/д — URL: <https://ioniliescu.wordpress.com/page/3/> 13.4.2018 (дата обращения

presidency.ro б/д — URL: <https://www.presidency.ro/ro/media/comunicate-de-presa/comunicat-de-presa1554723052> (дата обращения 18.05.2023).

https://www.mpublic.ro/sites/default/files/PDF/rechizitoriu_revolutie.pdf (дата обращения 20.05.2023).

cristoiublog.ro б/д — URL: <https://www.cristoiublog.ro/gindul-lui-cristoiu-de-marti-9-aprilie-2019/> (дата обращения 18.05.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК/ REFERENCES

Grigoriu 2013 — Grigoriu Alexandru Eroii martiri in statistici; editura Institutului revolutiei romane din decembrie 1989, Colectia Biblioteca IRRD, Bucuresti, 2013, p.101.

«НИКТО НЕ ОСУЖДЕН И НЕ АРЕСТОВАН ЗА УБИЙСТВО УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТОВ И ПОЛИЦЕЙСКИХ ВО ВРЕМЯ МАЙДАНА». Интервью с И. Качановским

Украинско-канадский политолог Иван Качановский в своем интервью делится результатами своих исследований трагических событий в Украине, на митинге в Киеве, 18 февраля 2014 г. В этот день в ходе столкновений властей и демонстрантов были убиты более 100 человек среди полиции и гражданского населения.

Ключевые слова: Украина, Киев, Майдан, столкновения полиции и демонстрантов, снайперы.

Сведения об авторе: Иван Качановский, украинско-канадский политолог, преподает в Школе политических исследований Оттавского университета (Канада).

Контактная информация: ikatchan@uottawa.ca

"NOT A SINGLE PERSON IS CONVICTED OR ARRESTED FOR THE MAIDAN MASSACRE".
Interview with I. Katchanovski

The Ukrainian-Canadian political scientist Ivan Katchanovsky, in his interview, shares the results of his research on the tragic events in Ukraine, at a rally in Kiev, February 18, 2014. On that day, more than 100 people among the police and civilians were killed during clashes between the authorities and demonstrators.

Key words: Ukraine, Kyiv, Maidan, clashes between police and demonstrators, snipers.

About the author: Ivan Katchanovski is a Ukrainian-Canadian political scientist based in Ottawa. He teaches at the School of Political Studies at the University of Ottawa (Canada).

Contact information: ikatchan@uottawa.ca

Автор книги: Cleft Countries: Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova. Ibidem-Verlag, 2006; Nina Virchenko, Ivan Katchanovski, Viktor Haidey, Roman Andrushkiw and Roman Voronka (editors). Development of the Mathematical Ideas of Mykhailo Kravchuk (Krawtchouk). National Technical University of Ukraine, Kyiv and Shevchenko Scientific Society (USA), New York, 2004; Seymour Martin Lipset and Noah M. Meltz, Rafael Gomez and Ivan Katchanovski. The Paradox of American Unionism: Why Americans Like Unions More Than Canadians Do, But Join Much Less. Cornell

University Press, 2012; Ivan Katchanovski, Zenon E. Kohut, Bohdan Y. Nebesio, Myroslav Yurkevich. Historical Dictionary of Ukraine. Scarecrow Press, 2013.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Дорогой профессор Качановский, поводом для нашего интервью стал возмутительный случай, когда рецензенты и редактор научного журнала, название которого вы скрываете, одобрили вашу статью об убийствах демонстрантов на Майдане, но редколлегия отказалась ее публиковать по политическим соображениям. Прежде чем обсудить это скандальное событие, я бы предложил поместить его в более широкий контекст: Как быть честному исследователю в ситуации российского вторжения в Украину, возможно ли критиковать прегрешения украинских политиков, если мы знаем, что российская пропаганда использует эти сведения для дискредитации Украины?

И.К.: Мое исследование убийств на Майдане носит исключительно академический характер. Честный ученый не может цензурировать или фальсифицировать результаты научного исследования по каким-либо политическим причинам, в том числе и с целью скрыть или обелить массовые убийства. Стрельба по участникам Майдана является не просто нарушением прав человека, но политическим массовым убийством. Действовавшие в интересах олигархов крайне правые политики, которые были вовлечены в убийства на Майдане, виновны не только в этом тяж-

ком политическом преступлении, но они также в значительной мере несут ответственность за губительные для Украины последствия их действий, которые привели к свержению украинского правительства и в огромной степени содействовали российской аннексии Крыма, гражданской войне на Донбассе, российской вооруженной интервенции в Крыму и на Донбассе и международным конфликтам между Украиной и Россией, а также Западом и Россией. Россия чрезвычайно обострила эти конфликты, вторгнувшись в Украину 24 февраля 2022. Российская пропаганда по поводу Майдана и этой войны ни в коей мере не основана на научных исследованиях. Более того исследования академических ученых, в том числе и мои демонстрируют, что заявления российского правительства и российских СМИ по поводу «фашистского переворота» 2014, «неонацистского режима» и «геноцида русских» в Украине являются ничем иным как пропагандой. Я не даю интервью российским изданиям. Перед российским вторжением в Украину я отказался участвовать в качестве эксперта в специальном заседании Совета безопасности ООН, посвященном убийству демонстрантов в ходе Майдана.

Я уже писал в американских¹ и канадских² изданиях перед войной,

¹ Katchanovski, Ivan. Lies About Ukraine Conflict Are Standing in the Way of a Peaceful Resolution. URL: <https://truthout.org/articles/lies-about-ukraine-conflict-are-standing-in-the-way-of-a-peaceful-resolution/>

² Katchanovski, Ivan. The hidden origin of the escalating Ukraine-Russia conflict. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/the-hidden-origin-of-the-escalating-ukraine-russia-conflict>

что мирное разрешение гражданской войны на Донбассе и украинско-русского конфликта невозможно без выявления и отдачи под суд преступников, виновных в убийствах участников Майдана. Это также может помочь достичь мирного завершения украинско-русской войны и «войны по доверенности» между Западом и Россией. Поддержка, по меньшей мере де факто, американским и другими западными правительствами свержения украинского правительства при помощи организации массовых убийств на Майдане показывает, что США и Запад в целом сыграли ключевую роль в начале конфликта с Россией и после Майдана используют Украину, особенно в ходе нынешней войны, в качестве государства-клиента, действующего по доверенности с целью сдержать и ослабить Россию. Правда об убийствах участников Майдана могла бы спасти Украину от фактического распада, от гражданской войны, украинско-русской войны и войны по доверенности между Западом и Россией.

С. Э.: Вы один из ведущих экспертов в сфере современной украинской политики, но я не уверен, что многие российские ученые в курсе ваших исследований по поводу убийств на Майдане. Могли бы вы в сжатом виде дать представление о ваших источниках, методологии и основных выводах?

И. К.: Итоги моего исследования убийств на Майдане были представлены в ходе крупных научных конференций в США, Швеции и Канаде, опубликованы в виде статьи в рецен-

зируемом американском журнале (*Katchanovski* 2020:5–29), и в виде главы в ведущем британском научном издательстве (*Katchanovski* 2016). Мое исследование сочетает контент-анализ всех находящихся в публичном доступе фото, видео и аудио записей убийств на Майдане на английском, украинском, русском, польском и других языках, с анализом нескольких сотен свидетельств по поводу этих убийств, который основан на методах качественного интервью. Я также изучал показания участников судебного процесса по результатам расследования убийств на Майдане, выложенные в YouTube (*Katchanovski* 2021) Мое исследование опирается на семь онлайн приложений, которые доступны в моем канале на Ютубе³. Они включают наиболее важные отрывки видеозаписей, на которых запечатлены убийства демонстрантов и полицейских, свидетельства 51 раненного участника протестов и около 150 очевидцев по поводу снайперов на Майдане.

Мой анализ показывает, что убийства протестантов и полиции на Майдане стали результатом успешной операции под ложным флагом, которая была организована под руководством олигархических и крайне правых элементов с использованием снайперов с целью свергнуть правительство и захватить власть в Украине (*Katchanovski* 2015). Десять видео показывают снайперов, связанных с крайне правыми группами, стреляющих в протестантов Майдана из гостиницы «Украина» и других, контролируемых сторонниками Майдана зданий. Восемь видео, показывают

³ URL: <https://www.youtube.com/@IvanKatchanovskiPhD>

этих же снайперов, когда они целятся и стреляют в полицию. Синхронизация видео показывает, что время и направление стрельбы бойцов Беркута, которых обвиняют в убийствах, не совпадает с обстоятельствами смерти большинства протестующих (Katchanovski 2021). Подавляющее большинство протестантов, раненых на Майдане, свидетельствовали и в ходе следствия, и на суде, что в них стреляли снайперы, которые засели в гостинице «Украина» и других зданиях, контролируемых сторонниками Майдана. Несколько сотен свидетельств очевидцев и признания 14 снайперов показывают, что массовые убийства осуществлялись под руководством некоторых лидеров Майдана. В заключениях медицинских экспертов утверждается, что во время столкновений с Беркутом почти все выстрелы производились сверху и жертвы поражались либо сбоку, либо в спину из зданий, контролируемых сторонниками Майдана. Эти же выводы подтверждаются и специалистами в области баллистической экспертизы. Правительство, пришедшее к власти в результате Майдана, и крайне правые политики несут ответственность за противодействие следствию и судебным процессам и сокрытие информации о реальных снайперах.

С.Э.: Повествование о «Небесной сотне» сыграло важную роль в свержении режима Януковича. Могли бы вы рассказать, каким образом нарратив убийств на Майдане функционирует в украинской национальной памяти посредством ритуалов, монументов, топонимов и т. д.? Эта память до сих пор сохраняет актуальность или она постепенно сходит на нет?

И.К.: Убийства на Майдане являются одним из ключевых элементов политики памяти в Украине. Несмотря на то, что российское вторжение находится сейчас в центре внимания, память о Майдане продолжает играть важную роль. По этой причине ключевой вопрос о массовых убийствах и преступниках, которые их организовали и осуществили, представляется в Украине в искаженном виде. Мемориал жертвам Майдана, который сейчас строится, призван в буквальном смысле скрыть и стереть свидетельства о реальных виновниках этой бойни. Это делается намеренно, вопреки протестам членов семей погибших участников Майдана.

С.Э.: Ваши находки противоречат господствующему в западных СМИ нарративу о том, что снайперы действовали на стороне Януковича. Какой отклик получают ваши публикации: а) среди специалистов в украинских исследованиях; б) в западных, украинских и российских медиа; в) среди украинских должностных лиц, занимающихся расследованием убийств в ходе Майдана?

И.К.: Реакции исследователей Украины различаются. Часть из них поддерживают мои выводы, другие прибегают к атакам с переходом на личности и попыткам цензурировать мои работы по политическим мотивам, в связи с тем, что им не нравятся мои публикации, которые они не в состоянии опровергнуть с помощью научных аргументов и свидетельств.

Так Дэвид Марплс, который долго возглавлял Канадский институт

украинских исследований в университете Альберты, в 2014 критиковал в своем блоге мои исследования, но с тех пор он не раз цитировал мои выводы в своих академических публикациях (Marples 2016: 424–437). Недавно он написал в Твиттере, что **в результате моих публикаций он изменил свои взгляды в отношении убийств на Майдане**. Недавно Марплс опубликовал статью, где пишет, что убийства были осуществлены **прежде всего «снайперами, стрелявшими с крыш близлежащих домов»**, но при это он считает, что «остается неясным», **кто же именно несет ответственность за эти убийства** (Marples 2020).

Мои исследования о Майдане цитировались, в основном одобрительно, более чем ста исследователями и другими экспертами⁴, в том числе последним послом США в СССР Джеком Мэтлоком, а также в книге *Ukraine Over the Edge: Russia, the West and the New "Cold War"* (Jefferson, NC: McFarland & Company, 2018) одного из ведущих американских исследователей России и Украины Гордона Хана (Gordon Hahn), в документальных фильмах BBC, а также в передачах немецкого, итальянского, израильского и американского телевидения. Многие СМИ США, Дании, Нидерландов, Германии, Испании, Швейцарии и других стран преимущественно доброжелательно воспроизводят или цитируют мои выводы по поводу убийств на Майдане. Но

большинство из ведущих западных СМИ просто не упоминают о моих выводах вопреки тому, что мои интервью, комментарии и публикации получили освещение в более чем 1000 изданиях 60 стран. При этом медиа-гиганты охотно воспроизводят мои исследования, посвященные другим конфликтам и другим случаям политического насилия в Украине⁵.

Я давал интервью по поводу убийств на Майдане нескольким украинским телевизионным каналам, в том числе Аверс ТВ из моей родной Вольны. Также мои интервью по этой проблеме публиковались во многих украинских газетах и на интернет-порталах. Несколько десятков украинских СМИ различной политической направленности приводили мои выводы преимущественно в одобрительном ключе. То же самое делали российские издания, несмотря на то, что я, за исключением двух случаев, в течение восьми лет отвергал все их запросы на интервью. При этом большинство украинских медиа просто ничего не сообщали о моих исследованиях по политическим соображениям.

Украинские прокуроры заявляли, что изучали мои исследования в ходе следствия по делу об убийствах на Майдане. Видео приложения к моим исследования со свидетельствами более чем 80 очевидцев относительно снайперов на Майдане

⁴ <https://scholar.google.com/citations?user=PtRnFQAAAAJ&hl=en>

⁵ Associated Press, BBC News Ukrainian, Fox 9 News, France 24, France Télévisions, the Daily Beast, the Guardian, Reuters, the Radio Svoboda, Vice, the Voice of America, the Washington Post, ABC Radio, OpenDemocracy, Radio National, Sky News Australia, Canadian Press, CBC, CBC News, CBC Radio, CTV, CTV News, Global TV, Globe and Mail, La Presse, the National Post, Radio Canada International, and Yahoo News Canada

были приняты в качестве видеосвидетельств, хотя я не участвовал в этом судебном процессе. Тот факт, что никто не обвинен и не арестован за убийство участников протестов и полицейских во время Майдана, демонстрирует, что правительственное расследование провалилось.

С.Э.: Могли бы вы рассказать по каким причинам ваша статья не так давно была отклонена редакцией научного журнала? Получили ли вы в связи с этим поддержку от коллег? Как вы собираетесь реагировать на этот прискорбный случай ущемления свободы академического исследования?

И.К.: Моя статья по поводу убийств на Майдане была вначале принята редактором журнала с мелкими поправками, основанными на замечаниях двух анонимных рецензентов. В своем решении о принятии моей статьи к публикации редактор пишет, что «свидетельства в пользу предлагаемой в исследовании интерпретации того, кто реально стоял за убийствами участников протестов и полицейских в ходе украинского “Евромайдана”, произошедшими 18–20 февраля 2014, являются обоснованными» и «с этим согласны оба рецензента»⁶. Отмена этого решения является чрезвычайным событием. В своем письме в редакционный совет редактор, принявший мою статью к публикации (он является профессором в области международных отношений в одном из британских университетов), пишет, что только

из моего сообщения в Твиттере ему стало известно о том, что его решение о публикации было отменено. Это письмо является еще одним доказательством того, что отмена его решения редакционным советом в высшей мере некорректна и политически мотивирована. Редактор пишет, что отказ опубликовать мою статью может быть вызван только политическими соображениями, но ни в коем случае не ее научным уровнем и приведенными в ней «убедительными свидетельствами».

Когда об этом узнал всемирно известный американский экономист Джеффри Сакс, он написал письмо в мою поддержку, где охарактеризовал мою статью как «важную», «скрупулезную», «значительную» и «тщательно документированную», посвященную «чрезвычайно важному вопросу». Сакс считает, что статья «должна быть опубликована как по причине своих превосходных научных качеств, так и потому, что изначально она была одобрена с несущественными замечаниями». Он также считает, что отказ мотивирован политическими соображениями⁷.

Я опубликовал в Твиттере все эти документы: решение редактора о принятии статьи к публикации; политически мотивированный и оскорбительный отказ редакционной коллегии и письмо в мою поддержку от Джеффри Сакса. Эта история привлекла большое внимание. Мое сообщение в Твиттере просмотрели более 300 тысяч человек⁸. Ряд амери-

⁶ https://twitter.com/I_Katchanovski/status/1611196287122116609

⁷ https://twitter.com/I_Katchanovski/status/1611201789893697537

⁸ https://twitter.com/I_Katchanovski/status/1611196287122116609

канских, британских и голландских СМИ уже написали или готовят публикации об этом акте политической цензуры и нарушения академических свобод⁹.

С. Э.: Каковы ваши научные планы?

И. К.: Я планирую издать мое исследование об убийствах на Майдане либо как статью в одном из рецензируемых журналов, либо как книгу в одном из западных академических издательств. Я также работаю над книгой, посвященной украино-российской войне и ее истокам. По поводу другой книги по украинской тематике я уже заключил договор с одним из ведущих американских научных издательств.

С. Э.: Спасибо за интервью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Katchanovski 2015 — *Katchanovski*, Ivan. The "Snipers' Massacre" on the Maidan in Ukraine. Annual Meeting of American Political Science Association. San Francisco, September 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/266855828_The_Snipers%27_Massacre_on_the_Maidan_in_Ukraine

Katchanovski 2016 — *Katchanovski*, Ivan. The Maidan Massacre in Ukraine: A Summary of Analysis, Evidence and Findings. The Return of the Cold War: Ukraine, the West and Russia. Editors: Joseph Laurence Black, Michael Johns. London: Routledge, 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/280134889_The_Maidan_Massacre_in_Ukraine_A_Summary_of_Analysis_Evidence_and_Findings

Katchanovski 2020 — *Katchanovski*, Ivan. The far right, the Euromaidan, and the Maidan massacre in Ukraine. *Journal of Labor and Society*. 2020. 23(1):5–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/337947623_The_far_right_the_Euromaidan_and_the_Maidan_massacre_in_Ukraine

Katchanovski 2021 — *Katchanovski*, Ivan. The Maidan Massacre in Ukraine: Revelations from Trials and Investigation. 10th World Congress of the International Council for Central and East European Studies. Montreal, August 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/356691143_The_Maidan_Massacre_in_Ukraine_Revelations_from_Trials_and_Investigation

Marples 2016 — *Marples* David R. Russia's perceptions of Ukraine: Euromaidan and historical conflicts. *European Politics and Society*. 2016. 17(4): 424–437. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23745118.2016.1154129>

Marples 2020 — *Marples*, David R. The Maidan Revolution in Ukraine. *E-international Relations*. 2020. 1 July. URL: <https://www.e-ir.info/2020/07/01/the-maidan-revolution-in-ukraine/>

⁹ Noah, Carl. Maidan Massacre Study Accepted and Then Rejected by Journal. URL: https://dailysceptic.org/2023/01/09/maidan-massacre-study-accepted-and-then-rejected-by-journal/?fbclid=IwAR0nOgN-mfc4TNpfqxp8g25rCZbYJ1Ms8WXfjAjCC_hMYZWKbHEKLRGuG_A; Eric van de Beek. Regering Kiev en westen negeren ware toedracht Maidan-bloedbad. URL: https://www.deanderekrant.nl/nieuws/regering-kiev-en-westen-negeren-ware-toedracht-maidan-bloedbad-2023-01-31?fbclid=IwAR3XBTSwjbkVczfoTcZ-0v0k77rnOazCI80FaljpHLh_EXo65XwjLmc9RUI

«И ТОЧНО ПОМНИМ И ТЮРЬМУ, И ТО, ЗА ЧТО САДИЛИСЬ». ИНТЕРВЬЮ С Е. М. МОЛОСТОВОЙ

Михаил Михайлович Молоствов родился в 1934 г. в семье актеров. В 1935 вся семья была выслана из Ленинграда по Кировскому делу во Ржев. Из Ржева во время войны семья переехала в Омск. В Омске М. М. закончил школу с серебряной медалью, поступил в ЛГУ им Жданова на философский факультет, который закончил в 1957. В 1958 арестован по 58 (70) статье. После лагеря работал учителем в Новгородской, Псковской и Омской областях. В 1983 «осел» с семьей в Тверской области, деревня Еремково, где работал почтальоном. Реабилитирован в 1988. В 1990 выбран от Мемориала г. Ленинграда в Совет Федерации ВС РСФСР, в 1993 – в первую государственную Думу РФ. Молоствов – Автор книг «Прямые, которые не пересекаются» и «Записки вольнодумца». Печатался в журналах «Страна и мир», «22», «Знамя», «Нева», «Звезда», «Выборче». В интервью дочь М. М. Молостова – Молостова Екатерина Михайловна, делится своими воспоминаниями об отце и их семейной жизни.

Ключевые слова: Сталинские репрессии, лагеря, арест, ссылка, диссиденты

“AND WE DEFINITELY REMEMBER BOTH THE PRISON AND WHAT WE WERE IMPRISONED FOR.” INTERVIEW WITH E. MOLOSTVOVA

Mikhail Mikhailovich Molostov was born in 1934 in a family of actors. In 1935 the whole family was deported from Leningrad to Rzhev on the Kirov case. During the war, the family moved from Rzhev to Omsk. In Omsk, M. M. graduated from school with a silver medal, entered the Faculty of Philosophy at the Leningrad State University named after Zhdanov, from which he graduated in 1957. In 1958 he was arrested under article 58 (70). After he was released from the camp, he worked as a teacher in the Novgorod, Pskov and Omsk regions. In 1983 he "settled" with his family in the Tver region, the village of Erem-

kovo, where he worked as a postman. He was rehabilitated in 1988. In 1990 he was elected from the Memorial of Leningrad to the Federation Council of the Supreme Soviet of the RSFSR, in 1993 – to the first State Duma of the Russian Federation. Molostvov – Author of the books "Direct lines that do not intersect" and "Notes of a Freethinker". He was published in the magazines "Strana i mir" ("Country and World"), "22", "Znamya", "Neva", "Zvezda", "Gazeta Wyborcza". In an interview, the daughter of M. M. Molostvov, Ekaterina Mikhailovna Molostvova, shares her memories of her father and their family life.

Keywords: Stalinist repressions, camps, arrest, exile, dissidents

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: В рамках рубрики «Семейная память» мы всегда спрашиваем о предках. А у вас предки знатные...

Е.М.: Когда рождаешься в империи, предки бывают, скажем так, смесью, причём очень сильной. С папиной стороны о меня предки родовитые – новгородские бояре, которых Иван III выслал вместе с чадами и домоладцами, дав им земли от Волги до Камы. А родовое их имение было в городке Демон, или Демьян на Явони. В прошлом году я там побывала.

При этом, фамилия «Молоствов», на самом-то деле, не очень благозвучна. Молостов – это молочный горшок, который разбили, но потом обернули берестой. В собрании Владимира Даль есть пословица: «Много новых горшков перебито, а молостов другой век служит».

А с маминой стороны мы смесь довольно странная. Бабушка была дочкой северного священника. Это был большой, очень разветвлённый род священнослужителей. К нему, в частности, относится протоиерей Философ Орнатский, её двоюродный дядя, а родной брат моего прадеда был архиепископом Семиреченским и Верненским.

Помните дом архиерея у Юрия Домбровского? Так вот это и есть дом прадедова брата, Петра Захаровича Белоликова. Его расстреляли в 1919 году за участие в белогвардейском мятеже. А прадедушку, Ивана Захаровича, и других его братьев-священников расстреляли уже в 1937 году в Левашовской пустоши.

Муж бабушки, мой дед, был крымский татарин – Мустафа. Непосредственно его репрессии не коснулись. При Врангеле от голода и тифа умерли все родные. Круглым сиротой его подобрали матросы, взяли «сыном полка» на корабль Черноморского флота. И, когда после Кронштадского мятежа флот укрепляли за счёт черноморцев, его, уже моториста, сюда и перебросили. Он плавал на Ладоге, воевал в Финскую кампанию, служил в пограничных войсках.

И вот где-то на набережной Красног флота он повстречал нашу северную бабушку, влюбился и женился на ней. Есть у нас такая семейная легенда, что ехал он на трамвае, с нашей маленькой мамой, держит её на руках – сам молодой совсем, двадцать четыре года, красивый, чернобровый – и кто-то ему кричит: «Ну что, матросик, попался!».

Ну, а дедушка по папе вырос в имении. Был мальчишкой ещё, когда случилась революция. Не был ни за белых, ни за красных, как и его отец-помещик. По образованию он был агроном — специально для того, чтобы хорошо вести в имении дела, закончил Тимирязевскую академию, тогда ещё Петровско-Разумовскую.

За участие в студенческих волнениях его однажды выслали назад в имение. Когда революция свершилась, он стал простым агрономом, работал в Петербурге. А его сын, мой дедушка, пошёл в институт искусств — был такой, его тогда называли «институт испуганных интеллигентов». Потом его закрыли, и дедушка пошёл в актёрское училище. Уже потом, в Омске, стал заслуженным артистом РСФСР.

С. Э.: Семейю вашего отца выслали по «Кировскому делу»...

Е. М.: Да, после «Дела Кирова» выслали вместе с новорождённым папой, чем, как он говорил, спасли от блокады — «спасибо» партии. Вообще всегда везло — Иван III выслал предков из Новгорода, так что Иван IV их не вырезал. Из Петербурга семью выслал товарищ Сталин — не умерли в блокаду.

Но самое интересное, что непосредственно землевладельца, Владимира Михайловича Молосткова, моего прадеда, не выслали — он был в это время в вавиловской экспедиции. И уже сам, следом за родными, уехал во Ржев. Это его тоже спасло — от репрессий, которые обрушились на генетиков.

Прадедушка был, конечно, генетик, поэтому имя Вавилова было известно папе всегда, а потом уже и нам с сестрой.

Рос папа уже сразу оппозиционным мальчиком. Ещё в школе, в десятом классе, написал Сталину письмо про то, что в стране что-то не так. Он это видел, когда ездил с бабушкой — она, артистка, гастролировала по разным городам.

А дед в то время отказался от брони и ушёл воевать — стыдно было гастролировать в штатском по городам. У него сильно было развито дворянское чувство чести.

С. Э.: Он ушёл на фронт и вернулся живой?

Е. М.: Да, живой, успел ещё с Японией повоевать, и остался жив. Хотя человек был немолодой — ему уже было близко к сорока, когда на фронт уходил.

А папа ездил с бабушкой по Казахстану, по Сибири. Там-то он и увидел впервые высланных чеченцев. Это сильно наложило на Лермонтова, и папа это тоже на всю жизнь запомнил.

В десятом классе, в том письме, он написал Сталину: «Зря вы сменили солдатский мундир на мундир генералиссимуса». Обошлось. Судя по всему, кто-то очень добрый, увидев, что это письмо школьника, просто его выбросил.

Папа поступил на философский факультет, где и встретил маму. А уже там он работал «на посадку — за ре- визионизм».

Сел он осознанно. Когда оканчивал университет и прощался с друзьями, они говорили: «Встретимся в тюрьме или в правительстве». В правительство — точнее в Верховный совет — папа вошёл только в 1990 году. А с 1958-го начались лагеря.

С. Э.: Отец рассказывал, почему решил писать статьи против советской власти, когда был ещё студентом, а потом молодым преподавателем?

Е. М.: Знаете, мы никогда не задавали папе вопроса «Почему ты начал писать?», ведь это было настолько логично. Он же совсем маленьким мальчиком читал Манифест коммунистической партии!

Его всегда интересовала суть вещей, всё происходящее, экономические связи и связь с окружающим миром — он это наблюдал, он видел жизнь.

Про папу любят вспоминать, каким он был душевным человеком. А это совсем не так — он был жёсткий человек. Просто внимательный и наблюдательный.

Очень много учился. Мама говорила, он всё своё время просиживал в «публичке», читал. Для меня это непостижимо — я пыталась читать Гегеля, но не вышло, так мы и не познакомились.

В то же время его и естественные науки волновали, были интересны. Тогда на философском факультете хорошо преподавали и точные науки. Математику читал сам Александров, физику — Фок. Да и дебаты между «лысенковцами» и генетиками шли

именно на философском факультете. Поэтому в лагерь папа попросил ему привезти учебник Вилли — первый вышедший у нас современный западный учебник по биологии.

С. Э.: Но он был марксистом, так? То есть, нельзя сказать, что это был ресентимент — сын «бывших» ненавидит советскую власть. Не было такого?

Е. М.: Нет, не было. Более того — ни у деда, ни у прадеда не было ненависти к революции. К власти была неприязнь — им было ясно, что такое наша власть, и дома это всё проговаривалось. Но «белыми» они не были.

Дед рассказывал историю, как они прятались в Казани. Город тогда переходил из рук в руки — «белые да красные, все такие разные». И он выскочил из подвала, где его мама прятала. Мальчишка двенадцати лет, очень красивый, белокурый, голубоглазый — побежал встречать белых.

И в здании дворянского собрания — оно сохранилось — офицер, руководитель белого отряда, берёт мальчика на руки. Все обнимаются, всё прекрасно. А потом вводят пленного коммуниста. И этот офицер, почти не разворачиваясь, бьёт его пистолетом по зубам.

Ну, деда бедного долго рвало в сортире ближайшем. После этого он, в общем-то, и подался в искусство.

Всё было непросто. «Россия, которую мы потеряли» — та ещё была Россия.

С.Э.: То есть, они были из той интеллигенции, которая не поддерживала царский режим?

Е.М.: Нет, не поддерживали. Хотя дворянский молодцовский гонор там был. Примерно, как у князя Болконского. Папа всегда благодарил Толстого — в Грозном он чуть не погиб. Когда начался обстрел, все попадали в грязь. А папе стыдно. И тут вспомнил, как толстовского одного, которому было стыдно — и, благодаря Льву Николаевичу, шлёпнулся в грязь, выжил.

Гонор там был, но не такой, как у друга деда — Вацлава Яновича Дворжецкого, с которым они в Омске сдружились — отец знаменитых артистов и сам прекрасный актёр. Вот там был гонор, польский! А тут — скорее самоирония.

И — вы правильно сказали — это скорее была интеллигенция. В отличие от большей части булыгинской, казанской дворянской родни — у дворян часто встречался антисемитизм — тут этого не было от слова «вообще».

С.Э.: Он, получается, критиковал советскую власть именно с марксистских позиций — за то, что она не была марксистской?

Е.М.: Да, он считал, что у нас был госкапитализм.

С.Э.: Это было целое явление. В Московском университете тоже многие так считали.

Е.М.: Да, «дело Красноперцевых», их даже посадили. Папа всю жизнь

дружил с Вадимом Козовым. Это был поэт хороший, переводчик, муж дочери писательницы Ольги Ивинской. Потом он уехал во Францию.

А со всеми остальными «красноперцевыми» отношения не поддерживались, потому что они очень плохо повели себя в лагере. Пошли на сотрудничество с режимом, надели красные повязки. Было такое грубое слово «ссучиться».

С.Э.: Они сидели в одном лагере? Расскажите об этом.

Е.М.: Ой, как в той песне — «то, что было не со мной, помню». Я ведь родилась, когда папу после лагеря в деревню отправили.

Папу пересылали несколько раз. Сначала он был в Воркуте. А с «красноперцевыми», как я понимаю, познакомился в Дубравлаге, в Мордовии. Знаменитые лагеря «от Потьмы до Барашева — путёвка в жизнь».

Про лагеря папа рассказывал, понимаете... очень весело! Я лет до двенадцати вообще думала, что лучшего места, чем лагерь, трудно себе представить — потому что там и папины друзья, с которыми он потом дружил всю жизнь, все читают стихи, учат языки, спорят... О том, что это невесело, я стала понимать позже.

О «красноперцевых» он говорил коротко, и в этом была его жёсткость: «Всё, неинтересно!». Кто-то из них приезжал к нам в Москву, когда папа стал депутатом. Тогда он чисто формально выпил чаю, сослался на головную боль и ушёл.

В то время, при Хрущёве, арестовывали очень много. Эта «оттепель»... студентами лагеря были просто набиты!

Были там и «глухари» — так называли людей, которые выступили против Хрущёва. Кто-то за Сталина — многие грузины, да и кавказцы в целом, были просталинские. Кто-то просто против Хрущёва. Но необразованные, не очень понимающие свой протест. Их за это прозвали «глухарями».

Было много «религиозных». От мамы и папы я с детства многих знаю свидетелей сами знаете кого, потому что это были очень добрые женщины, которые ездили к своим друзьям. А мама с маленькой Таней ездила — хрупкая, красивая женщина, тяжело с ребёнком в дороге, вот ей помогали.

И было очень много с Запада Украины. Просто очень много! Суровые, но тоже добрые женщины. И помогали, учили маму — как и что передать. О них всегда вспоминали тепло.

Но особенно много — студентов. Из самых разных городов.

С.Э.: Эти мордовские лагеря были созданы при Хрущёве, специально для «политических»?

Е.М.: Да, судя по всему. Дубравлаг отделили от уголовных лагерей именно при Хрущёве — для «политических».

Режим был не очень тяжёлый. Можно было передавать книги. Посылки были, свидания, письма. Много сохранили папиных писем из лагеря. Знаете, моя дочь даже к себе на ист-

фак таскала эти письма. Там очень интересно — конечно, сначала о любви: «Дорогая Риточка, Танечка!», а дальше — про экзистенциализм, про Экзюпери. Про то, что стало выходить в этот период.

То есть, мозги там всё время работали. Удавалось даже какие-то статьи передавать — папа как-то уронил рюкзачицу со статьёй, пока шёл в колонне с собаками. А мама стояла, смотрела, и успела поднять.

Единственное, что у папы жёстко осталось — нелюбовь к овчаркам. Не то, чтобы не любил собак — он вообще собачник был. Но овчарок просил не заводить.

Что их всех характеризует — они были мальчишки. Некоторые были постарше — Кирилл Косцинский, например, писатель, его так и звали — «Пис». Это были «старики». Да и папа был практически «стариком» — его посадили в 25 лет. Были те, кто помоложе. Юра Штерн (Тараканов), например, ему было восемнадцать.

Но всё равно они были мальчишки! Они лазали в уголовный лагерь за пряниками — там был ларёк с хорошим снабжением. Папа пролезал и «попка с вышки» стрелнул, прострелил ему ватник. Такие вот игры, за пряниками лазать — при том, что философию изучали.

Там же сидели по вторым срокам. Потому что те, кого забирали в первый раз, создавали в лагерях неправительственные организации и дальше. Так был создан ГРАС (Группа революционных марксистов) — и по этому делу потом дали вторые срока.

Папа подружился тогда с Давидом Мазуром, ныне уже покойным. Дядя Давид стал как брат отцу, а его дочери Фира и Мира — как сёстры нам с Татьяной.

Так они «обрастали связями». Приезжали новые. По «делу Пименова» приехал совсем молодой мальчишка, семнадцатилетний, Борис Вайль. Тоже подружился и, выйдя на свободу, естественно, поддерживали отношения.

С.Э.: Мы пропустили момент ареста, следствия — что отец про это рассказывал? Сейчас это становится актуальным.

Е.М.: Да, это очень актуально!

Арестовали папу в Ленинграде. Он приехал на каникулы, как и его друзья — Алексей Яковлевич Гаранин, Николай Солохин, Евгений Козлов. Они встретились, обсудили свои политические дела и папину статью «Status Quo».

Что-то они чувствовали, подозревали даже слежку. Папу взяли в Петербурге, а друзей — уже в городах, куда они уехали.

У них был кружок. Наш дядя Рома, физик, тоже был задействован — его не арестовали, потому что его родственник нашёл дома бумаги и сжёг.

А маму нашу не арестовали только потому, что прокурор Рожин, царство ему небесное, не подписал ордер на арест — мама была беременна.

Сначала папе дали пять, а дяде Лёше — три, потому что он успел по-

воевать. Он был старше их и был лётчик...

Но потом «за мягкостью» приговор отменили и дали «десятку». И вот это был удар страшный. Мама дяди Коли Солохина, крестьянка, прямо на суде завывала.

А папина бабушка, которая его растила и очень любила, через несколько дней умерла от инсульта, услышав о приговоре. Её звали Екатерина Михайловна — я как раз в честь неё Екатерина Михайловна.

Надо сказать, родственники повели себя замечательно. И друзья, однокурсница тётя Люда, Людмила Григорьевна Волкова. Это такая дружба — они и похоронены рядом, в Еремково... Образовалась группа поддержки. Однако, когда они приехали на суд в Москву — побоялись ехать к родне.

Мама и тётя Инна Ушацкая ночевали в троллейбусе. Их пригрела водительница — разговорились, и она им сказала просто: «Девчонки, ночуйте в парке! От тюрьмы в России никто не зарекается: сегодня вы к мужу на свидания, а завтра — я».

Но потом повезло. В это время пересмотрели уголовный кодекс и 58-ю статью заменили на 70-ю. А по семи-десятой, как говорили, «семь плюс пять порога» — нельзя жить в крупных центрах.

Когда папа вышел, включились эти «плюс пять». Официально ему ссылки не дали, но сказали в Петрозаводске: «Вы, Михаил Михайлович, определяйтесь — можно покаяться, тогда будете в Кижях работать».

С.Э.: А в Москве или Ленинграде нельзя?

Е.М.: Нет, про них даже разговора не было — только Петрозаводск.

С.Э.: Простите, хотелось уточнить — а в чём же состояло обвинение? В том, что они собирались и обсуждали советскую власть?

Е.М.: Нет, это 58-10, организованное сообщество. То есть, ревизионизм, критика советской власти, но главное — что организовано всё. Ну и плюс агитация, пропаганда. Потому что они читали свои лекции и в Политехе, и на других факультетах университета.

С.Э.: Это были студенческие семинары, и они проходили в антисоветском ключе?

Е.М.: Да, конечно, они всё проговаривали. Вы же понимаете, XX и XXII съезд, осуждать было что.

С.Э.: Им показалось, что уже настала свобода, что можно обсуждать?

Е.М.: Да, но при этом подавлено Венгерское восстание, казнён Имре Надь. Папа потом, в 94, награждён был орденом Венгрии.

Как и Литвы — он ездил в 91 защищать свободу Литвы.

Мне очень приятно — мой ученик, студент второго курса в Будапеште, — рассказал, что один из преподавателей-врачей знает о делах, прошедших в России после Венгерского восстания, и знал фамилию моего папы. Это было очень трогательно.

Даже, пожалуй, трогательнее, чем орден — что есть память врачей.

С.Э.: Хотелось бы практический вопрос задать. Отец говорил, как вести себя на следствии, что рассказывать следователю?

Е.М.: Знаете, они все очень волновались, когда стало возможным получить дела — вдруг лишнего наговорили по молодости. Не наговорили.

Удивительно: против папы вели дело как против главного организатора (поэтому самый большой срок), а единственной реально уликой было то, что в одном из маминых писем говорилось: «Мишка как организатор — ноль».

Говорили они всё правильно. Тогда ещё не было описано, как вести себя на допросах. Но они знали историю. И я очень благодарна, что они и меня, человека совершенно не гуманитарного, в изучение истории носом тыкали.

Папа много читал о народовольцах, о Вере Фигнер. Да ещё и с семьёй Фигнер дружил, с её племянницей — это были дорогие имена. Всё было продуманно. И нам папа достаточно жёстко передавал этот навык. Вот почему я за ваши статьи уцепилась-обрадовалась, почему читала Давыдова (папа дружил с ним). Потому что давали и говорили, что это надо читать.

У папы есть стихотворение, которое он заканчивает словами: «Точно помним мы тюрьму, и за что садились». Они сели идейно.

Папа всегда говорил, что это не спорт и не мода. КОГДА я вступила

в Демократический Союз Новодворской и нас стали таскать в КГБ, папа говорил: «Ты понимаешь, что это?! Всё должно быть продуманно». Он очень за меня боялся.

И эту брошюру «Как вести себя на допросах» он не одобрил — лучше не говорить, не играть с ними. Отказаться давать показания — самый надёжный вариант — «Ваше дело, ищи, начальник». И никаких договоров — они всё равно переиграют.

Не только у народовольцев были несчастные истории с Гришкой Гольденбергом, когда идёшь на сделку со следствием, чтобы сделать лучше всем. Охранка переиграет обязательно, так что — не играть.

А ещё, когда начался ДС, папа дал мне омерзительное произведение — «Бесы» Достоевского. Я плевалась, но — мне велели, я читала. Вся эта нечаевщина, азевовщина — папа тоже всегда об этом говорил.

Вот родился он серьёзным политиком. Любил многих диссидентов, дружил с ними, но был всё же отдельно. Он был не за «соблюдайте нашу Конституцию», а за изменение режима. Читал, конечно, и Дьёрдя Лукача. Одно время дружил с Михаилом Лифшицем. Но потом Лифшиц, будучи уже старым и «догматичным», испугался папиных фокусов.

Папа был за изменение режима однозначно, и поэтому его довольно жёстко «пас» Андропов. В сахаровском архиве нашли записки Андропова в ЦК: «а Молоствов преподаёт, это недопустимо!».

Представьте себе эту жуткую глухомань, дно — Дновский район, деревня Рвы, девять километров до автобуса пешком. Когда Андропов пришёл к власти, папе запретили преподавать вообще. Он пошёл в почтальоны. Я думаю, именно поэтому — Андропов, посмотрев на Венгрию, понимал, чего надо бояться.

С. Э.: В каких городах и местах жили ваши родители после лагеря?

Е. М.: Сперва в Новгородской области. Потом решили, что лучше поближе к родителям папиным — это Омская область, Алексеевка, на границе с Казахстаном, степная Сибирь. Потом мама поняла, что умрёт в Сибири — у неё начались депрессии от этой степи — так что переехали в Дновский район, но вскоре там закрыли школу, пришлось искать другую, там же, в Псковской области.

А потом стало ясно, что снова, наверное, будут сажать. «Хронику текущих событий» тогда начали громить. Арестовали СМОД в Петербурге — у них были папины статьи, которые уходили за границу. Он печатался в израильском журнале «22» и мюнхенском «Страна и мир» у Кронида Любарского. Стало понятно, что надо иметь своё жильё, а не школьное. Да и родители старели — вот и купили домик в Еремково, у самой железной дороги. Там и мама и похоронена, и папины родители.

Они не дожили до папиной реабилитации. Мне в этой истории жальче всех папину маму. Она, знаете, ходила в гости к деревенским старушкам и рассказывала, какой Мишенька почтальон у неё на самом деле ум-

ный, философ... Что-то из чеховского «Архиерея», которого я недавно перечитывала.

Родители прожили хорошую жизнь. Может, мы с сестрой такие непробиваемые оптимисты именно потому, что у нас всегда было много друзей, дома — много книг. И был мир — родителей любили в школе, наш еремковский дом до сих пор не грабят, потому что помнят — мама когда-то там учила. Вот поэтому мне именно бабушку, красавицу-актрису, и жалче.

Папа продолжал работать, писать. Мы смеялись, как он начинал писать, как только слышал «Голос Америки», ВВС или «Немецкую волну». Для меня как колыбельные были позывные «Голоса Америки» и голос Анатолия Максимовича Гольдерга на ВВС. Папа писал, стучал яростно по своей машинке двумя пальцами — волосы дыбом, борода выпячивалась...

С. Э.: А каким способом его статьи передавались за рубеж?

Е. М.: Насколько я понимаю, основной канал — через «Хронику» и лично через Юрия Александровича Шихановича, которого потом по второму разу жестоко посадили. И вообще через московских друзей-диссидентов.

С. Э.: Они к вам приезжали?

Е. М.: Да, доезжали до Великих Лук и дальше пешком. Они же все были молодые, моложе меня теперешней. Что им 25 километров пешком пробежаться, чтобы встретиться.

Причём не только диссиденты — просто друзья. Тот же Юра Фрейдин,

друг и опекун Надежды Яковлевны Мандельштам. Я от него в детстве о Мандельштаме узнала.

С. Э.: Ваш отец имел право приехать в Ленинград?

Е. М.: Приехать — имел. Другое дело, что, стоило приехать, сразу начиналась прослушка телефонов и родни. И у всех знакомых, у которых мы побывали.

Родители, конечно, всё рассказывали, и я знала про «дело самолётчиков», допустим. Папа был знаком по лагерю с Эдуардом Кузнецовым. У меня был в юности красивый браслет, с надписью «Марк Дымшиц говорит, Вперёд, мой народ!», и в виде кандалы. Я его потом подарила девочке молоденькой — мы приехали к папиным друзьям в Дербент, и у этой девочки, еврейки, глаза загорелись. Я вдруг поняла, что она имеет больше прав носить этот браслет. Теперь она уже тётянка с тремя детьми. По счастью, их семья успела уехать до начала страшных событий на Кавказе.

Мне казалось, у нас в Ленинграде много друзей. Но, на самом деле, народ был напуган. Помню, как папа с горечью говорит, что в поддержку Глеба Якунина в Петербурге подписались четыре человека.

Это было уже время глухого застоя. Догромили солженицынский фонд, посадили Валерия Репина. И Солженицын-фонд возглавил Марк Наумович Ботвинник — тяжело больной старик. Сказал: «А пусть арестовывают, пусть выносят меня после четырёх инфарктов!». Его дочь, Наталья

Марковна, вспоминала, что напротив их двора, у колодца на Рубинштейна, постоянно горело окно, велась съёмка. Очень мужественная семья! К сожалению, из них уже никого нет.

Когда началась перестройка, многие диссиденты говорили, что во власть идти не надо. Был конфликт с Новодворской. Даже Валерий Ронкин и «колокольчики», его поделники их арестовали в 1965, за издание журнала «Колокол» говорили: «Ну не надо лезть в это всё!».

А папа сразу же уверенно пошёл на выборы в Верховный совет. Его выдвинули общество «Мемориал» и «Рудгеофизика», организация молодых инженеров.

С.Э.: Вы где жили в то время?

Е.М.: Я тогда была уже замужем за своим нынешним (и единственным)) мужем, Юлием Рыбаковым. Татьяна работала по распределению в Тверской области и тоже была замужем. А папа жил в деревне.

И это были удивительные выборы! Шёл Чернушенко, начальник консерватории. Шёл Бастрыкин — сами понимаете, в качестве прокурора. И — сельский почтальон Молостов!

Мы писали плакаты от руки. У папы был огромный округ — весь юг Ленинграда и Колбино, Купчино, Ижора... За него проголосовали, он вышел во второй тур против Чернушенко и победил первого марта 1990 года с огромным отрывом.

С.Э.: Как вы вели ту кампанию, всей семьёй?

Е.М.: Даже не семьёй. У нас, к сожалению, к тому времени осколки одни остались. Был, как мы говорили, клан. Помогал Валерий Мустафьевич Муждаба — мамин брат, инженер-ядерщик. У него дома рисовались и лежали эти плакаты. Подключился «Мемориал», подключились диссидентские друзья. Просто стояли друзья и родственники в пикетах с самодельными плакатами.

Папа много выступал, его постоянно приглашали на встречи с избирателями. Тогда же всё было так политизировано!

Первого марта я рожала свою дочь в роддоме Орджоникидзе. Лежала я там, только родившая, и меня толкает девчонка чуть постарше, лет двадцати шести, сама после тяжёлых родов: «Вставай, урны принесли, надо голосовать! Там идёт такой Молостов, ты за него проголосуй!». Потом смотрит на мою фамилию: «Твой родственник, что ли?». Я говорю: «Папа». Она мне: «Чего тогда спишь, надо же бежать тем более!». Вот такая была обстановка на тех выборах.

Мой папа очень рано умер, в шестьдесят девять. Сейчас его страшно не хватает, потому что сейчас его трезвый анализ помог бы. Ему марксизм не помешал примкнуть к команде Гайдара. Они с Гайдаром были в тёплых отношениях — папа считал, что собственность и ответственность должны лежать в основе свободы.

Другое дело — 1993 год, потом Чечня... Он умер в очень плохом настроении. В одной из своих статей, в 1996 году, написал, что стареющий

Гинденбург ещё пожмёт руку сами знаете кому.

И иллюзий уже не было. С Чубайсом он поспорил во время одной из выборных кампаний, потому что понял — игра идёт втёмную. А после Чечни сказал: «Я живу не свою жизнь».

С. Э.: Ваш отец с энтузиазмом воспринял перестройку, стал депутатом. Как он смотрел на разворовывание «народной собственности» распоясавшимися «прорабами перестройки»?

Е. М.: Воспринимал печально. Вообще он хотел снять свою кандидатуру с выборов в Думу в 1993-м. Уже ему всё опротивело. Особенно — когда начались вневыборные перестановки кандидатов, чтобы провести, например, Григория Томчина вместо диссидента Бориса Пустынцева. Вот таких игр папа уже не хотел.

Он шёл «паровозом» от «Выбора России» в Петербурге и снял свою кандидатуру. Уже стал всё видеть, что происходит. Эффективных менеджеров, да?

Но его уломали. Пол ночи уговаривал Сергей Адамович Ковалёв. А потом папа лёг спать и попросил не будить. В это время позвонил Гайдар. А я была очарована в свои 26, да и вообще к Гайдару всегда хорошо относилась — пошла папу будить. Они тоже очень долго разговаривали, в конце папа сказал: «Ну, ладно».

И потом, когда поехал в Чечню, у него было ощущение искупления. Ощу-

щение, что он должен приносить вот такую пользу.

А на следующие выборы — вообще не пошёл.

С. Э.: Потрясает тот факт, что Ваш отец отказался от московской квартиры. Были такие случаи ещё?

Е. М.: Мой муж, например.

С. Э.: Два человека?

Е. М.: Нет, кто-то ещё. По-моему, ещё одна коммунистка, запомнила её фамилию.

Но, вы знаете, тогда других вариантов, как смеялся папа, не было. Наша мама была очень жёсткий человек. Потому и выдержала ту ссылку. Деревенская жизнь ломала сильнее, чем всё остальное — она оставила науку, бросила аспирантуру, уехала в школьные учителя... С возрастом у неё открылись страхи. Боялась печи. Боялась, что погаснет свет. Боялась, что заболеют дети. И всё это она вытягивала..

И при этом была яростным аскетом. Всё папино депутатство я сажала маме огород, чтобы она успокоилась. Невозможно было что-то не скосить, не сделать — получишь «сучку депутатскую» запросто. Что мы, барыни? «Живи, как все», — было у Анатолия Марченко — уж кого и папа уважал, и мама!

Так что квартиру папа и сам бы не взял — а тут ещё и такая мощная поддержка. Хотя иногда думаю: «Забрали бы они квартиру и грабанули кого-нибудь — как проще было бы

сейчас из какой-нибудь Бельгии поповедовать, а не в школе работать».

Но, смех смехом, а это всё так было. Я вот тоже в московской школе работала и знала, что некоторые старые учителя до сих пор живут в коммуналках. А в Питере коммуналки до сих пор — в том числе на папином округе! И это ещё «благополучные» Питер и Москва, а в регионах тогда врачам и учителям не платили месяцами зарплату.

И как, прожить всю жизнь, отсидеть в лагере, а потом взять квартиру? Да не пошли б они!

С.Э.: В наше время это редчайшее явление, потому что для себя человек всегда найдёт оправдание. Ну, скажем: «Обеспечу семью, смогу, не думая о куске хлеба, изо всех сил работать на страну».

Е.М.: Нет, это отвратительно. Есть люди, которым невозможно было бы потом смотреть в глаза.

Тогда, в Москве, мне этот вопрос прямо задала потрясающая преподавательница литературы, красоты неземной женщина в свои восемьдесят, Инна Иосифовна. Какое счастье было смотреть ей прямо в глаза и сказать: «Нет! Нет! Нет! Мы не взяли квартиру!».

С.Э.: Самое же отвратительное было в том, что не только держиморды, но и наши рафинированные интеллигенты, когда дорвались до власти, стали воровать на всю катушку. В перестройку интеллигенция объявила войну привилегиям коммунистов, но при этом «победи-

тели» превзошли коммунистов по коррупции не в два или в три раза, а на порядок.

Е.М.: Я много об этом думала. Ещё Маркс сказал Женни фон Вестфален: «Женщины превращают политику в семейное дело». Всё это я наблюдала.

Помню, как меня позвали на распродажу бриллиантов. Из школы прибежала — звонок: «Катя, вы пойдёте?». Ну да, всё бросила и побежала. Дело в том, что деньги уходили на помощь людям, у которых денег не было.

Папа не получал пенсию — деньги сразу же переводились в фонд помощи бывшим политическим заключённым.

Помните, у Довлатова страшный рассказ про носки. Как человек фарцевал носками, а могли и посадить, и за это сажали по экономической статье. Вот я и думала: «Какое счастье, что я сильно младше, что ничего этого не видела!». Рисковать свободой за носки — это ужасно, это омерзительно.

И здорово написали Вайль и Генис. В книге про 60е годы. Эта цитата из Хэмингуэя: «А я люблю, чтобы в коктейле была маслина». Хэмингуэй мог любить маслину — он по-настоящему пострелял в Килиманджаро, повоювал в Испании. А тут мы ничем не рискуем, зато наша фронда, которая «советскую власть не любит эстетически» — от этой фразы меня тоже тошнит. И вот, пожалуйста, маслина в коктейле.

Они были голодные. Их протест часто из внутреннего голода вырастал.

А любовь эта к утончённости... споры в facebook — это показатель. Споры — Бродский, не Бродский... Так и хочется сказать: «Да купи ты себе Бродского, читай Бродского, читай Самойлова, читай кого хочешь — чего ты всё выпендриваешься?». А потому что это единственный способ поднять себя «над». Тоже чувство сродни голоду.

Вот поэтому они и начали всё это. «А вот живу, а я зарабатываю, я не такой как все». И это очень грустно, мы на этом и проиграли.

С.Э.: Отсюда и пошло его разочарование?

Е.М.: Почему я сразу выделила вашу статью о Герцене, о декабристском мифе. У людей должен быть «Гамбургский счет». Весь пришедший постмодерн — папа его очень не любил.

Папа не любил Довлатова. Особенно они с мужем любили посмеяться над «Зоной», где Довлатов пишет, что охранник и заключённый суть одно и то же. Ты это заключённому расскажи! Особенно мужу, он сидел в уголовном лагере, там с этим вообще жёстко.

С.Э.: Довлатов писал с точки зрения охранника, так как сам служил охранником.

Е.М.: Ну да, он себя тешил иллюзиями. Никогда охранник не будет равен заключённому. Тем более, людям, которые знают, за что сели.

Поэтому папа не любил всякий постмодерн. Он любил про себя цитиро-

вать свою университетскую подружку, которая когда-то сказала: «Ну, Молоствов, и прямолинейная же ты скотина!».

Любил Герцена. Очень любил Салтыкова-Щедрина. И вообще определённые вещи. У него даже стих такой был: «Чтоб давлению дьявольскому совесть — единственный противовес».

И друзья у него были такие же. Настоящие его друзья — так ни во что и не выбились. А друзья, которые выбивались... трагическая история.

Когда он умирал, пришли к нему за индульгенцией два его друга. Один — директор крупной гостиницы, принимавший участие в приватизации. Другой — просто чиновник от правозащиты. Пришли, сели: «Мишаня!». Папа посидел и сказал: «Катя, убери их!».

Можете себе представить, ему оставалось дня три-четыре жить. И не «Уйдите, ребята, я устал!», а «Катя, убери их!».

С.Э.: Ваш отец поддержал разгон парламента в 1993 году. Чем он это мотивировал? Многие считают, что отсюда начались все наши беды.

Е.М.: Он тоже так считал. Это была, на самом деле, боль.

Во-первых, он не просто поддержал. На телевидении это озвучивали он, Юшенков. Папа сказал тогда: «Верховный совет себя исчерпал». Но он не знал, что в это время уже был подписан указ. И очень обиделся на Юшенкова, что Серёжа ему этого не

сказал. Они, слава Богу, перед смертью и того и другого помирились — Серёжа приехал с папой прощаться, и они это как-то обговорили.

Дело в том, что папе был отвратителен Руцкой и вся команда, которая вокруг собиралась. Пожалуй, для Хасбулатова он делал... не то, чтобы исключение, но как-то по-другому к нему относился. Хотя и Хасбулатов своим хамством тоже всем там надоел, но всё-таки он что-то другое. Хотя бы сравнить в самом конце арест Руцкого и арест Хасбулатова — как мужчина себя вёл, сидел красиво, с трубкой.

Они были отвратительны. Баркашovy, Анпиловы — к майским событиям они уже собрались там и были достаточно опасны. Илья Константинов, который до этого был демократом в Народном фронте. Эта борода, эти попы, этот антисемитизм. Они были фашисты, но за ними шли несчастные, разочарованные люди. А ведь Руцкой до этого вешал карты Татарстана — начать там операцию против сепаратизма.

Их поддерживали и те, кто саботировал нормальную приватизацию.

Другие были тоже отвратительны. И в тот момент, когда казалось, что вариантов нет, случилось обострение — и нападать-то начали как раз те, согласитесь.

Захват мэрии мы очень лично пережили. У нас сын, Володька Рыбаков, был оператором — сначала в мэрии, потом знаменитые съёмки нападения на Останкинскую телебашню. А в мэрии было очень страшно — чуть ли не под ноги бензин: «Сейчас подожжём!».

Поэтому папа поддержал в это время Ельцина. Но он понимал и говорил, что, в общем, нюхнули крови. И дальше все события — это продолжение. Более того — было понимание, что эти события — гражданская война. А в гражданской войне однозначно правых не бывает. Потому он сердился на Явлинского, который сперва призывал «раздавить гадину», а потом... вы помните его поведение.

Больше он на телевидение с этими темами не шёл. А тут почти сразу началась Чеченская кампания...

С.Э.: Расскажите о его участии в этих трагических событиях.

Е.М.: Повторяю: у папы была, как сказали бы современные психологи, травма. Трепетное отношение к чеченцам у него было с детства — с тех пор, как увидел в сухой казахстанской степи этих красивых женщин, с кувшинами бредущими за водой. Это был триггер.

Бывал папа и на Кавказе у друзей, у Давида Мазура — у его родни, кизлярских и дербентских евреев. Кавказ он любил.

Когда всё началось, папа напрягся. Было понятно, что заигрывание на первых порах — просто отвлечение внимания. Что речь идёт о развязывании войны — классическом со времён реформ Александра.

В первой делегации, когда был штурм Грозного, он не поехал, потому что заболела мама. Но 14 декабря, в день смерти Сахарова, они с Ковалёвым стали пробиваться в Чечню. В самолёты их отказывались брать,

и Гайдар прямо с вечера памяти Сахарова «пробил» самолёт, на котором они полетели в Грозный.

Дальше начался кошмар. Сначала с ними была связь, потом быстро кончилась.

Любят говорить, что они были во дворце Дудаева. Но они там были только в первую ночь и во время штурма. А жили на улице Красных фронтовиков. Когда их дом разбомбили, переселились в подвал этого дома.

Накануне штурма к ним присоединился мой муж — приехал с думской делегацией. Приехал, как он шутит, из-за того, что дома было невозможно оставаться — «Михалыч там, а я тут»... ему стало легче уехать туда.

Ну и постановили, что Ковалёв вместе с ними уезжает — попытается посмотреть Ельцину в глаза. А наши вернулись на улицу Красных фронтовиков, в подвал. Как папа написал в своей книжке, «вместе жили старик-чеченец, старик-еврей, старик-инженер и старик-марксист».

Связи всё не было. Я очень благодарна генералу Волкогонову, который по своим каналам пытался их найти и звонил нам, успокаивал, и Руслану Аушеву — его помощник Азамат звонил нам каждый день. Ну и Толя Шабад.

А вообще началась мёртвая зона. Вот этого я не могу простить партии «Выбор России», но это чисто женское. Ни одна зараза нам не звонила. Более того, Сергей Адамович, прибыв, к нам домой не зашёл — может, мамы испугался.

Так мы и сидели, перезваниваясь с Борщёвыми — депутат от «Яблока» Валерий Борщёв сидел в том же подвале. А у меня четырёхлетняя Юлька на руках...

В какой-то момент позвонил лично Аушев и сказал: «Катя, подготовьте маму — скорее всего, они уже не выберутся». Вот тогда я стала думать, что оставлю маленькую дочь, как Мариула ваша кишинёвская, и поеду в Грозный искать тела. Однако, компания была нужна, и я обратилась к Анатолию Шабладу: «Может, поедете со мной?». Он с ужасом посмотрел на меня и сказал: «Поеду». Позже объяснял: «С татарами спорить бесполезно, потащились бы туда, а я хоть что-то соображаю».

Но тут произошло чудо: Александр Авраамович Осовцов возглавил колонну, которая поехала их искать. В Грозный они пробиться не могли, но встретили парня, Усмана Харсиева, который им сказал: «Ребята, а вы не своих депутатов ищите? Я их по телевизору видел — знаю, в каком подвале, и, если повезёт, выведу». И вывел их под обстрелом на границу Грозного!

Папа говорил, что погано себя чувствовали, как предатели. Потому что люди оставались в подвалах.

А Усман потом погиб. Он возил журналистов в Чечню и эфэсбэшники его под Самашками расстреляли. Сестра его, Саида, слава Богу, жива. Мы пытались потом через родню найти её, но потом поняли — она замужем, у неё дети, и в Чечне связь с нами может стать для неё нехорошим делом.

Мы думали, всё утихомирилось. Папа ездил в Вильнюс, Юлий — в Карабах, оба в Грозный — сколько можно?! И тут вдруг — Будёновск. Тогда стало особенно страшно.

Даже вспоминать об этом не люблю. Была уверена, что теперь их убьют. Хотя бы в соответствии с теорией вероятности.

Они собрались в один день — Юлий из Питера, папа из Москвы. День тот был прекрасный.

Про Будёновск я узнала на работе — в школе. Мы проводили встречу с Володей Долгим — прекрасный человек, друг Солженицына. Он должен был мне с Катей Шиханович показывать Зарядье, рассказывать о Москве. А ещё я в первый раз ребёнка отдала в деревню к маме. Такая свобода и эйфория...

Прогулка не получилась, я приехала... думала, рассосётся, всё будет хорошо. Зашла к своей подруге с радиостанции «Свобода» Лиле Пальверинной. Она постарше меня, говорит: «Ты, дура, иди домой!».

Я прихожу... а там папа собирается!

Пыталась его уговорить, были и рыдания. Он почти перешагнул через меня: «Найди рубашки и не голоси!». А через какое-то время позвонил его помощник из Питера и стал врать, что папа отправляется куда-то на конференцию.

Плохо помню, что происходило дальше. Были даже галлюцинации от испуга. Но это всё, по крайней мере, случилось быстро.

Казалось, всё замечательно кончилось. А папа пошёл на пенсию. Вернулся в Петербург, в Еремково...

С. Э.: Чем он занимался на пенсии?

Е. М.: Написал две книги. Спасибо Серёже Юшенкову, заставил его это сделать.

Первая книга — «Прямые, которые не пересекаются», вторая — «Записки вольнодумца».

И статьи писал. Для «Нового времени», для журнала «Звезда», для «Знамени». За грибами ходил...

Он смог жить в Питере. Хотя после того, как отказался от квартиры, жилья не было. Но Олег Валерьянович Басилашвили и Нина Семёновна Катерли возмутились: по закону о реабилитации положена квартира. В 1934 году выслали, в 1958 арестовали — квартира ушла. Они постарались, в итоге дали однокомнатную конуру на Васильевском острове. Сменяли ей на Петроградскую для сестры.

В Маркизовой луже,
Где вблизи Голодай,
Где от ветра и стужи
Ай-ай-ай, ай-ай-ай,

Где глаза на закате
Во все окна глядят
На ледовую гладь,
Легендарный Кронштадт,

Там старик со старухой.
Как их звать — угадай.
Ждут, когда же с Павлухой
К ним прибудет Бабай.

И когда же писульки
Дождаться невмочь,
Их порадует Юлька,
Депутатская дочь.

Выступал в «Мемориале», работал...
а потом стал сильно болеть. Обнару-
жили у него рак.

С.Э.: Эти переживания сократили
жизнь многим. Все верили, что на-
чнётся лучшая жизнь — и вот к чему
пришли в итоге.

Е.М.: Грустно, да. Но — «Не говори
с тоской — их нет; А с благодарно-
стию — были».

Мы должны быть благодарны судь-
бе за то, что застали хороших лю-
дей. И вообще в хорошей компании
были — от Герцена до мальчишек,
которые теперь садятся. Главное,
чтобы они понимали, за что садятся.
И пожелать им мужества, стойкости.
Выдержать можно всё, кроме пыток.

Они ещё очень молодые — эти ре-
бята, которые выйдут. Это сейчас
единственный путь в российскую
политику.

Мы борзые были, когда ДС начался.
Папа мне про Сахарова, а я: «Папа,
ну а что нам Сахаров?». Это мне ещё
двадцать лет, дура душой. До сих пор
так стыдно...

Что касается эмигрантов — помню
эту радость встречи, все писали друг
другу письма. Этой ерунды про «хо-
роших русских, плохих русских» —
и близко не было. И папа не осуждал
уехавших. Наплевали, уезжали? Да

повесился бы человек в деревенской
ссылке. И с их стороны — тоже толь-
ко поддержка. Старались передать
в посылках фломастеры, книги, ну
хоть кофе. Елена Георгиевна собира-
ла и распределяла посылки, сама во-
зила — сейчас об этом забывают.

Но вот мнение эмигрантов никого не
волновало. Папа мог с Давидом, или
с дядей Лёвой Хаплановым совето-
ваться, идти ли ему на выборы. А эми-
гранты — совсем другая история.

Поэтому ребята, которые сели — вер-
нутся в политику и вернутся героя-
ми, дай Бог им не сломаться. Это од-
на из причин, почему мы с мужем не
уезжаем. Не думаю, что нас посадят.
Да и не буду нарываться, надевать
зелёную ленточку, чтобы сесть. Но
говорить буду то, что думаю.

Юлий дописывает книгу. Есть первая
часть, «Мой век», а сейчас он пишет
о временах депутатства. Будет тол-
стая, кропотливая, с большим коли-
чеством источников и законом книга.

А детям — было бы куда вернуться.

Недавно был день рождения Мераба
Костава. Очень тронута, что его дру-
зья и вдова очень тепло к моей дочке
относятся. И вспомнила, как я за-
видовала своей подружке Кате Ши-
ханович, что к ней приехал Костава
и она угощала завтраком этого чело-
века, вернувшегося из лагеря.

Было бы куда вернуться!

С.Э.: Спасибо за насыщенное ин-
формацией интервью!

«КГБ НАМ СОЗДАЛО ОРГАНИЗАЦИЮ».

Интервью с И. Т. Ронкиной

Валерий Ефимович Ронкин (3 августа 1936, Ленинград — 31 мая 2010, Санкт-Петербург) — советский диссидент, политический заключённый, поэт. В 1963 г. в соавторстве с Сергеем Хахаевым написал работу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», в 1964–1965 гг. вместе с друзьями занимался распространением листовок, выпустил два номера самиздатского журнала «Колокол». В 1965 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, а также участии в антисоветской организации. Был приговорен к 7 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. Отбывал заключение в ИТК строгого режима в Мордовии, в 1969–1972 гг. содержался во Владимирской тюрьме. В 1972–1975 гг. находился в ссылке в посёлке Нижняя Омра Троицко-Печерского района Коми АССР. После освобождения поселился в городе Луга. В 1979 г. Ронкин в соавторстве с С. Хахаевым опубликовал в самиздатском журнале «Поиски» статью «Прошлое и будущее социализма». Написал и опубликовал воспоминания «На смену декабрям приходят январия...» (М.: Звенья, 2003).

Вдова В. Е. Ронкина — Ирина Тимофеевна Ронкина, вспоминает о жизненных вехах своего мужа и о наиболее ярких событиях, запечатленных в семейной памяти.

Ключевые слова: советские диссиденты, политические заключённые, лагеря, ссылка, КГБ.

THE KGB CREATED AN ORGANIZATION FOR US." INTERVIEW WITH I. T. RONKINA

Valery Efimovich Ronkin (August 3, 1936, Leningrad — May 31, 2010, St. Petersburg) — Soviet dissident, political prisoner, poet. In 1963, in collaboration with Sergei Khakhaev, he wrote the work "From the dictatorship of the bureaucracy to the dictatorship of the proletariat", in 1964–1965. Together with friends, he was engaged in the distribution of leaflets, published two issues of the samizdat magazine Kolokol.

In 1965 he was arrested on charges of anti-Soviet agitation and propaganda, as well as participation in an anti-Soviet organization. He was sentenced to 7 years in prison and 3 years in exile. He served his sentence in a strict regime penitentiary in Mordovia, in 1969–1972 he was kept in Vladimir prison. In 1972–1975 he was in exile in the village of Nizhnyaya Omra, Troitsko-Pechersky district, Komi ASSR.

After his release, he settled in the city of Luga. In 1979, Ronkin, in collaboration with S. Khakhaev, published an article "The Past and Future of Socialism" in the samizdat journal "Search". He wrote and published his memoirs "Decem-bers are replaced by January..." (M.: Links, 2003).

Widow V. E. Ronkina — Irina Timofeevna Ronkina, recalls the milestones in her husband's life and the most striking events imprinted in family memory.

Key words: Soviet dissidents, political prisoners, camps, exile, KGB.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э.: Ваш муж Валерий Ронкин в своих мемуарах писал про свою семью: «Мать и отец — евреи из черты оседлости, которые после Революции передвинулись в Ленинград». А что вы можете рассказать о своей семейной памяти.

И. Р.: Я очень долго занималась этим вопросом и написала книгу «То, что время пощадило, то, что память сберегла». Там мои воспоминания о семье, о нашей жизни, много фотографий. Эти воспоминания я начала писать еще в 2000 году.

Информацию я собирала по крупицам. Мой отец погиб на фронте под Бериславом в 1941 году. О нём я почти ничего не знала, а мама не любила рассказывать. Они познакомились на Финской войне.

Я росла с мамой и бабушкой. Мама училась и работала. А я оставалась с бабушкой, и всё, что я знаю о нашей семье — это от бабушки. Конечно, в детстве о многом не спрашиваешь, не интересуешься, поэтому многое осталось неизвестным. Когда в 2000 году я стала писать «Воспоминания», мне хотелось рассказать не столько о себе, сколько о том, что я знаю о своих предках. Чтобы для детей и внуков было ясно их происхождение.

В 2004 на одном из сайтов по фамилии отца (Гулевских) я узнала, что в 1926 году он был награждён орденом «Красного знамени». Я написала

в Подольский военный архив, оттуда мне прислали так называемый «послужной список» отца. Он служил в армии с 1918 по 1941 год — до своей гибели. В списке на четырёх листах было указано, где он служил и когда. Мне было это интересно, там были названия мест, о которых я даже не знала. Позже в том же архиве я запросили данные о родных отца. Мне прислали от руки написанную его автобиографию, в ней упоминались имена его брата и сестры. Но, прочитав, я поняла, что биография написана по требованию определенных органов. Есть раздел, где он писал про одну из своих жен (у него было несколько жён, мама была уже позже) и про всех её родственников (та жена была из еврейской семьи). Им были перечислены все родные жены: кто они были, кем служили, где учились, в чём участвовали и т. д. По тому, что там было написано, стало понятно, что он доказывал их благонадёжность, приверженность советской власти и народу. Тогда мы с мужем поехали сами в Подольск и запросили его «Дело». Можно было выписывать и заказать ксероксы каких-то страниц из его биографии. По моим прежним представлениям — его родители были кулаками, жили на Кубани, и их выслали; отца арестовали в 1937–38 гг. за то, что родители были кулаки, он отсидел год, потом его выпустили, а дальше он воевал на Финской...

Так было по моим представлениям из того, что мне рассказывала бабушка.

Но по его «Делу» оказалось всё не совсем так. Он был, действительно, из зажиточной семьи, из северного донского казачества. В последней трети XIX века деды частично купили, частично арендовали какие-то земли и завели своё хозяйство. Сначала работали дед и его двоюродный брат, у них были две мельницы и очень большое хозяйство — земля, пасека, лес и много всего. Когда около 1916 года братья умерли, мой дед и его брат занялись их хозяйством. У моего отца записано, что с семи лет он работал в хозяйстве своего деда. По всему было очевидно, что мой отец не особо хотел там работать. Он поссорился со своим отцом, ушел из дома и с тринадцати лет стал работать по всему Югу то конюхом, то в экономиях и несколько лет он так странствовал и зарабатывал. В 18–19 лет он вернулся к своим.

В документах были указаны чёткие даты и места. И оказалось, что это была Воронежская область — Землянк (а не Кубань, как я считала). У семьи было 10–11 домов в разных селах. Они в хозяйстве делали столько, что ни одному совхозу не приснилось бы.

Он вернулся, прожил с отцом какое-то время, а в мае 1918 года ушёл в Сальские степи, где формировался отряд 1-ой Конной. Так он и воевал на стороне красных, получил несколько ранений. После одного из них переболел тифом. Выписавшись из госпиталя, он вернулся к отцу. И в это время туда пришли белые, которые пробыли там три недели. Он, естественно, не сказал, что служил в Красной армии, а сказал, что был летом на уборке урожая. Потом

он снова ушел к красным. Когда закончилась Гражданская война, он хотел остаться в армии. Его послали учиться в Школу красных командиров имени Каменева в Киеве, где он проучился 2 года. Потом его послали служить, но перед этим он вернулся в своё село. Парень он был видный, любил погулять, покутить. Отдохнув, он собрался выехать к месту службы в Забайкалье, но на него написали донос, что он сын помещика, эксплуататор и ему не место в Красной армии. Донос был написан на бумажке карандашом, полуграмотно, но эта записка дала ход делу.

Это было осенью 1926 года... Когда я поняла, что там что-то не так, мы поехали в Архив КГБ. Нам позволили читать его дело, выписывать и частично фотографировать, но напротив нас сидела сотрудница архива и наблюдала, а часть страниц была закрыта. Из того, что было написано в записках и доносах крестьян, оказывалось, что в 1919 году, когда приходили белые, был отряд во главе с Тимкой Гулевских (моим отцом), который отбирал реквизированный скот и награбленное. За это его и хотели привлечь к суду. Он служит, а следствие в это время идёт. И все показывают, что хоть и не знают его в лицо, но, мол, это точно сын того помещика. В конце 28–29-го года его вызывают в Воронеж и после двух допросов арестовывают. Через некоторое время его оправдывают, выяснив в ходе следствия, что это был не он, а его однофамилец. Его отпускают, и отец продолжает службу. Когда в 32-ом году началась чистка партийных кадров, ему предъявили обвинение, что он не указал, что был осуждён. И несмотря на то, что

он был оправдан, ему записали выговор. В 38-ом его снова стали проверять. В это же время арестовали его отца. «Дело» деда я видела. Там всё написано (и, скорее всего, это правда): четверо свидетелей показывают, что он жил на то, что убирал на рынке и забирал оттуда всякие отходы и что-то собирал с полей. В Воронеже он жил отдельно от жены (та жила с кем-то из их семерых детей) у кого-то из знакомых, которые раньше были у него в работниках. Доносчики писали, что дед был недоволен Советской властью и тем, что у него всё отобрали, и говорил, что в 1861 году крестьяне при крепостном праве жили лучше, чем при Советской власти. И деда приговорили. Старшая его дочь написала одному из братьев, что отца приговорили к десяти годам без права переписки. Это одна версия. Другая: что один из братьев (который тоже был военный и служил в Магадане в войсках НКВД) приехал в 1940 году в родные места и попытался узнать, что с отцом. Он писал Сталину и в прокуратуру, чтобы узнать, за что посадили его отца. Тон его писем был возмущённый и приказной: он пытался доказать, что его отец не враг народа, что, мол, и его самого тоже судили, но потом оправдали. В результате ему ответили, что отец был осуждён на десять лет и умер через год в 6-ой Воронежской тюрьме... Я потом узнавала в воронежском «Мемориале», мне ответили, что не было разных тюрем, что была одна тюрьма. Скорее всего его расстреляли. Ему было 74 года.

В связи с тем, что дед был арестован, началась новая проверка моего отца и военная прокуратура снова отправила в Воронежскую область своих

следователей, снова допросы тех же самых людей. Но отца не сняли, он продолжил службу (даже был повышен в звании до майора) и добился в итоге оправдания... Кстати, орден за Финскую ему так и не дали. Его представляли к ордену с низов, но на уровне руководства решили не награждать.

С мамой отец познакомился на Финской войне. Она была фельдшером и пошла на войну в самом её начале, служила в медсанбате. После окончания Финской войны их полк был отправлен на границу Эстонии с Латвией. А у отца снова с 40-го года начинаются проверки. В результате в мае 1941 года его увольняют из армии и исключают из партии (кажется, его в партии так и не восстановили). Я родилась в 1941 году, отец всего дважды приезжал из Эстонии — один раз, когда я родилась, а второй раз в конце июня, когда началась война. С его увольнением из армии была неясность. Постановление уволить его из армии было 17 мая, его снова проверяли, он продолжал доказывать и качать права. Когда началась война, он попросил отправить его на фронт, его хотели оставить обучать молодёжь, но он поехал в Москву к Рокоссовскому (с которым он служил в Забайкалье и которого уже освободили) и добился отправки на Южный фронт. Он просил дать ему батальон, конницу, но ничего, конечно, не дали, потому что это была резервная армия — пехота. Тогда его повышают в звании до подполковника, и в июле он отправляется на Украину... (Я смотрела, как они проходили — это тот самый путь, который сейчас хотят забрать). Было три отступления армии.

Под Бериславом при переправе через Днепр он прикрывает уход своего батальона, остаётся и погибает там. Мама получила похоронку в 1942 году. Очевидно, когда вышли из окружения, политрук Рабинович написал сопроводительное письмо к похоронке о том, что отец остался их прикрывать и погиб. Мы в это время были в блокаде в Ленинграде. Мама не успела уехать, хотя собиралась эвакуироваться с госпиталем, в котором служила. Эшелон, на котором мы должны были уезжать, был первым, который не пустили (предыдущие разбомбили).

Отец погиб 29 августа. Я писала в Берислав в военкомат, узнавала, есть ли там памятник, фамилия. Но ответили, что ничего нет, и погибших хоронили местные жители в общих могилах...

Это всё, что я могу рассказать об отце.

С. Э.: Расскажите, пожалуйста, про мать, про предков и про блокаду.

И. Р.: Моя прабабушка по материнской линии была из крепостной семьи. Бабушка родилась в 1881 году в Калужской губернии. Их было семь выживших сестёр из одиннадцати рождённых детей. Жили они в селе в Калужской губернии и вели крестьянское хозяйство. Бабушка поехала в десять лет в Москву после 3–4 классов начальной школы. Одна из её сестёр уже работала в Москве. Бабушка работала в людях у одной барыни помощницей и нянькой с ребёнком. Барыня была хорошая, давала ей читать книги. Бабушка всю жизнь много читала, писала, хотя образования больше не получила. Подроб-

но о том периоде я не знаю, но знаю, что в 1905 году она была на Красной Пресне и перевязывала раненых.

Потом она уехала в Крым и путешествовала там с подругой из Киева. Подруга уехала, а бабушка осталась работать в Крыму, где познакомилась с моим будущим дедом. Он был армянин, из зажиточной семьи, занимался торговлей. Он пригласил её гувернанткой в свою семью — его жена умерла и осталось семеро детей. И бабушка поехала с ним в Тбилиси. Это примерно 1909–1910 годы. Они стали вместе жить. В 1914 году родилась общая дочь, которая умерла спустя два года, а в 1917 году родилась моя мама. Когда встал вопрос о женитьбе, то стали возражать его родственники. С одной стороны, насколько я знаю, — по национальному признаку. А с другой стороны — было семеро детей, наследников, и появление ещё одной наследницы им было нежелательно. Моя бабушка ушла из этой семьи, какое-то время работала сестрой-хозяйкой в приюте, а в 1921 году с дочкой уехала в Россию в Калужскую область к одной из сестёр. Там она начала преподавать в младшей школе. Её старшая сестра Стеша (у них было 20 лет разницы) жила в Петербурге и пригласила их к себе жить. Они жили в доме у Нарвских ворот в мансарде на втором этаже. За водой надо было спускаться, удобства были во дворе. Моя мама жила и училась там до седьмого класса, и поступила в техникум учиться на фельдшера. Потом её забрали на Финскую войну, где они познакомились с отцом.

А потом была война, блокада. Госпиталь, где мама служила, перевели

на Петроградскую (там, где сейчас Институт экспериментальной медицины). Мы сначала получили чью-то квартиру на Кировском проспекте — последний этаж, разрушенная крыша, всё текло. И мы переселились в деревянный домик, где и прожили всю блокаду. С питанием было плохо. Но мы выжили благодаря тому, что мама служила в госпитале. Там её подкармливали, было что-то из лекарств. С мамой работала одна врач, у которой было двое сыновей. Она оставила мальчиков с нами и ушла на фронт. (Моя мама тоже собиралась на Южный фронт к отцу (меня 8-ми месячную она хотела отправить с бабушкой, которой был 61 год, в эвакуацию), просто ей не удалось. Она не знала, что отец погиб). Мальчики остались жить с нами. Старший из них умер от голода. Ему нужно было больше еды. Вспоминали потом, как он съел весь вазелин... А младший выжил. Когда прорвали блокаду, вернулась мать и забрала его. Они уехали, не знаю, что с ними случилось дальше, но больше мы с ними не виделись... А мы выжили. Я знаю, что в одну зиму мы все лежали в кроватном поносе — дизентерия. Не знаю, как мы выжили, но думаю, это только благодаря маме.

После госпиталя в 1944 году мама поступила в Первый медицинский институт. У них была группа из тех, кто воевал, работал в госпиталях. По возрасту они были старше. В 1949 она закончила институт. Училась она на Сталинскую стипендию — надо было так учиться, чтобы мы могли жить, потому что у меня была пенсия за отца, бабушкина пенсия была совсем маленькая. Один раз она сдала экзамен на четвёрку и была очень

расстроенная, но ей разрешили пересдать, и она пересдала на пять. Чтобы получать Сталинскую стипендию, нужно было кроме отличной учёбы вести общественную работу. И мама была секретарём парторганизации. После окончания института она работала в гинекологическом отделении больницы Эрисмана и устроилась на полставки в отдел аспирантуры, получилось полторы ставки (потому что на одну зарплату врача прожить было невозможно). Мама всё время работала, а я была с бабушкой. Когда я была в пятом классе, маме предложили должность главного врача Кронштадтского роддома. Она уехала туда, а мы с бабушкой остались. Через год маме дали квартиру для семьи, и мы собирались туда переехать. Но так как мне через три года нужно было заканчивать школу и поступать, решили не съезжаться. Мама отработала в Кронштадте восемь лет, потом уехала в Норильск заработать пенсию. А мы с бабушкой так и жили в Ленинграде.

С.Э.: В воспоминаниях Валерия Ефимовича, я читал, что, когда вы познакомились и собрались жениться, он сказал вам, что уже ведёт антисоветскую деятельность, но вас это не испугало. Расскажите, пожалуйста, об этом.

И.Р.: Валера на четыре года старше меня. Я познакомилась с ним, когда я была на первом курсе, а он на пятом. Потом мы пересекались на туристских слётах, и я тоже стала ходить в рейды. В рейде и у туристов была очень дружная компания. Когда Валера стал работать, он приезжал в Ленинград при любой возможности, чтобы зайти в институт

и встретиться с друзьями. Он был достаточно известной личностью в этом кругу. Потом он приехал поступать в аспирантуру, мы виделись, разговаривали. Работал Валера в пуско-наладочной бригаде по пуску заводов синтетического каучука, где иногда можно было работать с утра и круглые сутки, а иногда бывали простои, и можно было вообще ничего не делать. Однажды у него было окно в работе, и когда он узнал, что Сиротинины (наши близкие друзья из Красноярска) приезжают в Ленинград, он сорвался из Уфы и тоже поехал. Мы собрались большой компанией на ноябрьские праздники и пошли в поход. Там, как говорится: «старик Державин нас заметил»: мы сидели у костра, все отмечали годовщину Октябрьской революции, а мы кулуарно пили за следующую, и я была в этой компании.

С. Э.: А вы уже были участником этой организации?

И. Р.: Нет, организации не было (это КГБ нам создало организацию) — у нас была дружеская компания, и мы просто обсуждали то, что происходит. О том, что они с Серёжей Хахаевым пишут книжку, я не знала. Мы тогда ещё не начали встречаться, а через несколько дней он уехал. Мы переписывались. Потом пришёл Серёжа и спросил, собираюсь ли я приехать на каникулы к Валере. Я сказала, что всё зависит от того, как я сдам сессию: если хорошо, то со стипендией будет всё в порядке, а если плохо — то стипендии не будет, и я не смогу приехать, потому что не будет денег. Сессию я сдала хорошо и на каникулы поехала к Валере в Уфу. Мы уже обо всём говорили, обсуждали и про

XX съезд, и про то, что сажали, и про то, что происходит сейчас. Валера сказал, что они с Сергеем пишут книгу, и их могут посадить, «может через три года». Так и получилось — через три года его посадили.

С. Э.: Но вас это не испугало?

И. Р.: Вы знаете, нет. Если человека любишь, то это не пугает. Тогда, конечно, в силу возраста, мы массу вещей не продумывали. Мама моя потом всегда говорила: «Как?! Вы занимались антисоветской деятельностью! Почему вы ребёнка завели?!» Валера на это отвечал: «Им можно, а нам нельзя ребёнка заиметь?» Но если меня бы посадили (мог быть такой вариант), я, конечно, не знаю, что могло быть с ребёнком. Тогда это не продумывалось. Но этот вопрос в нашей среде позже возникал не раз. Так, как Наталья Горбаневская вышла с ребёнком на площадь, я бы не вышла (хотя и была за то, чтобы выйти), не смогла бы. В результате: она вышла и села, а её дети остались с её мамой... Такие вещи не продумывались тогда по молодости. Была любовь, борьба за справедливость, «если не я, то кто?» ...

С. Э.: Но вы разделяли эти идеи?

И. Р.: Да, конечно. Я считала, что у нас должно быть справедливое государство, где основное — забота о человеке. Так мы воспитаны были. Все говорили: «Ну как же? Главное — семья, дом». А у нас это было на втором плане, хотя тоже всё было. Мы с Валерой не занимались серьёзно декабристами, но увлекались ими, они были для нас примером. Ещё в ссылке мы собирали разные

материалы об этом: открытки, рисунки находили (тогда всё это было трудно достать). У нас собрался толстый альбом по декабристам, мы помещали туда открытки, рисунки, стихи, причем, у нас не было своей машинки, нам кто-то перепечатывал, и мы туда вклеивали тексты... Мы показывали его своим — детям, знакомым. Сейчас он никому не нужен, конечно.

С.Э.: Вы ощущали какую-то преемственность с декабристами? Почему, скажем, не было интереса к народникам, а именно к декабристам?

И.Р.: У нас был интерес и к народникам. Тогда выходило много книг. Мы смотрели спектакли. Кое-кто из наших, например, Нина Гаенко писала стихи: «Первомартовцы, дальние и близкие...», посвящая это нашим ребятам. Конечно, мы многое потом пересмотрели во взглядах. Но, всё равно, это были для нас люди, которые хотели сделать что-то хорошее для страны.

С.Э.: А какое отношение у вас было к большевикам?

И.Р.: Мы считали, что всё делалось правильно, в том числе Революция, но потом всё пошло не тем путём. Мы были за власть Советов. Об этом написано в книге «Воспоминания». Когда Валера умер, я собрала его работы в двухтомник. Первый том больше политический, где много его статей, в том числе и об этом. А во втором больше фольклора, стихов, там и о Пушкине есть. В конце второго тома есть наша брошюра «От диктатуры демократии к диктатуре пролетариата», за которую мы и сели.

С.Э.: В Революции 1917 года, по-вашему, всё было правильно. А с какого момента пошло не так? Что вы думали об этом именно тогда, в 1961 году?

И.Р.: Мы уже тогда знали про Процесс Промпартии. Литературы как таковой не было, но мы читали материалы Съездов и про 20-е годы: кто-то где-то доставал эту информацию. Как всегда, есть лидеры и есть люди, идущие за лидерами. Более умные ребята читали и в результате опубликовали книгу, которую распространяли. А остальные читали и что-то принимали, а что-то не принимали. Но мы считали, что власть захватила бюрократия. Так думали не только мы. Сначала была написана книга, в которой были изложены наши взгляды, а потом уже мы прочитали Джиласа. И оказалось, что у нас много общего при анализе того, что построено в СССР и у наших соседей, в странах народной демократии. Джилас писал о «новом классе» — о партийной номенклатуре, правящей в этих странах.

С.Э.: То есть, у вас была идея о том, что это не социализм, а государственный капитализм?

И.Р.: Даже не государственный капитализм. Мы считали, что бюрократия захватила власть, что власть не принадлежит народу, Советам, а принадлежит верхушке.

С.Э.: Т.е. ваши взгляды совпадали с оценками Джиласа и Троцкого. А Троцкого, кстати, вы тогда читали или это было недоступно?

И.Р.: Конечно, мы читали и знали о Троцком. У нас даже Веню Иоффе

называли Троцким. Но, насколько я знаю, труды Троцкого не были доступны. О Троцком — да, но самих трудов не было.

С. Э.: То есть, у вас в 60-е годы к Ленину претензий не было, и вы считали, что всё пошло не так уже после Ленина? Вы считали тогда, что у Ленина были и демократия, и всё, что было нужно для построения справедливого общества?

И. Р.: Да, мы считали, что всё развернулось уже потом. Ребята сидели в лагере и получали там больше информации, они чуть раньше начали уже по-другому смотреть на окружающий мир. Был фильм по Светлову «Двадцать лет спустя» про комсомольцев 20-х годов, и я помню нашу реакцию. Мы выходили с просмотра и говорили: «Как жаль, что мы не тогда родились!» — люди были хорошие, и стремились к чему-то хорошему.

С. Э.: Если говорить словами Окуджавы, то «комиссары в пыльных шлемах» — это была ваша мечта?

И. Р.: Да, мы считали, что эту власть надо менять, и рабочие должны взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата. Именно диктатуру. Как-то это у нас тогда всё сочеталось. Мы же выросли на этом и считали, что мы (страна) самые-самые! Наши ребята и Валера с Серёжей Хахаевым были, конечно, дети XX съезда. XX съезд прошёл, когда они были в институте. Я была в школе ещё, в восьмом классе. И я помню ту свою реакцию: разговаривать об этом было особенно не с кем, моя мама вообще на эту тему не говорила.

Моей подруге что-то рассказывала мама, а подруга рассказала мне. Мы не так давно вступили в Комсомол. Мы обсуждали и говорили: «Как же так, такая вера разрушена! Как такое могло быть?!» Рухнуло всё то хорошее, что нам казалось таковым. В институте, конечно, взрослеешь быстрее и воспринимаешь всё по-другому, анализируешь. А в школе мы учились, жили...а то, что было нехорошим, мы считали — это потому, что люди такие бывают. Уже в институте мы столкнулись с очень многим. Естественно, так как мы были патриоты и хотели всего хорошего своей стране, то мы пошли в рейд-бригады. У нас был хороший коллектив, который, действительно, старался, чтобы не было пьянки, чтобы не было нарушений порядка. Мы активистами ездили на стройки. Многих посылали — они были вынуждены ехать, потому что боялись, что их из Комсомола исключат. А наш коллектив, наша группа, считали это чем-то хорошим, и были организаторами стройки, ездили на Целину. У Валеры в книге есть об этом: они ездили на Целину и там увидели, что все дороги усыпаны зерном, увидели всю бесхозяйственность власти.

А я, например, ездила строить канал на Прибалтийской ГРЭС. Потом мы помогали там строить детский сад, бетонировали пол. У нас была именно рейдовая бригада с ребятами с разных курсов, и мы там работали как очумелые. Нам объяснили, как и что делать. Поскольку мы клали пол, то таскали на носилках бетон. А потом вдруг пришёл прораб и стал говорить, что «тут надо на 10 см поднять, а там — наоборот — разбомбить и опустить» и т. д. Конечно,

мы все были возмущены: старались, делали и всё насмарку. Ну, как у нас это обычно и происходит. А потом, постепенно, все чаще с этим сталкивались. Мы же технологи. Мы с Валерой учились в одном институте. Практически все в нашей группе заканчивали Технологический институт — механический, химический факультеты, факультет по химоборудованию. И мы, бывая на практиках на заводах, увидели, что инженеру на заводе часто не надо той теории, что мы проходили, что технологический процесс очень несовершенен. Так что, в каком состоянии была технология на заводах, мы потом узнали сами на себе.

С.Э.: Муж еврей в то время не было, скажем так, знаком «плюс». Что вам мать говорила по этому поводу, она не отговаривала?

И.Р.: Абсолютно нет. В нашей семье никогда не стоял национальный вопрос. Росли мы, конечно, интернационалистами. Не вычленяли это. Это потом я уже столкнулась с проявлениями антисемитизма и стала понимать, что «этот, оказывается, тоже еврей». Когда было Дело врачей (я была ещё маленькая), мне было двенадцать лет, но я помню, я слышала все эти разговоры. Мама была секретарём парторганизации, она знала всех этих профессоров в Первом меде, у них посадили ряд врачей. И я помню, как все радовались, когда их выпустили. И о том, что в аптеках травят, тоже были разговоры. У нас в семье такого не было, но разговоры тогда шли. Когда я училась в школе — это был в 52–53 гг. (у нас были большие классы, была женская школа), поспорились две девочки: одна

стукнула книжкой другую и обозвала «жидовкой», та, естественно, заплакала. Наша учительница нас собрала и прочитала лекцию насчёт того, что такие вещи недопустимы и все люди одинаковые. Это был выговор, учительница заставила ту девочку прилюдно извиниться. У это меня осталось в памяти. Потом, когда я уже работала, у нас в лаборатории работала инженером девочка из Политеха, её отец был в Политехе профессором по фамилии Бухбиндер, и она говорила, что столкнулась с тем, что ей было не пройти в определённые специальности — она могла пойти к нам на завод работать, а в НИИ не получалось, хотя она хорошо окончила институт. С этим непременно сталкиваешься.

С.Э.: Но в семье с этим вы не сталкивались?

И.Р.: В семье, нет. В нашей компании тоже нет. А у нас было много евреев. Мама моя тоже не вела подобных разговоров. Когда Валерина бабушка узнала, что её любимый Валерочка женится на русской, она была недовольна. Она сказала: «Когда любят — всё хорошо. А потом поссорятся, и она скажет ему: «ах ты, жидовская морда!»». Но свекровь моя говорила: «Мне важно, что ты его любишь, значит и мы тебя любим».

С.Э.: Вы поженились, и через три года вашего мужа арестовали, было следствие, суд, потом его отправили в Мордовские лагеря. Расскажите, как вы ездили туда, что вы там увидели?

И.Р.: Это была Мордовия, Потьма. Был фильм «Путёвка в жизнь» ещё довоенный с субтитрами. Фильм

начинался так: «От Потьмы до Барашева 60 километров». Эта детская колония строила железную дорогу от Потьмы. Чтобы туда доехать, надо было от Ленинграда через Москву купить билет (с пересадкой на Казанском вокзале) и ехать ночь до Потьмы. В Потьме пройти около двух километров, где идёт подкидыш по дохлой железной дороге, а дальше уже садиться и ехать. Когда мы ездили (даже на общие свидания), мы набирали тяжёлый рюкзак продуктов — а вдруг, удастся передать. У меня было мало и общих свиданий, и личных. Первый раз мы ездили с Ниной Гаенко, это был апрель 1966 года. Синявского и Даниэля и нашу группу посадили примерно в одно время, но у нас была кассация ещё, а тех сразу отправляли. Их арестовали и судили позже, но приехали они в лагерь раньше наших ребят. А у наших в феврале 1966 года прошла кассация (естественно, им ничего не поменяли), и потом их отправили. И это расстояние по железной дороге, которое можно проехать за сутки, они ехали приблизительно месяц по разным пересылкам. Их привезли, а потом нам сказали, что можно ехать на свидание. Сначала мы поехали на «личное свидание», его дают до трёх суток. Мне никогда не давали трое суток. Первый раз мне дали двое суток. Причём, если Нине Гаенко дали «без вывода на работу», то мне дали «с выводом на работу». То есть, он полдня работает, потом ещё проходит осмотр... Мы приехали в Явас (это условная столица мордовских лагерей, там главное управление КГБ), в 11 лагерь. Была очередь на свидание, нужно было ждать, чтобы освободилась комната. Мы долго ждали, почти неделю. Встре-

тились там с латышскими жёнами (тех ребят посадили в 1963). Во всех национальных республиках эти же статьи были более жёсткими: если у нас давали семь лет, то там давали за это же десять. Мы пообщались с другими приехавшими на свидания, просветились — узнали кто, что и как; гуляли по посёлку, читали прекрасные лозунги, как «труд делает из людей человека» и другие забавные лозунги.

Потом нам дали свидание. В первый год нам ещё везло — удалось передать продукты какие-то. Когда тебя пускают на свидание, тебе устраивают личный обыск — полностью осматривает какая-нибудь женщина-ментовка. Но передать тогда кое-что удалось. В те времена — после съезда — были ещё более ослабленные порядки, было получше. Но с 1967 года уже начали закручивать гайки. В 66-ом году у меня ещё было личное свидание, потом через два месяца я поехала на общее свидание. А общее свидание даётся от часа до четырёх часов. Первый раз мне дали четыре часа (а в действительности их было даже шесть). Такое было единственный раз. Мы пришли в дом свиданий, нам дали комнату. Я приехала со свекровью. Свекровь что-то готовила, а мы с Валерой были в комнате. Свидание было шесть часов, а в одиннадцать часов их стали уводить. Тогда удалось передать продукты и всё было хорошо. Но это было первый и последний раз. После этого общее свидание только через стол. У нас не было стекла, просто напротив друг друга, а рядом сидит какая-нибудь ментовка. В эту поездку мы как раз познакомились с Ларисой Богораз и с Саней Даниэлем. В те

годы, пока Лару не посадили, я всегда в Москве у неё останавливалась, когда ездила. Мы подружились и это на всю жизнь. А Саню в 1967 году мы брали в экспедицию в Сибирь на поиски Тунгусского метеорита.

Возвращались мы также через Москву. Я не знаю, почему (но у КГБ же тоже не всё срабатывает), но всё так хитро было устроено, что почти все из Потьмы возвращались через Москву. Когда Питер едет через Москву — понятно. Но, когда Украина, Кавказ тоже едут через Москву... Не зря там потом возникает Хроника текущих событий. Все приезжали со свиданий и рассказывали: где, что, как происходит, что в лагерях, как прошло свидание. Собирались, пересекались, общались, рассказывали, знакомились и образовывался определённый круг (кроме того, что в Москве он был) — люди разные, разных взглядов, разных позиций, но объединённые одним. Поэтому у всех были хорошие отношения.

С.Э.: Я знаю, что был Фонд поддержки заключённых. Вам тогда оказывали какую-то материальную поддержку?

И.Р.: Тогда было немножко не так. Это уже позже был Фонд Солженицына. А тогда люди сами собирали и передавали. Иногда близкие, а иногда и незнакомые. Опускали в почтовый ящик деньги, кто-то где-то передавал в Москве кому-то из демократически настроенных, но не афиширующих себя. Писатели помогали, ещё кто-то, кто имел выходы в «Берёзку», где можно было достать какие-то дефицитные продукты (диссиденты иногда имели продукты

или вещи лучше, чем люди в обычной жизни). Доставали и передавали, чтобы можно было что-то детям дать или особо нуждающимся. Помощь была, и деньги собирали и передавали, но это было тогда разово, не систематически.

С.Э.: Всё-таки, была среда, которая вам сочувствовала и помогала, даже будучи не диссидентами сами?

И.Р.: Конечно. Во-первых, и в нашем кругу были те, кто не были участниками, кто не поддерживал эти взгляды, но помогал. Был друг Валеры (они работали вместе на пуске заводов в Уфе), который там женился на девушке из Башкирии и остался жить в Уфе. Его жена была фармацевтом. Они все эти годы поддерживали Валериных родителей, посылали необходимые дефицитные лекарства. Нам посылали вещи для детей. Потом, когда мы уже были в ссылке, у нас там родился сын, нам передали детскую кроватку, вещи для малыша. Были связи с границей, нам присылали питательные смеси, которых здесь не было. Очень чувствовалась помощь. Это потом появляется Фонд Солженицына. Когда его выслали, Солженицын издал «Архипелаг ГУЛАГ» и отдал все свои деньги от этого издания в Фонд, они помогали очень многим. Потом многие вышедшие работали с этим фондом. Валере Смолкину, из-за того, что он занимался Фондом, сказали: «Вы хотите на Запад или на Восток? Решайте»...

С.Э.: А его посадили во второй раз?

И.Р.: Нет, его не посадили, он уехал в 1983 году в Израиль. Но его упорно

хотели отправить из страны. Нам тоже предлагали. Когда Валера вышел, нам КГБ предлагало уехать. Но Валера никогда не хотел уезжать. Кроме этого, были наши родители. Может быть, его родители бы и поехали. Я, может быть, тоже поехала бы. Но моя мама никогда бы не поехала (бабушка уже к тому времени умерла), а я не могла её оставить. Ко всему прочему, у нас были друзья, с которыми мы не хотели расставаться.

С.Э.: Вы остались, началась Перестройка, люди поверили, что начнётся счастливая жизнь...и, вдруг что-то пошло не так. Расскажите, пожалуйста, как Валерий Ефимович и вы воспринимали то, что произошло после 1991 года? Не считал ли он, что всё, что диссиденты делали и за что сидели, было напрасным?

И.Р.: Нет, он так не считал. Он, конечно, был более пессимистично настроен. Конечно, на нашем заводе были свои минусы, как всегда при таких ситуациях, но то, что завод работал, когда все остальные заводы встали — это очень значимо. Наш директор был из тех самых капиталистов. Мы же раньше были против частной собственности, а тогда пересмотрели свою точку зрения. Конечно, нам не нравилось, когда многие просто так хапали. Но то, что страна начала развиваться так, мы считали правильным... Пятый пункт отменили в паспорте, а КГБ осталось, и не было сказано всё, что произошло. Не было покаяния. Не было дано оценки произошедшего за все 70 лет. До сих пор, всегда, и тогда в 90-е годы, отмечается в декабрь день создания ВЧК и преемственность наших репрессивных органов

в т.ч. КГБ и ФСБ. Потом началась Чеченская война, которая не вписывалась ни в какие демократические нормы. И много, что уже пошло не так. Рабочие на заводе спрашивали Валеру, почему он теперь не добивается на месте для них того, за что раньше боролся. А он отвечал: «Так вы сами соберитесь тоже». Это то, о чём мы говорили — советы народных депутатов, трудящихся. Но трудящиеся не хотели этим заниматься. Он довольно пессимистично смотрел на менталитет нашего народа. Он старался, контактил со многими людьми просто чтобы понять, среди них были и коммунисты, и националисты и др. Мы не считали, что всё было зря. Но не ожидалось ничего хорошего. В результате получилось ещё хуже... Но наши ребята тоже не ожидали, что будет настолько хуже. Вы знаете, я не ожидала (можно было ожидать, что ДНР и ЛНР они, конечно, хапнут), что развяжут такую полномасштабную войну. Хотя ещё при Валере были и Грузия, и Молдова, и другие страны... В общем, не получилось сделать так глобально... И мы откатились назад. Германию победили, она была оккупирована и поэтому была вынуждена проводить денацификацию, и пошла демократическим путем.

С.Э.: В нынешней ситуации опыт диссидентского движения опять становится актуальным в России. Что бы вы могли посоветовать нынешнему поколению, что может пригодиться из опыта советских диссидентов современным российским гражданам?

И.Р.: Трудно сказать. Не знаю... Мы сами после 24 февраля уехали,

и я понимаю людей, которые просто не могут быть в этой стране, где вообще ничего невозможно сделать. Понимаете, я уже в таком возрасте, что не могу ходить на митинги — мне уже тяжело. А из опыта диссидентов... Вот правильно Навальный или неправильно?.. К сожалению, это всё, конечно, можно понять. Валера говорил когда-то, что наш выход — это когда вся страна развалится на части, и будут отдельные регионы. Но она никогда не развалится мирным путем, поэтому перспектива была в це-

лом неважная. Урал пытался отделиться, Сибирь... Всё же разорвано, связей нормальных нет. Я не знаю... Главное, что дело ведь не в Путине. Ну, умрёт Путин, или его уберут/не уберут, но там все — шайка. Но самое грустное и больное — это поддержка войны большим количеством нашего народа. Я понимаю людей, которые просто не могут быть в стране, где ничего невозможно сделать.

С. Э.: Спасибо за интересные воспоминания!

Д. А. Боровков

КИЕВСКАЯ РУСЬ В КОНЦЕПЦИИ И. Я. ФРОЯНОВА

В статье рассматриваются работы И. Я. Фроянова, написанные в середине 1960 — середине 1990-х гг. и посвященные проблеме формирования дофеодальной государственности у восточных славян, выразившиеся в концепции общинно-вечевых городов-государств, которая стала предметом полемики со сторонниками феодальной парадигмы развития Киевской Руси.

Ключевые слова: И. Я. Фроянов, Киевская Русь, феодализм.

Сведения об авторе: Боровков Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук.

Контактная информация: brancalone85@mail.ru

D. A. Borovkov

KIEVAN RUS IN THE CONCEPT OF I.YA. FROYANOV

In the article is considered the works of Igor Froyanov, writing between 1960 and 1990, and devoted the problem of the formation of pre-feudal statehood among the East Slavic, expressed in the conception of communal city-states, which was the cause of a polemic with the supporters of the feudal paradigm of the development of Kievan Rus.

Keywords: I. Froyanov, Kievan Rus', feudalism.

About the author: Borovkov Dmitry A., Candidate of Historical Sciences.

Contact information: brancalone85@mail.ru

Научная деятельность профессора Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета Игоря Яковле-

вича Фроянова (1936–2020) нашла отражение в многочисленных историографических и биографических

© Д. А. Боровков, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-100-125

работах, написанных его учениками и коллегами на протяжении последней четверти века, из числа которых следует особо выделить фундаментальную биографию В. С. Брачева (Брачев 2010: 477–750), в которой немало внимания уделено концептуальным аспектам многогранного творчества ученого. Поэтому, в настоящей статье мы остановимся на ключевых ее моментах, связанных с изучением истории Киевской Руси.

Концепция И. Я. Фроянова формировалась в соответствии с канонами исторического материализма, согласно которым сначала изучался базис общественно-экономических отношений, определявшийся способом производства, а затем политическая надстройка. Поэтому первое крупное его исследование — кандидатская диссертация «Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды)», защищенная на Историческом факультете Ленинградского государственного университета под руководством В. В. Мавродина в 1966 г., — была посвящена дифференциации социальной структуры эксплуатируемых слоев населения.

В этой структуре И. Я. Фроянов выделил рабов-пленников (челядь) и рабов из числа представителей местного туземного населения (холопов). Данники были разделены им на «внешних» смердов — представителей племен, выплачивавших киевским князьям дань, которую он отказался считать феодальной рентой и отождествил с грабежом-контрибуцией, — и «внутренних» смердов, под которыми он подразумевал местное население, обязанное данью князю и государству — их основу

составляли посаженные на землю пленники-рабы. Следствием подобной дифференциации категорий зависимого населения стал тезис о развитии характере рабовладения на Руси XI — XII вв. в процессе генезиса феодализма (Фроянов 2010). Этот тезис сближал его выводы с выводами определенного круга исследователей, которые обсуждались и в 1930-е гг. и в историографии второй половины 1960 — начала 1970-х гг. (Ср. Сverdlov 1996: 198–199, 278–287).

Наблюдения И. Я. Фроянова получили развитие в докторской диссертации, защищенной на Историческом факультете Ленинградского университета в 1973 г., в которой исследователь подчеркнул, что «Взгляд на социально-экономическое развитие Киевской Руси, представленный в настоящей работе, тесно связан с пониманием роли крупного землевладения в процессе генезиса феодализма». Главным недостатком концепции генезиса феодализма в крупновотчинной форме, разработанной в 1930-х гг. Б. Д. Грековым и разделявшейся широкими кругами советских исследователей, И. Я. Фроянов считал недооценку других элементов социального строя. «Б. Д. Грекова привлекала генеральная (и это естественно) линия развития общественных отношений в Киевской Руси. Поэтому он сосредоточился на тех факторах, которые означали наступление нового социального строя — феодализма. Между тем институты старого порядка, восходящие к первообщинному периоду, а также рабовладельческий уклад не были им достаточно изучены» (Фроянов 1999: 6–7). Столь же спорной считал он и сформулированную в начале 1950-х гг. гипотезу В. И. Довженка,

М. Ю. Браичевского и Л. В. Черепнина об установлении верховной феодальной собственности на землю одновременно с установлением даннических отношений на фоне переплетения процессов «окняжения земли» и роста феодальной собственности. В результате был сделан вывод о том, что «Обложение данью в X–XII вв. не сопровождалось по нашему глубокому убеждению, сменой форм земельной собственности и установлением феодальной верховной собственности на землю». Критике была подвергнута и концепция медиевиста А. Я. Гуревича, который выдвинул тезис о сосуществовании государственного и общинного землевладения, отвергнув мнение о формировании крепостного права в раннем средневековье, но сохранив традиционную трактовку дани как инструмента феодализации в таких регионах как Англия, Скандинавия, Русь. Взгляд А. Я. Гуревича на феодализм как на систему отношений господства и подчинения, экономическую основу которой мог составлять вземельный лен (феод), был И. Я. Фрояновым отвергнут.

И. Я. Фроянов исходил из того, что вне крупного землевладения «феодальные отношения становятся настолько неуловимыми, что нельзя понять, где кончается простое подданство и начинается феодальный строй», ибо «Власть над людьми еще не феодализм. Он появляется тогда, когда властвование соединяется с крупным землевладением, являющимся основой феодализма» (Фроянов 1999: 127–128). Таким образом, он строил свои рассуждения в рамках классической модели феодального строя, сформировавшейся на рубеже XIX–XX вв., а идея многообразия

феодальных отношений оказалась для него неприемлема. Рассматривая экономическую базу феодализма, И. Я. Фроянов писал: «В аграрном обществе феодальная рента есть прежде всего земельная рента. Данное положение остается для нас в силе, несмотря на красочные примеры вземельного характера феода, приводимые А. Я. Гуревичем, включая и тот пикантный эпизод, когда в качестве лена выступает... публичный дом. Последнее обстоятельство доказывает лишь ту очевидную истину (в справедливости которой, надеемся, не сомневается и сам А. Я. Гуревич), что отношения в упомянутом доме бесконечно далеки от феодальных производственных отношений, а доходы, собираемые владельцем его, ничего общего не имеют с неоплаченным прибавочным трудом» (Фроянов 1999: 127; ср. Гуревич 1970: 55). Эта цитата красноречиво характеризует его отношение к вземельным факторам феодализации.

Анализ социально-экономического строя Киевской Руси И. Я. Фроянов начал с изучения семьи и общины. В отличие от историков, разделявших точку зрения о последовательном формировании патриархальной общины — сельской общины — крупной вотчины (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Л. В. Черепнин), он сосредоточил внимание на поземельных отношениях в родоплеменной (первобытной) общине, сведения о которой, по его мнению, отразились в сообщении ПВЛ о социальной организации полян: «Подем же жившем особе и володеющим роды своими». Исследователь считал, что «поляне, жившие особняком, являли собой нечто целое, собранное из родов, занимающих

свою территорию. Под целым, надо, по всей видимости, понимать племя, существующее “особе” от других племен» (Фроянов 1999: 14). Вербь он трактовал как общинную организацию переходного периода, в которой сохранялись и кровнородственные отношения, и посторонние элементы. Такая позиция была новаторской по отношению к взглядам советских историков на вервь как на родственную (С. В. Юшков), территориальную общину (Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин и др.), патронимию (М. О. Косвен) или марку (А. И. Нусыхин). И. Я. Фроянов писал: «Вербь будет однобоко понята, если полагать ее чисто родственным объединением или союзом, полностью очищенным от кровных связей. Она, по-видимому, совмещала и то, и другое» (Фроянов 1999: 26). К подобным выводам его привело сравнение Русской Правды, предусматривавшей коллективную ответственность общины (круговую поруку), с законодательством XV–XVII вв., где была зафиксирована личная ответственность правонарушителя, что было истолковано как следствие разложения общины. Такая интерпретация верви позволяла раскрыть социальную функцию большой семьи, однако расходилась с позицией большинства советских исследователей, признававших ключевым элементом социальной структуры Древней Руси малую (индивидуальную) семью. Наряду с общинным землевладением И. Я. Фроянов выделял государственный аграрный сектор, формировавшийся из пустующих земель в процессе укрепления публичной власти, персонифицированной в лице князя, выполнявшего функции представителя общины, а не главы

корпорации феодалов, как предполагалось в рамках концепции В. И. Довженка — М. Ю. Брайчевского — Л. В. Черепнина и их последователей.

Сопоставив известия о княжеских селах, выполнявших, по его мнению, роль промысловых центров, И. Я. Фроянов отверг взгляд на них как на элемент зарождающегося княжеского домена и пришел к выводу о преобладании промыслов в хозяйственных предприятиях Рюриковичей. Анализ “Правды Ярославичей”, которая использовалась сторонниками “классической” интерпретации феодализма как один из источников реконструкции порядков феодальной вотчины XI в., а также летописных данных о хозяйственной деятельности князей, привел его к выводу о том, что в XI–XII вв. промыслы сменились скотоводством. И хотя он продолжал считать крупное землевладение основой древнерусской экономики, экономическое благосостояние князей, с его точки зрения, формировалось не за счет земельных владений, а за счет кормления, полюдья и различных даров, постепенно терявших потребительский характер «переплавляясь в нечто, подобное натуральным налогам, смешивать которые с централизованной феодальной рентой нет никаких оснований» (Фроянов 1999: 166). Аналогичным образом исследователь раскрыл экономическую основу боярского землевладения: хотя он не отрицал существование в XI–XII вв. боярских сел, по его мнению, они были ориентированы на неземельные отрасли сельского хозяйства, а бояре как представители государственного аппарата получали продукты аграрного производства в качестве платы от населения.

И.Я. Фроянов подверг критике гипотезу М.Н. Тихомирова об условном феодальном держании, полагая, что отождествление им “милости” и “бенефиция” было неправомерным. М.Н. Тихомиров считал, что «милостники — это не просто княжеские любимцы, а особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве, в первую очередь ключники и слуги, — разряд, соответствовавший средневековым министералам в Западной Европе», и отмечал, что «княжеские слуги, как и министералы Западной Европы, нередко выходили из числа рабов, что не мешало им выдвигаться впоследствии в ряды знати, вступать в число феодалов и скапливать большие земельные богатства». Поэтому “милость” имела различные формы — “кормление”, “хлеб”, условное феодальное владение — бенефиций. «Таким образом, историю поместной системы и служилого землевладения надо начинать искать гораздо раньше, чем в XIV–XV вв. Поместная система была только частью феодальной системы. Она начала складываться на Руси уже в XII–XIII вв., когда появляются милостники» (Тихомиров 1975: 235, 239).

По мнению И.Я. Фроянова, М.Н. Тихомиров не привел «ни одного факта, который ясно и определенно подтвердил бы его точку зрения», ибо «если князь жаловал своих слуг деньгами, оружием и конями, то от этого они феодалами не становились. Иное дело земельная дача. Но о “милостных” землях источники упорно молчат». Вывод категоричен: «М.Н. Тихомирову не удалось доказать существование на Руси XII в. поместной системы и служилого

землевладения, совместить древнерусского милостника с московским помещиком» (Фроянов 1999: 177–178).

«На данной стадии между вотчинником и крестьянским миром нет никаких или почти никаких экономических связей. Это — два самостоятельных организма, скрепленных политически. Медленно, шаг за шагом, владелец приближается к волости и, наконец, внедряется в общественную ткань, подрывает общину и устанавливает над ней господство, — завязывается феодальное хозяйство. Чем меньше объект пожалования, тем легче и быстрее идет процесс перерождения свободной общины в комплекс феодально зависимых хозяйств. Но при самых оптимальных условиях для вотчинника он растягивается на длительный период» (Фроянов 1999: 187). Исследователь отнес формирование частного землевладения путем купли или занятия неосвоенных земель, к XI–XII вв., полагая, что в этот период оно находилось в неразвитом состоянии, так как функцию материальных ценностей в большей степени выполняло движимое имущество.

Если сторонник феодальной парадигмы Я.Н. Щапов интерпретировал церковную десятину как одну из форм феодальной ренты и относил формирование церковного землевладения ко второй половине XI — началу XII столетия (Щапов 1965), то, по мнению И.Я. Фроянова, церковь существовала не за счет земельных пожалований, а за счет сбора доходов с волостей, создававших возможность превращения пожалованной земли в феодальную собственность,

однако в отличие от Я. Н. Щапова он отверг попытку истолкования финансовых отношений церкви и государства как раздел феодальной ренты, полагая, что исследователь заставил мирян и церковников «делить шкуру неубитого медведя» (Фроянов 1999: 191). В то же время он счел церковь инициатором установления порядка, при котором устанавливалась верховная собственность на землю волости.

Хотя И. Я. Фроянов сначала не отрицал факт существования на Руси ни феодальной вотчины, ни верховной государственной собственности на землю — краеугольных камней концепций Б. Д. Грекова и Л. В. Черепнина, — жесткая интерпретация феодализма как системы поземельных отношений между феодалом-вотчинником и феодально-зависимым населением, равно как и отождествление дани с контрибуцией и отрицание ее тождества с феодальной рентой, ограничило категории крепостного крестьянства.

Первой категорией зависимого населения, по мнению И. Я. Фроянова, являлась челядь, под которой подразумевались пленники-рабы. Вторая категория — смерды — представляла, с одной стороны, свободных общинников покоренных земель, обложенных контрибуцией, а с другой — особую прослойку зависимого населения, формировавшуюся из пленников-челядинов, посаженных на государственные земли, часть которых, перейдя впоследствии в частные руки, оформилась в крепостное крестьянство. Категория закупов трактовалась как разновидность полурабов, которые не являлись при-

крепленными к земле крепостными: их зависимость относилась к одной из форм дофеодальной эксплуатации. К различным категориям рабов И. Я. Фроянов относил изгоев, пущенников, прощенников, задушных людей, рядовичей, предопределив конечный вывод о том, что «со времен антов, у восточных славян в недрах первобытнообщинного строя зарождается рабовладельческий уклад. Его дальнейшая история не была чем-то невозмутимо монотонным. Вторая половина X в. знаменовала известный перелом в развитии рабства на Руси, обусловленный возникновением частного землевладения. Рост землевладения князей, дружинников и духовенства, наблюдаемый в XI в., способствовал укреплению рабовладельческого уклада. Этот рост особенно ощутимым становится в XII в., чем видимо и объясняется подъем холопства, возникшего, по нашему мнению, где-то в XI в. и представлявшего рабов местного происхождения в отличие от челяди — пленников» (Фроянов 1999: 293).

В развитии древнерусского рабства исследователь выделил две ветви, одна из которых продолжала патриархальную традицию, а другая приближалась к формам античного рабовладения, появление которых было обусловлено формированием вотчинного хозяйства, в недрах которого произошла интеграция рабовладельческих и феодальных элементов. Таким образом, И. Я. Фроянов постулировал наличие в XI–XII вв. рабовладельческой, а не феодальной вотчины. Так как единственной феодально-зависимой категорией он считал малочисленную группу

смердов, то в его представлении феодальный уклад проигрывал рабовладельческому, которому, в свою очередь, было далеко до общинного уклада и древнерусское общество представлялось как сложный социальный организм, сочетающий различные типы производственных отношений. Правда, насколько искренним был исследователь, когда писал, что феодальный уклад являлся ведущим, поскольку ему принадлежало будущее (Фроянов 1999: 293) — было ли это убеждением или необходимой данью историографической схеме — осталось загадкой.

И диссертация, и опубликованная на ее основе монография И.Я. Фроянова («Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории», 1974) вызвали неоднозначную реакцию научной общественности, проявившуюся еще на стадии обсуждения диссертации, на кафедре истории СССР Ленинградского государственного университета в июне 1973 г., материалы которой были опубликованы в 1999 г. в приложении к полному изданию ее текста.

Например, А.Л. Шапиро констатировал, что И.Я. Фроянов заново пересмотрел весь комплекс письменных и археологических источников и, отказавшись от недостаточно опиравшихся на источники концепций, дал свою интерпретацию многих частных вопросов, особо отметив критику историков, считавших возможным говорить о феодализме без крупного землевладения (Фроянов 1999: 295–297).

Ю.Г. Алексеев отметил, что «Актуальность проблематики, поднятой

в работе И.Я. Фроянова, подчеркивается тем обстоятельством, что, несмотря на большое число исследований и длительную историографическую традицию, большинство вопросов темы еще далеки от решения», что И.Я. Фроянов «выступает как самостоятельно сложившийся исследователь со своей собственной, в высшей степени нетривиальной точкой зрения. Привлекая к исследованию все доступные отечественные источники, И.Я. Фроянов (и в этом его заслуга) оперирует и сравнительным методом (к сожалению, весьма редко у нас применяемым), сопоставляя изучаемые им институты с их аналогиями в Западной Европе». Хотя Ю.Г. Алексеев считал, что не все выводы И.Я. Фроянова убедительны, по его мнению, «эти недостатки (может быть, недомолвки) решительно отступают на задний план перед свежим, оригинальным и в основе своей убедительным главным тезисом работы». А именно, тем, что Древняя Русь «автором трактуется не как совокупность обезличенных объектов княжеского и боярского произвола (что, к сожалению, широко распространено в нашей литературе), а как жизнеспособное, полноправное, закономерно развивающееся общество свободных людей, переживающих одну из стадий общественного развития» (Фроянов 1999: 297–298).

По мнению Б.Н. Миронова, «автор создал цельную и объективную картину состояния Киевской Руси X–XII вв. и что особенно существенно — построил оригинальную и в целом убедительную концепцию о переходном (к феодализму) характере древнерусского общества X–XII вв. <...> Автор весьма удачно

применил метод “склеенной вазы”. Как археолог, И. Я. Фроянов по обломкам, относящимся к различным сферам жизни русского общества X–XIII вв., воссоздал общую картину его состояния» (Фроянов 1999: 298).

В то же время один из оппонентов на защите докторской диссертации И. Я. Фроянова Л. В. Черепнин отметил в качестве основной тенденции его работы пересмотр представлений Б. Д. Грекова о генезисе феодализма на Руси в крупновотчинной форме, предпринимаемый на фоне ограниченного методологического подхода к интерпретации источников. Относительно реконструкции социальной структуры зависимого населения он писал: «Деление смердов на внутренних и внешних и версия о смердах как пленниках-рабах не вытекают из анализа источников. Это авторская схема, я не вижу также оснований для противопоставления “дани” и “полюдья”. Почему нельзя рассматривать “полюдье” как систему сбора дани? Естественно, что во время полюдья сборщики дани и кормились с населения. “Примучивали” князя не только иноязычные племена, но и восточнославянские, т. е. по терминологии И. Я. Фроянова — “внутренних” смердов. Поэтому попытка связать появление термина “смерд” с межплеменной борьбой мне кажется неубедительной. Но хорошо уже и то, что диссертант считает возможным уподоблять земельной ренте характер дани отдельных групп частновладельческих смердов». Вывод патриарха советской науки был таков: «Меня концепция И. Я. Фроянова не убедила. Я остаюсь при убеждении, что разработанная Б. Д. Грековым “генеральная линия развития обще-

ственных отношений в Киевской Руси”, несмотря на большое количество поправок, уточнений, дополнений, внесенных другими исследователями, в основном (признание феодализма в Киевской Руси) остается в силе.

Но я отдаю должное творческому поиску И. Я. Фроянова, оригинальности его суждений, эрудиции, ряду интересных наблюдений» (Фроянов 1999: 313–326).

Второй оппонент на защите докторской диссертации И. Я. Фроянова А. А. Зимин в своем отзыве уделил больше внимания методам источниковедческого синтеза: «Конечно, если говорить в самой общей форме, то перед нами труд, базирующийся на комплексе памятников, в общем-то известных предшествующим исследователям. Но дело, конечно, в соотношении различных видов источников. А вот тут-то и проявляются новые подходы И. Я. Фроянова. Если ранее ученые прежде всего исходили из анализа Русской Правды, как основного памятника, характеризующего социальные отношения в древнерусском обществе, то в работе И. Я. Фроянова акценты переставлены, и разбор летописных свидетельств, берестяных грамот и археологических памятников занимает не меньшее, а подчас даже большее место. Оправдано ли это или нет? Мне представляется, что это вполне оправдано. И дело даже не в том, что Русская Правда лучше изучена и нет надобности возвращаться к ряду решенных вопросов. Дело заключается в том, что советские медиевисты все более и более приходят к выводу о необходимости

координировать анализ правовых источников (в частности, варварских правд) с житийными, хроникальными и эпическими источниками. Если обратиться к истории Древней Руси, то такая необходимость будет ясна» (Фроянов 1999: 327–337).

И. П. Шаскольский, заменявший на защите отсутствовавшего А. А. Зими́на, видел достоинство работы в том, что И. Я. Фроянов отказался «от очень распространенной, особенно в 1950-е годы, концепции, которая относит начало феодализма к как можно более раннему времени, к началу существования Киевского государства, к IX в.», тогда как некоторые авторы «умудрялись начинать феодализм еще раньше — чуть ли не с V–VI вв.» (Фроянов 1999: 352–359).

Если одна группа исследователей (Ю. Г. Алексеев, А. Л. Шапи́ро, И. П. Шаскольский) поощряла критику феодальной концепции, то с другой стороны отношение Л. В. Черепнина и его сторонников к концепции И. Я. Фроянова со временем стало более критическим (Черепнин 1976; Назаров, Пашуто, Черепнин 1976: 29). Так, О. М. Рапов усомнился в результатах пересмотра тезиса о феодальном землевладении на Руси, посчитав, что «И. Я. Фроянов почему-то упорно не хочет видеть ни княжеских дворов, ни княжеских волостей, областей и городов, за которые ведутся ожесточенные войны между отдельными владельцами, начиная со второй половины X в.» (Рапов 1977: 15). Исследователь полагал, что киевские князья как верховные собственники земли предоставляли в условное держание родственникам в обмен на службу

и дань отдельные волости или «сеньории-полугосударства», правители которых стремились превратить их в безусловную феодальную собственность.

В монографии «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980) И. Я. Фроянов связал генезис государственного порядка Древней Руси с институтом княжеской власти, в котором видел не оплот феодализующейся племенной аристократии, а инструмент родоплеменной организации. Эволюцию территориально-политического устройства он рассматривал по пути: род — племя — союз племен — суперсоюз. Если приверженцы феодальной парадигмы писали о корпоративной консолидации аристократии, то И. Я. Фроянов писал о неоднородном составе племенной элиты, разных уровнях компетенции князей, зависящих от их положения в структуре. Функции князя, по его мнению, ограничивались военной сферой, так как судебная юрисдикция только зарождалась, а административная деятельность находилась в руках племенных старейшин (старцев). Расширение прерогатив княжеской власти в IX–X вв. он связывал с формированием «суперсоюза» во главе с князем киевским, который, опираясь на сплотившуюся вокруг него дружину, подчинил племенных князей древлян, северян, радимичей и т. д. Однако, в правителях киевского «суперсоюза» Фроянов видел лишь военных лидеров, исполнявших определенные судебные и религиозные функции и не пользовавшихся законодательной инициативой. Хотя он считал, что «нельзя признать правильным стремление некоторых

историков представить княжескую власть в примитивном виде» (Фроянов 1980: 30), в то же время показателна его критика утверждений Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, видевших в правовых нормах X в. раннефеодальное законодательство (Черепнин 1965; Зимин 1965).

Изменение территориальной структуры Древнерусского государства в конце X — начале XI в. И. Я. Фроянов связал с распадом племенных княжений и образованием городских волостей. «К сожалению, начальная история городских волостей не нашла отражения в источниках, которыми располагает современная наука — отмечал исследователь. — Но в конце XI столетия, и особенно в XII в. мы уже видим городские волости с достаточно устойчивыми конститутивными признаками», где князь являлся необходимым элементом социально-политической организации общества (Фроянов 1980: 33).

В то же время он полагал, что, несмотря на значительный общественный вес, князь все же не стал подлинным государем, так как этому препятствовала самостоятельность народных общин. «Трудно назвать сувереном князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был входить в соглашение с вечевой общиной и принимать выдвигаемые вече условия, ставящую его в определенные рамки. Князь заключал ряд с народным собранием — вече. А это значит, что он превращался в известном смысле в общинную власть, призванную блюсти интересы местного общества» (Фроянов 1980: 43). С точки зрения исследователя суть проблемы сводилась к следующему: «В древо-

люционной историографии сложилось мнение, будто княжеская власть на Руси являлась народной властью, а князь был органом веча и общины. Советские историки справедливо отвергли этот, безусловно, идеализированный взгляд на существо княжой власти в Древней Руси. Но они, к сожалению, впали в другую крайность, утверждая, что князь олицетворял лишь власть древнерусской знати, стоял только на страже ее классовых интересов. Только для отдельных князей делались исключения, например, для Мономаха, который иногда изображался «смердолюбцем». Надо, впрочем, сказать, что И. И. Смирнов решительно возражал против идеи о «смердолюбии» Мономаха, считая его закоренелым феодалом, проводником планов феодальной верхушки. Социальная роль древнерусских князей XI—XII вв. нам видится несколько иначе.

Князья Руси XI—XII вв. властвовали во имя интересов знати. Это — бесспорно. Но вместе с тем они правили и во благо народа. Следовательно, их правительственную деятельность нельзя толковать однозначно. Политика князей — противоречивая политика, сочетающая в себе древний демократизм с новым: с новыми постепенно углубляющимися классовыми тенденциями, идущим на смену демократическим порядкам. В противоречивости княжеской политики отражались противоречия исторической действительности Руси XI—XII вв., где, несмотря на имущественное неравенство и социальную дифференциацию, процесс классовобразования не завершился и общество не стало антагонистическим, ибо подавляющая масса

населения состояла из свободных общинников, чье хозяйство доминировало в экономике Киевской Руси. Словом, перед нами переходный период от доклассового строя к классовому. Эта промежуточность древнерусского общества и обусловила двойственность княжеской власти, которая наряду с интересами знати выражала также и общенародные интересы» (Фроянов 1980: 43–44).

То, что исследователь отнес к переходному (дофеодальному) периоду эпоху, которая у большинства советских историков ассоциировалась с развитым феодализмом (Б.А. Рыбаков, Л.В. Черепнин, В.Т. Пашуто и др.), являлось очередным вызовом сторонникам феодальной парадигмы, ключевой тезис которой о существовании верховной собственности князей на землю подвергся критике. И.Я. Фроянову, по его собственному утверждению, было трудно «представить верховным собственником князя, которого вечевая община приглашает на княжеский стол», поскольку «акт призвания никак не вяжется со статусом собственника», так же как и практика изгнания князей, по тем или иным мотивам не устраивавших жителей волости (Фроянов 1980: 50–51).

И.Я. Фроянов разделял отношения киевских князей с князьями-наместниками волостей и племенными князьями, относя первые к семейным (корпоративным) связям вассального характера, а вторые — к данническим отношениям по праву принуждения. Зарождение вассалитета было отнесено им ко времени Святослава I, а его развитие — к концу XI в., когда, вследствие увеличения

численности князей, конструируется система семейно-политических взаимоотношений между членами правящей династии. Исследователь высказался за неразвитость норм вассального права, полагая, что княжеский вассалитет сводился к пожалованию права сбора доходов с волостей (кормлений).

Предложенная интерпретация вопроса восходила к гипотезе К. Маркса о фьефах, состоящих из даней, получившей развитие у С.В. Юшкова, который с точки зрения И.Я. Фроянова «слишком субъективно интерпретировал высказывание К. Маркса, из которого никак не следует, что княжеский вассалитет на Руси X в. складывался из двух систем. К. Маркс, как нам кажется, говорит об однородной вассальной зависимости без фьефов, считая, однако, возможным пользоваться термином “фьеф”, но в смысле дани, а не земельного пожалования. В вассалитете, возникшем на даннической основе, К. Маркс увидел примитивную организацию.

По С.В. Юшкову, князья-наместники получали от великих князей землю. Не ясно, что разумеет С.В. Юшков под понятием “земля”. Если он имеет в виду передачу права сбора дани, то с ним можно согласиться, но если им мыслятся земельные пожалования, то здесь ученый вряд ли прав» (Фроянов 1980: 52–53).

Как полагал И.Я. Фроянов, «эволюция княжеских вассальных отношений на Руси X–XII вв. шла по линии вассалитета, основанного главным образом на пожаловании даней, к вассалитету, основанному

на пожаловании кормлений. Этим был сделан крупный шаг в сторону феодального вассалитета, поскольку центр тяжести с внешней экспансии в форме даней переместился на извлечение доходов внутри общества в виде кормлений. Но сам феодальный вассалитет был еще впереди» (Фроянов 1980: 63).

И. Я. Фроянов рассматривал древнерусских князей как лидеров дружины, считая, что коль скоро князь олицетворял политический орган, то и дружина, теснейшим образом связанная с ним, должна была конструироваться в аналогичный институт. Первые следы социальной дифференциации в ее составе датируются XI–XII вв., когда “старшая” ее часть превратилась в вассальное боярство, а “младшая” составила княжеский двор, а разложение дружинной организации относится к концу XIII — началу XIV вв.

Бояре, по мнению И. Я. Фроянова, являлись общественными лидерами, пришедшими на смену родоплеменной аристократии, но более тесно связанными с князем. В то же время он полагал, что «Бояр нельзя принимать за дружинников в чистом виде, живущих под княжеским кровом и на иждивении князя. Они имели собственные доходы, заводили села. Приобретаемая боярами определенная бытовая и хозяйственная самостоятельность способствовали перерастанию дружинных отношений в вассальные» (Фроянов 1980: 85).

Зарождение боярского вассалитета И. Я. Фроянов относил к первой четверти X в., когда “княжии мужи” получили право сбора дани с покорен-

ных племен, который в XII–XIII вв. также приобрел вид кормлений. Он считал, что «Бояре получали кормления в качестве своеобразной платы за участие в управлении обществом. Вместе с князьями они составили правительственную прослойку. В их деятельности не видно проявления исключительно классового господства, что и понятно, ибо Киевская Русь не знала сложившихся классов» (Фроянов 1980: 89).

Более близкой к князю была “младшая” дружина, в состав которой входили “отроки”, “детские”, “милостники”, которые, как считал исследователь, имели разное социальное происхождение: если “отроки” представляли категорию княжеских рабов, то “детские” являлись “вольными слугами” князя, а “милостники” — собственно, “младшими” дружинниками. К концу XII столетия эти различия исчезают и с этого времени они фигурируют в источниках под общим термином “дворяне”.

Особое внимание автор уделил феодальной сеньерии как комплексу земельной собственности с правами на зависимое население, отметив тенденцию к архаизации сеньериальных порядков в дореволюционной историографии. В то же время, он пришел к выводу, что вотчина-сеньерия в Древней Руси — скорее мираж, нежели реальность. «Не случайно Б. Д. Греков, развивавший мысли о трансформации раннефеодальной вотчины в сеньорию, вынужден был признать явный недостаток данных на сей счет. Он писал: «Меня могут упрекнуть в том, что процесс, сейчас изображенный (складывание сеньории; — И. Ф.), не всегда подтвержден

фактами. Действительно, следить по источникам за всеми этапами эволюции вотчины, за процессом превращения ее в сеньорию нет возможности». Что верно, то верно: фактов, подтверждающих существование сеньориальной вотчины в Киевской Руси, нет. Да их и быть не может, поскольку на Руси X—XII вв. крупное землевладение было развито слабо, а феодальные отношения едва лишь зарождались» (Фроянов 1980: 107).

Исследователь установил существование лишь некоторых элементов сеньориального порядка, которые по примеру медиевиста А. И. Неусыхина отнес к дофеодальному периоду. По мнению Фроянова, иммунитет, сложившийся в Древней Руси, отличался от феодального иммунитета либо тем, что не был связан с крупным землевладением, либо тем, что распространялся на некоторые группы рабов и полусвободных. Особое внимание он обратил на проблему взаимоотношений княжеской власти и свободного населения, в разрешении которой он пошел по стопам В. И. Сергеевича, придававшего большое значение политической инициативе “людей”. И. Я. Фроянов отмечал, что «В советской исторической науке имеются на сей счет диаметрально противоположные мнения. М. Н. Покровский и М. Н. Тихомиров признавали за простым людом Руси XII в. право самостоятельно решать, кому из Рюриковичей княжить в той или иной волости. О подъеме в XII в. «политического значения городской массы, с которой вынуждены считаться не только верхи общества, но и размножившиеся князья», писал и Б. Д. Греков. Другой точки зрения придерживаются С. В. Юш-

ков и В. Т. Пашуто, которые полагают, что всеми важными делами в городах заправляла местная знать, умело подстрекавшая демос и ловко использовавшая его выступления в собственных узкоклассовых интересах. В отрицании прав древнерусского народа отдельные историки настолько увлекаются, что приписывают народным представителям ничтожную роль статистов в политических спектаклях, разыгрывавшихся феодальной знатью. Мы не можем согласиться с этой уничижительной социально-политической аттестацией демократических слоев свободного населения Древней Руси. Позиция М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, придававших серьезное значение волеизъявлению масс в политике, нам кажется несравненно предпочтительнее, чем позиция С. В. Юшкова, В. Т. Пашуто и П. П. Толочко, превращающих народные массы Киевской Руси в печально знаменитое в историографии “калужское тесто”, из которого власть имущие крутили любые крендели» (Фроянов 1980: 133–134).

В свете этой тенденции И. Я. Фроянов рассматривал феномен княжеских “дарений”. Полагая, вслед за А. Я. Гуревичем, В. И. Горемыкиной и другими исследователями, что “дар” как неотъемлемый элемент социальных отношений в архаических обществах был присущ и Древней Руси, он видел доказательство этого в летописных сообщениях о раздачах княжеского имущества. Как полагал исследователь, с помощью общественных застолий (летописных “пиров”), князья преследовали конкретную политическую цель, стремясь заручиться поддержкой населения.

Однако такая интерпретация фактов не вписывалась в марксистскую социологическую схему отношений господства и подчинения. Так, определение веча как полновластного института общинной демократии более отвечало идеям XIX столетия, чем взглядам представителей советской историографии, рассматривавших вече либо как феодальный орган (С. В. Юшков, В. Т. Пашуто, П. П. Толочко, В. Л. Янин), либо как институт родоплеменного строя, переродившийся в эпоху феодализма (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. В. Мавродин). И. Я. Фроянов отстаивал точку зрения о непрерывном развитии веча — сначала в качестве племенной, а впоследствии волостной сходки, на которой главную роль играли отнюдь не “нарочитые мужи”, а “людь”. По его мнению, компетенция вечевых собраний была довольно обширна. «Вече ведало вопросами войны и мира, распоряжалось княжеским столом, финансовыми и земельными ресурсами волости, санкционировало бюджетные сборы, смещало неудобную администрацию.

Вече в Киевской Руси встречалось во всех землях-волостях. С помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI — начала XIII в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении» (Фроянов 1980: 184).

Понятие “город-государство” как определение территориально-политической структуры Древней Руси в концепции И. Я. Фроянова было противопоставлено понятию о феодальной федерации. Если Л. В. Че-

репнин выделил три типа феодальной государственности — княжескую монархию в Ростово-Суздальской земле, княжескую федерацию в Киевской земле и боярскую республику в Новгородской земле (Черепнин 1974), то И. Я. Фроянов выступал за монотипность государственных образований: вечевая демократия в Новгороде для него нисколько не отличалась от вечевой демократии в Киевской земле.

Политическая модель города-государства не была оригинальной для средневековья, однако И. Я. Фроянов, который в своей докторской диссертации разошелся со сторонниками концепции М. Н. Тихомирова в вопросе формирования древнерусских городов как феодальных центров и рассматривал их как племенные центры, полагая, что важную роль сыграл не столько аграрный, сколько торговый фактор, подорвавший основы родового строя (Фроянов 1999: 73–89), опираясь на идеи дореволюционных сторонников общинно-вечевого строя (Н. И. Костомаров, А. И. Никитский и др.), уподоблял древнерусские города древнегреческим полисам. С точки зрения исследователя города-государства «являли собой самостоятельные общественные союзы, представляющие законченное целое, союзы, где княжеская власть была далеко не всеобъемлющей, а лишь одной из пружин социально-политического механизма, лежавшего в основе государственного устройства» (Фроянов 1980: 227). Для иллюстрации положения о том, что города сформировались в процессе интеграции общин и были тесно связаны с сельской округой-волостью,

исследователь привлек обширный историографический материал из области антиковедения и воспользовался широкими возможностями сравнительно-сопоставительного метода. По его мнению, «Исследование источников убеждает в наличии трехступенчатой структуры власти Руси тех времен. Военный вождь-князь, наделенный определенными религиозными и судебными функциями, совет племенной знати (старцы градские) и народное собрание (вече) — вот основные конструкции политического здания изучаемой эпохи. Эта структура соответствует политической структуре городов-государств Древнего мира. Обращает внимание совпадение терминов, обозначающих членов совета старейшин на Руси и в древнем Шумере: в летописи встречаем “старцев градских”, а в шумерийских документах — “старцев города”. Совет “старцев” заседал и в гомеровском эпосе. Большое сходство городских властей Руси конца IX–X вв. с властями городов-государств Востока и “классической” Греции, подкрепляемое терминологическими совпадениями в области политической лексики вряд ли можно счесть случайностью. Оно по нашему глубокому убеждению, свидетельствует о схожести социально-политических процессов, протекавших в древнем Шумере, гомеровской Греции и языческой Руси, говорит о их стадильной близости» (Фроянов 1980: 230–231).

Таким образом, в еще большей степени стали очевидны расхождения И.Я. Фроянова с советской историографической традицией: дело заключалось уже не в концептуальном

расхождении, а в пересмотре марксистской социологической схемы, конкретно-историческое содержание которой исследователь в разное время наполнил выводами, сделанными на базе этнографических наблюдений Г.Л. Моргана и Дж. Дж. Фрезера над общественным строем первобытных народов. Если в 1973 г. И.П. Шаскольский отмечал, что И.Я. Фроянов признает наличие в Киевской Руси классов и государства — и в этом его отличие от А.Я. Гуревича, отрицающего наличие классового государства до XIII в. (Фроянов 1999: 355), то к 1980 г. акценты И.Я. Фроянова оказались смещены — он уже не признавал Киевскую Русь классовым обществом, а в киевском “суперсоюзе” IX–X вв. видел лишь первые черты государственности.

Внимание И.Я. Фроянова к дореволюционным концепциям генезиса древнерусской государственности способствовало его критике в научной периодике, одним из инициаторов которой стал В.Т. Пашуто. В рецензии на монографию “Киевская Русь. Очерки социально-политической истории” он писал: «Видя на переплете этой книги год 1980-й, не веришь своим глазам: так далеко ее содержание оттого, что находят в Древней Руси современные советские историки, так близка она тому, что, казалось бы, давно осталось за пределами нашей историографии».

В.Т. Пашуто счел неоправданным как отказ от признания древнерусского общества феодальным, классовым, так и стремление переместить центр тяжести с политической элиты на народные массы. «Активность народа, по И.Я. Фроянову, это непо-

средственная демократия, это власть князей и подвластного им аппарата, опирающаяся на народ: лишь в такой форме видится ему прогресс в пору становления государства. Трудно ли такой взгляд обосновать? Во все нет, во всяком случае, гораздо легче, чем противоположный. Надо только закрыть глаза на все сделанное советской наукой и доверчиво следовать за летописцем».

С точки зрения В. Т. Пашуто автор нарушил несколько норм исследования: не раскрыл классовой природы раннефеодальных государств, не провел комплексного анализа трудов классиков марксизма-ленинизма, ограничившись набором случайных цитат. «Цитаты подобраны по нескольким аспектам и, верные сами по себе, притягиваются насильственно к изложению». Как отмечал рецензент: «Отношение к историографии у И. Я. Фроянова такое же, как и классикам марксизма-ленинизма: не касаясь сути концепций и места приводимых учеными фактов в их обосновании, он собирает у каждого то, что ему подходит». Не устраивала В. Т. Пашуто и источниковедческая методика И. Я. Фроянова: «новая его книга наполнена летописными цитатами, но толкуются они с тем “наивным реализмом”, который избавляет автора от необходимости задуматься об идеологии летописцев, о политических симпатиях к тому или иному восхваляемому ими князю, об их социально или религиозно обусловленном лицемерии относительно власти трудящихся — словом, обо всем том, что выявило советское источниковедение и что находит убедительные аналогии в феодальном летописании Европы».

Критике подвергся и сравнительно-исторический метод И. Я. Фроянова, который, по словам рецензента, «не выдерживает сопоставления с нормами современного системного анализа» (Пашуто 1982: 174–178). Рецензент подчеркнул и тот факт, что для обоснования теории о древнерусских городах-государствах исследователь обратился к концептуальным прецедентам дореволюционной историографии.

Как утверждает В. С. Брачев, по инициативе В. Т. Пашуто были написаны и другие статьи с критикой концепции И. Я. Фроянова (Брачев 2010: 533). Так, Ю. А. Лимонов, посвятивший статью источниковедческой оценке книги “Киевская Русь. Очерки социально-политической истории”, писал, что «Общие положения автора немногочисленны и сводятся к “теоретическому осмыслению” соотношения типа источника, использованного в исследовании, т. е. летописи, и собственных исторических построений. По его мнению, эта связь элементарна. Вначале исследователь предлагает логическое, абстрактное заключение по любому вопросу — история веча, города или иных социальных явлений Древней Руси, затем свое построение иллюстрирует примерами из летописи».

«Непосредственное использование летописных материалов И. Я. Фроянов проводит “просто”, не усложняя этот процесс какими-либо исследованиями, гипотезами в отношении текста анализом или критикой, повсеместно принятыми в современной историографии». Рецензент отметил отсутствие элементов текстологического анализа, поверхностное

отношение к генетической структуре летописания, тенденцию к широкому использованию памятников позднего летописания, спорность предлагаемых интерпретаций и т.д. С его точки зрения «В нашей историографии, пожалуй, трудно найти такое, как в рецензируемой книге, не то что некавалифицированное, а просто нигилистическое отношение к источниковедению, отрасли науки, дающей весь материал для исторических построений. Естественно, что автор монографии заплатил за свое пренебрежение сполна. Любое его построение, основанное на летописном источнике, требует пересмотра» (Лимонов 1982: 173–178).

В рецензии, написанной М. Б. Свердловым и Я. Н. Щаповым, среди недостатков исследования отмечалось недооценка процессов классовообразования, подмена государственных форм развития восточных славян племенными, отсутствие системного анализа социальной структуры, который «открывает неограниченные возможности субъективным интерпретациям». К их числу авторы отнесли игнорирование прав верховной государственной собственности на землю, отрицание феодального землевладения, критику традиционного взгляда на формирование феодальных городских центров, теорию о городах государствах, не учитывающую различия социальной ситуации античной Греции и Древней Руси. С точки зрения рецензентов, «Существенным методологическим промахом И.Я. Фроянова является и то, что Киевская Русь рассматривается в отрыве от тех политических, государственных образований, к которым она принадлежит по своему

типу, по своему месту в Восточной Европе». По их мнению, это привело к тому, что автор «по существу вырывает историю Руси IX–XII вв. из истории страны и переносит ее в круг архаичных обществ», при этом, его не интересует «чем были, во что превратились и существовали ли вообще в истории Руси XIV–XV вв. те социальные и политические явления, которым он посвятил свое исследование. Его концепция предполагает не преемственность периодов развития внутри одной феодальной формации, но лишь противопоставление Киевской Руси последующей истории». В отличие от В. Т. Пашуто, исследователи отметили, что в книге «есть любопытные наблюдения, касающиеся отдельных явлений и институтов. Однако они с трудом могут быть выявлены среди массы необоснованных, надуманных положений» (Свердлов, Щапов 1982: 178–186).

Возражения одного из авторов рецензии — М. Б. Свердлова — были развиты в монографии «Генезис и структура феодального общества в Древней Руси» (1983), в которой автор, исходя из принципа сопоставления синхронистических явлений, принадлежащих к одной формационной стадии, отверг гипотезы И.Я. Фроянова об образовании городов, о территориально-политической структуре Древней Руси, о позднем складывании феодального землевладения и т.д. Критике было подвергнуто и положение о том, что княжеская власть существовала за счет дофеодалных кормлений и интерпретация социально-политических институтов как органов «общинной демократии». Не был согласен М. Б. Свердлов и с предложенной И.Я. Фрояновым

структурой зависимого населения и со структурой политической элиты Древней Руси. Он пришел к выводу, что работа И. Я. Фроянова основана на «недоказанном противопоставлении князьям и боярам социально нерасчлененной группы “народ”, “демократическая часть населения”, на частичной выборке источников при их субъективной интерпретации, произвольных сравнительно-исторических параллелях» (Свердлов 1983: 16).

В ноябре 1982 г. И. Я. Фроянов направил письмо в редакцию журнала “Вопросы истории” с критикой рецензии В. Т. Пашуто, содержащей, по его мнению, необоснованные, произвольные утверждения, противоречащие содержанию книги. Это письмо не было опубликовано в журнале, его содержание стало известным после его публикации в сборнике “Средневековая и Новая Россия”, опубликованном к 60-летию И. Я. Фроянова (1996). В январе 1983 г. И. Я. Фроянов обратился с аналогичным письмом к главному редактору журнала “История СССР” И. Д. Ковальченко, однако возможность публикации ответа Ю. А. Лимонову, М. Б. Свердлову и Я. Н. Шапову ему предоставляли лишь в случае конструктивного подхода к решению затронутых рецензентами положений концепции.

Тем временем критика концепции исследователями, разделявшими феодальную парадигму развития древнерусской государственности, продолжалась. Так, в более поздней статье М. Б. Свердлов подчеркивал, что И. Я. Фроянов не определяет ни формационный строй Древней Руси, ни дает качественного определения

используемых им терминов “рабство” и “феодализм”, что препятствует определению формационной конкретности. «Положения, развиваемые Фрояновым, возвращают к тезису начала 1930-х годов о рабовладельческом хозяйстве как «одной из главнейших предпосылок феодализма в России», но не раскрытой в конкретно-историческом содержании. Характеристика господского хозяйства, основанного на рабовладении, ведет к точке зрения Рожкова, Ключевского и работам, написанным под их влиянием. Мнение Фроянова о социально-политическом строе Древней Руси возвращает, с некоторыми изменениями, к концепциям Ключевского, Павлова-Сильванского, Сергеевича, Костомарова, Погодина и славянофилов, а также к теориям буржуазной историографии второй половины XIX — начала XX в., в которых Фроянов видит «историографические и историко-социологические предпосылки» современного исследования «городов-государств» Киевской Руси. Поэтому вместо форм раннеклассовой борьбы в процессе становления феодального общества X—XII вв. Фроянов видит межплеменную борьбу, столкновения в XI в. «племенной верхушки с демократической, частью свободного населения», политические конфликты между князем и вечем, о чем писали историки второй половины XIX — начала XX века (Свердлов 1985: 80–82).

А. А. Горский отмечал, что «И. Я. Фроянов выступает с концепцией, согласно которой Киевская Русь представляла собой родоплеменное общество последнего периода его существования. Даже в XII — первой по-

ловине XIII в. феодализм на Руси, по его мнению, только еще нарождался, а не господствовал. В основе этой концепции лежит убеждение в возможности существования феодализма только в вотчинной форме, что вызывает отрицание Фрояновым феодального характера государственно-корпоративных форм эксплуатации.

Если даже исходить из «вотчинной» концепции генезиса феодализма, то все равно заметно, что Фроянов архаизирует общество Киевской Руси, ибо там уже для XI в. бесспорным является наличие княжеских доменных владений, а в XII в. многочисленны упоминания о боярских и монастырских вотчинах (единичные для XI столетия)» (*Горский* 1986: 78).

Н.Ф. Котляр писал, что «Тема возникновения древнерусских городов теснейшим образом связана с более общей проблемой феодализации восточнославянского общества. Это признают даже те историки, которые подвергают сомнению феодальную сущность Киевской Руси (по крайней мере первых двух-трех столетий ее государственного бытия) и ее городов. Например, И.Я. Фроянов, считающий, что феодализм не утвердился на Руси еще и в XII в., главные усилия прилагает к тому, чтобы доказать родо-племенное, а не феодальное происхождение и суть городских ее центров. В серии своих статей и в изданной в 1974 г. книге И.Я. Фроянов, по существу, утверждает, что Древнерусское государство не было феодальным. Как отмечал Л.В. Черепнин, рассуждения этого историка «ведут его, вопреки фактам, к признанию Киевского го-

сударства XI—XII вв. рабовладельческим» и (добавим мы) в значительно мере родо-племенным. Некоторые последователи И.Я. Фроянова идут еще дальше. Так, А.Ю. Дворниченко полагает, что даже в XIV—XV вв. на Руси феодальное общество продолжало оставаться на стадии формирования. Такие авторы отказывают древнерусскому феодализму в праве на существование потому, что, по их мнению, он не соответствует некоей «классической модели». Например, крупное феодальное землевладение и хозяйство на Руси появляются якобы слишком поздно (как образно пишет И.Я. Фроянов, «надо решительно подчеркнуть, что древнерусские вотчины на протяжении XI—XII вв. выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствовавшего в экономике Киевской Руси»); в древнерусском хозяйстве будто бы большое место занимали рабы. Но существует ли вообще универсальная для всех, хотя бы европейских, стран модель феодализма?» Исследователь дал отрицательный ответ на этот вопрос, сославшись на мнение К. Маркса о том, что «один и тот же экономический базис... может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (*Котляр* 1986: 74–75).

Поскольку концепция “городов-государств” расходилась с принятым в советской науке представлением о феодальном городе, Н.Ф. Котляр выступил против использованных И.Я. Фрояновым «крупных достижений досоветской историографии»

в области сравнительно-исторического методологии, считая, что осуществленные им сопоставления древнерусских городов с городами-государствами шумерийцев, гомеровских греков, юго-западных славян, африканских йорубов, несостоятельными с методологической точки зрения, не соответствующими требованиям синхро-стадиального анализа. «Выдвигая гипотезу бытования городов-государств на Руси, И. Я. Фроянов руководствовался, как видно из его книги, случайными, порою чисто внешними аналогиями или наблюдениями над отдельными, неверно трактуемыми им сторонами жизни древнерусского города, зато обошел главную сторону дела: способ производства, а также присущий тому или иному способу производства характер землевладения, в нашем случае — античному и средневековому. В сущности, древнерусский город как социальная общность представляется И. Я. Фроянову в виде большой деревни, поскольку принципиальную разницу между ними в его книге трудно уловить» — несколько утрируя ситуацию писал исследователь (Котляр 1986: 86–87).

Ю. А. Лимонов в монографии, посвященной социально-политической истории Владимиро-Суздальской Руси, высказал критические замечания относительно трактовки вечевых институтов, однако подчеркнул, что наблюдения в отношении дворян Южной Руси заслуживают внимания (Лимонов 1987: 15).

А. П. Новосельцев подчеркивал, что И. Я. Фроянов «по сути дела, низвел Древнюю Русь до уровня родоплеменных объединений периода воен-

ной демократии. При этом нельзя не отметить, что Фроянов, наряду со своеобразным толкованием древнерусских источников, широко пользуется сравнительным методом. Должен отметить, что этим методом надо пользоваться правильно, осторожно сравнивая типологически сходные институты и явления, а не разностадийные и разноформационные, как часто делает Фроянов» (Новосельцев 1986: 38).

Позднее в разделе, посвященном Древнерусскому феодальному государству, во втором томе «Истории Европы» А. П. Новосельцев писал, что «После завершения дискуссий конца 20-х — начала 30-х гг. в отечественной науке победила точка зрения Б. Д. Грекова, согласно которой отрицалось наличие у восточных славян рабовладельческой формации, время Киевской Руси считалось периодом генезиса феодализма. Однако в наши дни ряд исследователей обратили внимание на необходимость изучения роли рабства в Древнерусском государстве, по крайней мере как уклада; с другой стороны, в отдельных работах без достаточных оснований даже утверждается, что Киевская Русь, по крайней мере на ранних этапах своего развития была рабовладельческим обществом. Наконец, в трудах И. Я. Фроянова вообще отрицается классовый характер общества Киевской Руси, которое приравнивается к племенным объединениям типа военной демократии, что весьма спорно» (Новосельцев 1992: 199–200).

Критика концепции И. Я. Фроянова имела место и в дальнейшем (Свердлов 1996: 12–13, 287–301; Свердлов

1997: 12–13, 285–288, и др.), но, несмотря на это, ее развитие продолжалось.

В коллективной монографии по истории христианской религии, подготовленной накануне 1000-летия Крещения Руси, И.Я. Фроянов написал раздел, посвященный становлению христианства на Руси, где высказался против трактовки христианства в качестве феодальной идеологии, как это расценивалось советской историографией. По его мнению, принятие христианства и княгиней Ольгой и князем Владимиром I имело частный характер: большее значение он придавал синтезу язычества с христианством, породившего проблему “двоеверия” на Руси. Такая трактовка смыкалась с его представлениями о влиянии архаических элементов на общественную жизнь XI–XII вв. (Фроянов 1988).

Одновременно начался новый этап развития концепции на фоне комплексного изучения в Ленинградском университете феномена города-государства на различных стадиях общественно-исторического развития (в Древней Греции, в Византии, на Руси), результаты которого были обобщены в коллективной монографии “Становление и развитие раннеклассовых обществ” (1986), где в частности, подчеркивалось подобие древнегреческого полиса как “универсальной формы” города-государства городам-государствам Древней Руси. Раздел монографии “Становление и развитие раннеклассовых обществ” о городах-государствах Древней Руси, написанный И.Я. Фрояновым в соавторстве с А.Ю. Дворниченко, был положен

в основу одноименной монографии по социально-политической истории древнерусских земель. Опираясь на наработки дореволюционной и советской историографии, авторы пришли к выводу о зарождении города как политического и военного центра племенных союзов в переходный межклассовый период на последнем этапе родового строя. Анализ летописного материала позволил авторам установить наличие городов-государств во всех древнерусских землях, опровергнув тезис о противопоставлении “монархического” юга “республиканскому” северу. Территориальная дифференциация Руси была представлена в контексте политической истории местных общин, сложившихся в конце X — начале XI вв., которые превратили княжескую власть в выборный институт вечевого республиканского типа, рассматривавшийся в советской историографии как новгородский “феномен” (Фроянов, Дворниченко 1988).

Это побудило И.Я. Фроянова обратиться к проблемам новгородской государственности в ряде публикаций, итогом которых стала монография “Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия” (1992), где получила окончательное оформление концепция “бесклассового государства” и была предпринята попытка реконструкции социально-политического процесса VIII–IX вв. на базе гипотезы о существовании “суперсоюзов” словен и полян, второй из которых был завоеван первым в 882 г. под руководством варяжского князя Олега. «Как ни жаль расставаться с мыслью о Древнерусском

государстве, объединявшем в конце IX в. Северную и Южную Русь, все-таки придется это сделать, чтобы выйти, наконец, из состояния возвышающего нас обмана и вернуться к реальной истории. В лучшем случае здесь можно вести речь об установлении союзнических отношений между северными племенами во главе со словенами и Русской землей, возглавляемой полянами, причем о таких союзнических отношениях, которые строились на принципах равенства, а не зависимости от Киева» (Фроянов 1992: 125–126).

Социально-политические события X–XII вв. рассматривались И. Я. Фрояновым в контексте борьбы Киева за господство над Новгородом. Особый интерес представляла его интерпретация событий 1136–1137 гг., расценивавшихся советскими историками как зарождение новгородской республики. И. Я. Фроянов отверг как эту идею, так и точку зрения В. Л. Янина о формировании вечевых институтов в первой трети XII столетия, высказавшись против придания этому факту антимонархических тенденций. По его словам, «князь в Новгороде до памятных происшествий 1136–1137 гг. противостоял республиканским органам лишь в той мере, в какой сохранял зависимость от Киева, и настолько, насколько являлся ставленником киевского князя. Во всем остальном он был составным звеном республиканского административного аппарата. Утратив полностью качества наместника, новгородский князь стал всецело республиканским органом власти, что и вызвало его известное возвышение, засвидетельствованное данными сфрагистики.

Таким образом, мы приходим к выводу, противоположному тому, который принят в современной исторической литературе: после 1136–1137 гг. положение княжеской власти в Новгороде упрочилось, а роль князя возросла» (Фроянов 1992: 206–207).

Книга “Мятежный Новгород” безусловно, стала важной вехой в развитии концепции И. Я. Фроянова: от предыдущих его работ она отличалась большим количеством теоретических построений с использованием элементов источниковедческой критики; в ней были затронуты важные проблемы начального этапа древнерусской государственности, на которые исследователь дал оригинальные, хотя и далеко не бесспорные ответы.

Монография И. Я. Фроянова “Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы” (1995) продолжила тенденцию, оформившуюся в “Городах-государствах Древней Руси”. В этой книге были рассмотрены проявления социально-политической борьбы XI–XIII вв. в древнерусских землях, раскрывшие ее внутриобщинную, а не классовую природу, и был обоснован тезис о том, что противостояние княжеской власти и земства к середине XII в. повсеместно завершилось победой вечевого демократии (Фроянов 1995).

В 1996 г. вышла в свет монография И. Я. Фроянова, посвященная рабству и данничеству у восточных славян, в которой исследователь выделил два этапа в развитии рабовладельческих отношений: первобытное рабство VI–VII вв., источником которого служили пленники (челядь),

захватываемые с целью выкупа, и развивающееся рабовладение VIII–IX вв., когда рабы обособляются в социальную категорию, являющуюся объектом торговли, Появление новых разновидностей рабов из числа свободных общинников — холопов и изгоев — он связал с процессом распада родоплеменных отношений в X–XI вв., хотя о господстве рабовладельческого уклада речь не шла.

Одним из ключевых аспектов исследования стала проблема даннических отношений в славянском обществе, в рамках которой И.Я. Фроянов подверг критике интерпретацию дани как феодальной ренты и обосновал ее значение как контрибуции, которую рассматривал как во внешнеполитическом, так и внутривнутриполитическом аспекте. В поле его зрения оказались даннические отношения восточных славян с хазарами, варягами и Византией и даннические отношения славянских племен с Киевом в конце IX–X вв., анализ которых позволил ему отвергнуть тезис А.Н. Насонова о формировании “государственной территории” Киевской Руси, предпосылкой для которой служила гипотеза о распространении “дани и суда” киевских князей в IX — X вв. (Насонов 1951).

И.Я. Фроянов выдвинул антитезис о том, что «Так называемое “Киевское государство” X в. являло собой конгломерат племен, рыхлое и неустойчивое племенное образование, сооруженное Киевом посредством военного принуждения прежде всего с целью получения даней и не имеющее прочных внутренних связей, а потому готовое в любой момент рассыпаться. О единой государственной территории, общей и единствен-

ной для всех племен власти в данных условиях говорить рано. Дань, будучи внешним побором, навязанным со стороны, причем не только дружинной знатью Киева, но и полянской общиной в целом, не может быть отнесена к налогам в процессе внутреннего общественного развития» (Фроянов 1996: 447).

Автор отметил, что подобное мнение уже высказывалось в историографии, но «К сожалению, советские историки не прислушались к тому, что говорили С. В. Бахрушин и В. А. Пархоменко. Их манил образ огромного и могучего Киевского государства, в состав которого вошли земли восточнославянских и некоторых индоевропейских племен, разбросанных по лику Восточной Европы» (Фроянов 1996: 445–446). Особое внимание исследователь уделил практике “полюдья”, которое рассматривал и как архаичный ритуально-политический феномен, и как дар, не имевший ничего общего с феодальной рентой.

Таким образом, начальный и конечный этап формирования концепции древнерусской государственности у И.Я. Фроянова оказался связан с изучением данничества, доказательством тезиса о дани как контрибуции и опровержением тезиса о дани как феодальной ренте. В то же время, в отличие от исследования 1966 г. исследование 1996 г. было включено в более широкий социально-политический контекст, сформированный предыдущими работами исследователя, историографическое изучение которых, мы надеемся, будет продолжено, в том числе и в целях детального сопоставления с концепцией В.И. Довжен-

ка — М. Ю. Брайчевского — Л. В. Черепнина и др. Принципиальное различие этих концепций, на наш взгляд, заключается в характеристике априорных предпосылок, детерминирующих реконструкцию исторического процесса. В случае В. И. Довженка — М. Ю. Брайчевского — Л. В. Черепнина это выявление феодальных элементов на ранних стадиях социально-политической эволюции восточных славян. В случае И. Я. Фроянова — архаизация общественных отношений, в основе которой лежит представление об “общинном без первобытности” социально-политическом строе. Если появление концепции В. И. Довженка — М. Ю. Брайчевского — Л. В. Черепнина в начале 1950-х гг. было обусловлено стремлением синхронизировать развитие феодальной государственности у восточных славян с развитием феодальной государственности в Европе, то появление концепции И. Я. Фроянова стало закономерной реакцией на ее экспансию в советской историографии 1960–1970-х гг., которой сопутствовала тенденция видеть в любом социально-политическом явлении древнерусской эпохи свидетельство формирования феодальной системы господства и подчинения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брачев 2010 — *Брачев В.* Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб.

Горский 1986 — *Горский А. А.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса // *Вопросы истории*, № 8.

Гуревич 1970 — *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

Зимин 1965 — *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда // *Исторические записки*. Т. 56. М.

Котляр 1986 — *Котляр Н. Ф.* Города и генезис феодализма на Руси // *Вопросы истории*, № 12.

Лимонов 1982 — *Лимонов Ю. А.* Об одном опыте освещения истории Киевской Руси (летописи и “исторические построения” в книге И. Я. Фроянова) // *История СССР*, № 5.

Лимонов 1987 — *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.

Назаров, Пашуто, Черепнин 1976 — *Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии // *Вопросы истории*, № 4.

Насонов 1951 — *Насонов А. Н.* “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М.

Новосельцев 1986 — *Новосельцев А. П.* Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы) // *Древнейшие государства на территории СССР*, 1985. М.

Новосельцев 1992 — *Новосельцев А. П.* Древнерусское государство // *История Европы*. Т. 2. Средневековая Европа. М.

Пашуто 1982 — *Пашуто В. Т.* По поводу книги И. Я. Фроянова “Киевская Русь. Очерки социально-политической истории” // *Вопросы истории*, № 9.

Рапов 1977 — *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.

Свердлов, Шапов 1982 — *Свердлов М. Б., Шапов Я. Н.* Последствия неверного подхода к изучению важной темы // *История СССР*, № 5.

Свердлов 1983 — *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.

Свердлов 1985 — Свердлов М.Б. Современные проблемы изучения генезиса феодализма в Древней Руси // Вопросы истории, № 11.

Свердлов 1996 — Свердлов М.Б. Ответственный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII — XX веков. СПб.

Свердлов 1997 — Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб.

Тихомиров 1975 — Тихомиров М.Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.

Фроянов 1980 — Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.

Фроянов 1988 — Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.

Фроянов 1992 — Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.

Фроянов 1995 — Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М., СПб.

Фроянов 1996 — Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI — X вв.). СПб.

Фроянов 1999 — Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб.

Фроянов 2010 — Фроянов И.Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.

Фроянов, Дворниченко 1988 — Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.

Черепнин 1965 — Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Но-

восельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.

Черепнин 1974 — Черепнин Л.В. Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М.

Черепнин 1976 — Черепнин Л.В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси // Из истории экономической и общественной жизни России. М.

Щапов 1965 — Щапов Я.Н. Церковь в государственной структуре Древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.

REFERENCES

Brachev 2010 — Brachev V. Sluzhiteli istoricheskoi nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I. Ia. Froianov. St. Petersburg, 2010.

Gorskii 1986 — Gorskii A.A. Feodalizatsiia na Rusi: osnovnoje sodержanie prozessa // Voprosy istorii, № 8.

Gurevich 1970 — Gurevich A.Ia. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Europe. Moskow, 1970.

Zimin 1965 — Zimin A.A. Feodal'naia gosudarstvennost' i Russkaia Pravda // Istoricheskie zapiski. T. 56. Moskow, 1965.

Kotliar 1986 — Kotliar N.F. Goroda i genezis feodalizma na Rusi // Voprosy istorii, № 12.

Limonov 1982 — Limonov Iu.A. Ob odnom opyte osvshchenia istorii Kievskoi Rusi (letopisi i "istoricheskie postroenia" v knige I.Ia. Froyanova) // Istoria SSSR, № 5.

Limonov 1987 — Limonov Iu.A. Vladimiro-Suzdal'skaia Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Leningrad, 1987.

Nazarov, Pashuto, Cherepnin 1976 — Nazarov V.D., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii

feodal'noi Rossii v noveishei istoriografii // Voprosy istorii, № 4.

Nasonov 1951 — *Nasonov A.N.* “Russkaia zemlia” i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Moskov, 1951.

Novosel'tsev 1986 — *Novosel'tsev A.P.* Nekotorye cherty drevnerusskoi gosudarstvennosti v sravnitel'no-istoricheskom aspekte (postanovka problemy) // Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR, 1985. Moskov, 1985.

Novosel'tsev 1992 — *Novosel'tsev A.P.* Drevnerusskoe gosudarstvo // Istoria Europy. T. 2. Srednevekovaia Europa. Moskov, 1992.

Pashuto 1982 — *Pashuto V.T.* Po povodu knigi I.Ia. Froyanova “Kievskaiia Rus’”. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii” // Voprosy istorii, № 9.

Rapov 1977 — *Rapov O.M.* Kniazheskie vladenia na Rusi v X — pervoi polovine XIII v. Moskov, 1977.

Sverdlov, Shchapov 1982 — *Sverdlov M.B., Shchapov Ia.N.* Posledstvia nevernogo podkhoda k izucheniu vazhnoi temy // Istoria SSSR, № 5.

Sverdlov 1983 — *Sverdlov M.B.* Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi. Leningrad, 1983.

Sverdlov 1985 — *Sverdlov M.B.* Sovremennye problemy izucheniia genezisa feodalizma v Drevnei Rusi // Voprosy istorii, № 11.

Sverdlov 1996 — *Sverdlov M.B.* Obshchestvennyi stroi Drevnei Rusi v russkoi istoricheskoi nauke XVIII — XX vekov. St. Petersburg, 1996.

Sverdlov 1997 — *Sverdlov M.B.* Stanovleniie feodalizma v slavianskikh stranakh. St. Petersburg, 1997.

Tikhomirov 1975 — *Tikhomirov M.N.* Uslovnnoe feodal'noje derzhaniie na Rusi v XII v. // *Tikhomirov M.N.* Drevniaia Rus'. Moskov, 1975.

Froyanov 1980 — *Froyanov I.Ia.* Kievskaiia Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Leningrad, 1980.

Froyanov 1988 — *Froyanov I.Ia.* Nachalo khristianstva na Rusi // *Kurbatov G.L.,*

Frolov E.D., Froyanov I.Ia. Khristianstvo: Antichnost'. Vizantia. Drevniaia Rus'. Leningrad, 1988.

Froyanov 1992 — *Froyanov I.Ia.* Miatezhnyi Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, sotsial'noi i politicheskoi bor'by kontsa IX — nachala XIII stoletia. St. Petersburg, 1992.

Froyanov 1995 — *Froyanov I.Ia.* Drevniaia Rus'. Opyt issledovaniia istorii sotsial'noi i politicheskoi bor'by. Moskov, St. Petersburg, 1995.

Froyanov 1996 — *Froyanov I.Ia.* Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavian (VI — X vv.). St. Petersburg, 1996.

Froyanov 1999 — *Froyanov I.Ia.* Kievskaiia Rus'. Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroia. St. Petersburg, 1999.

Froyanov 2010 — *Froyanov I.Ia.* Zavisimye ludi Drevnei Rusi (cheliad', khology, danniki, smerdy). St. Petersburg, 2010.

Froyanov, Dvornichenko 1988 — *Froyanov I.Ia., Dvornichenko A.Iu.* Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi. Leningrad, 1988.

Cherepnin 1965 — *Cherepnin L.V.* Obshchestvenno-politicheskie otnosheniia v Drevnei Rusi i Russkaia Pravda // *Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ia. N.* Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moskov, 1965.

Cherepnin 1974 — *Cherepnin L.V.* Puti i formy politicheskogo razvitiia russkikh zemel' XII — nachala XIII vv. // *Pol'sha i Rus'.* Cherty obshchnosti i svoeobrazia v istoricheskom razvitiu Rusi i Pol'shi XII—XIV vv. Moskov, 1974.

Cherepnin 1976 — *Cherepnin L.V.* Jeshche raz o feodalizme v Kievskoi Rusi // *Iz istorii ekonomicheskoi i obshchestvennoi zhizni Rossii.* Moskov, 1976.

Shchapov 1965 — *Shchapov Ia.N.* Tserkov' v gosudarstvennoi strukture Drevnei Rusi // *Novosel'tsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ia. N.* Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moskov, 1965.

Л. А. Мосионжник

ВОЛЬТЕРОВСКАЯ РОССИЯ МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И УТОПИЕЙ

Статья посвящена утопической стороне труда Вольтера «История Российской империи при Петре Великом». При этом утопия рассматривается как целостное описание образа жизни общества, альтернативного реальному, но в принципе возможного и достижимого без помощи чудес. Один из главных вопросов классического утопизма — вопрос о путях достижения такого общества. Уже Томас Мор рассчитывал, что достичь этого может мудрый законодатель с помощью единоличных усилий. Ту же мысль повторяли Д. Верас д'Алле («История севарамбов»), Инка Гарсиласо де ла Вега («Подлинные комментарии»), Ш. Тифень де Ла Рош («История галлигенов»), Э. Кабе («Путешествие в Икарию») и др. Петровские реформы казались многим европейцам доказательством этой идеи. Вольтер, не будучи утопистом, должен был испытывать влияние этой идеи, отсюда некоторые особенности его труда. Отсюда изображение Петра как гения, сделавшего всё своими руками. Отсюда же и изображение России как некультурной страны, всем обязанной своему реформатору: только таким путём возможно было доказать возможность утопической реформы. Поэтому, хотя Вольтер не идеализировал царя, он сознательно стилизовал свой текст так, чтобы доказать возможность подобного пути реформ не только в России, но и в Европе.

Ключевые слова: Вольтер, Пётр I, образ России, утопизм, Томас Мор, Верас д'Алле, Тифень де Ла Рош, Инка Гарсиласо де ла Вега, Кабе

Сведения об авторе: Леонид Авраамович Мосионжник, доктор истории, доцент, Университет «Высшая Антропологическая Школа», г. Кишинёв, Молдова

Контактная информация: mosionjnic@mail.ru

L. A. Mosionjnic

VOLTAIRE'S RUSSIA BETWEEN HISTORY AND UTOPIA

The subject of the article is the utopian side of Voltaire's book "History of the Russian Empire under Peter the Great." At the same time, utopia is considered as a holistic description of the lifestyle of society, alternative to real, but in principle, possible and achieved without the help of miracles. One of the main issues of classical utopianism is the question of ways to achieve such a society. Already Thomas More expected that a wise legislator could achieve this with the help of sole efforts. The same thought was repeated by D. Vairasse d'Allais ("Histoire des Sevarambes"), Inca Garcilaso de la Vega ("Comentarios reales"), Ch.-F. Tiphaigne de La Roche ("Histoire des Galligènes"), E. Cabet ("Voyage en Icarie") e.a. Reforms of Peter the Great seemed to many Europeans to be the proof of this idea. Voltaire, not being an utopian, was supposed to experience the influence of this idea, hence we may explain some features of his work. As well as the image of Peter I as a genius who did everything with his own hands. And also the image of Russia as an uncultured country, obliged to its reformer: only this way it was possible to prove the possibility of utopian reform. Therefore, although Voltaire did not idealize the king, he deliberately stylized his text such a way to prove the possibility of such a path of reforms not only in Russia, but also in Europe.

Keywords: Voltaire, Peter the Great, image of Russia, utopianism, Thomas Morus, Vairasse d'Allais, Tiphaigne de La Roche, Inca Garcilaso de la Vega, Cabet

About the author: Mosionjnic Leonid A. Doctor of History, Associate Professor, High Anthropological School University (Chişinău, Republic of Moldova)

Contact information: mosionjnic@mail.ru

Поводом для написания этой статьи стал выход полного критического издания вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом». Подготовили его д.и.н. С. А. Мезин и М. В. Ковалёв, перевод С. А. Мезина и А. Е. Кулакова, книга снабжена обширным предисловием (Мезин, Ковалёв 2022). И в нём читатель найдёт не только ответы, но и многие, как говорилось когда-то, «недоуменные вопросы».

В самом деле. Почему сочинение самого Вольтера, написанное для прославления Петра, получившее европейский резонанс, щедро оплаченное русским правительством, так долго не переводилось именно на русский язык? Почему только нынешнее из-

дание впервые вышло без купюр? Почему сам Вольтер и петербургские академики, готовившие для него материалы (а в их числе — Миллер и Ломоносов), остались недовольны друг другом? Почему автор, прославленный своим скептицизмом, оставил без внимания половину присланных ему документов? Чем всё-таки считать эту книгу: научным трудом или исторической беллетристикой? Можно ли сводить её роль только к жанру «заказного сочинения»? Почему Вольтера так глубоко и упорно интересовала Россия, которую он ни разу даже не посетил?

На эти и многие другие вопросы читатель найдёт ответ в подробном, обстоятельном предисловии, опираю-

щемся на солидные исследования — как российские, так и зарубежные. И всё же, как представляется, его можно дополнить взглядом ещё с одной стороны. Речь идёт о связи картины России у Вольтера с утопизмом его времени. Не зря в дискуссиях вокруг его труда так часто повторяется принадлежащее А. Лортолари выражение «русский мираж» (*Мезин, Ковалёв* 2022: 82). Смысл этого понятия уточнял Ролан Мортье в рецензии на книгу А. Лортолари: «Основной его тезис в том, что “философы”, тревожась за перспективу триумфа своих идей и не слишком полагаясь на престиж абстрактного рассуждения, умышленно создали “русский миф”, чтобы подкрепить свои взгляды конкретным примером. Слово “миф” должно здесь пониматься как содержащее конкретное и тенденциозное искажение истины, короче говоря, как “угодливая ложь” (“mensonge officieux”»)» (*Mortier* 1953: 95–96). В этом ли, однако, суть дела?

ЗАКОНОДАТЕЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МИРА, ИЗ НИХ ОДИН — РЕАЛЬНЫЙ

Сразу же договоримся о терминах. Под утопией условимся понимать картину альтернативной реальности, основанной на заявленной системе ценностей. От реальности, привычной для автора, она отличается по принципу «лучше — хуже», что само по себе исключает её научный характер (наука с ценностями вообще не работает — они слишком субъективны). Но сами ценности автором не выдумываются — они разделяют-

ся его потенциальными читателями. При этом картина должна получаться хоть и альтернативной, но принципиально возможной, хотя бы по мнению самого автора. Фантастика, требующая чудес или невозможных условий, в этот жанр не входит.

XVIII-XIX века — золотой век классического утопизма, и его признанным центром в то время была Франция. Это и понятно: страну, шедшую к революции (либо только что её пережившую), настолько волновали возможные варианты будущего, что это должно было отражаться и на сочинениях, к утопическому жанру вовсе не относящихся. Так что «мираж» возникал и без сознательного желания авторов, в том числе и Вольтера. Однако самый острый вопрос для любой утопии — вопрос о средствах. Пусть даже придуманный вами мир хорош, но каким путём к нему прийти?

Этого вопроса могли не касаться разве что консервативные утописты, предлагавшие менять не слишком многое. Таков был, например, корреспондент и информатор Вольтера — Станислав Лещинский. В своей утопии «Встреча европейца с островитянином королевства Димокала»¹ он говорит в основном о социальной политике и реформе образования — как раз о том, чем сам он занимался в Лотарингии. Что же касается политической системы, то в приложении к своей книге он отдаёт предпочтение монархии перед республикой, хотя и не безоговорочно ([*Leszczyński*] 1752: 39–40, 132). Напомним, что Станислав Лещинский сам был «од-

¹ Книга вышла двумя прижизненными изданиями в 1752 и 1754 гг. ([*Leszczyński*] 1752; 1754) без указания места — видимо, в Нанси, тогдашней столице Станислава. В первом издании имя автора

ним из королей Республики» — Речи Посполитой: в 1704–1709 и 1733–1734 годах он занимал польский престол, а формальный королевский титул за ним был оставлен пожизненно. И программа его была довольно радикальна. Достаточно сказать, что в предвыборной программе 1733 г. «Głos wolny, wolność obięzpiecujący» он предложил — впервые в Польше на таком уровне — отмену крепостного права ([Leszczyński 1790]: 99). Но, по его мнению, в республике слишком много частных интересов, которые нелегко примирить, к тому же коллегиальное руководство слишком медлительно ([Leszczyński] 1752: 39–40, 132). И он готов скорее положиться на личные качества просвещённого монарха, даже не говоря, как их обеспечить. Точно так же князь М. М. Щербатов в своём «Путешествии в землю Офирскую» не пишет о том, как сложились её порядки: его Офир — это та же послепетровская Россия, лишь пережившая довольно умеренные реформы. Но радикальные утописты не могли обходиться таким умолчанием.

Самый простой ответ был предложен уже Томасом Мором: утопию создаёт гениальный реформатор. Он даёт ей законы, основываясь только на собственном разуме и чувстве справедливости, и созданная им страна очень часто называется в его честь (либо, по меньшей мере, он

сам выбирает для неё имя). Таков Утоп у самого Мора (1516), таков Севарис в «Истории севарамбов» Дени Вераса д'Алле (1675–1679), таков Манко Капак и его потомки в «Подлинных комментариях» Инки Гарсиласо де ла Вега (1609, в русском переводе 1974 г. — «История государства инков»), Альмон в «Истории галлигенов» Ш. Ф. Тифень де ла Роша (1765). Пожалуй, самый поздний случай такого рода — Икар в «Путешествии в Икарию» Э. Кабе (1840). Но реален ли такой выход, а если даже он возможен в принципе, то в Европе ли? Ведь из всех этих сочинений только Гарсиласо описывал подлинную страну — Перу до прихода испанцев. И его труд содержит не только надёжную информацию, без которой мы не знали бы о древнем Перу и половине того, что знаем сегодня, но и утопические элементы. Достаточно сказать, что ещё и в XIX веке его сведения принимались как доказательство того, что общество без частной собственности возможно, а труды о «социалистической империи инков» публиковались серьёзными учёными даже в XX веке. В. А. Кузьмищев (1979: 318–334) в своё время нашёл целых 18 черт, по его мнению, роднящих картину Перу в описании Гарсиласо с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы. Но это всё-таки давние времена и экзотические края.

не указано, во втором — заменено аббревиатурой титула. В издании 1754 г. в экземпляре из Национальной библиотеки Франции, на контртитule помещён портрет автора — опять же без имени, но с орденом Святого Духа, указывающим на родство с Бурбонами (его дочь Мария Лещинская к этому времени уже была женой Людовика XV и королевой Франции); в экземпляре, находившемся в 2011 г. на польском сайте pbi.edu.pl, этого портрета нет. Любопытно, что В. В. Святловский хотя и включил это сочинение в свой «Каталог утопий», но не только не дал ему никакой характеристики (автор явно не вписывался в число «предшественников научного социализма»), но даже не смог уточнить выходные данные (*Святловский* 1923: 57).

По той же причине не могли служить аргументом и колонии — как реальные (в Новой Англии), так и воображаемые. Кстати, одна из последних — «Республика философов, или История ажаитов», вышедшая в 1768 г. На титульном листе она обозначена как «посмертное сочинение г-на де Фонтенеля», а окончание рукописи датировано 1682 годом (*Fontenelle* 1768: 152), хотя с такой атрибуцией не все исследователи согласны. Впрочем, некоторые места книги действительно позволяют думать, что автор не мог решиться опубликовать её при жизни. Напомним (для нашей темы это важно), что именно Фонтенель своим «Похвальным словом царю Петру I», прочитанным во Французской Академии наук 14 ноября 1725 г., заложил традицию отношения к личности Петра во французской литературе, и Вольтер в своей «Истории» на эту речь опирался. Но его Ажао — лишь ухудшенное подобие Утопии Мора, хотя и написанное хорошим стилем. В любом случае, роль единственного реформатора тут играет группа колонистов. Но опять же: возможно ли такое в Европе?

Конечно, надежды на просвещённого монарха рождали иллюзию, что такая монархия может сама себя реформировать, а то и ликвидировать. Такую картину рисовал ещё Л.-С. Мерсье («Год 2440-й», 1770 или 1771): «Революция свершилась без всяких усилий, благодаря мужеству одного лишь человека. Некий король-философ, достойный своего трона, поскольку не придавал ему значения, <...> устыдясь суда будущих потомков и суда собственной совести» (*Мерсье* 1977: 138), созвал Генеральные штаты, которые и при-

няли конституцию. П. Р. Заборов (1977: 194) отмечает принципиальную новизну этого романа: в нём впервые в утопической литературе действие происходит не в экзотической стране «за горами, за морями», не в первозданном раю, а на родине автора в будущем. Ещё при жизни Мерсье его пророчество сбылось, разве что причиной стали не достоинства короля, а финансовый крах Старого режима.

В 1792 г. П. П. Мерсье де ла Ривьер издал «Счастливую нацию», в которой после целой серии революций и переворотов мудрый король, пришедший к власти едва ли не чудом, устанавливает идеальный порядок. По сути этот порядок оказывается всего лишь французской конституцией 1791 года, отменённой уже в год выхода «Счастливой нации». Кстати, ещё до этого, в 1767 г., Мерсье де ла Ривьер был приглашён в Петербург Екатериной — редактировать её «Наказ Уложенной комиссии», но потерпел фиаско и уже через несколько месяцев покинул Россию. Позже Екатерина высмеяла его в комедии «Передняя знатного боярина» под именем французца Оранбара, вечно ссылающегося на «*évidence*» (очевидность), но при этом уверенного, что в России ходят на четвереньках и что от этой-то мамеры он и призван отучить русских.

Итак, доказать возможность явления мудрого реформатора, способного переделать общество в одиночку, не удавалось. На этом фоне фигура Петра стала для многих европейцев находкой. Он отлично вписывался в один ряд с Утопом и Севарисом. И в то же время в его реальном существовании невозможно было сомне-

ваться, а результаты его реформ подавались исследованию и проверке. «Истории Тезеев, Ромулов <...> наполнены нелепыми баснями, а мы имеем преимущество писать правду, которая сошла бы за вымысел, если бы не была твёрдо засвидетельствована» (*Вольтер* 2022: 138). Кроме того, можно было представить, каким же должен быть такой гений-основатель в реальности. Поэтому в любое описание его деяний вкрадывалась утопическая нотка, и Вольтер в этом смысле не стал исключением.

Утопичным было и представление о петровском Городе, вознёшемся «из тьмы лесов, из топи блат». Уже его расположение вызывало параллель с Мором. Все античные утопии размещались в краях с идеальным, а то и сказочным климатом: большую часть проблем за людей решала природа. Мор первым отказался от такого лёгкого выхода. Ведь это означало бы, что утопия может сбыться лишь в особых условиях, и притом не на родине автора. Поэтому автор «Утопии» специально отмечает, что «почва у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров» (*Мор* 1953: 162). К тому же на широкой реке Анидр море вызывает приливы и отливы: «Во время прилива море оттесняет всю реку назад и заполняет всё русло Анидра своими волнами на тридцать миль в длину» (*Мор* 1953: 113). Это странная деталь, вроде бы никак дальше в книге не используемая. Однако в маргиналиях (комментариях на полях первых изданий), составленных Эразмом Роттердамским и Петром Эгидием и одобренных самим Мором (*Мор* 1978: 346), разъясняется: «Это же бывает в Англии на реке Темзе» (*Мор* 1978: 177). Вряд ли Пётр читал

«Утопию». Но европейцы, читавшие о потопах на Неве, должны были вспоминать знакомую книгу. Тем более что у царя был выбор — основать город, например, на устье Охты, на месте шведского Ниеншанца, до которого наводнения не доходят. Почему-то, однако, Пётр поступил иначе. И это дало его биографу повод для вывода: «он во всём преодолевал природу — в подданных, в самом себе, на суше и на воде, но он побеждал её, чтобы улучшить» (*Вольтер* 2022: 349).

Не раз отмечено (например: *Жеребин* 2022: 260, там же ссылки), что предсмертная мечта Фауста словно бы отсылает к картине Петербурга: «И пусть миллионы здесь людей живут, Всю жизнь, в виду опасности суровой, Надеясь лишь на свой свободный труд». Ибо — чуть далее: «Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идёт на бой!» Так в переводе Н. А. Холодковского. Быть может, идёт на бой со скуки? У Б.Л. Пастернака и того дальше от оригинала: «Лишь тот, кем бой за жизнь изведен [то есть хоть один раз], Жизнь и свободу заслужил». В обоих случаях пропало слово, для самого Гёте явно ключевое: «Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, Der täglich sie erobern muß» («Лишь тот заслуживает жизни и свободы, кто каждый день должен их завоевывать»; выделено мной — Л.М.) — то есть не имея другого выхода.

Конечно, царь, «чьей волей роковой под морем город основался», потребовал от людей слишком многого. Но Вольтер был явно загипнотизирован величием картины. О жертвах, которыми было оплачено строительство Петербурга, он упоминал мельком,

зато красотой и благоустройством города, которого так и не повидал, восхищался так, что это вызвало возражения петербургских же академиков, — и даже поняв, что перестарался, всё же не внёс поправки в свой текст (Мезин, Ковалёв 2022: 43). В самом деле, лишь малая часть памятников, которыми гордится сегодняшний Петербург, существовала в нынешнем виде уже при жизни Вольтера. Он хвалил авансом — как утопию, уже начавшую сбываться на глазах у всей Европы. Поэтому его позиция и отличалась от позиции людей, которые в этой самой утопии жили лично — и на два месяца в году оказывались отрезанными от всего мира на Васильевском острове: во время ледохода и ледостава через Неву нельзя было ни переплыть, ни перебраться по льду, а постоянных мостов ещё не было (Мументалер 2009: 130). Так что в коридорах Академии «разгуливали гуси и индюки» (Там же: 115) — надо же было академикам (в том числе собиравшим материалы для Вольтера) и в эти периоды изоляции хоть чем-то питаться.

Однако жанр диктует свои правила. И эти правила объясняют многое из того, что иначе можно было бы считать предвзятостью автора. Ломоносов, например, не раз возмущался: «Прямая Волтерская букашка!» — уверенный, что автор по чистой злобе подпускает «букашек» в шубу своему герою. Между тем далеко не всё было так просто.

ТВОРЕЦ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА

Прежде всего, творец идеального мира сам должен быть идеальным. Мор об этом не пишет, да и вообще не ха-

рактеризует своего Утопа как личность. Верас об этом уже не молчит: его Севарис мудр и многознающ, хотя и довольно лицемерен. Так, он может объявить аборигенам, которых покоряет, что побеждает с помощью «их славного бога, который для этой цели послал им свои громы и молнии» (пушки, закупленные им в Китае) (Верас 1956: 232, 225). Или устроить спектакль с голосом свыше, дающим его реформам небесную санкцию, причём образованных севарамбов этот спектакль не вводит в заблуждение (Верас 1956: 255). Зато Кабе даёт подробную биографию своего Икара, описание совершенств которого доходит до культа личности. Так, жители основанной им страны никогда не упоминают его имя без хвалебных эпитетов: «наш добрый Икар» и т. п.

Вольтеру в этом отношении было труднее. Ведь он описывал не вымышленную фигуру, а реального человека, о котором сохранились свидетельства — порой шокирующие: «Царь Пётр любил порядок, почти как царь Иван, и так же был не сладок, порой бывал и пьян» (А. К. Толстой). Фонтенель в своём «Похвальном слове царю Петру», произнесённом уже в год смерти Петра, мог обойтись без психологической характеристики и лишь заявить: «Однако хорошее образование не создаёт великого человека, а плохое его не портит. Разного рода герои выходят готовыми из рук природы, снабжённые непревзойдёнными качествами» (Фонтенель 2015 {1725}: 263). А у Вольтера на руках были документы, и среди них нелицеприятные. Один из его корреспондентов, ознакомившись с этими документами, писал, что для него по-

сле этого «одним великим человеком стало меньше в мире», поскольку-де «его добродетели были затемнены и затмеваются бесчисленным количеством пороков. Мне кажется, что гуманность должна быть первым качеством разумного человека» (цит. по: *Мезин, Ковалёв* 2022: 8, 51, выделено в оригинале). Ирония судьбы в том, что этот «гуманист», автор высоко нравственного юношеского трактата «Анти-Макиавелли», позже стал самым агрессивным монархом своего времени, теоретиком и практиком пруссачества — Фридрихом II.

Конечно, многие анекдоты (например, о том, как царь рубил головы на пиру) можно было отвести как клеветнические домыслы врагов, где-то — найти оправдание в условиях страны или в том, что реформатор взвалил на себя всё же непосильную ношу. Но куда было деться от дела царевича Алексея, в котором Пётр выглядел просто страшным? Его освещение «стало для Вольтера большой проблемой, способной поставить под сомнение позитивный смысл цивилизаторской деятельности Петра I» (*Мезин, Ковалёв* 2022: 66). Конечно, Вольтер ещё не мог читать покаянные речи на процессах 1930-х годов, но и его поразил тон последних признаний царевича — «он как будто боялся быть недостаточно обвинённым, недостаточно преступным» (*Вольтер* 2022: 304). И официальная версия смерти 29-летнего Алексея — якобы от шока после выслушивания приговора — показалась автору столь же неестественной. К тому же сам этот приговор не представлялся ему законным: ведь царевич сознавался не в преступных действиях, а лишь в замыслах, которые он мог бы когда-

нибудь иметь — но до сих пор не имел. «В Европе нет суда, где слушают человека, который обвиняет себя в преступных помыслах, и считается даже, что сам Бог наказывает их только в том случае, если они сопровождаются решительной волей к исполнению» (*Вольтер* 2022: 302). «В Европе нет» — это, конечно, преувеличение: в тогдашней Испании ещё действовала инквизиция, принимавшая самооговоры. Такое делалось, например, из страха, что самого виновного опередит с доносом кто-нибудь другой (см., напр. *Григулевич* 1985: 241). Вольтеру, конечно, не сообщили, что и в России определением Св. Синода от 1 марта 1721 г. (что не могло случиться без ведома Петра) была учреждена инквизиция, упразднённая лишь 17 марта 1727 г. — незадолго до смерти Екатерины I (*Титов* 1901: 449–450). Но даже провести такую параллель — значило бы своими руками разрушить собственный идеал.

Не зря Вольтер, в других случаях очень независимый в своих суждениях, именно по этому вопросу так часто запрашивал мнение своего петербургского куратора И.И. Шувалова: как в самой-то России всё это объясняют? В итоге он остановился на том, что смерть царевича соответствовала высшим государственным интересам, но не смог ни избежать серьёзных натяжек (*Мезин, Ковалёв* 2022: 72–73), ни полностью обелить царя. Ради этого ему пришлось высказать даже суждение, противоречащее одной из основных идей Просвещения — идее человеческой природы, единой везде и всегда: «Не следует судить нравы и законы одного народа с точки зрения нравов и законов другого» (*Вольтер* 2022: 302).

Нельзя списать всё на то, что Вольтер был «сам обманываться рад». В личных письмах у него прорывались весьма нелестные оценки царя. В марте 1760 г., ещё работая над «Историей» Петра, он писал одной из своих корреспонденток: «Если бы царь был жив, <...> я бы убежал на сто льё, чтобы не находиться при этом кентавре, наполовину человеке и наполовину лошади, который уничтожил столько людей для своего удовольствия, в то время как он цивилизовал других» (цит. по: *Мезин, Ковалёв* 2022: 53). Чем этот «кентавр» не пушкинский «кумир на бронзовом коне», преследующий безумного Евгения? Приходилось всё же убедиться, что читать об утопическом реформаторе в книге гораздо приятнее (и безопаснее), чем иметь с ним дело лично. И в «Анекдотах о царе Петре Великом» автор признавал: «Если Московия была цивилизована, то следует признать, что эта цивилизация ей стоила дорого» (*Вольтер* 2022: 360). Однако в «Истории Российской империи» перед Вольтером стояла другая задача: доказать, что реформа силами одного лишь гения вообще возможна. Ради этого он должен был приглушать тёмные краски в портрете своего героя.

«МОСКОВИТСКОЕ ВАРВАРСТВО»

С этим же связана и другая черта «Истории»: изображение России как дикой страны, которую Пётр не просто реформировал, но буквально сотворил ex nihilo, на пустом ме-

сте. Конечно, тут можно сослаться на просветительский антиисторизм, на европоцентризм, на предвзятость многих авторов, писавших о России до Вольтера, — и всё это будет верно. Но есть ещё одна сторона проблемы, существенная именно для утопической мысли. Чтобы Утоп мог творить общество по своему усмотрению, место для этого и должно быть пустым и диким. Здесь не должно быть никакого культурного фона — по крайней мере, такого, который стоило бы принимать во внимание. Иначе получается, что для создания идеального общества одного лишь «культурного героя» мало, что приходится учитывать и предшествующую традицию, и многое другое, что не может быть создано в одночасье. А это невероятно усложняет задачу реформы — и не только утопической, и ставит под вопрос саму идею, что для этой цели достаточно одной лишь доброй воли (пусть даже в сочетании с гением). Короче сказать, пропадала чистота эксперимента.

В «Золотой книге» Т. Мора о порядках до Утопа сообщается лишь одно: на острове существовало множество сект, враждебных друг другу. Поэтому Утоп легко победил их поодиночке и, учтя урок, ввёл свободу совести, запретив только атеизм и нетерпимость (*Мор* 1953: 199). У Вераса Севарис высаживается на берегу Австралии² и покоряет два местных племени, живущих в условиях родового строя и опять же враждующих между собой. У Тифеня всё проще: его республика галлигенов основа-

² В то время это означало гипотетическую Неведомую Южную землю. Однако Верас точно указывает место: на побережье нынешней Западной Австралии, близ Южного тропика и устья потока Мерчисон. Но источник его географической информации — отдельный вопрос, не имеющий отношения к нашей нынешней теме.

на на необитаемом острове — так же как Христианополь у И. В. Андреэ. У Фонтенеля в «Республике философов» колонисты покоряют остров Ажао, а его коренных жителей частично истребляют, частично обращают в рабство, так что их традиции в утопии не учитываются. Что же касается культурного наследия прародины первых колонистов — «les Esprits forts», — то и сами ажаоиты не помнят даже, откуда они пришли — из Китая или из «Тартарии» (Fontenelle 1768: 91); следовательно, и тут о преемственности речь не идёт. Кампанелла, Лещинский, Щербатов и вовсе не пишут о том, как жили народы их воображаемых стран до установления идеальных порядков. Разве что у Щербатова описаны проблемы как раз послепетровской России, которые исправил «превеликий наш государь Сабакола» (Щербатов 1986: 52). В частности, он перенёс столицу обратно из Перегаба в Квамо (прозрачный намёк: из Петербурга в Москву).

Особняком в этом ряду стоит Инка Гарсиласо де ла Вега. С одной стороны, он писал историю не острова Утопия, о котором неизвестно даже, в какой части Нового Света он находится, а страны, в которой родился сам. Правда, писал не с академической целью, а для защиты индейцев от колониальной эксплуатации. Кроме того, его мать была внучкой императора Тупак Юпанки, от своих родственников Гарсиласо получил массу достоверной информации, подтверждённой последующими историками. С другой же стороны, именно поэтому он «излагал именно официальный “вариант” инкской истории и, следовательно, не

мог (не имел права!) вносить в него какие-либо коррективы» (Кузьмищев 1974: 695). Поэтому инки в его труде предстают как цивилизаторы, призванные «спасти индейцев от бесчеловечности и от скотства, в котором они жили» (Инка Гарсиласо 1974: 499). Между тем сейчас уже известно, что история цивилизации Перу насчитывает более 3,5 тысяч лет, из которых на эпоху инков приходится лишь последние 104 года. Как и римляне, инки завоевали лишь древние культурные страны, поражённые кризисом и потому неспособные дать отпор, и мало что прибавили от себя к их наследию, кроме жёсткого порядка. Действительно варварских областей они не покоряли вообще.

И совсем уже в тупике оказывается Этьен Кабе. Хотя он писал уже в 1840 году, хотя общество его Икарии впервые названо «коммунистическим», но он всё ещё развивал идеи Просвещения, мало что взяв даже из Фурье и Сен-Симона. А в политэкономии он был настолько слаб, что не видел разницы даже между капиталом и обычным денежным богатством (Кабе 1948: II, 128). «Если бы Кабе не упоминал в своих произведениях о паровых машинах и росте крупной капиталистической индустрии, его систему можно было бы отнести к XVIII веку» (Волгин 1948: 11). К тому же Кабе, свидетель нескольких революций, озабочен будущим родной Франции, а не дальних стран. Поэтому у него нет подлинной дикости, зато есть официальный миф о ней. Даже о музыке говорится: «нам привил к ней вкус добрый Икар, как и к зелени, цветам и плодам» (Кабе 1948: 172). Между тем

фермер, показывающий рассказчику своё образцовое хозяйство, вдруг прерывает картину сельской идиллии фразой: «я поэтому не жалею ни о дворце, который имел когда-то в городе, ни о земле моего графства, ни о моём парке, ни о моей охоте, ни даже о моей ложе в опере» (*Кабе* 1948: 380). Стало быть, музыка, парки с «цветами и плодами», вообще культура — всё это существовало и до Икара, хотя об этом и не положено вспоминать. Больше того, ещё живы люди, помнящие, как было на самом деле.

В эту-то картину и вписывается Россия Вольтера. Чтобы Пётр мог стать творцом Новой Европы, его страна должна была быть дикой — вопреки даже тем фактам, которые Вольтер знал. И от которых защищался под тем предлогом, что древняя история в его тему не входит. И.И. Шувалову он объяснял это так: «Задача нашего труда — слава Петра Великого. Своей книгой мы хотим воздвигнуть ему памятник-статую. Но произведёт ли статуя надлежащее впечатление, если в одной руке у неё окажется диссертация о Новгородских летописях, а в другой — комментарий о жителях Красноярска? В истории, как и во всём, следует жертвовать малым ради великого» (цит. по: *Мезин, Ковалёв* 2022: 30)? По той же причине в его географическом очерке империи (ч.1, гл.1) о самих русских говорится очень бегло, зато подробно — об аборигенах Кольского полуострова, Сибири, Камчатки и прочих, чьё описание позволяло обосновать главный тезис: у них не было собственной культуры, а тем самым «Россия всем обязана Петру Великому» (*Вольтер* 2022: 94).

А раз так, значит, то же возможно и в других странах, которые автор ради этого «одаряет» почти такой же дикостью: «В то время Польша и все соседние с Россией государства не превосходили её. Рукоделия в северной Германии были не в лучшем состоянии, и изящные искусства были там не более известны в середине семнадцатого столетия» (Там же: 115). Больше того, «половина рода человеческого ненамного более развита жителей Камчатки» (Там же: 126). Поэтому «Ещё есть огромные страны в Африке, где люди нуждаются в царе Петре» (Там же: 361). При таком взгляде варварство оказывается подобием аристотелевской *materia prima*, готовой стать чем-то определённым и радостно ждущей такую возможность. Именно отсутствие определённости и делает возможным буквально всё, даже утопию.

Правда, со временем Вольтер смягчал свои взгляды на отсталость России. В «Истории Карла XII» он ещё мог утверждать: «Московиты были менее цивилизованы, чем мексиканцы при открытии последних Кортесом; рождённые все рабами господ, таких же варваров, как и они сами, они закоснели в невежестве: им не были известны ни искусства, ни промышленность» (цит. по: *Мезин, Ковалёв* 2022: 45). Здесь он, впрочем, повторяет Фонтенеля: «Нельзя сказать, что в московитах не было живости, проницательности, таланта и умения подражать тому, что они могли видеть; но всякое производство было подавлено. Крестьяне, рождённые в рабстве, и беспощадно угнетённые своими господами, довольствовались лишь тем, чтобы

примитивное земледелие доставляло им минимальное пропитание; они не могли и не смели обогащаться» (Фонтенель 2015 {1725}: 261). Теперь же Вольтер, уже зная факты, не мог полностью отрицать наличие культуры в допетровской России. Говоря о русском порядке выбора наследника по личным достоинствам, а не по старшинству, он даже замечает: «и в этом отношении обычай российского государства превосходил установления более цивилизованных стран» (Вольтер 2022: 146). Но в таком контексте это замечание вписывается в миф о «благородном дикаре», идущий ещё от киников, а в Европе возродившийся в рамках руссоизма. Церемониальное русское платье, по мнению Вольтера, «выглядело, как мы уже сказали, очень благородно» (Там же: 185) и больше соответствовало климату, хотя и было «менее удобным для войны и работы» (Там же: 131–132). Говоря же о стрелецком бунте 1682 г., автор замечает: «Как видим, эти ужасы свойственны всем странам во времена смуты и анархии» (Там же: 148). Иными словами, разница между цивилизацией и «московитским варварством» относительна.

При этом, однако, Вольтер попал в ту же ловушку, что и культурная антропология в постколониальную эпоху. Маргарет Мид, отправляясь на Самоа, ставила перед собой вопрос — не «Как мы можем понять самоанцев?», а «Как мы можем понять себя?» (Клейн 2014: 482) — через сравнение с самоанцами. И когда жители «третьего мира» сумели заговорить сами — именно этот подход и стал их претензией к антропологам. Ведь

те исследовали традиционное жилище, ритуалы, первобытное искусство и прочее, что интересовало только самих европейцев и годилось лишь для этнографического музея. Самих же аборигенов волновало другое: специфические для их общества проблемы, причины их отсталости, способы её преодоления, ликвидация бедности и голода. А вот в этом исследовании антропологов им мало что дали (Kottak 1991: 294–295). М. Мид нарисовала идеальную картину самоанского общества, незнакомого с проблемами современного Запада. Что в этом обществе есть другие проблемы, не менее острые, её не волновало. Позже школа «культура и личность», к которой принадлежала и сама М. Мид, выступила в защиту права каждого народа на свою самобытность. К удивлению антропологов, эта идея не нашла большого отклика среди самих туземцев, «которые более всего стремятся к пользованию благами индустриализации и предпочитают считать себя временно отставшими, а не permanently уникальными» (К. Леви-Стросс, цит. по: Клейн 2014: 503).

К тому же неограниченная власть утопического реформатора оказывалась неотличимой от произвола деспота. Вольтеру, с его антиклерикальными настроениями, приятно было заметить по поводу развода Петра с Евдокией Лопухиной: «Законы его церкви разрешают развод, а если бы запрещали, он издал бы указ, чтобы разрешали» (Вольтер 2022: 236). Не говоря уже об ошибочности этого утверждения, нельзя не вспомнить письмо Белинского к Гоголю — то место, где говорится, что самодержавием лучше любоваться из прекрасного

далека: вблизи оно и не так прекрасно, и не так безопасно.

У русских академиков были все основания для недовольства Вольтером. Он ведь тоже решал на русском материале проблемы своей страны и эпохи. И конечно, имел для этого все основания: ведь даже Евангелие не требует возлюбить другого *больше*, чем себя. Но одно дело описывать таким образом вымышленную Утопию, не представляющую ни для кого ни угрозы, ни примера, и совсем другое — реальную страну, у которой есть не только достижения, но и проблемы. Русские учёные ждали ответа совсем на другие вопросы: их интересовало реальное положение в России, причины её трудностей и способы их преодоления, а не утопическая картина, явно плохо согласующаяся с отечественной реальностью. Для властей же (и по той же причине) вольтеровская «История» оказалась удобной лишь «для внешнего пользования» (Мезин, Ковалёв 2022: 89), для создания благоприятного международного имиджа России — как Новой Европы, как притягательного образца. Но для самих русских эта книга не предназначалась.

Конечно, Вольтер был другом России. Так же как в 1920-е — 1930-е годы существовало общество «Друзей СССР». Но только национальное чувство, доходящее до нарциссизма, могло принять это за любовь к России больше, чем к Франции. Так что зря П. Истрати упрекал «друзей СССР» в попытках извлечь мелкие выгоды — в виде бесплатных поездок по стране или авторских прав (Istrati 1929: 87). Тут ставились дру-

гие задачи: проследить за гигантским экспериментом, поставленным в другой стране, и сделать из него выводы, применимые на родине. Поэтому тёмные стороны России (что петровской, что советской) можно было считать даже не просто издержками — можно было рассчитывать их избежать.

Пример тому был явлен через столетие после Вольтера. В 1871–1873 гг. всю Европу объехала японская правительственная «миссия Ивакуры», которую уже в то время сравнивали с петровским Великим посольством. Вольтера поражала ситуация, «когда царь покинул свою империю, чтобы учиться за границей» (Вольтер 2022: 229). Японию же почти на два года с той же целью покинули министр иностранных дел Ивакура Томоми, министр финансов Окубо Тосимити, будущий премьер Ито Хиробуми и другие особы такого же ранга. И из Петербурга Ивакура вернулся горячим поклонником Петра, привёз целую коллекцию его портретов. Его явно интересовал опыт страны, сумевшей провести быструю модернизацию, при этом не превратившись в полуколонию. Что же касается петровских методов, то «революции Мэйдзи» они не понадобились. В Японии сложился блок двух социальных сил, иной, чем в России: ради сохранения независимости дворянство согласилось отказаться от феодальных прав, а буржуазия — уважать традиции (Молодякова, Маркарьян 2011). Это и позволило заимствовать всё ценное из опыта Петра Великого, но обойтись без его «кнута». Как и из опыта Франции — но без гильотины. Впрочем, это особая история.

«...ТО МОРЕПЛАВАТЕЛЬ,
ТО ПЛОТНИК...»

Итак, никакие «традиции всех мёртвых поколений» не должны стоять на пути утопического реформатора. Но тогда он и должен всё делать сам — в крайнем случае с немногими помощниками, неспособными его затенять. Максимум у него могут быть советчики, как Ментор в «Приключениях Телемаха» у Фенелона (1695–1696, главы о Саленто). У Вераса рядом с Севарисом мы видим венецианца Джованни. Во «Всеобщей истории пиратства» Чарльза Джонсона (обычно считается, что это псевдоним Даниэля Дефо, хотя вопрос спорен) описано, как провансальский пират Миссон, вдохновляемый доминиканцем Караччиоли, основал на Мадагаскаре утопическую коммуну Либерталию (*Skrok* 1982: 164–168); реальный это случай или литературная фантазия — до сих пор не выяснено. У Вольтера (2022: 351) роль Ментора отведена Ф. Лефорту. Одному лишь Лефорту: Менторов не может быть много — иначе пропадает мотив строительства утопии по единому плану. Однако это всё — и Ментор, и Джованни, и Караччиоли — лишь наставники героя, а действовать он должен сам — и во всём. Мор, говоря о порядках Утопии, ссылается только на установления Утопа — и ни на чьи больше.

Гораздо ярче Мора в этом отношении Д. Верас. Его Севарис создаёт в своей стране всё, включая даже язык: «он посчитал, что им был бы нужен язык, соответствующий их гению, в качестве средства, которым они могли бы выражать свои чувства и мысли в такой же вежливой мане-

ре, какими были бы и их чувства» (*Vairasse* 1716: 237). Этому вопросу автор посвятил целую главу (Там же: 237–257), вдавшись даже в вопросы фонетики и морфологии: здесь явно заметно влияние тогдашних трудов Французской Академии по выработке норм французского литературного языка. Севарис же составляет первый проект социальной системы из семи неравноправных сословий, а затем отказывается от этой идеи и вводит гражданское равенство (*Veras* 1956: 257–259). Он же вводит религию (изобретённую им самим, хотя на родине, в Иране, Севарис был зороастрийским жрецом: *Veras* 1956: 210), он же упраздняет собственность, вводит совместную жизнь в домах-коммунах — «осмазиях» (именно эти осмазии Вераса послужили для Фурье прообразом его фаланстеров), и прочее. Потомкам Севариса остаются лишь мелочи, окончательная отделка уже построенного здания.

В «Истории галлигенов» Тифеня де ла Роша на необитаемый остров попал только отец-основатель Альмон с двумя своими малолетними детьми, от которых и произошло всё последующее население. На его заветы постоянно ссылаются, так что «Альмон, как кажется, всё ещё правит галлигенами» (*Tiphaigne de La Roche* 1765: I, 108). Он научил галлигенов всем трудовым навыкам (он знал очень многое), дал им основы морали, написал для них книги (в том числе одну секретную — о порядках «капиталистического окружения»). У его гробницы в день его рождения устраивают всенародные праздники (*Tiphaigne de La Roche* 1765: II, 74–76); накануне заговора из этой

гробницы раздаются вещиные звуки (*Tiphaigne de La Roche* 1765: II, 83), предупреждающие о беде. Впрочем, Тифень — автор настолько ироничный, что не всегда понятно, где он говорит всерьёз, а где полемизирует. Не зря его книгу относят то к утопиям (утопиям в прямом смысле слова), то к антиутопиям, то к обоим разом. В принципе, такую же универсальность приписывает своему Икару Э. Кабе, разве что без иронии Тифеня.

Универсальность Петра отлично вписывалась в эту картину: «Так все, вплоть до манеры общения его подданных, было его работой и работой его времени» (*Вольтер* 2022: 186); «Он всё сотворил. Всё, вплоть до общества, было результатом его трудов» (*Вольтер* 2022: 322); «он сотворил свой народ» (*Вольтер* 2022: 357). Это оправдывалось отчасти особыми условиями: «В других странах командир отдаёт приказы, а подчинённые их исполняют, но царю всё приходилось делать самому» (*Вольтер* 2022: 193), отчасти же — личностью «культурного героя». Тем более что в Саардаме ещё были живы люди, лично помнившие царя-плотника. Вольтер охотно описывал, как его герой и на мануфактурах работал, и хирургией занимался, и всеми ремёслами, «от литья пушек и вплоть до плетения канатов», и подданных этому учил, — и не соглашался с авторами, считавшими, что всё это не царское дело (*Вольтер* 2022: 175, 177; *Мезин, Ковалёв* 2022: 9). И тут он, конечно, прав. Не забудем, что Пётр был первым в России дипломированным техническим специалистом: в Кёнигсберге он получил диплом бомбардира (артиллериста), в Са-

ардаме — кораблестроителя. К гуманитарным знаниям он относился прагматически, богословия терпеть не мог, а вот что стране не хватает именно технарей — это он понимал. И даже его страсть к флоту объяснима отчасти этим: ведь корабль был самой сложной машиной, известной в его время. Именно тут можно было обучить столь необходимые кадры инженеров, не объясняя слишком долго, зачем это надо.

Если бы Вольтер прочёл, например, что Пётр был ещё и «первым овцеводом на юге России» (*Данилевский* 1873) — думается, он охотно использовал бы и эту идею. Для сравнения между царём («То академик, то герой...») и измельчавшими европейскими монархами его времени — не в пользу последних — она очень пригодилась бы, тем более что соответствовала его же сообщению: «По приказу Петра из Польши и Саксонии в Москву доставлялись пастухи и овцы для заготовки шерсти, из которой можно было производить хорошее сукно» (*Вольтер* 2022: 195).

И всё это — ради вполне определённого вывода. Ещё раньше, в «Анекдотах о царе Петре Великом» (1748), Вольтер явно грезил о подобном же реформаторе у себя на родине: «Видя, что он сделал из Петербурга, можно представить себе, что он сделал бы из Парижа» (*Вольтер* 2022: 361). Теперь же он кончает свою «Историю» фразой: «Правители давно цивилизованных государств скажут сами себе: “Если в ледяном климате древней Скифии человек с помощью одного своего гения совершил столь великие дела, что же должны сделать мы в государствах, где поле для нас под-

готовили усилия многих веков?»» (Вольтер 2022: 350). Таков, по Вольтеру, урок Петра — и не только «урок царям».

РАВЕНСТВО ПРАВ

Частый мотив классических утопий — гражданское равенство, под которым в то время понималась отмена прежних сословных перегородок. Пожалуй, только у Фенелона сохраняется сословное деление, причём сословия различаются по цвету одежды. Во всех остальных случаях, начиная с Мора, только личные качества дают человеку высокий статус. Общество классических утопий — не эгалитарное, а ранжированное: есть разные социальные позиции (в том числе начальство), но нет личных привилегий, тем более — наследственных. Примеров этому столько, что нет смысла их даже приводить. Лишь у Вераса Севарис, как мы уже упоминали, вначале думал ввести сословную систему (да и то основанную на личном статусе, а не на родовом праве), но отказался от этой идеи. Разные цвета одежды есть и у него, но связаны не со статусом, а только с возрастом, и лишь высшие служащие имеют знаки различия (Vairasse 1716: 12–14) — отсюда Фенелон и мог почерпнуть свою идею. Впрочем, и конфуцианство, изображая идеальную древность, не делило в ней людей ни на какие группы, кроме возрастных (Мартынов 1987: 21).

Для кануна революции эта идея была более чем актуальна. Поэтому не удивительно, что Вольтер постоянно подчёркивает эту сторону деятельности Петра, хотя и не ставит её на

первый план: *sapienti sat*. Несколько раз он возвращается к судьбе «мариенбургской пленницы» — будущей Екатерины I: «чтобы чужестранка, захваченная в руинах разграбленного города, стала абсолютным монархом в империи, куда её привезли пленницей, — такое сочетание счастливой звезды и собственных достоинств явление в анналах мира лишь однажды» (Вольтер 2022: 197). «Какой-нибудь немецкий барон <...> никогда не женился бы на Екатерине, но Пётр Великий не считал, что в его окружении для достоинства необходимо иметь 32 колена предков» (Вольтер 2022: 357). Рассказывая о судьбе Меншикова, он специально вводит мораль: «В других землях гордыня и предубеждение могли не допустить, чтобы мальчишка-пирожник стал генералом, правителем и князем, но Пётр уже приучил своих подданных не удивляться тому, что он воздаёт по талантам и никого не жалует за одно благородство» (Вольтер 2022: 205). А уж слова: «Тот, кто умеет хорошо управлять большим домом, может управлять королевством» (Вольтер 2022: 358) — можно принять за первый набросок знаменитой сентенции о «каждой кухарке», тем более что сказано это опять же о Екатерине.

Эта мысль была уже у всех на слуху, оставалось лишь показать, что петровской реформе она не была чужда. Киники не раз ссылались на пример «добродетельных варваров», в число которых включали Кира Великого (Нахов 1982: 183). Вольтер делает почти то же, только место персидского царя у него занимает турецкий визирь, посрамляющий высокомерие шведского короля: «в Полтаве пирожник [Меншиков] заставил всю

его [Карла XII] армию сложить оружие, а близ Прута дровосек решил судьбу царя и его собственную, поскольку визирь Балтаджи Мехмед, как на это указывает его имя, был дворцовым дровосеком, и, нисколько не стесняясь, почитал это за честь — настолько восточные нравы отличаются от наших» (*Вольтер* 2022: 247).

Собственно, случаи выдвижения незнатных, но талантливых деятелей можно найти в истории многих стран. У себя на родине Вольтер мог сослаться хотя бы на пример Кольбера. Но ему явно казалось, что не только судьба «птенцов гнезда Петрова», но даже елизаветинский фаворитизм чем-то принципиально отличается от французского *женского* фаворитизма с его совсем иными последствиями. Примером тому он мог считать не только «полудержавного властелина» Меншикова, но даже И. И. Шувалова. Так что комплименты ему в письмах Вольтера могут объясняться не только царедворческой лестью или простой вежливостью.

ТАК ВСЁ ЖЕ: УТОПИЯ ИЛИ ИСТОРИЯ?

Таковы некоторые моменты, позволяющие рассматривать «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера сквозь призму утопизма. При этом, однако, несомненно, что сам Вольтер стремился создать именно научный труд, а не утопию, и сделал для этого всё возможное в его время. Откуда же тогда такое сближение?

Но ведь Вольтер стоял лишь у начала эпохи, когда научная история ста-

ла отделяться от исторической беллетристики. Он сам для этого много сделал — но был во многом первопроходцем, поэтому не мог не ошибаться, а некоторые выводы делать лишь на собственном горьком опыте. Так, в ранней «Истории Карла XII» он ещё пренебрегал ссылочным аппаратом — теперь же, в «Истории» Петра, стал о нём заботиться. Ему пришлось доказывать, что не дело историка сочинять за своего героя «речь, которую он никогда не произносил», по всем правилам риторики (*Вольтер* 2022: 103) — чем так увлекался Тит Ливий. Между тем Лукиан из Самосаты (по выражению Ф. Энгельса — «Вольтер классической древности») считал эту манеру естественным правом автора и требовал лишь, «чтобы эта речь соответствовала данному лицу и близко касалась дела» (Как следует писать историю, 58; *Лукиан* 1987: 505). Для Лукиана слово «история» ещё сохранило изначальный смысл: *ιστορία* — повествование, описание, прежде всего художественное. И когда некий военный врач Каллиморф опубликовал сухой дневник кампании, в которой он участвовал, Лукиан оценил его так: «этот автор по крайней мере был скромн <...> он сделал подготовительную работу для какого-нибудь другого, образованного человека, который сумеет взяться за написание *настоящей* истории» (Как следует писать историю, 16; *Лукиан* 1987: 491 выделено мной — Л. М.).

Сам Вольтер был более известен как писатель, философ, поэт, драматург, чем как учёный-исследователь. А это не могло не отразиться и на стиле его исторического труда, и на способе подачи материала. Но и учёный не

живёт в башне из слоновой кости, дыша одним лишь воздухом чистой науки. Сам выбор его тем зависит от того, какие проблемы сейчас волнуют общество. И конечно, в его трудах история как *magistra vitae* ещё сохраняла связь с литературой своего времени. И, разумеется, прежде всего — с литературой социальной, в сферу которой и входит утопизм. И даже портрет реального деятеля под пером историка становится похожим на образ, который тому очень хочется увидеть. Даже, может быть, и неосознанно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верас 1956 — *Верас* Д. 1956. История севарамбов. Пер. с франц. Е. Дмитриевой. Комментар. Ф.Б. Шуваевой. Вст. ст. В.П. Волгина. Москва: Изд. АН СССР. — (Предшественники научного социализма). — 316 с.

Волгин 1948. — *Волгин* В.П. 1948. Этьен Кабе // Кабе Э. 1948. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Часть I. Москва; Ленинград: АН СССР, 5–67.

Вольтер 2022 — *Вольтер* 2022. История Российской империи при Петре Великом. Пер. с франц. С.А. Мезина и А.Е. Кулакова. Санкт-Петербург: Нестор-История. — 368 с.

Григулевич 1985 — *Григулевич* И.Р. 1985. Инквизиция. 3-е изд. Москва: Политиздат. — 448 с. — (Б-ка атеист. лит.).

Данилевский 1873 — *Данилевский* Г.П. 1873. Петр Великий, первый овцевод на Юге России // Русский Архив. 1873. Кн. II. Вып. 11, 02288–02296.

Жеребин 2022 — *Жеребин* А.И. 2022. Петербургская повесть Франца Кафки // Багно В.Е., Корконосенко К.С., Филочева В.В. (ред. кол.). Русская тема в мировой литературе: коллективная моногра-

фия. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 256–268.

Заборов 1977 — *Заборов* П.Р. 1977. Утопический роман Мерсье // Мерсье Л.-С. Год две тысячи четыреста сороковой: Сон, которого, возможно, и не было. Подг. А.Л. Андрес и П.Р. Заборнов. Ленинград: Наука. («Литературные памятники»). С.189–208.

Инка Гарсиласо де ла Вега 1974 — *Инка Гарсиласо де ла Вега*. 1974. История государства инков. Изд. подгот. Ю.В. Кнорозов и В.А. Кузьмищев; Пер. со староисп. В.А. Кузьмищева. Ленинград: Наука. (Серия «Литературные памятники»). — 747 с.

Кабе 1948 — *Кабе* Э. 1948. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Часть I. Москва; Ленинград: АН СССР. — 641 с. — («Предшественники научного социализма»).

Клейн 2014 — *Клейн* Л.С. 2014. История антропологических учений. Санкт-Петербург: СПбГУ. — 744 с.

Кузьмищев 1974 — *Кузьмищев* В.А. 1974. Инка Гарсиласо де ла Вега и его литературное наследие // Инка Гарсиласо де ла Вега. 1974. История государства инков. Ленинград: Наука. (Серия «Литературные памятники»). С.683–711.

Кузьмищев В.А. 1979 — *Кузьмищев* В.А. 1979. У истоков общественной мысли в Перу: Гарсиласо и его история инков. Москва: Наука. — 383 с.

Лукиан 1987 — *Лукиан*. 1987. Избранное. Пер. с древнегреч. / Сост., предисл. И. Нахова; Комментар. И. Нахова и Ю. Шульца. Москва: Художественная литература. — 624 с. — («Библиотека античной литературы»).

Мартынов 1987 — *Мартынов* А.С. 1987. Конфуцианская утопия в древности и в средневековье // Делюсин Л.П., Борох Л.Н. (отв. ред.). Китайские социальные утопии. Москва: Наука, ГРВЛ. С.10–57.

Мезин, Ковалёв 2022 — *Мезин* С.А., *Ковалёв* М.В. 2022. Вольтер — историк

России // Вольтер. История Российской империи при Петре Великом. Пер. с франц. С. А. Мезина и А. Е. Кулакова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 3–92.

Мерсье 1977 — *Мерсье* Л.-С. 1977. Год две тысячи четыреста сороковой: Сон, которого, возможно, и не было. Подг. А. Л. Андрус и П. Р. Заборов. Ленинград: Наука. («Литературные памятники»). — 240 с.

Молодякова, Маркаръян 2011 — *Молодякова* Э. В., *Маркаръян* С. Б. 2011. Глава первая. О японском типе модернизации // Молодякова Э. В. (рук. проекта). Япония: опыт модернизации. Москва: Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI).

Мор 1953 — *Мор* Т. 1953. Утопия. Пер. с лат. А. И. Малейна и Ф. А. Петровского. Вступ. ст. В. П. Волгина. Москва: АН СССР. — 295 с. — («Предшественники научного социализма»).

Мор 1978 — *Мор* Т. 1978. Утопия. Пер. с лат. Ю. М. Каган. Комментарии Ю. М. Каган и И. Н. Осинковского. Вступ. ст. И. Н. Осинковского. Москва: Наука. — 415 с. (Серия «Предшественники научного социализма»).

Мументалер 2009 — *Мументалер* Р. 2009. Швейцарские учёные в Санкт-Петербургской Академии наук. XVIII век. Отв. ред. Л. И. Брылевская. Санкт-Петербург: Нестор-История. — 236 с.

Нахов 1982 — *Нахов* И. М. 1982. Философия киников. Москва: Наука. (Серия «Из истории мировой культуры»). — 223 с.

Святловский 1923 — *Святловский* В. В. 1923. Каталог утопий. Москва; Петроград: Государственное издательство. — 100 с.

Титов 1901 — *Титов* А. 1901. Инквизиторы на Руси в XVIII веке. (Из современных бумаг) // Русский Архив. 1901. Кн. II. Вып. 8. С. 449–460.

Фонтенель 2015 {1725} — *Фонтенель* Б. 2015 {1725}. Похвальное слово царю Петру I // Мезин С. А. Пётр I во Франции.

Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 261–276.

Щербатов 1986 — *Щербатов* М. М. 1986. Путешествие в землю Офирскую Г-на С..., швецкаго дворянина // Русская литературная утопия. Сост., общ. ред., вст. ст. и примеч. В. П. Шестакова. Москва: Изд-во Моск. ун-та. С. 37–79.

Fontenelle 1768 — *Fontenelle* В. 1768. La République des philosophes, ou Histoire des Ajaiiens. Ouvrage posthume de Mr. de Fontenelle. On y a joint une Lettre de la Nudité des Sauvages. Genève. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1019219/f3.image> (accessed 23.05.2020).

Istrati 1929 — *Istrati* P. 1929. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U. R. S. S. 18e ed. Paris : Les éditions Rieder. — 284 p.

Kottak 1991 — *Kottak* С. Ph. 1991. Cultural Anthropology. N. Y. et al.: McGraw-Hill, Inc. — 396 p.

[Leszczyński 1752]: [Stanislas I (roi de Pologne)]. 1752. L'entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala. S. l.: s. n., 1752. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84469n.r=Dumocala?rk=21459;2#>. Дата обращения 21 мая 2011.

[Leszczyński 1754] — Entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala. Par le R. D. P. D. D. L. E. D. B. Nouvelle édition. A laquelle on a joint les Extraits & les Jugements qui ont paru dans quelques Journaux. S. L.: s. N., 1754. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84469n/f1.image> ; <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1161503.r=Dumocala?rk=42918;4#> . Дата обращения 24 мая 2011.

[Leszczyński S. 1790]. Głos wolny wolność ubezpieczający. В. М. W. — 182 s. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/497361/edition/471180?language=pl> . Дата обращения 24 мая 2011.

[Mercier de La Rivière P. P.] 1792. L'Heureuse Nation, ou Gouvernement des Féliciens. Tome I. Paris: Creuze et Béhal. — 334 p.

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k833214/f4.image> (accessed 23.05.2020).

Mortier 1953 — Mortier R. 1953. [Rev.:] Lortholary (Albert). Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle [compte-rendu] // Revue belge de Philologie et d'Histoire Année 1953. № 31-1. P. 95–98. URL: https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_1953_num_31_1_2167_t1_0095_0000_2 (accessed 17.12.2022).

Skrok 1982 — Skrok Z. 1982. Świat piratów morskich. Gdańsk: Wyd. Morskie. — 218 s.

[Tiphaigne de La Roche Ch. F.] 1765. Histoire de Galligènes, ou Mémoires de Duncan. Amsterdam: chez Archetée & Mercus Librairies.

[Vairasse d'Allais D.]. 1716. Histoire des Sevarambes, peuples qui habitent une troisième Continent appelé la Terre Australe... Tome second. Amsterdam: Estienne Roger. URL: http://www.numeriques.be/index.php?id=6&no_cache=1&tx_portailnumeriques_pi1%5Bid%5D=peps%3AARC-IHO-BP232&tx_portailnumeriques_pi1%5Bproxy%5D=PROXY3&tx_portailnumeriques_pi1%5Btype%5D= (accessed 18.04.2020) (accessed 18.04.2020).

REFERENCES

Veras D. 1956. *Istoriya sevarambov*. Per. s franc. E. Dmitrievoj. Komment. F.B. Shuvaevoj. Vst. st. V.P. Volgina. Moskva: Izd. AN SSSR. — (Predshestvenniki nauchnogo socializma). — 316 s.

Volgin V.P. 1948. Eht'en Kabe // Kabe EH. 1948. *Puteshestvie v Ikariyu. Filosofskij i social'nyj roman*. Chast' I. Moskva; Leningrad: AN SSSR, 5–67.

Vol'ter. 2022. *Istoriya Rossijskoj imperii pri Petre Velikom*. Per. s franc. S.A. Mezina i A.E. Kulakova. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. — 368 s.

Grigulevich I.R. 1985. *Inkviziciya*. 3-e izd. Moskva: Politizdat. — 448 s. — (B-ka ateist. lit.).

Danilevskij G.P. 1873. Petr Velikij, pervyj ovcevod na Yuge Rossii // *Russkij Arkhiv*. 1873. Kn. II. Vyp. 11, 02288-02296.

Zherebin A. I. 2022. Peterburgskaya povest' Franca Kafki // Bagno V.E., Korkonosenko K.S., Filicheva V.V. (red. kol.). *Russkaya tema v mirovoj literature: kollektivnaya monografiya*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. S. 256–268.

Zaborov P.R. 1977. Utopicheskij roman Mers'e // Mers'e L.-S. God dve tysyachi chetyresta sorokovoj: Son, kotorogo, vozmozhno, i ne bylo. Podg. A.L. Andres i P.R. Zabornov. Leningrad: Nauka. («Literaturnye pamyatniki»). S.189–208.

Inka Garsilaso de la Vega. 1974. *Istoriya gosudarstva inkov*. Izd. podgot. YU.V. Knorozov i V.A. Kuz'mishchev; Per. so staroispl. V.A. Kuz'mishcheva. Leningrad: Nauka. (Seriya «Literaturnye pamyatniki»). — 747 s.

Kabe EH. 1948. *Puteshestvie v Ikariyu. Filosofskij i social'nyj roman*. Chast' I. Moskva; Leningrad: AN SSSR. — 641 s. — («Predshestvenniki nauchnogo socializma»).

Klejn L. S. 2014. *Istoriya antropologicheskikh uchenij*. Sankt-Peterburg: SPBGU. — 744 s.

Kuz'mishchev V.A. 1974. Inka Garsilaso de la Vega i ego literaturnoe nasledstvo // *Inka Garsilaso de la Vega*. 1974. *Istoriya gosudarstva inkov*. Leningrad: Nauka. (Seriya «Literaturnye pamyatniki»). S.683–711.

Kuz'mishchev V.A. 1979. *U istokov obshchestvennoj mysli v Peru: Garsilaso i ego istoriya inkov*. Moskva: Nauka. — 383 s.

Lukian. 1987. *Izbrannoe*. Per. s drevnegrech. / Sost., predisl. I. Nakhova; Komment. I. Nakhova i YU. Shul'ca. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. — 624 s. — («Biblioteka antichnoj literatury»).

Martynov A.S. 1987. Konfucianskaya utopiya v drevnosti i v srednevekov'e // Delyusin L.P., Borokh L.N. (otv. red.). *Kitajskie social'nye utopii*. Moskva: Nauka, GRVL. S.10–57.

Mezin S. A., Kovalyov M. V. 2022. Vol'ter — istorik Rossii // Vol'ter. *Istoriya Rossijskoj imperii pri Petre Velikom*. Per. s franc. S.A. Mezina i A.E. Kulakova. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 3-92.

- Mers'e L.-S. 1977. *God dve tysyachi chetyresta sorokovoj: Son, kotorogo, vozmozhno, i ne bylo*. Podg. A. L. Andres i P. R. Zaborov. Leningrad: Nauka. («Literaturnye pamyatnikI»). — 240 s.
- Molodyakova E.H.V., Markar'yan S.B. 2011. Glava pervaya. O yaponskom tipe modernizacii // Molodyakova E.H.V. (ruk. proekta). *Yaponiya: opyt modernizacii*. Moskva: Associaciya issledovatelej rossijskogo obshchestva (AIRO-XXI).
- Mor T. 1953. *Utopiya*. Per. s lat. A. I. Maileina i F. A. Petrovskogo. Vstup. st. V. P. Volgina. Moskva: AN SSSR. — 295 s. — («Predshestvenniki nauchnogo socializma»).
- Mor T. 1978. *Utopiya*. Per. s lat. YU.M. Kagan. Kommentarii YU.M. Kagan i I.N. Osinovskogo. Vstup. st. I.N. Osinovskogo. Moskva: Nauka. — 415 s. (Seriya «Predshestvenniki nauchnogo socializma»).
- Mumentaler R. 2009. *Shvejcarskie uchyonnye v Sankt-Peterburgskoj Akademii nauk. XVIII vek*. Otv. red. L. I. Brylevskaya. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. — 236 s.
- Nakhov I. M. 1982. *Filosofiya kinikov*. Moskva: Nauka. (Seriya «Iz istorii mirovoj kul'turY»). — 223 s.
- Svyatlovskij V. V. 1923. *Katalog utopij*. Moskva; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. — 100 s.
- Titov A. 1901. Inkvizitory na Rusi v XVIII veke. (Iz sovremennykh bumag) // *Russkij Arkhiv*. 1901. Kn. II. Vyp. 8. S. 449–460.
- Fontenel' B. 2015 {1725}. Pokhval'noe slovo caryu Petru I // *Mezin S.A. Pyotr I vo Francii*. Sankt-Peterburg: Evropejskij dom. S. 261–276.
- Shcherbatov M. M. 1986. Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu G na S..., shveckago dvoryanina // *Russkaya literaturnaya utopiya*. Sost., obshch. red., vst. st. i primech. V. P. Shestakova. Moskva: Izd vo Mosk. un-ta. S. 37–79.
- Fontenelle B. 1768. La République des philosophes, ou Histoire des Ajaoiens. Ouvrage posthume du Mr. de Fontenelle. On y a joint une Lettre de la Nudité des Sauvages. Genève. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1019219/f3.image> (accessed 23.05.2020).
- Istrati P. 1929. *Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U. R. S. S.* 18e ed. Paris: Les éditions Rieder. — 284 p.
- Kottak C. Ph. 1991. *Cultural Anthropology*. N. Y. et al.: McGraw-Hill, Inc. — 396 p.
- [Leszczyński 1752]: [Stanislas I (roi de Pologne)]. 1752. L'entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala. S. l.: s. n., 1752. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84469n.r=Dumocala?rk=21459;2#>. Data obrashcheniya 21 maya 2011.
- [Leszczyński 1754] — Entretien d'un européen avec un insulaire du royaume de Dumocala. Par le R. D. P. D. D. L. E. D. B. Nouvelle édition. A laquelle on a joint les Extraits & les Jugements qui ont paru dans quelques Journaux. S. L.: s. N., 1754. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k84469n/f1.image> ; <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1161503.r=Dumocala?rk=42918;4#>. Data obrashcheniya 24 maya 2011.
- [Leszczyński S. 1790]. Głos wolny wolność ubezpieczający. B. M. W. — 182 s. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/497361/edition/471180?language=pl>. Data obrashcheniya 24 maya 2011.
- [Mercier de La Rivière P. P.] 1792. L'Heureuse Nation, ou Gouvernement des Féliciens. Tome I. Paris: Creuze et Béhal. — 334 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k833214/f4.image> (accessed 23.05.2020).
- Mortier R. 1953. [Rev.:] Lortholary (Albert). Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle [compte-rendu] // Revue belge de Philologie et d'Histoire Année 1953. № 31-1. P. 95–98. URL: https://www.persee.fr/doc/rbph_0035-0818_1953_num_31_1_2167_t1_0095_0000_2 (accessed 17.12.2022).

Skrok Z. 1982. Świat piratów morskich. Gdańsk: Wyd. Morskie. — 218 s.

[Tiphaigne de La Roche Ch. E.] 1765. Histoire de Galligènes, ou Mémoires de Duncan. Amsterdam: chez Archetée & Mercus Librairies.

[Vairasse d'Allais D.]. 1716. Histoire des Sevarambes, peuples qui habitent une troisième

Continent appelé la Terre Australe... Tome second. Amsterdam: Estienne Roger. URL: http://www.numeriques.be/index.php?id=6&no_cache=1&tx_portailnumeriques_pi1%5Bid%5D=peps%3AARC-IHO-BP232&tx_portailnumeriques_pi1%5Bproxy%5D=PROXY3&tx_portailnumeriques_pi1%5Btype%5D= (accessed 18.04.2020) (accessed 18.04.2020).

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ: ОТ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Статья посвящена взаимоотношениям исторической биографии, персональной истории и философии истории. Рассматриваются разные виды и типы биографии и вспомогательных дисциплин таких, как новая биографическая история, персональная история.

На современное состояние биографии повлияли несколько факторов. Самые значимые из них это исторические повороты, особенно антропологический, который вызвал интерес к роли человека в истории, как великого, так и простого. И развитие микроистории с её интересом к человеку тоже, и к так называемым эгодокументам: мемуарам, письмам, заметкам и т. п. Появляются принципиально новые виды биографии — биомифография и альтернативная биография. Для написания биомифографии в качестве основных источников берутся мифы, мнения и суждения о человеке уже высказанные в предыдущих работах. Цель подобной работы рассмотреть, какие оценки уже сложились о человеке, в чём они верны, а в чём нет. Иными словами, прослеживается формирование «посмертной жизни» человека в исторической литературе. Альтернативная биография основывается на уже опубликованных работах и имеет цель показать разницу мнений, сформировавшихся об индивиде в биографической литературе. Здесь на первое место выходит разногласия сформировавшихся биографических образов индивида.

В качестве примера новых теорий биографии отобраны работы Л. П. Репиной, как ведущего историка и теоретика биографии, сторонницы классической биографии, представлены её взгляды на персональную историю и отношение к эгодокументам их роль и значимость. Также анализируется концепция историка и биографа Д. М. Володихина. Уделено внимание двум основным положениям его концепции: экзистенциализму и христианскому персонализму. И в завершении представлена уникальная книга Б. С. Илизарова «Народный архив. Голоса эпохи», в которой собран массив эгодокументов за разные периоды истории страны, разных социальных слоев и групп. Показано, как, по мнению автора, биография может стать основой для осмысления истории, а точнее — философией истории.

Ключевые слова: биография; персональная история; философия истории, биомифография, новая биографическая история, микроистория

Сведения об авторе: Юлия Вячеславовна Дунаева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Контактная информация: jvd@inbox.ru

Yu. V.Dunaeva

HISTORICAL BIOGRAPHY: FROM PERSONAL HISTORY TO THE PHILOSOPHY OF HISTORY

The article is devoted to the relationship of historical biography, personal history and philosophy of history. Different types and types of biography and auxiliary disciplines are considered, such as biography or a new biographical history, personal history. Several factors have influenced the current state of biography. The most significant of these are the historical turns, especially the anthropological one, which aroused interest in the role of man in history, both great and simple. And the development of microhistory with its interest in a person is also in the so-called ego-documents: memoirs, letters, notes, etc. Fundamentally new types of biography biomythography and alternative biography are described. To write a biomythography, myths, opinions and judgments about a person already expressed in previous works are taken as the main sources and already existing opinions are analyzed. The purpose of such work is to consider what assessments have already been formed about a person, in what they are correct, and in what they are not. In other words, the formation of the "posthumous life" of a person in historical literature is traced. The alternative biography is based on already published works and aims to show the difference of opinions formed about the individual in the biographical literature. As an example of new approaches to biography, the works of L. P. Repina, as a leading historian and theorist of biography, a supporter of classical biography, presents her views on personal history and attitude to ego-documents, their role and significance. The concept of the historian and biographer D. M. Volodikhin. Attention is paid to two main provisions of his concept — existentialism and Christian personalism. And at the end, a unique book by B. S. Ilizarov "People's Archive. Voices of the Epoch" which contains an array of egodocuments for different periods of the country's history, various representatives of social classes and groups. It is shown how, in the author's opinion, biography can become the basis for understanding history, or rather, the philosophy of history.

Keywords: biography; personal history; philosophy of history, biomythography, new biographical history, microhistory

About the author: Yu. V.Dunaeva, Institute for Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Russia.

Contact information jvd@inbox.ru

ВСТУПЛЕНИЕ

Цель статьи — анализ изменений в биографии на рубеже XX — XXI вв.

Основное внимание уделяется теоретическим работам по биографии и персональной истории. Другими словами, будут рассмотрены сами

основы, каркас биографии: новые методы, подходы, варианты биографий и, конечно, новые объекты. Будет показано, как историческая биография соотносится с философией истории, какие задачи это ставит, какие перспективы открывает.

Вопрос о возникновении первой биографии, по всей видимости, навсегда останется без ответа. Обращаясь к прошлому можно представить, как складывались элементы биографии в рассказах старейшин о традициях и обрядах, о подвигах героев и нападениях врагов. Так история входила в повседневную жизнь, а жизнь становилась частицей истории. Сохранившиеся до нас мифы, эпосы и легенды передают не только опыт жизни и истории, но и подлинную, а иногда и приукрашенную информацию о далеких событиях. Так сохранялись и передавались поколениями память о прошлом и истории о жизнях.

Но даже если говорить о дошедших до нас источниках, то и здесь учёные расходятся во мнении, а что считать протобиографией? Сохранившиеся до нас мифы, эпосы и легенды? Древнейшие произведения мировой литературы, как, например, шумерский «Эпос о Гильгамеше», или древнеегипетские эпитафии?

По мнению исследователя А. И. Рейтблата, биография «возникает одновременно с историей (историографией) в момент разлома родового мифологического сознания и выделения индивидуума из некоторой цельности (рода, племени, полиса и т. д.). Причем если история служит возникновению новой общественной

идентификации, обретению смысла существования социальной общностью, то для личности аналогичную функцию выполняет биография» (Рейтблат 2013: 415–416).

Как пишет известный теоретик биографии И. Л. Беленький, первая специальная энциклопедическая статья о биографии относится к 1891 г. Согласно словарю «Брокгауза и Ефрона»: «биографией называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющей требованиям исторической науки. Как произведение научное, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно–нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе» (Беленький 2010: 39). И. Л. Беленький подчёркивает двуединство биографии, как научного исследования, так и художественного, литературного произведения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Такая разная биография: современное состояние

В исторической науке, в зависимости от основных исследовательских трендов, иногда биографию отводили на второй план. Под многолетним влиянием «Школы Анналов», нацеленной на изучение крупномасштабных социальных структур общества, существовавших в течение долгого времени, биография, казалось, утратила свои позиции. В 1990–е годы ещё царило некоторое предубеждение против биографии как самостоя-

тельной работы и как исторического исследования. Некоторые зарубежные историки вспоминают, что им не рекомендовалось выбирать биографию для темы диссертации. Но со временем ситуация коренным образом изменилась.

Показательно, что один из мэтров «Анналов» Жак Ле Гофф написал оригинальную историческую биографию о Людовике Святом (*Ж. Ле Гофф* 2001). Оставаясь верным основным принципам «Анналов», историк проанализировал жизнь короля на широком историческом фоне. Эта книга стала вехой в историографии. В ней автору удалось соединить историю жизни и важнейшие, доминирующие социальные, политические и культурные процессы того времени. Но это, скорее, исключение из общей тенденции, развиваемой «Школой Анналов».

В настоящее время биография занимает достойное место в среде исторической науки, и её роль как одного из способов познания прошлого никем не оспаривается. Вдобавок к этому следует добавить возросшую популярность биографических книг, например, из серии «Жизнь замечательных людей», научно-популярной и художественной биографии. Появляется новый жанр — гламурная биография — представленная в таких журналах, как «Биография», «Караван истории» и т.п. И подобный расцвет биографии ставит перед исследователями новые вопросы и побуждает к новым поискам.

Если мы обратимся к определению биографии, то она выступает, как жанр, метод исследования, дисци-

плина. По форме биография может быть научной, интеллектуальной, романом–реконструкцией (термин, использовавшийся Ю.М. Лотманом), художественным произведением. Обсуждаются объекты биографии, традиционно это индивид или группа индивидов (просопрография). Но современная биография расширила свое исследовательское поле, и теперь героями биографии могут быть мифологические персонажи (см., например: *Шубинский* б.г.), или неодушевленные предметы (см., например: *Акройд* 2005; *Армстронг* 2008). Конечно приведённые примеры относятся не к строго научным, а скорее к научно-популярным или к беллетристическим произведениям. Но они наглядно показывают нам то, что среди учёных и читающей публики биография по-прежнему востребована.

Теории биографии и смежные дисциплины по-разному определяются учёными. Речь идёт о биографике, новой биографике, новой биографической истории, персональной истории и др. Эти подходы и методы находятся в стадии роста, становления и, как я предполагаю, будут уточняться и развиваться дальше. Поиски определений, взаимовлияния, взаимодействий этих направлений требуют отдельного исследования.

В связи с терминологическим и методологическим многообразием приведу те определения, которые будут использоваться в статье. Биография — «это исследование, объектом которого является история жизни отдельного человека» (Словарь историка 2011: 23). Биографика — «это вспомогательная историческая

дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий; тесно связана с литературоведением, словарно-энциклопедической традицией, вспомогательными историческими дисциплинами. Одна из основных задач биографики — изучение типов биографического письма и биографического сознания» (Некрасова 2014: 33). Новая биографика — это «предметное поле современного исторического знания. Наряду с историей ментальностей, историей повседневности, гендерной историей, интеллектуальной историей, новой локальной историей, новая биографика сформировалась в конце XX — начале XXI в. при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки. Возникновение данного предметного поля историки связывают с антропологическим поворотом в исторической науке, с тенденцией к персонализации предмета истории... Новая биография — реконструкция личной жизни и неповторимой судьбы отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира. Основной исследовательский объект — персональные тексты, “эго-документы”» (Некрасова 2014: 33).

Что касается биографии, то существует несколько её классификаций в зависимости от области применения. Традиционной, классической моделью является хронологическая биография, которая охватывает период от рождения до смерти индивида, иногда включает в себя историю рода. Функциональная биография имеет дело с основными этапами профессиональной деятельности че-

ловека. Психологическая биография, как видно из названия, нацелена на изучение сложного и многомерного внутреннего мира человеческой личности. В такой биографии автор пытается воссоздать переживания, эмоции, самопознание и самореализацию индивида. В психоаналитической биографии на первое место выдвигаются проблемы, комплексы личности, внутренние метания, аномалии. Но всё это рассматривается не с целью принизить личность, а наоборот углубиться в творческий процесс, выяснить, как травмы и комплексы становятся источником творчества. Социологическая модель биографии имеет дело с типическими обстоятельствами жизни человека, с тем, как в личной судьбе человека отражаются социальные процессы (Иконникова 2005: 92–94).

Ещё одна типология биографических исследований представлена Е. П. Александровым. Он перечисляет несколько вариантов биографических исследований: летопись жизни и деятельности, энциклопедия жизни и творчества (хронология), книги с обозначением «Материалы для биографии», монографии типа «жизнь и творчество», научная биография, критико-биографический очерк, научно-популярная биография, краткая биографическая справка (Александров 2008: 224).

Можно привести ещё много вариантов в зависимости от отрасли науки, в которой применяется биография или биографический метод. Ясно одно, что нет единого общепринятого определения биографии, а есть зонтичный термин, объединяющий и строго документированные науч-

ные биографии, и романы–биографии, где есть место авторской интуиции и вымыслу.

Жанр биографии по природе своей многолик и ускользает от жёстких определений, преодолевает границы, разветвляется на разные виды и типы. В общем, соглашусь с мнением исследовательницы Е. А. Ивановой: «на данный момент не существует общепризнанного чёткого определения биографии» (Иванова 2012: 43).

Одной из разновидностей новой современной биографии является так называемая биомифография. Здесь в центре внимания биографа не жизнь и деятельность индивида, а его «посмертное бытие»: мифы и мнения, сложившиеся оценки в имеющейся литературе и т.п. К этому следует добавить новое прочтение и новую интерпретацию уже изученных документов, материалов и источников. Иными словами, речь идет о критическом рассмотрении уже сформировавшегося в литературе образа. Иногда подобные работы называют «биография без архивов», поскольку они написаны на основе уже опубликованных материалов. В таких работах на первое место выходит изучение и деконструкция мифа об индивиде. В этом отношении примером может служить книга С. Черчвелл о Мэрилин Монро (Churchwell 2004). Автор проанализировала литературу об актрисе, собрала разные точки зрения и показала, как миф о ней развивался одновременно с историей жизни. Основная цель этой и подобной ей книг — демифологизация, то есть выявление сконструированного характера жизненных историй и роли в этом биографов.

Также можно добавить так называемую «альтернативную биографию», которая, как пишет М. П. Березань, на передний план выдвигает неточности, разные точки зрения на происходящее, неясные моменты жизни. Цель современной биографии — не обойти сложные и противоречивые моменты, а напротив — указать на них, показать возможности разных интерпретаций событий (Березань 2010: 28). Примером таких новых биографий можно назвать работу голландского историка науки А. Н. Рупке, посвящённую Александру фон Гумбольдту (Rupke 2005). Автор рассмотрел и проанализировал несколько биографий, другие тексты о нём и «столкнул» между собой разные нарративы. Таким образом, ему удалось создать «серию биографических портретов», отражающих «различные образы ученого» (Цит. по: Saunders 2015: 324–327).

В последней трети XX в. в гуманитаристике произошёл ряд методологических поворотов, одним из важнейших результатов которых стало появление новых исторических направлений: истории снизу, гендерной истории, истории мужскости, феминологии, интеллектуальной истории и т.п. Особое значение для истории имел антропологический поворот, который возродил интерес к жизни человека как действующего лица истории. При этом речь могла идти о выдающемся, знаменитом человеке или о простом, так называемом человеке второго плана. В результате, историки, а вместе с ними и биографы открыли для себя новые поля исследований и новые объекты изучения. Для биографии стало чрезвычайно важным

сотрудничество с микроисторией, под её благотворным влиянием «заговорили» те действующие лица истории, которых традиционная наука прежде не замечала. Начало этому положили теперь уже ставшие каноническими исследования Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю: Окситанская деревня (1294–1314)», К. Гинзбурга «Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» и Н. Земон Дэвис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века» (*Ле Руа Ладюри* 2001; *Гинзбург* 2000; *Земон Дэвис* 2021). Эти книги — образцы микроистории с ярко выраженной биографической компонентой.

О значимости и роли биографии стали говорить не только историки, но и социологи, и даже психологи, что дало повод заявить о биографическом повороте в гуманитарных и социальных науках. На новом этапе развития биография снова обращается к индивиду, как значимому действующему лицу истории, а личная жизнь предстает в качестве своего рода линзы для изучения политических, экономических, исторических и культурных процессов. Через личность историческая наука обрела новые исследовательские поля и заиграла новыми красками. Как пишет историк, автор содержательной работы о взаимоотношениях истории и биографии Б. Кейн: «всё большее количество историков стали настаивать на том, что изучение индивидуальной жизни способно помочь в освещении исторических событий и масштабных исторических процессов. Историки стали изучать отдельную человеческую жизнь, помещая её в широкий исторический контекст, демонстрируя,

таким образом, влияние правовых и социальных институтов и широкомасштабных социальных, экономических и политических событий на жизнь отдельных людей и групп. Вслед за микроисториками историки-биографы утверждали, что они гораздо лучше понимают исторический контекст, анализируя, как события и процессы понимались и обсуждались конкретными людьми» (*Caine* 2010: 23).

На современном этапе история вновь обращается к индивиду как творцу истории. Но теперь героями биографий становятся не только выдающиеся и знаменитые, но и простые люди. Хотя они и не сыграли существенной роли в науке, культуре, развитии истории, но оставили после себя определённый след. И это даёт более полное и глубокое понимание истории. Таким образом от биографии можно перейти к персональной истории. Понятию сложному и неоднородному, но открывающему новые перспективы исследований.

История персоны или персональная история

Обращаясь к новой биографической истории и персональной истории, мы снова сталкиваемся с разнообразием мнений. Ситуация усугубляется ещё и тем, что в отечественной исторической науке и биографистике исторически сложилось своего рода разделение на тех, кто пишет биографии, и тех, кто пишет о биографии, биографистике. Иными словами, на «теоретиков» и «практиков». Это создаёт определённые трудности при изучении предмета.

Обновления в истории и биографии привели к появлению междисциплинарной отрасли — персональной истории. С одной стороны, она находится в предметном поле истории. С другой стороны, она охватывает биографию человека великого или простого. Характерной чертой персональной истории является особое внимание, уделяемое эгодокументам: личным документам, дневникам, воспоминаниям, письмам, фотографиям и т.п. Ко всему спектру источников, имеющих прямое или косвенное отношение к изучаемой личности. Приведу один пример использования оригинального источника. В работе А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, посвященной биографическим разысканиям о Борисе Годунове и его родне, в качестве источников использованы иконы, принадлежавшие ему и его родственникам. С их помощью авторы уточнили, какие святые считались покровителями представителей рода Годуновых. Также это помогло пусть приблизительно, но установить возможную дату рождения сестры Бориса Годунова — Ирины (Литвина, Успенский 2022: 172).

В отечественной историографии тема исторической биографии и персональной истории успешно и плодотворно разрабатывается с конца XX в. К сегодняшнему дню накоплен обширный теоретический и чисто биографический материал¹. Вместе с тем в персональной истории историков подстерегают трудности, связанные, прежде всего, с вариатив-

ностью дефиниций. Персональная история — это дословный перевод с английского языка — «personal history». Но дело заключается в том, что этот термин имеет несколько значений: 1. «— “персонифицированной истории” (“истории персоны”) — более или менее традиционной биографии исторической личности “крупного масштаба”, подчас с использованием интуитивистского метода биографической реконструкции и психоаналитических теорий; 2. — “личной истории”— как исследование жизни индивида сквозь призму его частных отношений — “частной биографии”; 3. — истории личности как “внутренней биографии” (развития внутреннего мира человека) в противовес “внешней”, или “карьерной”; 4. — собственноручно написанных личных историй — “интеллектуальных автобиографий”, или “автобиографических исследований”. В исследовательской практике эти так называемые “чистые типы” имеют разнообразную комбинацию» (Путилова 2022).

В современной отечественной биографистике можно выделить несколько направлений. Рассмотрим некоторые из них. Одно из направлений представлено работами выдающегося историка, а также специалиста в области теории истории и биографии Л.П. Репиной. Она неоднократно на протяжении многих лет обращалась к теме исторической биографии и сопредельных дисциплин. Историк даёт чёткие характеристики персональной (новой

¹ Одним из примеров может служить тематический номер альманаха «Диалог со временем». Вып. 5. «Историческая биография и персональная история». — Москва: УРСС, 2001. 400 с. прим. автора.

биографической) истории. В новой биографической истории на первый план выдвигаются персональные тексты, и делается попытка представить историю жизни человека, а также его духовный, внутренний мир во всём его разнообразии. Реконструкция жизни человека, интерес к его внутреннему миру предстаёт одновременно и как цель исследования, и как средство познания исторического социума, в котором они жили (Репина 2011: 301).

Концепция Л. П. Репиной представляет собой синтез классической исторической биографии, основы которой были заложены ещё Плутархом, и новейших теоретических разработок биографического жанра. Также она обращает внимание на микроисторию, которая побудила биографов обратиться к историям жизни простых людей, пусть и не сыгравших роли в истории, но благодаря документам, предстающим, как исторические деятели. «Анализ индивидуального сознания и индивидуальной деятельности стал важнейшей составляющей многочисленных микроисторических исследований, максимально приближённых и непосредственно обращённых к человеку, к его *персональной истории* (курсив автора)» (Репина 2011: 301). Не случайно, подчёркивает она, биографы стали уделять больше внимания частной, внутренней, эмоциональной, духовной жизни (см., например: Воронаев 2014; Тамке 2015). И отсюда можно вывести вторую составляющую биографической концепции Л. П. Репиной. Это особое внимание к личным, персональным источникам, ко всему их спектру, объединённых термином «эгодокументы». Раньше обращение

к личным документам было своего рода дополнением к тексту биографии, подтверждающим или опровергающим биографическую информацию. Эгодокументы критиковали за субъективность. Теперь же именно личный, индивидуальный взгляд, самосознание и жизненный опыт становятся надёжным фундаментом для личной истории (Личность и общество или история в биографиях 2010: 4). К этому следует добавить качественно новые личные материалы, размещённые в сетях Интернета: индивидуальные сайты, страницы в социальных сетях, фотографии и видеоматериалы.

Ещё одной отличительной чертой концепции Л. П. Репиной является её внимание к биографии в интеллектуальной истории. В 1980-е годы шла бурная полемика между двумя маститыми учёными. Первый из них, Джордж Стиглер (лауреат Нобелевской премии 1982 г.), утверждал, что биография не несёт познавательной функции для истории экономической мысли. Его оппонент Уильям Жаффе настаивал на том, что без «этих сведений, раскрывающих “личную ментальную историю” создателя идеи или концепции, невозможно составить полное представление о генезисе теоретической работы учёного, “идеологическом субстрате” его мышления, социальном и интеллектуальном контексте его творчества, значения его трудов для развития науки и принятия его теории научным сообществом» (Репина 2011: 303–305). Как показала история, позиция У. Жаффе оказалась более плодотворной, и был создан целый ряд интеллектуальных биографий.

Понимание непрерывности связи между жизнью и творчеством личности, между фактами психологической и интеллектуальной биографии является краеугольным камнем биографического подхода к интеллектуальной истории, пишет Л. П. Репина. Сегодня жанр биографии в интеллектуальной истории представлен достаточно широко. В целом, по мысли исследовательницы, можно говорить о «биографическом повороте» в интеллектуальной и культурной истории (см., например: *Коробицына* 2019; *Алипов* 2011; *Федосеева* 2019).

Биография как экзистенциализм и философия истории

Иная позиция у историка, автора биографических книг и работ по теории биографии Д. М. Володихина (см., например: *Володихин* 2006; 2009). Он находит выход в экзистенциализме. Это философское направление и культурное движение начала XX в., которое провозглашает свободу, как сущность человека. Экзистенциалисты исходили из того, что человек сам творит свою сущность на протяжении всей своей жизни. Поэтому вполне логично, что представители этого направления уделяли особое внимание внутреннему миру человека, его изменчивости, уникальности, индивидуальности. Экзистенциализм может быть религиозным или атеистическим. Среди ярких представителей экзистенциализма Л. И. Шестов и Н. А. Бердяев, Ж.-П. Сартр и М. Хайдеггер.

В основе размышлений Д. М. Володихина лежит убеждение в том, что

каждый субъект ищет смысл жизни перед лицом надвигающейся неизбежной смерти. И здесь на помощь приходит экзистенциализм, принятие которого, как основы мировоззрения, лишает жизнь конечной бессмыслицы. Применительно к истории экзистенциализм играет важную функцию, а именно: наполняет жизнь смыслом перед лицом предстоящей смерти, пишет историк. «Экзистенциалист открывает способы выбирать или строить стойкие смыслы жизни, точнее, способы жизни, освобождающие как от страха перед летальным концом, так и от страха перед тем, что неизбежность кончины перечеркивает любые устремления и успехи на протяжении отпущенного срока» (Экзистенциальный биографизм в истории 1999: <http://istbessmertie.narod.ru/statii.htm>). Истории отводится уникальная роль — на опыте сотен и тысяч ушедших поколений служить своего рода «арсеналом духа, вычерчивающего жизненный проект осознанно совершающего высшие выборы» (Там же). В этом случае «событийная история» играет роль своего рода основы, фактологического каркаса для персональной истории. На первый план выходит особенное, частичное, индивидуальное. И здесь на помощь приходит биография, а точнее — персональная история. Интерес к внутренней, личной жизни человека в чём-то сближает персональную историю с психобиографией, считает Д. М. Володихин. В качестве примера историк называет эссе писателя, философа, христианского деятеля, биографа и искусствоведа Г. К. Честертона, посвященные католическим святым, в частности Франциску Ассизскому: «в них психология нечувствительно

тонко переходит в философию и наоборот — а именно является одним из фундаментальных принципов методологии персональной истории» (Персональная история 1999: 5). Исходя из этой позиции, историк–биограф должен задаться следующими вопросами: «как этот человек любил, как он относился в трансценденции, какой смысл (способ, стиль) жизни он для себя избрал, почему все сложилось так, а не иначе... Как в итоге он решил проблему адаптации к собственному бессмертию и решил ли?» (Там же). И далее следует положение, которое часто цитируется другими историками и биографами. Таким образом, пишет Д. М. Володихин, «годится биография индивидуума любого калибра: от Наполеона Бонапарта до третьестепенного польского велосипедиста, лишь бы источники давали возможность по-настоящему глубоко заглянуть в его внутренний мир» (Там же).

Д. М. Володихин пошёл дальше и развил принципиально новый подход к биографии — «христианский персонализм». Применение такого подхода к биографии я встречаю впервые. Рассмотрим подробнее позицию историка–биографа. В основе его представлений о христианском персонализме лежит идея непрерывности диалога человека с Богом. Диалог этот касается двух личностей: Божественной и человеческой. Следовательно, продолжает далее рассуждать историк, вся христианская культура персоналистична. Эту мысль развивали философы прошлого: П. Флоренский, Н. Н. Страхов. Сегодня над этой проблемой работает, в частности, Н. П. Ильин (Мальчевский).

«Изучение “христианской биографии” исторической личности через внешние проявления “работы души” может и должно становиться целью работы историка–христианина» (Володихин 2021). Так же как и Репина, он подчёркивает необходимость использования микроистории, которую он также трактует по–своему. По его мнению, микроистория обращается к самой личности, вне всяких конструкций обобщённого характера. Иными словами, когда микроистория «признаёт самоценным опыт персонажа прошлого, добытого трудами учёного» (курсив автора)» (Володихин 2021).

Предмет анализа персональной души, продолжает он, — «бездны человеческой души, души борющейся с соблазном, души побеждённой грехом и преодолевающим его, ниспадающей под натиском неблагоприятной обстановки, души воспаряющей к Богу» (Володихин 2021). Основанием для такой истории, «освобождённой» от двух фундаментальных, краеугольных камней в виде «истины» и «факта», должно стать христианство, в нашем случае православие. Этот подход, несомненно, оригинален и привлекает внимание и, вероятно, может вызвать оживленную дискуссию, ибо порождает много вопросов. Вот хотя бы несколько из них. Как быть историкам представителям других конфессий или атеистам? На какой позиции должен стоять историк–христианин? Ведь христианство как религия неоднородно, по вопросам догматов между православием, католицизмом и протестантизмом и другими ветвями христианства много общего, но много и разного. Далее, какого уров-

ня интеллектуального и духовного развития должен быть историк, ставящий перед собой задачи погружения и изучения глубин человеческой души? По моему мнению, душа человеческая беспредельна, будь то великий человек или простой. По мере постижения духовного, внутреннего мира человека беспредельные границы души человека будут отходить всё дальше, как линия горизонта. К тому же следует добавить неоднородность человеческой души: в человеке существуют и зло, и темные пятна, и патологические состояния. Что послужит здесь нравственным ориентиром и моральным ограничением? Как подобная христианская персональная история будет взаимодействовать с патографией и психоисторией? Тем не менее, надеюсь, что интересная и крайне оригинальная и самостоятельная позиция историка Д. М. Володихина получит дальнейшее развитие в его работах и работах единомышленников.

В книге историка, возглавлявшего Центр документации «Народный архив», Б. С. Илизарова «Народный архив. Живые голоса эпохи» представлена светская авторская философия истории, которая может внести свой вклад в развитие биографических исследований. Жанр книги определить нелегко, это и личная история, и материалы к биографии, и философия истории.

Немного предыстории: с 1998 г. по 2008 г. в Москве работал Народный архив. Сейчас документы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории. Материалы собирались самые разные, как письменные, так и изобразительные.

Это — выдержки из дневников, открытки с фронта, официальные документы и воспоминания и проч. Представлены самые разные слои населения: официальные лица и священники, проститутки, уголовники, солдаты, простые люди. Собран архив уникальных эгодокументов, так востребованных историками и биографами.

В книге, пишет автор, предпринята попытка расширить горизонт открывающейся перед читателем обыденной и единичной человеческой жизни до философии истории её судьбы, как части судьбы всего человечества. Собирая такие личные документы и материалы, Илизаров ставил грандиозную задачу, в духе русского космизма — сохранить и воссоздать историю жизни каждого человека, жившего на Земле. Но не в прямом смысле этого слова, а в Слове и Образе. Другими словами, истории ставится сверхзадача — воссоздание «истории всей совокупности людей, родившихся, живших и умерших на планете Земля» (Илизаров 2014: 5).

Понятие Образ пришло к нам из христианской традиции, подчёркивает автор, но оно присутствует и в других религиях. «Образ — это самость человека, вечная попытка полного и органичного синтеза лика и личности, внешних черт фигуры и лица, телесных органов с внутренними свойствами души и разума, реакций, эмоций, страстей и рассудка, иррационального, окружающей среды, других людей» (Илизаров 2014: 313). И далее историк продолжает описывать то сложное, многокомпонентное, едва уловимое, что Образ представляет собой. «Образ — это

не телесность, но и телесность тоже. Образ — это не материя, но и материя тоже. Образ — это не энергия, но и энергия тоже. Образ — это не психика, но психическое тоже. Образ — это не Слово, но и информация тоже. Образ — это синтез внешней и внутренней форм и содержания. Образ есть неизменное в изменчивой длительности. Образ — это то, что складывается в судьбу при жизни и может быть развёрнуто в судьбу посмертную. А всё вместе взятое — Образ есть биография» (Илизаров 2014: 313). Итак, согласно философии истории Илизарова, Слово, Образ и Биография сохраняет информацию о жизни людей, и представляют их в Истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье были рассмотрены разные представления о биографии и смежной с ней персональной историей. Современная биография предстает в разных формах и изучает жизнь великих людей и простого человека. Возможности и масштабы биографии позволяют перекинуть мостик к персональной истории, которая также имеет разные виды от классически-научных до философско-исторических. На основании этого можно утверждать, что персональная история как дисциплина имеет солидный теоретический и методологический фундамент, вместе с тем она продолжает изменяться и развиваться. Несомненно, перспективным и плодотворным видится взаимодействие персональной истории и биографии. Философско-исторический подход к биографии личности, будь то великий деятель или простой человек,

использование эгодокументов — всё это открывает новые перспективы перед исторической биографией.

Ещё одно направление развития биографии видится в философско-исторических обобщениях, основанных на биографических исследованиях эгодокументов. От простого жизнеописания биография поднимается на уровень философских размышлений о жизни человека в Истории. Великий человек или простой — все мы принадлежим истории, и жизнь наша исторична по тому следу, который мы оставим после себя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акройд 2005 — *Акройд П.* Биография Лондона. Москва : Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 892 с

Александров 2008 — *Александров Е. П.* Историческая биография как историографическая проблема: К изучению вопроса // Ученые записки РГСУ. Москва, 2008. № 4. С. 223–227..

Алипов 2011 — *Алипов П. А.* Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: материалы всероссийской научной конференции: РГГУ, 15–16 июня 2011 г. Москва, 2011. с. 7–20/

Армстронг 2008 — *Армстронг К.* Биография Библии. Москва : АСТ, 2008. 350 с.

Беленький 2010 — *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня. Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. Москва : Квадрига, 2010. С. 38–55.

Березань 2010 — *Березань М. П.* Жанр биографии на рубеже XX–XXI вв. (На примере романа «Покойный господин Шекспир» Роберта Ная) // Гуманитар-

ные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2010. №3. С. 24–28.

Биография 2011 — Биография // Словарь историка. Москва: РОССПЭН, 2011 г. С. 23–26.

Володихин 1999 — Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер", №24, июль. 1999. URL: <http://ist-bessmertie.narod.ru/statii.htm> (Дата обращения: 13.10. 2022).

Володихин 2006 — Володихин Д.М. Иван Грозный. Бич Божий. Москва: Вече, 2006. 384 с.

Володихин 2009 — Володихин Д.М. Митрополит Филипп. Москва: Молодая гвардия, 2009. 288 с.

Володихин 2021 — Володихин Д.М. Христианский персонализм и метод персональной истории в исторической науке // Историческое обозрение. 2021. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-personalizm-i-metod-personalnoy-istorii-v-istoricheskoy-pauke> (Дата обращения: 04.10.2022).

Воропаев 2014 — Воропаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. Москва : Паломник, 2014. 333 с.

Гинзбург 2000 — Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 272 с.

Земон Дэвис 2021 — Земон Дэвис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. Москва : НЛО, 2021. 384 с

Иванова 2012 — Иванова Е.А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии // Известия Саратовского университета. Серия: Филология, журналистика. Саратов, 2012. Т. 12, №3. С. 42–49.

Иконникова 2005 — Иконникова С.Н. История культурологических теорий. Учеб. пособие. 2–е изд. доп. и перераб. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 474 с.

Илизаров 2014 — Илизаров Б.С. Народный архив. Живые голоса эпохи. Москва: ООО «Издательский дом “Вече”», 2014. 384 с.

Коробицына 2019 — Коробицына Л.В. Британский историк А.Дж. П. Тейлор: Интеллектуальная биография. — Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2019. 229 с.

Ле Гофф 2001 — Ле Гофф. Ж. Людовик IX Святой. Москва: Ладомир, 2001. 800 с.

Ле Руа Ладюри 2001 — Ле Руа Ладюри Э. Монтанью: Окситанская деревня (1294–1314). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2001. 544 с.

Литвина 2022 — Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания). Санкт-Петербург: «Евразия», 2022. — 224 с.

Личность и общество 2010 — Личность и общество, или история в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: историческая биография сегодня. Под ред. Л.П. Репиной . 2–е изд. Москва : Квадрига, 2010. С. 5–16.

Некрасова 2014 — Некрасова Н.В. Биография // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Москва : Аквилон, 2014. С. 33–34.

Персональная история 1999 — Персональная история. Отв. ред Володихин. Москва: Мануфакура, 1999. 336 с.

Путилова б.г. — Путилова Е. Особенности использования биографического метода в исторической науке // Cogita.ru. Биография глазами историка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/biografiya-glazami-istorika> (Дата обращения 23.10. 2022).

Рейтблат 2013 — Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Право на имя: Биография XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. — Отв. ред.

Притыкина Т. Б. Санкт–Петербург: Норма, 2013. С. 413–422.

Ретина 2011 — Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX — XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва: Круг, 2011. 560 с.

Тамке 2015 — Тамке М. Религия Толстого: Духовная биография. Москва: ББИ, 2015. 231 с.

Федосеева 2019 — Федосеева К. В. Как историк выбирает ведущую тему и метод исследования? (на примере научной биографии С. И. Архангельского) // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. с. 1–25. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.4.29998 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29998 и др.

Шубинский б.з. — Шубинский В. Как пишут биографии Гильгамеша, короля Артура и Ильи Муромца. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/kak-pishut-biografii-gilgamesha-korolya-artura-i-ili-muromtsa/> (Дата посещения 07.10. 2022).

Caine 2010 — Caine B. Biography and history. NY: Palgrave Macmillan, 2010. 152 p.

Churchwell 2004 — Churchwell S. The many lives of Marilyn Monroe. London: Granta, 2004. 384 p.

Rupke 2005 — Rupke N. Alexander von Humboldt. A metabiography. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. 320 p.

Saunders 2015 — Saunders E. The defining metabiography in historical perspective: Between biomyths and documentary // Biography. — Honolulu, 2015. Vol. 38, N 3. P. 325–342.

REFERENCES

Akrojd P. *Biografiya Londona*. Moskva: Izd-vo Ol'gi Morozovoj, 2005. 892 s

Aleksandrov E. P. Istoricheskaya biografiya kak istoriograficheskaya problema: K izucheniyu voprosa // *Uchenye zapiski RGSU*. Moskva, 2008. № 4. S. 223–227..

Alipov P. A. Zhanr intellektual'noj biografi v sovremennoj rossijskoj istoriografii // *Budushchee nashego proshlogo: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii: RGGU*, 15–16 iyunya 2011 g. Moskva, 2011. s. 7–20/

Armstrong K. *Biografiya Biblii*. Moskva: AST, 2008. 350 s.

Belen'kij I. L. Biografiya i biografika v otechestvennoj kul'turno–istoricheskoy tradicii // *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya*. Pod red. L. P. Repinoj. 2–e izd. Moskva: Kvadriga, 2010. S. 38–55.

Berezan' M. P. Zhanr biografii na rubezhe XX–XXI vv. (Na primere romana «Pokojnyj gospodin SHEKSPIR» Roberta Naya) // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2010. № 3. S. 24–28.

Biografiya // *Slovar' istorika*. Moskva: ROSSPEN, 2011 g. S. 23–26.

Fedoseeva K. V. Kak istorik vybiraet vedushchuyu temu i metod issledovaniya? (na primere nauchnoj biografii S. I. Arhangel'skogo) // *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2019. № 4. s. 1–25. DOI: 10.7256/2454-0609.2019.4.29998 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29998 и др.

Ginzburg K. *Syr i chervi: kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* Moskva: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2000. 272 s.

Ikonnikova S. N. *Istoriya kul'turologicheskijh teorij*. Ucheb. posobie. 2–e izd. dop. i pere-rab. Sankt–Peterburg: Piter, 2005. 474 s.

Ilizarov B. S. *Narodnyj arhiv. Zhivye golosa epohi*. Moskva: OOO «Izdatel'skij dom “Vechе”», 2014. 384 s.

Ivanova E. A. Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy zhanra biografii // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Seriya: Filologiya, zhurnalistika. Saratov, 2012. T. 12, № 3. С. 42–49.

Korobicyna L. V. Britanskij istorik A. Dzh. P. Tejlor: *Intellektual'naya biografiya*. — Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni

kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 2019. 229 s.

Le Goff. ZH. *Lyudovik IX Svyatoy*. Moskva : Ladomir, 2001. 800 s.

Le Rua Ladyuri E. *Montajyu: Oksitanskaya derevnya* (1294–1314). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. unt–ta. 2001. 544 s.

Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiiyah. Vmesto predisloviya // *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya*. Pod red. L. P. Repinoj . 2–e izd. Moskva : Kvadriga, 2010. S. 5–16.

Litvina A. F., Uspenskij F. B. *Godunov v krugu rodni* (*Biograficheskie razyskaniya*). Sankt–Peterburg: «Evraziya», 2022. — 224 s.

Nekrasova N. V. *Biografika // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'*. Moskva : Akvilon, 2014. S. 33–34.

Personal'naya istoriya. Otv. red Volodihin. Moskva: Manufakura, 1999. 336 s.

Putilova E. Osobennosti ispol'zovaniya biograficheskogo metoda v istoricheskoy nauke // *Cogita.ru. Biografiya glazami istorika*. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/biografiya-glazami-istorika> (Data obrashcheniya 23.10. 2022).

Rejtblat A. I. Biografiruemyj i ego biograf (K postanovke problemy) // *Pravo na imya: Biografika XX veka. CHteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe*. — Otv. red. Pritykina T. B. Sankt–Peterburg: Norma, 2013. S. 413–422.

Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX — XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika*. Moskva: Krug, 2011. 560 s.

SHubinskij V. *Kak pishut biografii Gil'gamesha, korolya Artura i Il'i Muromca*. [Elek-

tronnyj resurs]. URL: <https://gorky.media/context/kak-pishut-biografii-gilgamesha-korolya-artura-i-ili-muromtsa/> (Data poseshcheniya 07.10. 2022).

Tamke M. *Religiya Tolstogo: Duhovnaya biografiya*. Moskva : BBI, 2015. 231 s.

Volodihin D. M. Hristianskij personalizm i metod personal'noj istorii v istoricheskoy nauke // *Istoricheskoe obozrenie*. 2021. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-personalizm-i-metod-personalnoy-istorii-v-istoricheskoy-nauke> (Data obrashcheniya: 04.10.2022).

Volodihin D. M. Ekzistencial'nyj biografizm v istorii // *Informacionnyj byulleten' Associacii "Istoriya i kompyuter"*, № 24, iyul'. 1999. URL: <http://ist-bessmertie.narod.ru/statii.htm> (Data obrashcheniya: 13.10. 2022).

Volodihin D. M. *Ivan Groznyj. Bich Bozhij*. Moskva: Veche, 2006. 384 s.

Volodihin D. M. *Mitropolit Filipp*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2009. 288 s.

Voropaev V. A. *Nikolaj Gogol'. Opyt duhovnoj biografii*. Moskva : Palomnik, 2014. 333 s.

Zemon Devis N. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII v.* Moskva : NLO, 2021. 384 s

Caine B. *Biography and history*. NY: Palgrave Macmillan, 2010. 152 r.

Churchwell S. *The many lives of Marilyn Monroe*. London.: Granta, 2004. 384 p.

Rupke N. *Alexander von Humboldt. A meta-biography*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. 320 p

Saunders E. The defining metabiography in historical perspective: Between biomyths and documentary // *Biography*. — Honolulu, 2015. Vol. 38, N 3. P. 325–342.

А. Р. Дюков

«КОТОРЫЙ СЕГОДНЯ ДЕНЬ?» КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ И ПАРОЛИ ВИЛЕНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ

В статье разбирается история пароля «Кого любишь? — Люблю Беларусь. — Так взаимно», якобы связанного с личностью Константина Калиновского, лидера восстания 1863 г. в северо-западном крае Российской империи. Привлечение ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов и их контекстуализация позволили доказать, что пароль был установлен не Калиновским, а отстранившими его от власти «белыми» лидерами. Вне всякого сомнения, использованное в пароле слово «Белорусь» имело не национальное и не идеологическое, а лишь географическое значение.

Ключевые слова: Константин Калиновский, восстание 1863 г., источниковедение, национальный вопрос, Польша, Белоруссия

Сведения об авторе: Дюков Александр Решидевич, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

Контактная информация: a.dyukov@gmail.com

A. R. Dyukov

"WHAT DAY IS IT TODAY?" KONSTANTIN KALINOWSKI AND THE WATCHWORDS
OF THE VILNA REBEL UNDERGROUND

The article analyzes the history of the watchword “Kogo ljubish? — Ljublju Belarus. — Tak vzaimno”, allegedly associated with Konstantin Kalinowski,

the leader of the uprising of 1863 in the northwestern region of the Russian Empire. The involvement of new archival materials and their contextualization made it possible to prove that the watchword was set not by Kalinowski, but by the “white” leaders of the uprising who removed him from power. The word “Belorus” used in the watchword had neither a national or an ideological dimension, but only a geographical one.

Key words: Konstantin Kalinowski, uprising of 1863, source study, national question, Poland, Belarus

About the author: Dyukov Alexander R.— Researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow).

Contact information: a.dyukov@gmail.com

25 декабря 1863 г., в католическое Рождество, на железнодорожной станции Вильна с петербургского поезда сошел молодой человек лет двадцати. Тепло попрощавшись со своим попутчиком, юноша взял извозчика, довез свои вещи до гостиницы «Петербургская» и отправился гулять по городу. Немного пропетляв по узким и многолюдным виленским улочкам, он вышел к костелу Святого Духа, некогда бывшему частью доминиканского монастыря. Монастырь упразднили двадцать лет назад, а в 1863 г. монашеские кельи приспособили для содержания политических преступников, участвовавших в нынешнем восстании. Правду сказать, молодому человеку было самое место в одной из этих келий, поскольку он был не только недоучившимся студентом, но и, с недавнего времени, повстанческим комиссаром Могилевского воеводства. Звали же юношу Витольд Парфиянович. В празднично украшенный доминиканский костел Парфиянович заходить не стал, а повернул к примыкавшему к храму трехэтажному дому с аптекой. Поднявшись на третий

этаж, он постучался в располагавшуюся над аптекой квартиру и спросил госпожу Юзефу Баневич.

Полтора месяца спустя, 2 (14) февраля 1864 г.¹ находящийся под арестом Парфиянович в показаниях следствию следующим образом опишет тот день: «В Вильно я приехал 25-го декабря, вместе с чиновником Борейко: не решаясь отправиться для свидания с Калиновским в квартиру Ямонта, я воспользовался данным в Могилеве Жуковским адресом к госпоже Баневич (улица Доминиканская, в Доминиканском здании, над аптекою Савицкаго). Прийдя в ее квартиру, я застал Баневич дома и сказал лозунг “кого любишь”, на что она должна была ответить “люблю Белорусь”, и наконец я обязан был прибавить “так взаимно”, но она встревожилась... не отвечала мне на лозунг и просила обратиться к кому-либо другому» (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 8об., 9).

Пожалуй, ни один другой фрагмент из следственных показаний участников польского восстания 1863 г.

¹ Здесь и далее в начале указывается дата по юлианскому календарю, использовавшемуся в Российской империи, а в скобках — дата по григорианскому календарю, использовавшемуся в Царстве Польском и в обиходе польского населения Северо-западного края Российской империи.

не пользуется такой популярностью, как этот. Правда, как правило, его сокращают до названного Парфияновичем пароля: «Кого любишь? — Люблю Беларусь. — Так взаимно». Этот пароль на протяжении уже более шести десятков лет используют в качестве *ultima ratio* в любых дискуссиях о национальности и национальной самоидентификации лидера восстания 1863 г. Константина Калиновского. Советский историк Анатолий Смирнов еще в 1959 г. утверждал, что этот пароль придуман лично Калиновским и что в пароле проявилось «глубокое уважение Калиновского к своему народу» (Смирнов 1959: 71). Историк Геннадий Киселев, также, как и Смирнов, считавший Калиновского белорусом, упоминал пароль «виленской революционной организации» в качестве «прямой емкой формулы» национальной идеи Калиновского (Кисялёў 2016: 367). Аналогичной точки зрения придерживается и историк Валентин Голубев, впервые полностью опубликовавший показания Парфияновича (Голубев 2013). «Сам Калиновский не был польским националистом, а белорусским. И на вопрос “Каго любішь?” отвечал “Люблю Беларусь”», — утверждал литературовед Адам Мальдис (Мальдис 2019). Как доказательство «национального выбора» Калиновского приводит пароль сотрудник «Радио Свобода» Сергей Абламейка в статье под громким названием «Калиновский был белорусом. Доказать обратное невозможно» (Абламейка 2021).

Что же можно противопоставить этим, на первый взгляд, обоснованным заявлениям? — Разве что вни-

мательный анализ первоисточника, почему-то не проводившийся никем из ссылающихся на «пароль Калиновского».

Обратившись к уже процитированному фрагменту показаний В. Парфияновича, мы обнаруживаем, что адрес явочной квартиры был дан ему неким Жуковским в Могилеве. «Я воспользовался данным в Могилеве Жуковским адресом к госпоже Баневич», — показал Парфиянович (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 8об.). Более развернуто об этом эпизоде сказано в самом начале показаний Парфияновича: «В бытность мою в Могилеве, я познакомился с доктором Михаилом Оскерко в феврале 1863 г. который после уехал из Могилева в Вильно; насколько я мог заметить, то он еще в Могилеве участвовал в организации; в Могилеве же я получил от офицера Жуковского около 200 руб. сер. денег и адрес Баневич и Кондратовичевой в Вильно и лозунг, и который мне требовал чтобы я отправился в Вильно» (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 6.). Итак, не только адрес явочной квартиры, но и пароль «Кого любишь?» Парфиянович получил в Могилеве от некого причастного к восстанию офицера Жуковского. Но откуда взял этот пароль Жуковский?

Для ответа на этот вопрос необходимо идентифицировать упомянутого Парфияновичем офицера. К счастью, это несложно — благодаря работе, проделанной поколениями историков.

В 60-х годах XX века сотрудники Института славяноведения АН СССР провели гигантскую работу по созда-

нию справочника всех офицеров русской армии, прямо или потенциально причастных к революционному движению. В результате фронтального исследования архивных документов учеными были изучены десятки тысяч листов документов; результатом стал биобиблиографический словарь «Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов» (Дьяков 1967), включающий данные на две тысячи офицеров. Среди них только двое носят фамилию Жуковский; к Могилеву же имеет отношение один. Это Ян-Алоизий Жуковский, польский дворянин, до ухода в восстание служивший в русской армии поручиком 3-й батареи 1-й сводной резервной артиллерийской бригады (Дьяков 1967: 66, см. также: Дьяков 1963: 49).

Относительно недавно белорусский исследователь Д. Матвейчик опубликовал биографический словарь «Участники восстания 1863–1864 гг.», основанный на материалах белорусских архивов. В этом справочнике мы также находим лишь одного офицера Жуковского, причастного к восстанию на Могилевщине — того же самого Яна-Алоизия (Матвейчик 2016: 223). Исключительно о Я.-А. Жуковском говорится и в опубликованных сборниках документов о восстании (АМММ 1915; Восстание... 1965; Паўстанне 2014).

Численность причастных к восстанию 1863 г. на Могилевщине была невелика; общее число репрессированных в губернии составила 503 человек (Зайцев 1973, табл. 2); очевидно, что вероятность того, что в такой немногочисленной среде был еще ка-

кой-то, кроме Яна-Алоизия, офицер Жуковский, оставшийся неизвестным историкам, — близится к нулю. Нет никакого сомнения в том, что именно Я.-А. Жуковский был тем самым офицером, который передал Парфияновичу пароль «Кого любишь?»

Под псевдонимом «Коса» Я.-А. Жуковский был командиром одного из повстанческих отрядов, подчинявшихся военному начальнику Могилевского воеводства Людвигу Звездовскому («Топору»). По своей самоидентификации Жуковский, как и Звездовский, был поляком; агитируя крестьян, он утверждал, что «уже теперь в здешнем крае управление польского короля, русского же царя законы не имеют никакого значения» (Восстание... 1965: 483).

В ранее не вводившихся в научный оборот дополнительных показаниях Парфияновича отмечается, что «адрес в Вильно госпожи Баневич я получил еще в Могилеве, в конце апреля» (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 12). Биография Жуковского помогает значительно уточнить время этой встречи. Дело в том, что не позднее 22 апреля (4 мая) Жуковский находился в возглавляемом им повстанческом отряде в Чериковском уезде (Паўстанне 2014: 336). 24 апреля (6 мая) 1863 г. отряд «Косы» участвовал в нападении на г. Горки Могилевской губернии, через несколько дней, при попытке нападения на Кричев, отряд был разбит русскими войсками. Жуковский вернулся к своему командиру Звездовскому «сам друг, с проводником и печальным донесением» (Ратч 1867: 204), после чего, по некоторым данным,

выехал в Польшу (Дьяков 1963: 49; Восстание... 1965: 550). Таким образом, встретиться к Парфияновичем в Могилеве поручик мог не позднее 21 апреля (3 мая).

Вся известная информация о участии Я.-А. Жуковского к польскому национальному движению ограничивается периодом командования им повстанческим отрядом в апреле 1863 г. Его фамилия отсутствует как в «списке Огарева» (Нечкина 1953: 513–517), так и в «Алфавите лицам военного ведомства, замеченным в политических преступлениях и проступках» (Богданов, Дьяков 1960). Поручик, таким образом, не контактировал с подпольными организациями, действовавшими до начала восстания, и не мог иметь самостоятельной связи с повстанческим центром в Вильно. Получить адрес явочной квартиры в Вильно и пароль Жуковский мог только от своего непосредственного командира Звездовского.

Штабс-капитан Людвиг Звездовский, собственно, говоря был одним из главных организаторов подпольного движения в Вильно. Еще в 1861 г. он возглавил подпольную организацию «Комитет движения», которая летом 1862 г. была преобразована в «Литовский провинциальный комитет» (Кисляёв 1966: 120, 122–123). Однако осенью того же года власти что-то заподозрили — и перевели Звездовского на службу в Москву (Кисляёв 1966: 128); именно после этого главой Литовского провинциального комитета стал Константин Калиновский. Так что, когда началось восстание, штабс-капитан Звездовский остался не у дел;

только в конце марта 1863 г. он смог выхлопотать у военного начальства отпуск и 22 марта (3 апреля) отправился из Москвы в Вильно (Бикулич 1964: 96).

Приехав в Вильно, Звездовский лично встречался с также недавно прибывшим в город лидером восстания, офицером Генерального штаба русской армии З. Сераковским и обсуждал с ним военные планы (Бикулич 1964: 96). Звездовский также встретился с руководством Отдела, управляющего провинциями Литвы, от которого получил вырезанную в Варшаве печать военного начальника Могилевского воеводства (Штакельберг 1974: 223) и соответствующее назначение. 31 марта (12 апреля) 1863 г. Звездовский был в Санкт-Петербурге, где пытался вербовать в восстание офицеров польского происхождения, 3 апреля (15 апреля) — в Москве и в тот же день уехал в Могилев (Революционные связи... 1963: 264–265).

По всей видимости, вскоре после приезда Звездовского в Могилев ему понадобилось связаться с Вильно; подобрать курьера было поручено Жуковскому, который не позднее 21 апреля по юлианскому стилю передал согласившемуся на роль курьера Парфияновичу полученные от командира деньги, адрес явочной квартиры в Вильно и пароль.

Важно отметить, что упомянутые адрес и пароль Звездовский мог получить только во время своей поездки в Вильно в марте 1863 г. Следовательно, пароль для связи с Вильно был получен им не от Калиновского.

Дело в том, что в конце февраля 1863 г. в Вильно произошли события, в советской историографии получившие название «белого переворота». Руководитель Литовского провинциального комитета Калиновский был отстранен от руководства восстанием, которое перешло в руки Отдела, управляющего провинциями Литвы под руководством Якуба Гейштора. Калиновский же был назначен агентом Ковенского воеводства; соответствующее распоряжение было подписано Гейштором 14 (26) марта (*Sukilimas...* 2013: 192). Спустя полторы недели, 25 марта (6 апреля) 1863 г. Калиновский получил должность правительственного комиссара Гродненского воеводства (*Sukilimas...* 2013: 193).

Неизвестно, выехал ли Калиновский в Гродно сразу же после получения должности агента, или только после получения должности комиссара. Если верен первый вариант, то Калиновский вообще не имел возможности встретиться со Звездовским во время его пребывания в Вильно. Если же Калиновский уехал в Гродно после 25 марта, то со Звездовским он встретиться теоретически мог — но пароли, которые тогда Калиновский мог бы дать штабс-капитану, были бы не в Вильно, а в Гродно. Стоит также отметить, что, судя по всему, особо доверительных отношений между Звездовским и Калиновским не было (*Ратч* 1867: Введение, 184–185).

Следовательно, пароль «Кого любишь?» был получен Звездовским от руководства Отдела, управляющего провинциями Литвы — тех самых «белых», которые отстранили Кали-

новского от руководства восстания и назначили «Топора» военным начальником Могилевского воеводства.

Как видим, к паролю «Кого любишь? — Люблю Беларусь! — Так взаимно» Калиновский абсолютно никакого отношения не имел, а имели отношение к этому паролю «белые» во главе с Якубом Гейштором. Заподозрить в Гейшторе и его сподвижниках белорусов или глашатаев «белорусской национальной идеи», мягко говоря, затруднительно. Слово «Белорусь» в пароле упоминалось чисто в территориальном, а не в национальном смысле — ведь пароль был дан для связи с Вильно повстанцам, собиравшимся действовать в белорусской (Могилевской) губернии. Стоит, между прочим, отметить, что в пароле использовалось именно слово «Белорусь» (а не «Беларусь») — на следствии Парфиянович трижды цитировал этот пароль и все три раза именно в таком написании (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 8об., 13, 69).

Прояснение истории пароля «Кого любишь? — Люблю Беларусь! — Так взаимно» позволяет нам понять и реакцию Ю. Баневич, которая, по словам Парфияновича, «встревожилась», «не отвечала мне на лозунг» и «просила обратиться к кому-либо другому». Парфиянович связал испуг связанной с недавним арестом одного из помощников Калиновского Титуса Далевского (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 8об.), однако гораздо более вероятно, что Баневич испугалась незнакомого человека, который в конце декабря пришел к ней с паролем, выданным в конце марта. За прошедшие месяцы пароль явно поменялся и, скорее всего, не один раз.

Когда Парфиянович 25 декабря 1863 г. все-таки встретился с Калиновским, ему выдали актуальный пароль, действовавший на явочной квартире Баневич. Вот как это описывается в показаниях Парфияновича: «Через несколько времени явился господин, около 24 лет, небольшого роста, светлорусый, бледный, худощавый (для чтения надевает очки), которого Калиновский отрекомендовал мне экспедитором. Калиновский вскоре ушел, пришедший же господин... сообщил мне новый лозунг "который день", адреса Баневич и княжны Огинской (в доме Длукшы, название переулка не помню), наконец был рецепт симпатических чернил» (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 9об.). Парфиянович дважды упомянул пароль «который день» и в последующих показаниях (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 14 — 14об., 211), но, к сожалению, опять не привел его полный текст. К счастью, мы знаем этот пароль по следственным показаниям другого польского подпольщика, доктора Людвика Дзичковского.

В октябре 1863 г. Дзичковский был назначен подпольным гражданским начальником Ковенского воеводства; его предшественник передал Дзичковскому не только дела, но и контакты для прямой связи с Калиновским и Титусом Далевским. На следствии Дзичковский показал: «Для возможности же сообщения с ними оставлен мне Краевским адрес следующего рода: посланный из Ковно (полагаю, и из других мест) должен обратиться в Вильне в Бернардинский переулок в дом № 147 и спросить девицу Ванду Купсць (Kurść) и сказать лозунг: "Который сегодня

день?", и когда скажут, например, вместо четверга двумя днями раньше, т.е. "вторник", то отвечающий должен назвать двумя днями позже, таким образом: "Нет, не вторник, а суббота". По этому условному знаку посланный будет принят и для свидания по делу в назначенное время и место явится Калиновский или Далевский, но скорее последний» (Калинойски 1999: 197).

Дзичковского арестовали 30 ноября (12 декабря) 1863 г., 5 (17) декабря он дал процитированные выше показания, а на следующий день уточнил: «Помимо сказанного адреса на имя Купсць, припоминаю, что при получении однажды корреспонденции из Вильно доставлен был адрес, как мне тогда сказали, более вероятный, а именно на Скопувке (дом, кажется, Стырнейки, а, впрочем, может быть и другой фамилии, у ворот лавочка и из-под ворот ход вправо), спросить г-жу Кондратович, жену покойного поэта Сырокомли» (Калинойски 1999: 197).

Полиция немедленно воспользовалась полученным паролем и адресом, и 8 (20) декабря на квартире Паулины Кондратович был арестован вызванный для встречи Титус Далевский (Кісялёў 1966: 174); достоверность показаний Парфияновича, таким образом, блестяще подтвердилась. Через несколько дней, 10 (22) декабря Далевскому удалось написать в тюрьме письмо своей невесте Елене Ямонт, в котором описывались обстоятельства ареста и говорилось о «предательстве доктора Дзичковского» (Герасімчык 2016). Письмо это было передано на волю нелегально.

Судя по всему, информация из письма Далевского дошла до Калиновского уже после католического рождества. Об этом свидетельствует тот факт, что 14 (26) декабря Калиновский передал Парфияновичу пароль «Который сегодня день?» Совершенно очевидно, что в этот момент Калиновский не знал о том, что передаваемый пароль уже известен властям. Однако после получения информации о «предательстве доктора Дзичковского», Калиновский принял решение изменить и пароли, и явки, и нелегальные «почтовые ящики». Прямое указание на это содержится в протоколе допроса комиссара Минского воеводства Юзефа Ямонта, встречавшегося с Калиновским в те же рождественские дни, что и Парфиянович: «Калиновский обещал вскоре через кого-нибудь едущего в Минск прислать адреса корреспонденциям из Минска и Могилева, а(д)ресы в Вильне для личных свиданий, переменяв сигнал и лозунг между Вильном и Минском» (Восстание... 1965: 452).

Новый пароль и адреса для связи с Вильно Парфиянович должен был получить через Ямонта уже в Минске, однако к январю 1864 г. адреса и пароли из Вильно не пришли; об этом свидетельствуют как следственные показания (Восстание... 1965: 452; LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 594. Л. 10об), так и опись исходящих документов Калиновского (LVIA. Ф. 378. Оп. 158. Д. 16. Л. 91об.). Какими могли быть эти новые пароли — навсегда останется загадкой. Как Ямонт, так и Парфиянович были вскоре арестованы; благодаря показаниям последнего был задержан и Калиновский.

Нам уже приходилось отмечать, что следственные показания необходимо проверять, привлекая независимые источники (Дюков 2018: 84). Хотя это замечание делалось при описании методики источниковедческого исследования следственных дел сталинской эпохи, оно, безусловно, верно и для более раннего периода. Проведенная проверка показывает, что показания Парфияновича обладают высокой достоверностью и точностью, однако та их часть, которая касается пароля «Кого любишь?», была превратно истолкована историками.

В показаниях Парфияновича нет никаких указаний на то, что указанный пароль был хоть как-то связан с Калиновским или его близким кругом. Внимательное изучение показаний Парфияновича и их историческая контекстуализация показывает, что Калиновский к паролю — «Кого любишь? — Люблю Белорусь. — Так взаимно» — не имеет никакого отношения. Пароль был установлен отстраненными Калиновского от власти «белыми» лидерами Отдела, управляющего провинциями Литвы для связи с Могилевским воеводством. Вне всякого сомнения, использованное в пароле слово «Белорусь» имело не национальное и не идеологическое, а лишь географическое измерение, — ведь пароль этот предназначался для повстанцев, действовавших в белорусских губерниях.

Каким в октябре — декабре 1863 г. был настоящий пароль, при помощи которого можно было договориться о встрече с Калиновским или его ближайшим помощником, известно как из показания Парфияновича, так

и из независимого источника — следственных показаний Дзичковского, также чрезвычайно достоверных. Пароль звучал следующим образом: «Который сегодня день? — Вторник. — Нет, не вторник, а суббота». Усмотреть в этом пароле хоть что-то, связанное с каким бы то ни было национальным выбором, не представляется возможным. Кстати говоря, вопреки заблуждениям об использовании Калиновским белорусского языка в повседневной деятельности, произносился пароль по-польски: его запись на языке оригинала несколько раз приводится в следственных документах из дела держательницы явочной квартиры П. Кондратович и выглядит следующим образом: «który dziś dzień mamy» (LVIA. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 246. Л. 8об., 9об., 78).

Заблуждения, связанные с личностью Константина Калиновского, в том числе с его национальностью и/или национальной самоидентификацией, так давно и прочно закрепились в историографии, что стали восприниматься как «общеизвестные факты». История с паролем «Кого любишь? — Люблю Беларусь. — Так взаимно» наглядно показывает, что заблуждения эти в первую очередь порождены недостаточным владением историческим материалом, неумением анализировать и контекстуализировать содержащуюся в источниках информацию, пренебрежением источниковедческим инструментарием.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas; Государственный исторический архив Литвы.

Sukilimas... 2013–1863–1864 metų sukilimas Lietuvoje / Sud. A. Bieliūnienė, B. Kulnytė, R. Subatniekienė. Vilnius, 2013.

Абламейка 2021 — *Абламейка* С. Каліноўскі быў беларусам. Даказаць адваротнае немагчыма // «Радые Свабода», 22.03.2021.

АМММ 1915 — Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Вильна, 1915.

Бикулич 1964 — *Бикулич В.Б.* Воспоминания А. Сераковской (Далевской) и другие материалы о З. Сераковском в ЦГИА Литовской ССР // К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». Сборник статей и материалов о восстании 1863 г. М., 1964.

Богданов, Дьяков 1960 — *Богданов Г.В., Дьяков В.А.* Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1863–1863 гг. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов. М., 1960.

Восстание... 1965 — Восстание в Литве и Белоруссии, 1863–1864 гг.: Сборник документов / Редколл. В. Дьяков, В. Жигалов, Ю. Жюгжда, С. Кеневич и др. М., 1965.

Герасімчык 2016 — *Герасімчык В.У.* «Дзяліў з маёй сям’ёй яе вялікую нядолю»: пра Цітуса Далейскага, героя паўстання 1863 // Наша Ніва. 2016. 7 студзень.

Голубеў 2013 — *Голубеў В.Ф.* Люблю Беларусь! Пароль паўстанцаў 1863–1864 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 12.

Дьяков 1963 — *Дьяков В.А.* Герцен, Огарев и комитет русских офицеров в Польше // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. (Т. III.) М., 1963.

Дьяков 1967 — *Дьяков В.А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов

(Биобиблиографический словарь). М., 1967.

Дюков 2018 — Дюков А. Р. К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3.

Зайцев 1973 — Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.

Каліноўскі 1999 — Каліноўскі К. За нашу вольнасць: творы, дакументы / Уклад., парадм., паслясл., камент. Г. В. Кісялёва. Мінск, 1999.

Кісялёў 1966 — Кісялёў Г. В. Летапіс жыцця і дзейнасці Кастуся Каліноўскага // Кісялёў Г. В. З думай пра Беларусь: Даследаванні і знаходкі з гісторыі беларускай літаратуры і рэвалюцыйнага руху другой паловы XIX стагоддзя. Мінск, 1966.

Кісялёў 2016 — Кісялёў Г. В. Нацыянальная ідэя ў Каліноўскага // Кісялёў Г. В. Выбранае. Мінск, 2016.

Мальдис 2019 — Мальдис: Говорил бы «польский националист» Калиновский «Люблю Беларусь»? // «Еврорадио», 19.01.2019.

Матвейчык 2016 — Матвейчык Дз. Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (пагодле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2016.

Нечкина 1953 — Новые материалы о революционной ситуации в России (1959–1961 гг.). Статья и публикация М. Нечкиной // Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. (Кн.) I. М., 1953.

Паўстанне 2014 — Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / Уклад. Дз. Ч. Матвейчык. Мінск, 2014.

Революционные связи... 1963 — Русско-польские революционные связи / Ред-

колл. В. Дьяков, С. Кеневич, И. Миллер, Т. Снытко. М., 1963. Т. 1.

Ратч 1867 — Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Собрал Василий Ратч. Т. I. Вильна, 1867.

Смирнов 1959 — Смирнов А. Ф. Кастусь Калиновский. М., 1959.

Штакельберг 1974 — Штакельберг Ю. И. Структура повстанческой организации 1862–1864 гг. по данным сфрагистики (на территории, охваченной вооруженным восстанием) // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в.: сборник статей и материалов. М., 1974.

REFERENCES

LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas.

Ablamejka 2021 — Ablamejka S. Kalinoŭski byŭ belarusam. Dakazac' advarotnae nماغchyma// «*Radyjo Svoboda*», 22.03.2021.

AMMM 1915 — Arhivnye materialy Murav'evskogo muzeya, odnosyashchiesya k pol'skomu vosstaniyu 1863–1864 gg. v predelah Severo-Zapadnogo kraja. Ch. 2. Vil'na, 1915.

Bikulich 1964 — Bikulich V. B. Vospominaniya A. Serakovskoj (Dalevskej) i drugie materialy o Z. Serakovskom v CGIA Litovskoj SSR // *K stoletiyu geroicheskoj bor'by «za nashu i vashu svobodu»*. *Sbornik statej i materialov o vosstanii 1863 g.* М., 1964.

Bogdanov, D'yakov 1960 — Bogdanov G. V., D'yakov V. A. Alfavit uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya v russkoj armii za 1863–1863 gg. // *Vosstanie 1863 g. i russko-pol'skie revolyucionnye svyazi 60-h godov. Sbornik statej i materialov.* М., 1960.

D'yakov 1963 — D'yakov V. A. Gercen, Ogarov i komitet russkih oficerov v Pol'she // *Revolucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg.* (Т. III.) М., 1963.

D'yakov 1967 — D'yakov V. A. *Deyateli russkogo i pol'skogo osvoboditel'nogo dvizhe-*

niya v carskoj armii 1856–1865 godov (Bio-bibliograficheskij slovar'). M., 1967.

Dyukov 2018 — Dyukov A. R. K voprosu o dopustimosti ispol'zovaniya sledstvennyh pokazanij, poluchennyh organami OG-PU-NKVD // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2018. № 3.

Zajcev 1973 — Zajcev V.M. *Social'no-slovnij sostav uchastnikov vosstaniya 1863 g. (Opyt statisticheskogo analiza)*. M., 1973.

Gerasimchyk 2016 — Gerasimchyk V. U. «Dzyaliŭ z mayoj syam'voj yae vyalikuyu nyadolyu»: pra Citusa Daleŭskaga, geroya paŭstannya 1863 // *Nasha Niva*. 2016. 7 studzen'.

Golubeŭ 2013 — Golubeŭ V. F. Lyublyu Belarus! Parol' paŭstancaŭ 1863–1864 gg. // *Belaruskij gistorychny chasopis*. 2013. № 12.

Kalinoŭski 1999 — Kalinoŭski K. *Za nashuyu vol'nasc': tovy, dakumenty* / Uklad., paradm., paslyasl., kament. G.V. Kisyalova. Minsk, 1999.

Kisyaloyŭ 1966 — Kisyaloyŭ G. V. Letapic zhyccya i dzejnasci Kastusya Kalinoŭskaga // *Kisyaloyŭ G. V. Z dumaj pra Belarus': Dasledavanni i znahodki z gistoryi belaruskaj litaratury i revalyucyjnaga ruhu drugoj palovy XIX stagoddzya*. Minsk, 1966.

Kisyaloyŭ 2016 — *Kisyaloyŭ G. V. Nacyyanal'naya ideya ŭ Kalinoŭskaga // Kisyaloyŭ G. V. Vybranae*. Minsk, 2016.

Mal'dis 2019 — Mal'dis: Govoril by «pol'skij nacionalist» Kalinovskij «Lyublyu Belarus'»? // «*Euroradio*», 19.01.2019.

Matvejchyk 2016 — Matvejchyk Dz. *Udzel'niki paŭstannya 1863–1864 gadoŭ:*

biyagrafichny slojnik (pavodle materyjalaj Nacyyanal'naga gistorychnaga arhiva Belarusi). Minsk, 2016.

Nechkina 1953 — Novye materialy o revolyucionnoj situacii v Rossii (1959–1961 gg.). Stat'ya i publikacija M. Nechkinoj // *Literaturnoe nasledstvo*. T. 61: Gercen i Ogarev. (Kn.) I. M., 1953.

Paŭstanne 2014 — *Paŭstanne 1863–1864 gadoŭ u Vicebskaj, Magilyoŭskaj i Minskaj gubernyah: dakumenty i materyjaly Nacyyanal'naga gistorychnaga arhiva Belarusi* / Uklad. Dz. Ch. Matvejchyk. Minsk, 2014.

Ratch 1867 — Ratch V.F. *Svedeniya o pol'skom myatezhe 1863 goda v Severo-Zapadnoj Rossii*. Sobral Vasilij Ratch. T. I. Vil'na, 1867.

Revolucionnyye svyazi... 1963 — *Russko-pol'skie revolyucionnyye svyazi* / Redkoll. V. D'yakov, S. Kenevich, I. Miller, T. Snytko. M., 1963. T. 1.

Shtakel'berg 1974 — Shtakel'berg YU.I. *Struktura povstancheskoj organizacii 1862–1864 gg. po dannym sfragistiki (na territorii, ohvachennoj vooruzhennym vosstaniem) // Obshestvenno-politicheskie dvizheniya v Central'noj Evrope v XIX — nachale XX v.: sbornik statej i materialov*. M., 1974.

Smirnov 1959 — Smirnov A. F. *Kastus' Kalinovskij*. M., 1959.

Sukilimas... 2013–1863–1864 metų sukilimas Lietuvoje / Sud. A. Bieliūnienė, B. Kulnytė, R. Subatniekienė. Vilnius, 2013.

Vosstanie... 1965 — *Vosstanie v Litve i Belorussii, 1863–1864 gg.*: Sbornik dokumentov / Redkoll. V. D'yakov, V. Zhigalov, Yu. Zyugzda, S. Kenevich i dr. M., 1965.

М.В. Новикова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ ФРГ И ОБЪЕДИНЁННОЙ ГЕРМАНИИ

Источниковой основой для данной статьи послужили более 50 фильмов, вышедших в ФРГ и объединённой Германии, начиная с послевоенного времени и до настоящего момента, что позволило проследить, какую версию прошлого конструировал западногерманский кинематограф. Кино является информативным источником знаний о человеке и обществе, его многослойность помогает вычленивать латентную информацию о том времени, в которое фильм был снят, о соответствующем культурно-историческом контексте. В ходе исследования анализировались те фильмы, которые вызвали дискуссии в обществе, имели широкую зрительскую аудиторию, а значит, могли влиять на формирование коллективной памяти немцев о Второй мировой войне.

Ключевые слова: западногерманский кинематограф, военные фильмы в ФРГ, Вторая мировая война, Восточный фронт, советские лагеря военнопленных, коллективная память немцев, жертвенный нарратив, национал-социализм

Сведения об авторе: Новикова Марина Валентиновна, кандидат исторических наук, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Контактная информация: marina.novikova@mail.ru

M. V. Novikova

CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE SECOND WORLD WAR IN THE CINEMA OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY BEFORE 1990 AND OF THE CONTEMPORARY UNITED GERMANY

The source basis for this article was more than 40 films released in the Federal Republic of Germany before 1990 and in the united Germany, starting from the

post-war period and up to the present, which allowed us to trace which version of the past was constructed by West German cinema. Cinema is an informative source of knowledge about a person and society, its layering helps to get latent information about the time when the film was made, its cultural and historical context. In the study those films were analyzed that caused discussions in society, had a wide audience, and therefore could influence the formation of the collective memory of Germans about the Second World War.

Keywords: West German cinema, war films in Germany, World War II, collective memory of Germans, sacrificial narrative, traumatic past, nationalsozialismus

About the author: Novikova Marina, Cand. In History Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Contact information: marina.novikova@mail.ru

РОССИЯ, ПЛЕН, СТРАДАНИЯ — ФИЛЬМЫ О ВОЙНЕ В ЭПОХУ АДЕНАУЭРА

Первый художественный фильм о крушении Третьего рейха снимался, когда Германия ещё лежала в руинах после проигранной войны. Картина «Убийцы среди нас» (*Die Mörder sind unter uns*, реж. В. Штаудте), снятая на студии ДЕФА, вышла на экраны в 1946 году. Даже декорации были не нужны, немцы увидели на экранах то, что у каждого и так было перед глазами: разрушенные города, люди в оборванной одежде, борющиеся за своё ежедневное выживание, духовно и физически разбитые солдаты, возвращающиеся с фронта. Таков и главный герой фильма — врач Ганс Мертенс, считавшийся при Гитлере «попутчиком». Он случайно встречает своего бывшего командира, который в рождественский сочельник 1942 года отдал приказ в качестве расплаты за действия партизан расстрелять где-то на Востоке — в Польше или Советском Союзе — мирных жителей: женщин, детей, стариков. Эти совершённые на войне преступления не помешали командиру очень быстро стать

преуспевающим бизнесменом, а сам врач всё это время заливал душевные раны алкоголем. И тогда Мертенс решает восстановить справедливость. Меч возмездия успела остановить его новая знакомая, вернувшаяся из концлагеря Сюзанна Вальер, убедив, что «у него нет права выносить приговор». Мертенс отказался от самосуда, но остался при том мнении, что «не имея права выносить приговор, они обязаны выдвигать обвинения и требовать расплаты от лица миллионов загубленных жизнью».

Фильм имел колоссальный успех и огромную аудиторию, но его главный призыв, как писал автор расследования об «охотниках на нацистов» Эндрю Нагорски, к сожалению, остался не услышанным; союзники, проведя первые суды, отвлеклись на Холодную войну, а немцы постарались побыстрее забыть о недавнем прошлом (*Нагорски 2017:16*).

В послевоенный период партнёром ХДС по правящей коалиции время от времени становилась Свободная демократическая партия (СвДП), в рядах которой было много бывших

нацистов среднего уровня, и, конечно, они ни коим образом не были заинтересованы в том, чтобы слишком углубляться в изучение прошлого. Оппозиционные социал-демократы подчёркивали свою антифашистскую ориентацию, представляя себя в качестве стороны, в нравственном отношении имеющей право говорить от имени новой демократической Германии. Поэтому, как отмечает немецкий историк Ш. Бергер, «при отсутствии партийно-политического давления, имеющего целью побудить население Германии вести себя в отношении национал-социалистического прошлого более откровенно и самокритично, многие западные немцы даже в 1950-е годы внутренне по-прежнему были убеждены в том, что Гитлер — величайший государственный деятель в истории Германии, просто окружавшие его помощники давали ему неверные советы» (Бергер 2012:35).

Студия ДЕФА вошла в советскую зону оккупации и продуктивно работала на протяжении всей истории ГДР, а западногерманский кинематограф обратился к военной тематике во второй половине 1950-х. К этому времени в обществе уже сложилось определённое представление о войне, которое базировалось на рассказах военнопленных, возвращавшихся из советских лагерей, мемуарах германских генералов и многочисленных выпусках «солдатских историй» карманного формата, которые с 1949 года наводнили читательский рынок в ФРГ. Масштабные злодеяния вермахта в них, конечно, упомянуть забыли. Так что 5 апреля 1951 года федеральный канцлер Конрад Аденауэр, выступая в бундестаге, заявил:

«Среди военнослужащих число тех, кто действительно виновен, столь невелико, столь незначительно, что это не наносит какого-либо ущерба чести бывшего вермахта» (Борозняк 2014:41).

После подобных деклараций легенда о «чистом вермахте» обеспечила себе непоколебимые позиции в исторической памяти западных немцев на несколько десятилетий вперёд, вплоть до 1990-х, когда их пошатнула выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 годах». «То, что она продемонстрировала — фотографии военнослужащих вермахта, расстреливающих и вешающих солдат и гражданских жителей, — высветило повседневность войны, о которой вернувшиеся фронтовики не упоминали в своих рассказах» (Ассман 2022:134).

Но это будет уже в объединённой Германии, а в 1950-е годы западногерманский кинематограф создавал положительный образ немецких солдат. На этот период пришёлся настоящий бум военных фильмов. В немецкой историографии побудителем к нему называют 1952 год, когда Конрад Аденауэр выступил перед Бундестагом с «Публичным извинением за всех немецких солдат», «которые на земле, в воздухе и на воде воевали во время Второй мировой войны». Параллельно с созданием бундесвера, принятием ФРГ в НАТО и вооружением, для которых срочно потребовался опыт «старых» офицеров и солдат, в западногерманском кино начался бум военных фильмов. Это соответствовало не только общеполитической погоде, но и широко

распространённой заинтересованности публики, которая в кино искала, по крайней мере, частичного оправдания своей позиции, согласно которой в прошлом не всё было сделано не верно (Шенк 2010:850).

Вот лишь несколько фильмов, вышедших в это время:

— «Врач из Сталинграда» (Der Arzt von Stalingrad, 1958, реж. Геца фон Радвани);

— «Тайга» (Taiga, 1958, реж. Вольфганг Либенайер);

— «Чёрт играл на балалайке» (Der Teufel spielte Balalaika, 1961 г, реж. Леопольд Лагола);

— «Акулы и мелкие рыбёшки» (Haie und kleine Fische, 1957, реж. Франк Висбар);

— «Лис Парижа» (Der Fuchs von Paris, 1957, реж. Пол Мэй);

— «Собаки, вы хотите жить вечно» (Hunde, wollt ihr ewig leben, 1959, режиссёр Франк Висбар);

— «Ночь над Готенхафеном» (Nacht fiel über Gotenhafen 1960, Франк Висбар);

— «Мост» (Die Brücke, 1959, реж. Бернхард Викки).

Действие в первых трёх картинах происходит в Сибири, в лагерях для военнопленных. Их отличительная черта заключается в том, что немцы в них вызывают симпатию, смотрятся лучше и благороднее своих надзирателей. И больше похожи не на завоевателей, а на жертв Красной Армии. Большинство сценариев военных фильмов опиралось на книги, авторы которых сами прошли войну, а в некоторых у главных героев

были прототипы среди солдат вермахта. Как, например, благородному и жертвенному хирургу в фильме «Врач из Сталинграда» прообразом послужил врач вермахта Оттмар Колер, попавший под Сталинградом в плен на 11 лет, и которого во время его возвращения оттуда в канун 1953 года, на вокзале Кельна встречал канцлер Конрад Аденауэр (WDR:2008).

О жестокости вермахта в фильме ни слова, точнее, всего четыре слова. Лагерный врач Александра Касалинская говорит: «Вы разрушили полвину России и теперь вы плачете, потому что должны восстановить её».

В советском посольстве в ФРГ тщательно отслеживали всё, что выходило в книгах и на экране о прошедшей войне. После выхода очередного фильма советник посольства СССР в ФРГ Н. Твердохлебов пишет в Москву, что встречался с представителями немецкого МИДа, говорил с ними о том, что эти фильмы злонамеренно извращают положение военнопленных в Советском Союзе, на что западногерманские коллеги ему отвечали, что «условия пребывания немецких солдат и офицеров в СССР были тяжёлыми и несравнимыми с условиями пребывания в западных странах»¹.

В Германии тоже не все соглашались с конструируемым на экране образом войны. Оценивая то, как она показана в фильме «Парижский лис», Д. Кульбродт писал в 1958 году: «Это был протест “не против войны, а (...) против безумия войны, которую уже

¹ ГА РФ Ф. Р-9518. Оп.1. Д.250. Л.4.

нельзя было выиграть" (...) Интриги офицеров основываются не на сомнениях в Гитлере, а на сомнениях в его тактике...». По мнению Р.Шенка, точно такую же характеристику, при незначительных различиях, можно отнести ко всему западногерманскому военному кино тех лет (Шенк 2010:850).

«ПАПИНО КИНО МЕРТВО»

В 60-е годы политический климат в ФРГ заметно изменился, что не замедлило сказаться и на культурной повестке. Известный литературный критик Западной Германии М. Райх-Раницкий писал об этом времени: «Сколь бы несерьезными, а иногда даже отталкивающими ни были некоторые манифестации нового политического движения, ассоциирующегося с 1968 годом и часто производившего впечатление чего-то путаного, они все-таки — и в этом их историческая заслуга — добились начала давно назревшего процесса осмысления в общественной жизни Федеративной республики феномена Третьего рейха, прежде всего национал-социализма» (Райх-Раницкий 2002:422).

В кинематографе к этому процессу приложили свою руку и представители нового молодого кино. В мае 1962 года «бунтари из Оберхаузена», 26 кинорежиссёров, сценаристов, операторов и актёров, провозгласили манифест нового кино, в котором задекларировали, что «старое папино кино мертво». Новый взгляд на войну «сбил» волну жертвенного нарратива в кинематографе. Картинами «большой войны», катастрофой на

восточном фронте «молодое немецкое кино» практически не интересовалось. Им важнее было разобраться в природе нацизма и в том, как устроились бывшие нацисты и попутчики в послевоенном западногерманском обществе.

На умонастроения молодых режиссёров влияли события, заставлявшие смотреть на нацистское прошлое под новым углом зрения. Достаточно назвать лишь несколько основных дискуссий, будораживших западногерманское общество в шестидесятые годы: вокруг судебного процесса, проходившего во Франкфурте (1963–1965 г.) в отношении надзирателей Освенцима (*der zweite Auschwitz-Prozess*); в связи с похищением и судом над Эйхманом (1961); исторический спор вокруг книги Фрица Фишера «Рывок к мировому господству» (1961) и ряда литературных событий, таких как выход в свет романа Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» (1959) и пьесы Рольфа Хоххута «Наместник» (1963). Всё это влияло на формирование в коллективной памяти западных немцев компонента об ответственности за преступления обычных немцев во время войны.

Гюнтер Грасс выступал против популярных тогда заверений политиков о том, что национал-социализм — это явление, навязанное немецкому народу: «Все делали вид, что пришли какие-то духи и заморочили голову бедному немецкому народу. Но я-то знал из своего юношеского опыта, что это — неправда. Всё произошло среди белого дня». Об этом и его самая известная книга «Жестяной барабан», вышедшая в свет в 1959 году.

Книга, показавшая, что вся немецкая нация виновна в преступлениях национал-социализма, принесла Грассу мировую славу, но вызвала жесточайшую критику на родине писателя. В 1965 г. в Дюссельдорфе группа фашиствующей молодежи подвергла её публичному сожжению.

На молодых кинематографистов в это время большое влияние оказывает также писательская «Группа 47», известная своими левыми взглядами и непримиримой критической позицией в отношении ремилитаризации Западной Германии и оправдания фашизма. Основатель группы Г. В. Рихтер вспоминает, как в Мюнхене к нему подошёл идеолог нового немецкого кино Александр Клюге и попросил пригласить молодых режиссёров на литературные встречи «Группы 47», «Клюге надеялся получить новые импульсы, надеялся на сотрудничество с молодыми авторами...хотел привлечь к работе в кино профессиональных писателей» (*Зачевский* 2020:294).

Действительно, на экраны стали выходить фильмы по книгам и сценариям Г. Бёлля, Г. Грасса. Но при всей свежести нового немецкого кино переворот в историческом сознании немцев в отношении «окончательного решения еврейского вопроса» произвёл американский фильм «Холокост». Общество немецкого языка объявило «Холокост» «словом 1979 года».

Правда, очень скоро политические элиты устали от постоянного «преодоления прошлого», они хотели видеть такую картину немецкой истории, которая не была бы отягощена

«нацистским прошлым». С высоких трибун вновь и вновь раздавались призывы покончить с «неуважением к доблестным солдатам рейха». В октябре 1984 г. председатель Бундестага Райнер Барцель в день своего ухода с поста выступил по телевидению и помянул немцев, ставших жертвами войны и «изгнания», отдал долг чести немецким офицерам, воевавшим на фронтах Второй мировой (*Нитхаммер* 2012: 469). Частью исторической политики стало формирование нового монументального нарратива: в июне 1986 года, к 45-летию с момента нападения нацистской Германии на Советский Союз, в Бонне, около бундестага, был сооружен памятник всем погибшим на войне. Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггер сказал про новый памятник: «Всем, кто был убит. Не упоминая ни имени, ни убеждений. Да и неизвестно, кто был убийцей, а кто — жертвой. Почтить надо особенно немецких солдат, их моральный уровень, честные убеждения, безукоризненное поведение. Знаю, о них говорят и другое, но я не допущу никаких оскорблений» (*Новикова* 2020:167).

Одним из компонентов в кампании возвращения гордости за страну снова становится кинематограф. В 1984 г. на немецком телевидении демонстрируется сериал Эдгара Рейца «Родина», в котором история Германии показана с патриотических позиций. В ней, кроме 12 мрачных лет нацизма, было немало страниц, которыми можно гордиться: дорогой сердцу традиционный жизненный уклад, семейные ценности. Сериал стал настолько популярным, что 13 его серий показывали в кинотеатрах.

А что касается военной тематики в кинематографе, то в 1980 г. выходит самый дорогой на тот момент западногерманский фильм с обилием сцен «action» «Подводная лодка» Вольфганга Петерсена по роману Лотара Гюнтера Буххайма. Рецензируя его, историки кино Ханс Гюнтер Пфлаум и Ханс Хельмут Принцлер критически обобщили: «Какой, правда, смысл в том, чтобы, вложив 25 миллионов марок, показать немецких солдат на подводной лодке скорее невинными жертвами, чем преступниками, на это постановка Петерсена не смогла ответить» (*Шенк 2010:865*).

«ЭТО ПРАВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ. ОНИ БЕРУТ ЖЕНЩИН И ВЕЩИ»

Эти слова принадлежат главной героине фильма «Германия. Бедная мать» (*Deutschland, bleiche Mutter*, реж. Хельма Сандерс-Брамс). Она произнесла их после того, как на глазах дочери её изнасиловали американские солдаты. Фильм вышел на экраны в 1980 году, но эта цитата подошла бы к описанию немецкого кинематографа начала нового тысячелетия, когда тема изнасилования немецких женщин начала активно присутствовать в военных фильмах, являясь частью жертвенного дискурса, ставшего основным в немецком обществе.

В это время произошёл «бум травматичных воспоминаний». Триггером к нему послужил выход в 2002 году книги Гюнтера Грасса «Траектория краба» о гибели лайнера «Вильгельм Густлофф». В Германии произошел поворот в «эмоциональной и мемо-

риальной культуре», «память о трагедиях, пережитых немцами пятьдесят восемь лет назад, вновь заявила о себе с неожиданной и неведомой ранее силой» (*Ассман 2018:205*).

Возможно, такая готовность немецкого общества говорить о собственных страданиях стала реакцией на исторические дебаты, сотрясавшие его всю вторую половину 1990-х. С марта 1995 по ноябрь 1999 года в 32 городах ФРГ была представлена уже упомянутая выше документальная экспозиция «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 годах». Как писала А. Ассман, «выставка преодолела порог чувствительности, который защищал немецкое общество в послевоенные годы. Она развенчивала не только миф о незапятнанном вермахте, но и защищавший послевоенное немецкое общество тезис о том, будто оно ничего не знало о преступлениях» (*Ассман 2022:135*).

В 1996 году вышла провокационная книга гарвардского учёного Д. Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера», утверждавшая, что простые немцы активно участвовали в нацистских преступлениях против евреев в силу присущего немецкому народу «уничтожающего антисемитизма». Под занавес столетия развернулись споры вокруг установления памятника жертвам Холокоста в центре Берлина. Такой всплеск общественных дискуссий о преступлениях в годы национал-социализма повлёк за собой не меньший бум травматичных воспоминаний. Журнал «Der Spiegel» констатировал: «Пришло время, когда просто не годится дискутировать только о нацистском

терроре, оставляя в стороне собственные беды» (Spiegel 2002).

В отличие от первой волны 1950-х годов, в центре жертвенного дискурса теперь уже находились не военнопленные солдаты вермахта в сибирских лагерях, хотя такой сюжет ещё присутствует («Побег из Гулага», *So weit die FüÙe tragen*, 2001 г.), а гражданское население Германии на последнем этапе войны. В немецком жертвенном нарративе три основных компонента: гибель мирных людей во время бомбардировок союзников, принудительная депортация немцев из восточных земель и изнасилование немецких женщин. Все они были отражены в немецком кинематографе начала нового тысячелетия, в котором поднялась волна популярности военных фильмов. Один за другим выходят фильмы: «Дрезден» (*Dresden*, 2006, реж. Роланд Сузо Рихтер), «Бегство. Марш миллионов» ("*Die Flucht*" 2007, реж. К. Вессел), «Безымянная. Одна женщина в Берлине» (*Anonyma — Eine Frau in Berlin*, 2008, реж. М. Фэрбербёк), «Густлофф» (*Die Gustloff*, 2008, реж. И. Фильсмайер) и др.

Фильм «Дрезден» был вдохновлен книгой Йорга Фридриха «Пожар», которая вышла в 2002 году и сразу же стала бестселлером, изменив мемориальный ландшафт Германии. Она впервые освещала тему бомбардировок с точки зрения немцев, переживших их на земле, автор представил воздушную войну союзников как «войну на уничтожение» немецкого гражданского населения и немецкой культуры (Ассман 2018: 202).

Перед выходом картины «Безымянная. Одна женщина в Берлине»

британская *The Times* писала: «Этот фильм наверняка шокирует Германию, разбередит обиду на русских и станет толчком к диспуту о морали на войне» (Новикова 2021:122). В основе сюжета — история 34-летней журналистки Марты Хиллерс, подвергшейся изнасилованию со стороны солдат Красной Армии. Начиная с 20 апреля до 22 июня 1945 года она ведёт дневник, в котором фиксирует всё происходящее с немецкими женщинами и все свои переживания, в том числе и такие прагматичные решения, как найти русского офицера высокого ранга, который смог бы стать её защитником. Дневник был популярен ещё в 1950-е годы в некоторых странах, но не в Германии. Во время между немецкими мужчинами и женщинами была негласная договорённость, что одни не будут интересоваться тем, что делала их половина на войне, а вторая — что происходило с ней на родине, когда пришли солдаты-победители. Поэтому вместо преступлений вермахта зрители могли увидеть на экранах измождённых, но сохранивших благородство солдат в ледяных пустынях России, а на тему насилия даже в семейной памяти было наложено табу.

В нулевые годы тема страданий становится господствующей темой не только в культурном пространстве, но и в научной плоскости. Российский германист и переводчик, бывший «культур-офицер» А. Кацева вспоминала, как она была приглашена в Берлин выступить на конференции, приуроченной к 60-летию окончания войны. Когда пришла ее очередь выступать, а ее доклад был предпоследним, она честно призналась, что едва сдерживала себя, что-

бы не вмешаться в происходящее: «Ни на одной конференции я не была так угнетена, как на этой. Через 60 лет после окончания войны вы все толчетесь на том времени, когда война шла на вашей территории! Это длилось четыре недели. Но четыре года наши солдаты шли по собственной разоренной, выжженной земле!» С большим сожалением она констатировала, что «немцы сейчас не думают о том, что они натворили в России! И руины знают — только свои, наших руин они не знают» (Новикова 2018:130–131).

Как писал профессор Александр Борозняк, «пожалуй, никогда прежде столь четко не проявлялось в ходе “обращения с прошлым” стремление “нормализовать историю”, стало быть, оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы» (Борозняк 2005).

Актуализация «жертвенного нарратива» привела к конфликту в пространстве памяти с пострадавшими во Второй мировой войне народами, которые расценили это как попытку сгладить преступления нацистов и поставить немцев в один ряд с другими жертвами войны. Поляки были обеспокоены, что дискуссия грозит перерасти в конфликт с оспариванием послевоенного геополитического порядка.

«ИМЕННО ТАК ВСЕ И БЫЛО!»

Ко второму десятилетию XXI века немецкий кинематограф подошёл, имея за плечами весомый багаж знаний по истории и оценкам национал-социалистического прошлого Германии. Кроме упомянутых уже нами

картин, книг и научных дискуссий, повлиявших на формирование исторической памяти, стоит отметить ещё одну работу.

В начале нулевых немецкий историк Зёнке Найтцель натолкнулся в Британском национальном архиве в Лондоне на уникальный источник, который помогал прояснить картину образа мыслей и поведения обычных солдат вермахта во время их пребывания на фронте. Речь шла об опубликованных сегодня многостраничных стенограммах бесед немецких военнопленных всех рангов и родов войск, которых тайно подслушивали в специально оборудованных британских и американских лагерях. Пленные беседовали о боях и женщинах, о противниках и войне, делились своими взглядами на жизнь в Германии, на СС, на уничтожение евреев и думали, что их никто не слышит, а в это время союзники фиксировали каждое их слово.

Вот, например, как некто Мюллер рассказывает о своём пребывании в России: «в Таганроге тоже — замечательные кинотеатры и чудесные прибрежные кафе. (...) Там я побывал везде. Прекрасные виды, природа. Везде ездил на грузовике. Но ни на что не смотрели, а только на женщин, согнанных на работы (...) Они ремонтировали дороги — чертовски красивые девушки! Мы проезжали, просто затаскивали их в легковушку, прямо там раскладывали, а потом снова выталкивали. Ты бы слышал, как они ругались!» (Зёнке Найтцель 2013:6).

Найтцеля приглашают стать консультантом телесериала «Наши матери, наши отцы». В десятые годы,

после всей работы, которую немецкое общество провело со своей исторической памятью, после всех документов, которые удалось обнаружить, могло показаться, что не осталось уже никаких иллюзий по отношению к вермахту и ответственности обычных немцев за преступления национал-социализма. Однако, когда в марте 2013 года телеканал ZDF выпускает на экраны телесериал, зрители видят невероятно симпатичных молодых людей. Продюсеру фильма Нико Хофману хотелось показать, что молодёжь была «наивной и морально безупречной», и она только по своей наивности оказалась втянутой в преступления нацистского режима. (Ассман 2016).

Это история пятерых друзей. Накануне вторжения в Советский Союз они устраивают вечеринку в берлинском пабе, где одна из них — симпатичная Грета, мечтающая о карьере певицы, работает барменшей. Она любит еврея Виктора, отец которого владеет ателье. Братья Вильгельм и Фридрих готовятся к отправке на фронт, старший — офицером, младший — рядовым. А Шарлотта только что сдала экзамен, чтобы стать военной медсестрой. Друзья веселятся и надеются, что к Рождеству они снова встретятся здесь же. Встреча в кафе состоится только через четыре года и не в полном составе.

Фильм оказался очень популярным у немецких зрителей, в Германии его назвали «культурным событием», и он вызвал оживлённую дискуссию не только на родине, но сразу в нескольких странах. Как писал *The Economist*, вряд ли какая-либо драма

на немецком телевидении вызвала столько публичных дебатов (*The Economist*: 2013).

Режиссёр Филипп Кадельбах работал над проектом «Наши матери, наши отцы» более семи лет, как раз весь тот период, когда на объединённую Германию обрушился «бум травматичных переживаний». В пресс-досье к фильму было сказано: «Боль, чувство вины, молчание, являясь отдалёнными последствиями коллективной травмы, унаследованы от Второй мировой войны нашим временем; они пронизывают многочисленные семейные истории». Создатели фильма не пытались показать реальных исторических деятелей, они поставили задачу восполнить пробел в семейной памяти, прервать молчание между поколениями, подтолкнуть родителей рассказать о том, что же на самом деле происходило в период национал-социализма. Поэтому, одним из источников для нового телесериала послужила семейная память его продюсера Нико Хофмана, родители которого принадлежат к возрастной когорте молодых людей, которым в начале войны было лет по восемнадцать или меньше.

«Этот фильм, — говорит Нико Хофман, — всколыхнул в отце чувства, которые тот подавлял в себе на протяжении десятков лет. Отцу исполнилось восемьдесят восемь лет, и он впервые заговорил о прошлом, чего я никак не ожидал. (...) А мать даже призналась: "Первый фильм о Второй мировой войне, о котором можно сказать: именно так все и было!"» (Ассман 2016). Правда, профессор фрайбургского университета, специализирующийся на периоде на-

ционал-социализма Ульрих Гербет посчитал, что достоверно показать молодёжь периода национал-социализма авторам как раз не удалось. Он пишет: «Наши матери и наши отцы не были всего лишь молодыми людьми, которым просто хотелось жить, чему помешала война, как внушает нам фильм. Речь идет о крайне идеологизированном, политизированном поколении, искренне желавшем победы Германии, — победы национал-социалистической Германии, ибо считало такую победу справедливой» (Там же). А историк Марбургского университета Ян Зюссельбек отметил, что «лента изображает немцев такими, какими они хотели бы быть, а не такими, какими они были на самом деле» (Лебедев 2013).

В России сериал вызвал критику из-за того, что коснулся чувствительной темы, связанной с мигрирующим по всем немецким фильмам сюжетом об изнасиловании солдатами Красной Армии немецких женщин. В этой связи послу ФРГ в Москве было направлено письмо директора третьего европейского департамента МИД России, в котором указывалось «на неприемлемость попыток ставить на одну доску совершенные на территории СССР массовые зверства гитлеровских войск и имевшие место отдельные эксцессы со стороны советских военнослужащих, строго каравшиеся военным руководством» (МИД 2013).

Но настоящий скандал, с волной протестов, разгорелся в Польше. Немецкий канцлер Ангела Меркель даже попала на обложку известного польского журнала «Uwazam RZE», который изобразил ее в виде узницы

концентрационного лагеря, одетой в полосатую робу и косынку и стоящей за колочей проволокой. Заголовков рядом с изображением гласил: «Фальсификация истории... Как немцы сделали из себя жертв Второй Мировой войны» (Ангела Меркель 2013).

Главная претензия поляков заключалась в том, что солдаты польской повстанческой Армии Крайовой (АК) изображены в фильме едва ли не большими антисемитами, чем сами немцы. Общественные организации Польши обратились к главе польского МИДа Радославу Сикорскому с требованием принять решительные меры против распространения этого, по их мнению, «клеветнического телесериала» (Попытка 2013).

Немецкий таблоид «Bild», комментируя, написал, что «в Восточной Европе антисемитизм был очень распространен», и «польские националисты в лице Армии Крайовой помогали нацистам убивать евреев». После чего Посольство Польши в Берлине направило в редакцию «Bild» письмо протеста (Самокритичный 2013).

На современном этапе тема тяжело-го прошлого всё также «не отпускает» немецких кинематографистов, и они регулярно к ней обращаются. Оптика смещается на новые сюжеты — все ли нацистские преступники понесли заслуженное наказание, всё ли правильно было сделано в Германии с преодолением прошлого. Этими вопросами задаются такие фильмы, как «В лабиринте молчания» (Im Labyrinth des Schweigens. 2014 реж. Джулио Риччарелли), «Дело

Коллини» (Der Fall Collini, 2019, реж Марко Кройцпайнтнер). Фильм «Перебежчик» (Der Überläufer, 2020) коснулся достаточно нетривиального сюжета для западногерманского кино. Главный герой — солдат, который в конце Второй мировой войны дезертирует из немецкой армии и соглашается сотрудничать со своими бывшими врагами, Красной Армией. Фильм снят по одноимённой книге известного немецкого писателя Зигфрида Ленца (Siegfried Lenz; 1926–2014). Роман, с элементами автобиографичности, так как Ленц сам сбежал из воинской части в апреле 1945-го года, был написан им ещё в 1951 году. Однако тогда издательство отказалось его печатать, слишком сложной показалась тема. В дальнейшем Ленц и сам не хотел его публиковать, однако довёл рукопись до готового вида. Её обнаружили после смерти писателя в его архиве. В 2016 году издательство *Hoffmann und Campe*, в котором писатель публиковал все свои произведения, опубликовало роман (Ленц 2016), и он заинтересовал оскароносного режиссёра Флориана Галленбергера. В контексте «идеи примирения», которой немцы придерживаются уже несколько десятилетий, он смотрелся в момент съёмок достаточно гармонично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкие временные рамки, выбранные для обзора западногерманских военных фильмов, позволили проследить процессы, связанные с рефлексией по поводу Второй мировой войны в немецком кинематографе,

и вычленил латентную информацию из такого многослойного источника, как кино.

В истории кинематографа «старой ФРГ» и объединённой Германии можно выделить два всплеска повышенного интереса к проблематике Второй мировой войны. Первый пришёлся на вторую половину 1950-х годов, а второй — на первое десятилетие нового тысячелетия. Оба «бума» характеризуются тем, что доминирующую роль в них играет жертвенный нарратив.

В послевоенном кинематографическом дискурсе речь идёт о страданиях немецких солдат в сибирских лагерях и под Сталинградом. В это время интерес к военному кино подпитывался коммуникативной памятью, в основе сюжетов книг и сценариев лежали личные воспоминания участников войны различных рангов.

«Поколение 68-го» сместило оптику с «большой войны» на попытку разобраться в природе национал-социализма, в проблеме послевоенного «преображения» бывших нацистов, моментально нашедших себе место под западногерманским солнцем.

В нулевые годы память о страданиях мирного немецкого населения становится преобладающим компонентом дискурса о Второй мировой войне: это прослеживается в общественных дискуссиях, научной повестке и конечно же, в кинематографе, который мгновенно уловил витающий в воздухе вариант интерпретации прошлого и сконструировал его на экране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2016 — Ассман. *Алейда* Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2016—232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас») https://sharlib.com/read_228239-8#

Ассман 2018 — Ассман *Алейда* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. 205 с.

Ассман 2022 — Ассман *Алейда* Европейская мечта. Переизобретение нации / Алейда Ассман; пер.с нем. Б.Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022.- 512 с. (Библиотека журнала "неприкосновенный запас")

Борозняк 2005 — Борозняк А.И. «ФРГ: волны исторической памяти» / Неприкосновенный запас. 2005. №2 <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html?ysclid=ld4icjudw7995559981>

Борозняк 2014 — Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века — М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Зачевский 2020 — Зачевский Е. А. «Группа 47» и история послевоенной литературы в 2 т. Т.1. [Текст] / Е.А. Зачевский. — СПб.: Крига, 2020.

Зёнке *Найтцель* 2013 — Зёнке *Найтцель*, Харальд Вельцер. Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти / Зёнке *Найтцель*, Харальд Вельцер ; [пер. с англ. С. А. Липатова]. — М. : Эксмо, 2013. — 368 с. — (Подлинные свидетельства Второй мировой).

Лебедев 2013 — Лебедев Н. Немецкие отцы и матери раскололи Европу jewish.ru 29.03.2013

Ленц 2016 — Ленц *Зигфрид*. «Урок немецкого» Что делает человека человеком? «Книжная индустрия», № 4–5 (136–137), май-июнь, 2016

Нагорски 2017 — *Нагорски Эндрию* «Охотники за нацистами». — М.: Эксмо. 2017. 448 с.

Нитхаммер 2012 — *Нитхаммер Лутиц*. Вопросы к немецкой памяти: статьи по устной истории / пер. с нем. М.: Новое издательство, 2012

Новикова 2020 — *Новикова М.В.* Историческая политика Г. Коля и М. С. Горбачева: «спор историков» и восполнение «белых пятен» // Историческая экспертиза. 2020. № 1(22). С. 157–178.

Новикова 2020 — *Новикова М.В.* Проблема исторической памяти в Германии в годы правления Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история. 2020. № 4.

Новикова 2021 — *Новикова М.В.* Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. № 2. 2021. С. 117–126.

Райх-Раницкий 2002 — *Райх-Раницкий Марсель* Моя жизнь / Пер. с немецкого В. Брун-Цехового. — М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Шенк 2010 — *Шенк Ральф* "Между двумя фронтами. Образы немецких и русских в военных фильмах..." // Россия и Германия в XX веке. Том.3 Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордогова, Астрид Фольперт. — М.: АИРО — XXI. 2010. — 1032 с.

Шефер 2012 — *Шефер Бергер* Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 гг." // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение. 2012. — 648 с.

Самокритичный подход. Интервью с немецким историком, профессором Х. Кнохом. 15.04.2013 <https://vz.ru/politics/2013/4/15/628525.html?ysclid=ld2uebg317576337207>

МИД направил письмо послу ФРГ в связи с показом немецкого фильма о войне / Деловая газета ВЗГЛЯД. 29. 04. 2013. <https://vz.ru/news/2013/4/29/630851.html>

Ангела Меркель — узница концентрационного лагеря 10.04.2013 <https://berlin24.ru/ru/news/novosti-germanii-segodnja-v-novostjah/871-angela-merkel-uznica-koncentracionnogo-lagerya.html>

Попытка ревизии истории Третьего Рейха: германский сериал спровоцировал скандал в Польше. Европейская редакция ИА REGNUM 21-06-2013. <https://oko-planet.su/politik/politiklist/195103-popytka-revizii-istorii-tretego-reyha-germanskiy-serial-sprovociroval-skandal-v-polshe.html>

Der Spiegel. 2002. H. 10. S. 37.

The Economist "The war generation: A new television drama about wartime Germany stirs up controversy". 30.03. 2013.

WDR 19. Juni 2008 — Vor 100 Jahren: Ottmar Kohler wird geboren "Der Arzt von Stalingrad" <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag3186.html>

REFERENCES

Assman. Alejda Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj / Alejda Assman; per. s nem. B. Khlebnikova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016—232 s. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas») https://sharlib.com/read_228239-8#

Assman Alejda Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M., 2018. 205 s.

Assman Alejda Evropejskaya mechta. Pe-reizobretenie nacji / Alejda Assman; per. s nem. B. Khlebnikova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.- 512 s. (Biblioteka zhurnala "neprikosnovennyj zapas")

Boroznyak A.I. «FRG: volny istoricheskoy pamyatI» / Neprikosnovennyj zapas. 2005. №2 <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/frg-volny-istoricheskoy-pamyati.html?ysclid=ld4icjudw7995559981>

Boroznyak A.I. Zhestokaya pamyat'. Nacistskij rejkh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny XX veka i nachala XXI veka — M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2014.

Zachevskij E. A. «Gruppa 47» i istoriya poslevoennoj literatury v 2 t. T.1. [Tekst] / E. A. Zachevskij. — SPb.: Kriga, 2020.

Zyonke Najtcel', Kharal'd Vel'cer. Soldaty Vermakhta. Podlinnye svidetel'stva boev, stradanij i smerti / Zyonke Najtcel', Kharal'd Vel'cer; [per. s angl. S. A. Lipatova]. — M.: Ehksmo, 2013. — 368 s. — (Podlinnye svidetel'stva Vtoroj mirovoj).

Lebedev N. Nemeckie otcy i materi raskolili Evropu jewish.ru 29.03.2013

Lenc Zigfrid. «Urok nemeckogO» Chto delaet cheloveka chelovekom? «Knizhnaya industriYA», № 4–5 (136–137), maj-iyun', 2016

Nagorski Ehndryu «Okhotniki za nacistami». — M.: Ehksmo. 2017. 448 s.

Nitkhammer Lutc. Voprosy k nemeckoj pamyati: stat'i po ustnoj istorii / per. s nem. M.: Novoe izdatel'stvo, 2012

Novikova M.V. Istoricheskaya politika G. Kolya i M.S. Gorbacheva: «spor istorikoV» i vospolnenie «belykh pyateN» // Istoricheskaya ehkspertiza. 2020. № 1(22). S. 157–178.

Novikova M.V. Problema istoricheskoy pamyati v Germanii v gody pravleniya Gerkharda Shryodera // Novaya i novejschaya istoriya. 2020. № 4.

Novikova M.V. Problema nacional'noj travmy v kollektivnoj pamyati nemcev ob"edinennoj Germanii // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. № 2. 2021. S. 117–126.

Rajkh-Ranickij Marsel' Moya zhizn' / Per. s nemeckogo V. Brun-Cekhovogo. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.

Shenk Ral'f "Mezhdvu dvumya frontami. Obrazy nemeckikh i russkikh v voennykh fil'makh..." // Rossiya i Germaniya v XX veke. Tom.3 Ottepel', pokholodanie i upravlyaemyj dialog. Russkie i nemcy posle 1945 goda; pod red. Karla Ajmermakhera,

Gennadiya Bordyugova, Astrid Fol'pert. — М.: AIRO — XXI. 2010. — 1032 s.

Shefer Berger Istoricheskaya politika i nacional-socialisticheskoe proshloe Germanii, 1949–1982 gg." // Istoricheskaya politika v XXI veke. Sbornik statej. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. — 648 s.

Samokritichnyj podkhod. Interv'yu s nemeckim istorikom, professorom KH. Knokhom. 15.04.2013 <https://vz.ru/politics/2013/4/15/628525.html?ysclid=l-d2uebg317576337207>

MID napravil pis'mo poslu FRG v svyazi s pokazom nemeckogo fil'ma o vojne / Delovaya gazeta VZGLYAD. 29. 04. 2013. <https://vz.ru/news/2013/4/29/630851.html>

Angela Merkel' — uznica koncentracionnogo lagerya 10.04.2013 <https://berlin24.ru/>

[ru/news/novosti-germanii-segodnja-v-novostjah/871-angela-merkel-uznica-koncentracionnogo-lagerya.html](https://berlin24.ru/news/novosti-germanii-segodnja-v-novostjah/871-angela-merkel-uznica-koncentracionnogo-lagerya.html)

Popytka revizii istorii Tret'ego Rejkha: germanskij serial sprovciroval skandal v Pol'she. Evropejskaya redakciya IA REGNUM 21-06-2013. <https://oko-planet.su/politik/politiklist/195103-popytka-revizii-istorii-tretego-reyha-germanskij-serial-sprovciroval-skandal-v-polshe.html>

Der Spiegel. 2002. H. 10. S. 37.

The Economist "The war generation: A new television drama about wartime Germany stirs up controversy". 30.03. 2013.

WDR 19. Juni 2008 — Vor 100 Jahren: Ottomar Kohler wird geboren "Der Arzt von Stalingrad" <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag3186.html>

Н. Н. Подосокорский

О НОВОЙ БИОГРАФИИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА ГОРАЦИО НЕЛЬСОНА, НАПИСАННОЙ М. М. КУРИЕВЫМ

Рец.: Куриев М. М. Нельсон. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023. 432 с., ил.

Рецензируемая книга представляет собой научно-популярную биографию прославленного британского флотоводца, вице-адмирала Горацио Нельсона (1758–1805), написанную кандидатом исторических наук, специалистом по эпохе наполеоновских войн М. М. Куриевым.

Ключевые слова: Нельсон, Великобритания, Эмма Гамильтон, Наполеон, Абукирское сражение, Трафальгарское сражение, наполеоновские войны.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT THE NEW BIOGRAPHY OF VICE ADMIRAL HORATIO NELSON, WRITTEN BY M. M. KURIEV

Rev.: Kuriev M. M. Nelson. M.: Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot», 2023. 432 p.

The reviewed book is a popular science biography of the famous British naval commander, Vice Admiral Horatio Nelson (1758–1805), written by M. M. Ku-

riev, candidate of Historical Sciences, specialist in the era of the Napoleonic Wars.

Keywords: Nelson, Great Britain, Emma Hamilton, Napoleon, Battle of Aboukir, Battle of Trafalgar, Napoleonic Wars.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Имя прославленного британского флотоводца Горацио Нельсона (1758–1805) знакомо любому образованному человеку, однако, на русском языке о нем существует не так уж много исследований. Рецензируемая книга — лишь третья попытка представить всю жизнь национального героя Великобритании в виде специальной монографии, написанной российским автором. Первой в 1980 году в издательстве «Наука» вышла обстоятельная, хоть и небольшая по объему, книга «Адмирал Нельсон» (Трухановский 1980) доктора исторических наук, впоследствии академика РАН Владимира Трухановского (1914–2000). Спустя четыре года издательство «Молодая гвардия» выпустило ее расширенный и переработанный вариант, рассчитанный на более массовую аудиторию (Трухановский 1984).

Вторую попытку написать полную биографию Нельсона предпринял писатель-маринист Владимир Шигин — его беллетризованная книга «Адмирал Нельсон» вышла в популярной серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» в 2010 году (Шигин 2010). Созданный Шигиным портрет Нельсона способен скорее вызвать неприятие личности адмирала. Финальная глава «Фе-

номен Нельсона» производит тем более странное впечатление, что в предшествующем ей тексте герой книги показан очень мелким и невыразительным человеком. В рассказе о невидящем глазе Нельсона (ранение, полученное им на Корсике в 1794 году) автор ссылается на неназванные статьи в британской прессе (!), утверждающие, что на самом деле с его глазом ничего серьезного не случилось, и что у него «лишь несколько снизилась острота зрения» (Шигин 2010: 127), а выдумана эта легенда была, чтобы Нельсону назначили пенсию как инвалиду.

Также Шигин укоряет своего героя за неблагодарность к матросу Джону Сайксу, который отвел от него смертельный удар при обстрелах Кадиса, лишившись из-за этого руки:

«Удивительно, но никогда и нигде Нельсон не упоминал имени своего спасителя. Что стало с одноруким инвалидом Сайксом, тоже неизвестно. При этом Нельсон, хвастаясь этой ночной вылазкой, любил при каждом удобном случае похвалить самого себя:

— В этой драке моя личная храбрость была, как никогда, огромна!» (Шигин 2010: 146).

Если верить Шигину, Нельсон не терпел даже малейшей критики в свой адрес. В частности, одной из жертв его деспотизма стал отважный капитан Джеймс Сомарец, посмевшийся по завершении Абукирского сражения указать начальнику на допущенные ошибки в командовании: «Нельсон никогда не мог простить опытного капитана (который был к тому же старше его по возрасту) за попытку критики и даже отказался представить его к награждению по итогам сражения, в котором Сомарец сыграл далеко не последнюю роль!» (Шигин 2010: 196).

Эмме Гамильтон Нельсон подарил чернокожую невольницу Фатиму, вывезенную из Египта, хотя, как отмечает автор, уже в 1774 году «рабство было официально отменено, и подарок Нельсона выглядел достаточно странно» (Шигин 2010: 210). Неаполитанскому королю Фердинанду IV Нельсон «беззастенчиво врал о покорении Мальты» (Шигин 2010: 217), а свою жену Фанни «унижал» в письмах (Шигин 2010: 217). По словам Шигина, адмирал «нисколько не разбирался в армейских делах» (Шигин 2010: 221). В отношениях с первым лордом Адмиралтейства Нельсон использовал «шантаж» и вообще «вел себя как избалованный и капризный ребенок» (Шигин 2010: 227), а его письма «полны жалоб и недовольства буквально всем» (Шигин 2010: 228). В то время, когда Англия очень нуждалась в активности Нельсона, «командующий в море по-прежнему не спешил, наслаждаясь спокойной жизнью и любовью» (Шигин 2010: 232).

По мнению Шигина, именно с «легкой руки» леди Гамильтон Нельсон

«начал свою карательную деятельность в Неаполе» (Шигин 2010: 251), и «именно эта, ставшая роковой для Нельсона, женщина пробудила далеко не лучшие качества нашего героя. Именно она, умело играя на его слабостях, сумела сделать из него марионетку в своих руках» (Шигин 2010: 254).

Иначе говоря, из книги Шигина совершенно неясно, как такой мелкий и ничтожный человек смог стать легендарной фигурой мировой истории?

Автор третьей русскоязычной биографии Нельсона Мурат Куриев также попробовал разрешить противоречие между образом бесстрашного героя и «слабого человека», с которым сталкивались многие авторы, пишущие о Нельсоне. В отличие от Шигина, Куриев является профессиональным исследователем периода наполеоновских войн, кандидатом исторических наук. Помимо этой книги из-под его пера вышли еще пять монографий: «Герцог Веллингтон» (1994), «Век Наполеона: люди и судьбы» (1997; в соавторстве с М. В. Пономарёвым), «Ватерлоо. Битва ошибок» (2019), «Это N» (2020), «Железный герцог» (2021). О его биографии Наполеона и особенностях стиля автора мне уже доводилось писать для «Исторической экспертизы» (Подосокорский 2022).

Новая книга Куриева о Нельсоне также обращена к массовому читателю (хотя ее тираж относительно небольшой — всего 500 экземпляров) и относится к научно-популярному жанру. Издание сопровождается вы-

разительными иллюстрациями (черно-белыми рисунками) А. В. Темникова, а повествование обильно насыщено личными эмоциями автора и больше похоже на текстовую расшифровку живого устного рассказа, чем на строгий научный текст. Тем не менее этот рассказ основан, в первую очередь на исторических документах и академических исследованиях (хотя Куриев многократно обращается и к преломлениям образа Нельсона в искусстве), а приведенная в конце книги библиография насчитывает более 110 изданий (свыше половины из них на английском и французском языках).

Одним из главных достоинств книги Куриева является погружение читателя в то, как была устроена повседневная жизнь английских моряков того времени, и какая атмосфера царил на кораблях под управлением Нельсона. Например, распространенным застольным тостом в то время на флоте, помимо вполне естественных «За Англию!», «За короля!», «За флот Его Величества!», был и такой: «За войну и болезни!» (Куриев 2023: 63). Как признавал сам Нельсон: «Мы все продвигаемся вверх благодаря чьей-то смерти» (Куриев 2023: 48). Приведу еще одну пикантную подробность морского быта: 20 сентября 1805 года, когда Нельсону исполнилось 47 лет (всего через месяц его не станет), на торжественном обеде по этому случаю капитан «Виктори» Харди «преподнес адмиралу на серебряном блюде... огромную жареную крысу. Напоминание о голодных мичманских временах. Нельсон от души посмеялся и даже, говорят, съел кусочек» (Куриев 2023: 375).

Наиболее удачно Куриеву удается рассказ о больших сражениях наполеоновской эпохи. Описание им хода Абукирской битвы — одно из самых впечатляющих мест в книге. Его повествование динамично, ярко, литературно, основательно. Он виртуозно умеет создать интригу в изложении, казалось бы, известных событий, делая их объемными и захватывающими и приводя интересные статистические данные и факты. Например, любопытно, что в битве у Нила в 1798 году, когда был разгромлен флот Французской республики, а войска Бонапарта оказались «заперты» в Египте, участвовал британский линейный корабль «Беллерофонт», который позднее поучаствует и в Трафальгарском сражении, но мировую известность получит в июле 1815 года, когда на его борту Наполеон после второго отречения от престола сдастся в руки своих самых непримиримых врагов — англичан.

Автор признается, что ему не очень-то нравятся сравнения разных исторических деятелей, тем более разных эпох, при этом он то и дело сравнивает Нельсона с Веллингтоном, Наполеоном и даже Черчиллем, что вполне объяснимо и, безусловно, интересно широкой публике. Хотя судьба и смерть Нельсона абсолютно уникальны.

Как и его предшественники, Куриев отмечает, что Горацио перенял веру в Бога от своего отца, священника Эдмунда Нельсона, но справедливо называет эту веру «очень своеобразной» (Куриев 2023: 16). Характерно, что автор старается игнорировать

все «слишком возвышенное» и «мистическое» в жизни своего героя, пытаясь каждый раз найти происходящему сугубо рациональное, приземленное объяснение. Нельсон для него — это «человек, для которого безрассудные поступки практически норма жизни» (Куриев 2023: 38). Хотя если эта «безрассудность» в итоге выковала из него героя, то, может, стоило бы назвать это качество Нельсона несколько иначе? Ведь свои главные решения британский флотоводец принимал, исходя из совершенно особых, понятных только ему оснований, тогда как окружающие могли наблюдать лишь его последующую внешнюю решимость и конечный результат, зачастую объясняемый *особым везением*.

Характерно то, как Куриев рассказывает и комментирует историю об *озарении* юного Нельсона в 1776 году, когда тот отплыл в Индию, но был вынужден вернуться в Англию по причине внезапной болезни: «Воля у него и впрямь была несокрушимая, а здоровье подводило. Нельсон впервые заболевает малярией, эта хворь еще не раз к нему прицепится. Болел Горацио тяжело, и его решили отправить домой, в Англию, на корабле “Дельфин”. “Дельфин” попал в один шторм за другим, к малярии добавились морская болезнь и депрессия» (Куриев 2023: 39). Далее следует воспоминание самого Нельсона:

«Однажды мне вдруг показалось, что я не преуспею в своей профессии. Мой разум пугали те трудности, которые мне предстояло преодолеть, а вера в собственные силы была еще слишком слаба. Я не видел пути, идя

по которому сумел бы достичь цели и реализовать свои стремления. После долгих и безрадостных раздумий, когда я уже готов был броситься за борт, свет патриотизма молнией озарил все вокруг, и король и отечество предстали перед моим мысленным взором, обещая свое покровительство. Мой разум возликовал, и я воскликнул: “Тогда я стану героем и, доверившись Провидению, брошу вызов каким бы то ни было опасностям!”» (Куриев 2023: 39).

Автор объясняет это чрезвычайно значимое для его героя *озарение* тем, что Нельсон вообще был человеком «романтического склада и очень эмоциональным», и что нечто подобное могло с ним случиться «в горячечном бреду» (Куриев 2023: 40). Столь же прозаично биограф рассматривает и роман Нельсона с леди Гамильтон, которую тот называл своим «Ангелом-Хранителем» и практически боготворил: «И современников, и потомков должен волновать только один вопрос — любила ли она Нельсона? Любила, да. Но Эмма все равно законченная эгоистка. В ее любви есть *расчет*. Всегда. И вот что у меня отбивает всякую охоту ее жалеть. Судьба ведь у Эммы будет трагическая, а все равно — не жалко. Она манипулировала Нельсоном? Так адмирала тоже не стоит жалеть!» (Куриев 2023: 329). В другом месте он еще более резок и груб: «Нельсон адмирал великий, но человек недалекий и простоватый. Его демонстрируемая всему миру любовь к Эмме — своего рода символ этой простоты. Возможно, достойно уважения, но никак не восхищения. Выглядит он довольно нелепо» (Куриев 2023: 281).

А между тем в любовных отношениях Горацио и Эммы было немало возвышенного, чудесного и поистине рыцарского, что просто не умещается в рамках расхожих представлений о «нормальном» и «приличном». Об этом кстати хорошо написал в своей книге о Нельсоне Гарри Эджингтон, упомянувший, что Нельсон воспринимал портреты своей возлюбленной, размещенные в его каюте, как своего рода иконы, и порой по едва заметным изменениям на них угадывал перемены в жизни Эммы (Эджингтон 1992: 216). «Я называю их моими Ангелами-хранителями и верю в то, что молитвы Святой Эммы гораздо быстрее дойдут до Бога, чем молитвы любого святого из Римского календаря» (Эджингтон 1992: 212), — писал он в одном из своих многочисленных посланий к леди Гамильтон.

Нельсон свято верил в то, что ее молитвы не раз спасали ему жизнь. Он даже объявил 26 апреля, день рождения леди Гамильтон, днем Святой Эммы, и приказал офицерам своей эскадры прибыть к обеду на борт флагмана, чтобы принять участие в «церемонии приобщения ее к лику святых» (Эджингтон 1992: 215).

А вот как смотрит на этот великий роман Куриев: «Мы уже знаем, что Эмма и без того сильно расплнела, если захотеть, можно называть ее “отвратительной толстухой”. Кое-кто так и делает. Эмма, разумеется, не модель, и с такой фигурой ее вряд ли пригласили бы поработать в “Храме здоровья”. Кстати, большая претензия к создателям фильма с Вивьен Ли. Она там до конца жизни — тростинка. Не то чтобы я сильно ратую за “историческую правду”, но

разве не важно, что Нельсон любил женщину, которую совершенством уже вряд ли назовешь» (Куриев 2023: 286).

В этом и состоит огромная разница между взглядом любящего человека (а Нельсон, конечно, любил Эмму отнюдь не только за ее некогда прекрасную внешность, столь восхищавшую многих художников и эстетов) и тем, кто сосредоточен, главным образом, лишь на бросающихся в глаза недостатках, будь то физические изъяны, дурные проявления характера или отдельные неблагоприятные поступки. Как сказал о леди Гамильтон сам Нельсон незадолго до своей гибели: «Храбрая Эмма! Хорошая Эмма! Побольше бы таких Эмм, и было бы больше Нельсонов» (Эджингтон 1992: 243). Очевидно, что многие подвиги национального героя Британии только потому и стали возможными, что было кому его вдохновлять не только на них, но на то, чтобы вообще жить дальше, с его многочисленными ранениями (и это вообще довольно частый случай в мировой истории!).

Несколько странным является замечание автора об отношении Нельсона к его официальной жене Фанни, с которой тот разошелся, полюбив Эмму: «От Фанни он отделался самым решительным образом. Знаете, он ведь мог иногда просто писать ей письма, ни о чем. Ее, мне кажется, это вполне устроило бы» (Куриев 2023: 314). Может ли вообще гений писать письма некогда близкому человеку «ни о чем»? Вопрос риторический.

Особое место в книге отведено последней в карьере и жизни героя

кампании 1803–1805 годов, которая «открыла нового Нельсона — не только боевого командира, но и прекрасного администратора, политика, создателя сети разведки» (Сабитова 2019: 368). Куриев доходчиво объясняет, почему англичане постоянно одерживали победы на море над неприятелем. «В 1805 году бюджет английского Королевского флота — почти 12 миллионов фунтов стерлингов. Французского — меньше миллиона! Даже у испанцев — почти три!» (Куриев 2023: 382). Также «британцы на море практически всегда придерживались наступательной тактики. Это обеспечивает соответствующий настрой, они “заряжены на победу”. Кроме того, захваченные суда противника — призовые деньги, серьезный материальный стимул. Не стоит забывать и о том, что и матросы, и солдаты Его Величества физически были крепче своих противников. Англия — страна экономически более развитая. Бедность, она, конечно, везде бедность, но рацион питания у англичан все равно богаче. И к примеру, мясо они ели гораздо чаще, чем крестьяне континентальной Европы» (Куриев 2023: 386).

К сожалению, автор так и не прояснил ответ на давний вопрос — в каком именно алкогольном напитке хранили тело погибшего в Трафальгарской битве адмирала Нельсона, пока его не доставили на родину: в бочке с ромом (Шигин 2010: 355; Земцов 2021: 12) или же с коньяком/бренди (Трухановский 1980: 173; Эджингтон 1992: 262; Хибберт 2006: 442)? Куриев по этому поводу пишет следующее: «[Доктор] Битти поручил матросам найти самую большую бочку на корабле, тело Нельсона

в одной рубашке, с коротко постриженными волосами, поместили в нее и заполнили бочку ромом. Или бренди? Какая разница? А разница между тем предмет жарких споров. Бренди — напиток более благородный. И дорогой. Так что, полагаю, это был все-таки ром. Тем более что рома на кораблях хватало. Я бы и вообще не стал обращать внимание на историю с ромом, если бы она не имела продолжения.

С тех самых пор казенный ром стали называть “кровью адмирала” или “кровью Нельсона”. Выражение прочно вошло в обиход. Связано ли это с другой легендой? О том, что, дескать, ром из той самой бочки впоследствии раздали? Что его употребляли по “особо торжественным случаям”? Сильно сомневаюсь, но легенда — живет. Бочка была, точно» (Куриев 2023: 413–414).

На протяжении всей книги историк показывает, как его герой, подобно Наполеону и другим выдающимся фигурам той романтической эпохи, сам участвовал в формировании своей легенды, стараясь не отдавать такое важное и деликатное дело «на волю случая». Известно, что заслуженный адмирал «проявлял личный интерес к работе мастеров, которые делали гравюры с его портретов, стремясь к тому, чтобы те наилучшим образом изобразили его и его боевые раны» (Форрест 2022: 60). Это же проявлялось и в скандальной любовной связи Нельсона с Эммой Гамильтон, ставшей уже в конце XVIII «одной из самых известных фигур Англии», во многом благодаря тому, что ее портреты часто создавали выдающиеся художники то-

го времени (*Лилти* 2018: 107–108). Куриев справедливо отмечает, что «Нельсон был одержим славой», и что он «всегда находил время для участия в торжественных церемониях, любил давать интервью» и т. п. (*Куриев* 2023: 41).

В целом появление новой биографии Нельсона должно обновить и стимулировать дискуссии относительно военной деятельности и частной жизни героя Трафальгара, а также содействовать дальнейшим попыткам понять его личность, которая остается не до конца разгаданной и по сей день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Земцов 2021 — *Земцов В. Н.* 200 лет Трафальгара: от ликования к коммеморации // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 1 (204). С. 9–24.

Куриев 2023 — *Куриев М. М.* Нельсон. М.: Издательство «У Никитских ворот», 2023.

Лилти 2018 — *Лилти А.* Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850) / Пер. с франц. П. С. Каштанова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.

Подосокорский 2022 — *Подосокорский Н. Н.* О новой биографии Наполеона М. М. Куриева. Рец.: Куриев М. М. Это Н. Москва: У Никитских ворот, 2020. 592 с. // Историческая экспертиза, 2022. № 4. С. 243–249.

Сабитова 2019 — *Сабитова Л. Р.* «Прелюдия к Трафальгару»: британская средиземноморская кампания 1803–1805 гг. // Запад и Восток: история и перспективы развития: Сборник статей 30-й Юбилейной Международной научно-практической конференции, Рязань, 18–19 апреля 2019 года / Под ред. И. М. Эрлихсон,

Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Конахин Александр Викторович, 2019. С. 364–369.

Трухановский 1980 — *Трухановский В. Г.* Адмирал Нельсон. М.: Наука, 1980.

Трухановский 1984 — *Трухановский В. Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. Жизнеописание Горацио Нельсона, британского флотоводца, его плаваний и битв, его любви и гибели. М.: Молодая гвардия, 1984.

Форрест 2022 — *Форрест А.* Место наполеоновских войн в британской национальной памяти // Вопросы всеобщей истории. 2022. № 25. С. 50–71.

Хибберт 2006 — *Хибберт К.* Частная жизнь адмирала Нельсона / Пер. с англ. Н. А. Анастасьева. М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006.

Шигин 2010 — *Шигин В. В.* Адмирал Нельсон. М.: Молодая гвардия, 2010.

Эджингтон 1992 — *Эджингтон Г.* Адмирал Нельсон. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992.

REFERENCES

Zemcov V. N. 200 let Trafal'gara: ot likovaniya k kommemoracii // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2021. T. 23. № 1 (204). S. 9–24.

Kuriev M. M. *Nel'son*. M.: Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot», 2023.

Lilti A. *Publichnye figury: Izobrenenie znamenitosti (1750–1850)* / Per. s franc. P. S. Kashtanova. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2018.

Podosokorskij N. N. O novoj biografii Napoleona M. M. Kurieva. Rec.: Kuriev M. M. *Ehto N. Moskva: U Nikitskikh vorot*, 2020. 592 s. // *Istoricheskaya ehkspertiza*, 2022. № 4. S. 243–249.

Sabitova L. R. «Prelyudiya k Trafal'garU»: britanskaya sredizemnomorskaya kampaniya 1803–1805 gg. // *Zapad i Vostok*:

istoriya i perspektivy razvitiya: Sbornik statej 30-j Yubilejnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ryazan', 18–19 aprelya 2019 goda / Pod red. I.M. Ehrlikhson, YU.V. Savosinoj, YU.I. Loseva. Ryazan': Individual'nyj predprinimatel' Konyakhin Aleksandr Viktorovich, 2019. S. 364–369.

Trukhanovskij V.G. *Admiral Nel'son*. M.: Nauka, 1980.

Trukhanovskij V.G. *Sud'ba admirala: triumf i tragediya. Zhizneopisanie Goracio Nel'sona, britanskogo flotovodca, ego plavanij i bitv,*

ego lyubvi i gibeli. M.: Molodaya gvardiya, 1984.

Forrest A. Mesto napoleonovskikh vojn v britanskoj nacional'noj pamyati // *Voprosy vseobshchej istorii*. 2022. № 25. S. 50–71.

Khibbert K. *Chastnaya zhizn' admirala Nel'sona* / Per. s angl. N. A. Anastas'eva. M.: AST: AST Moskva: Tranzitkniga, 2006.

Shigin V. V. *Admiral Nel'son*. M.: Molodaya gvardiya, 2010.

Ehdzhington G. *Admiral Nel'son*. M.: Progress: Progress-Akademiya, 1992.

А. С. Стыкалин

Рец.: Славяне и Россия: Балканы в вихре национально-освободительных движений (К 200-летию начала Греческой революции 1821–1829 гг.) / Отв. ред. С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 310 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»)

Рецензируется российский коллективный труд, подготовленный по итогам одной из конференций, посвященных 200-летию начала Греческой революции 1820-х годов. Греческая революция ставится в нем в контекст других национально-освободительных движений на Балканах. Авторы книги пытаются выявить место событий 200-летней давности в греческой национальной памяти, показать их значение для формирования современной греческой государственности, определить их след в историческом сознании других балканских народов. Показано, как противоречия между балканскими народами, освобождавшимися от османской зависимости, приводили к острым конфликтам и способствовали возникновению национально-территориальных споров, в той или иной мере сохраняющих актуальность по сегодняшний день.

Ключевые слова: Греция, греческая революция 1821–1829 гг., Балканы, Османская империя, внешняя политика России, национально-освободительные движения, национально-территориальные споры.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Контактная информация: zhurslav@gmail.com

A. S. Stykalin

Rev.: Slavyane i Rossiya: Balkany v vikhre nacional'no-osvoboditel'nykh dvizhenij (K 200-letiyu nachala Grecheskoj revolyucii 1821–1829 gg.) / Otv. red. S. I. Danchenko. — M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2022. — 310 s.: il. — (Nikitinskie chteniya «Slavyane i Rossiya»)

The book of Russian historians which is reviewed is prepared as the result of one of the conferences, dedicated to the 200th anniversary of the beginning of the Greek revolution of the 1820s. The Greek revolution is placed in the context of other national liberation movements in the Balkans. The authors of the book are trying to identify the place of the events of 200 years ago in the Greek national memory, to show their significance for the formation of modern Greek statehood, to determine their trace in the historical consciousness of other Balkan peoples. It is shown how the contradictions between the Balkan peoples, liberated from Ottoman dependence, led to sharp conflicts and contributed to

the emergence of national-territorial disputes, which to some extent remain relevant to this day.

Key words: Greece, Greek revolution of 1821–1829, Balkans, Ottoman Empire, Russian foreign policy, national liberation movements, national-territorial disputes.

About the author: Stykalin Alexander — Cand. History, Coordinating Researcher, Institute of Slavic Studies, RAS.

Contact information: zhurslav@gmail.com

Отмеченный весной 2021 г. 200-летний юбилей начала Греческой революции не мог пройти мимо внимания российской историографии — слишком велико значение этого события в новой истории Балкан и слишком видное место оно занимало в российской внешней политике своего времени. Будучи не только органической частью Восточного кризиса 1820-х годов, но и едва ли не главным из событий, этот кризис вызвавших, Греческая революция привлекает неизменный интерес специалистов разных стран, занимающихся ключевыми проблемами международных отношений в посленаполеоновской Европе.

Рецензируемый коллективный труд подготовлен по итогам одной из (отнюдь не единственной!) состоявшихся в России научных конференций, приуроченных к этому юбилею. Для греков национально-освободительная революция 1820-х годов является ключевым событием национальной истории. С нее, собственно говоря, и начинается отсчет собственно новогреческой истории. Вполне закономерно, что большое внимание в книге уделено событиям греческой истории, последствиям революции для Греции, ее отношений с соседями, их трактовкам в историографии, отражению в исторической памяти. Авторы коллективного

труда опираются на богатые традиции изучения новогреческой истории в отечественной историографии. Статья С. И. Данченко посвящена одному из ее корифеев — Г. Л. Аршу (1925–2017). Много занимаясь революцией 1820-х годов в контексте новогреческой и балканской истории, Г. Л. Арш считал ее «заключительным этапом большого общественно-политического движения — национального Возрождения, начавшегося во 2-й половине XVIII в. и охватившего все сферы греческой жизни: политику, экономику, культуру». На первый план в круге его интересов выходили российские связи греческого национально-освободительного движения (в частности, этеристов во главе с А. Ипсиланти). Не только для греческой, но и для российской истории эти связи не прошли бесследно: «этеристский вопрос» занял немаловажное место и в официальной балканской политике последних лет царствования Александра I, и в общественной жизни. Как показывает в своих работах Г. Л. Арш, в широком историческом плане официальная русская политика эффективно содействовала подготовке Греческой революции 1821–1829 гг., создав благоприятные предпосылки для возникновения и процветания в России греческих колоний, ставших во втором десятилетии XIX в. основной опорной базой греческого

освободительного движения. Активную национально-патриотическую деятельность развернул занимавший ответственный пост в российском МИДе И. Каподистрия, старавшийся привлечь внимание русской обществу, но прежде всего Александра I (как и других европейских правителей) к «греческому вопросу» и прилагавший значительные усилия для того, чтобы обеспечить восставшей Греции политическую и военную поддержку России. Другой вопрос, что взгляды Каподистрии, как доказывает Г.Л. Арш, основывались на недооценке внутренних сил и возможностей греческого народа и преувеличении внешнего фактора в борьбе Греции за освобождение, прежде всего роли России. А позиция петербургского двора зависела от многих составляющих (и прежде всего расклада сил на международной арене) и не только была непоследовательной, но быстро стала враждебной, по крайней мере к радикальному крылу греческого движения, представленному обществом «Филики Этерии» во главе с А. Ипсиланти, настоящим возмутителем спокойствия на Балканах. Вместе с тем Г.Л. Арш не забывал и о том, что Порта признала независимость Греции, по Лондонскому протоколу от 3 февраля 1830 г., в немалой степени благодаря согласию России снизить в этом случае на 1 млн дукатов сумму контрибуции, налагаемой на Турцию после русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

В статье О.Е. Петруниной речь идет об отражении революции 1821 г. в школьном курсе истории в Греции и на Кипре. Для новых и новых поколений греков национальная не-

зависимость, за которую сражались вожди греческого освободительного движения в 1821 г., отцы-основатели национального государства, остается одной из базовых ценностей. При всех настоятельных требованиях Евросоюза вписать национальные истории в парадигму общеевропейских ценностей, действующие учебники не только сохраняют ярко выраженный этноцентристский дискурс, само изложение истории революции 1821 г. транслирует новым поколениям традиционные стереотипы о турках-врагах: период османского владычества представляется как исключительно ущербный для греков, при этом недооцениваются привилегии, предоставленные грекам османскими властями — достаточно вспомнить о том, что Румынские княжества в течение длительного времени фактически давались на откуп грекам-фанариотам. Этноцентристский взгляд характерен, конечно, и для турецких учебников: турецким школьникам рассказывают о толерантности и снисхождении мусульманских властей к христианам, которые проявили неблагодарность, восстав против законной власти. При этом, по наблюдению О.Е. Петруниной, и греческий, и турецкий нарративы сходятся во мнении, что Греческая революция продемонстрировала упадок Османской империи. В работе вместе с тем отмечается, что, несмотря на сохранение в целом традиционных оценок революции 1821 г., греческая историография мало-помалу снижает степень конфликтности этой темы, постепенно смягчая представления о положении греков в Османской империи. Пришедший из XIX века термин «османское иго» уже вышел из употребления

и заменен на «османское владычество», который тоже в последнее время ставится под сомнение, но пока еще сохраняется в учебниках. Что касается истории Кипра, то она вписывается в общегреческую национальную историю и преподается как дополнение к истории Греции. Этим поддерживается культурное единство двух греческих государств, стремящихся и к единству политическому. В статье И.М. Захаровой представлен источник из собрания Государственного Эрмитажа, дополняющий новыми сведениями историю одного из греческих аристократических родов и, таким образом, проливающий свет на некоторые страницы истории русско-греческих отношений Нового времени.

Греческий пример воодушевлял представителей других балканских народов, искавших пути национальной эмансипации, революция 1821 г. оказала непосредственное влияние на другие национально-освободительные движения региона. Хотя значение борьбы греков для всех народов Балканского полуострова признано всеми историографиями соседних народов, трактовка конкретных событий греческой истории находится в зависимости от нарративов собственной истории, господствующих в публичном и академическом пространствах соответствующих стран. А между тем, отношения разных движений складывались очень непросто, достаточно вспомнить о судьбе Тудора Владимиреску — расхождения в целях двух восстаний были настолько велики, что выдающийся румынский революционер стал жертвой греческих этеристов. Ар.А. Улуныан на основе публикаций

разных стран пытается проследить, какое отражение 200-летний юбилей Греческой революции нашел в современных дискурсивных практиках других государств балканского региона и, соответственно, как разные, а иногда и прямо противоположные представления об общем прошлом во взаимоотношениях различных народов сказываются на трактовке событий 1820-х годов. А надо сказать, что конкуренция разных национальных историографий за право собственной интерпретации Греческой революции и приобщение к её наследию не просто приобрела к настоящему времени довольно широкий масштаб, но и имеет определённую историческую традицию.

Как замечает автор, предпринимавшиеся в конце 90-х годов XX — начале XXI вв. попытки представителей общественности и академического сообщества государств Балканского региона добиться формирования невраждебной национальной памяти со стороны соседей и реализовать это в рамках международных образовательных проектов при ведущей роли европейских партнёров лишь частично достигли поставленных целей. Это трудно сделать, поскольку в общественных, а также и в академических дискурсах Балканских стран продолжает доминировать национальный нарратив как собственной истории, так и истории соседних народов и государств. Это в полной мере касается интерпретации Греческой революции в контексте различных национальных исторических нарративов. Так, в румынской историографии акцентируется тезис о том, что события Греческой революции получили свое начало именно

на румынской земле и на определенном этапе были созвучны движению Владимиреску. Хотя приоритетное внимание, что вполне понятно, отдается последнему, первое воспринимается как важный внешний фон событий румынской истории.

В общественном дискурсе ряда балканских стран принимается во внимание степень участия представителей соседних народов в Греческой революции 1821 г. и их роль в победе, а также в государственном строительстве. Хотя конфликтогенность на межгосударственном уровне не просто имеет глубокие исторические корни в отношениях между балканскими народами, но и во многом предопределяет национальные исторические нарративы и характер восприятия истории соседей, тезис о большом вкладе албанцев в дело Греческой революции очень распространен в албанской историографии и общественном дискурсе и неотделим от стремления подчеркнуть влияние и значимость албанского этноса в более широком географическом пространстве, чем нынешняя Албания. В случае с Турцией в связи с еще более высоким конфликтным потенциалом и перманентно присутствующей напряженностью в двусторонних отношениях трактовки общего прошлого носят особенно политизированный характер, находясь под влиянием как внутривосточных факторов, так и внешнеполитической конъюнктуры. Причем сам генезис непрекращающегося греко-турецкого конфликта часто возводится именно к событиям 1821 года, когда вспыхнула Греческая революция против османского владычества.

Исследователями многократно отмечается искусственное возвышение в балканских историографиях роли «местного фактора» в создании национальной государственности и принижение роли внешних сил в этом процессе. Все-таки историки разных стран не могут не признать значимости внешнего фактора для Греческой революции, однако он не сводится к подчеркиванию влияния великих держав, конкурировавших за доминанцию на Балканах, а, напротив, зачастую соседствует в общественных дискурсах с тезисом о немалом, если не преобладающем значении национальных восстаний других народов, происходивших немалого раньше или параллельно.

Вслед за Ар.А. Улуныяном также и В.Б. Каширин обращает внимание на попытки «национальной приватизации» наиболее ярких событий, достижений и действующих лиц борьбы балканских народов против османской доминанции. По его мнению, «психологическая и идеологическая подоплёка этого представляется достаточно понятной. С точки зрения местных балканских историографий, подобные трактовки служат целям доказательства зрелости и самостоятельности автохтонного национально-освободительного движения, его этнической монолитности, а также того, что именно это псевдогомогенное движение внесло решающий вклад в сокрушение османского господства на определенной территории и в будущее завоевание государственной независимости. В дальнейшем это используется для культивирования национальной военно-патриотической мифологии». К этому можно добавить, что практически во всех

балканских историографиях нередко конструируются тезисы, явно противоречащие исторической реальности, но отвечающие определенным конъюнктурным интересам.

В рецензируемой книге представлены различные аспекты национально-освободительных движений разных балканских народов, причем не только находящиеся в прямой или более опосредованной взаимозависимости с греческим национально-освободительным движением. В статьях показано, как идеи и цели национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова наполнялись разным содержанием по мере изменения расклада сил в регионе. В статьях Н. С. Гусева и др. рассматривается и роль российской внешней политики, ее позиция в связи с конфликтами между разными балканскими национальными движениями и государственными образованиями, нацеленными на расширение своего влияния за счет ближайших соседей. Отмечается, что Министерство иностранных дел Российской империи не могло не учитывать в своей работе умонастроений лидеров балканских стран, стремившихся как можно скорее решить национальные задачи и определить место своих народов не только в региональном, но и в общеевропейском раскладе политических сил. Поэтому русские дипломаты должны были постоянно собирать информацию и анализировать текущие события на Балканах именно с этой точки зрения. Это касалось, впрочем, и дипломатических ведомств других больших держав. О. И. Агансон в статье, посвященной политике Лондона в отношении национально-освобо-

дительного движения в Македонии, отмечает не только ее прагматизм, но и переосмысление Великобританией своей стратегии в этом геополитически важном регионе. Она показывает, что в балканской политике Лондона произошло смещение приоритетов с общесистемного уровня (взаимодействие с Австро-Венгрией и Турцией с целью «сдерживания» России) до регионального (не просто внимание к «малым» балканским игрокам в лице независимых государств и национально-освободительных движений, но и в каком-то смысле стремление «управлять» ситуацией).

В. Б. Каширин, обратившись к событиям русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (т. е. происходившим за полвека до начала Греческой революции), ставит их в контекст отечественной военной истории. Он отмечает, что и к началу этой войны Российская империя уже обладала небезуспешным опытом привлечения на военную службу уроженцев Дунайско-Балканского региона. Вместе с тем в канун войны у командования русской армии не было никаких замыслов по формированию новых иррегулярных подразделений из жителей Балкан и Дунайских княжеств. Все мероприятия такого рода, происходившие уже в условиях войны, во многом имели импровизационный и ситуативный характер и развивались под влиянием обстановки на театре военных действий и получаемой информации о действиях и намерениях противника. Более того, формирование арнаутских подразделений и началось, и продолжалось как во многом стихийная практика. Тем не менее, опираясь на получен-

ный опыт, в последующем российское командование раз за разом прибегало к образованию иррегулярных добровольческих формирований из жителей Дунайских княжеств и задунайских выходцев.

Национальная свобода на Балканах всегда была неотделима от экспансионистских устремлений. В.Б. Хлебникова это убедительно показывает на материале даже такого совсем маленького государственного образования как Черногория. Князь Никола Петрович стремился использовать любое политическое осложнение в регионе для расширения границ своего княжества и при этом демонстративно игнорировал советы и рекомендации российских покровителей, создавая им тем самым немалые неудобства. На словах угодливо заверяя их в своей готовности подчиниться воле Петербурга, на деле он, напротив, продолжал поощрять провокации и конфликты в пограничных областях, а иногда и не скрывал своей обиды и раздражения из-за попыток сдерживать его внешнеполитические амбиции и ограничивать свободу действий на границах. Как показывает исследователь, с 1901–1902 гг. в донесениях российской миссии в Подгорице появилась довольно неприятная тема подстрекательского поведения черногорской администрации на границах с Османской империей. Всем, казалось бы, обязанный Николаю II черногорский монарх оказался непредсказуемым партнером, самостоятельно взяв курс на обострение отношений с Османской империей. Скорее всего он рассчитывал, что в условиях войны русские покровители будут намного щедрее. Однако

для России, выступавшей за статус-кво, поставки оружия в беспокойный регион могли обернуться политическим скандалом. Подобное развитие событий было для Российской империи тем менее желательным, что она в то время была все более озабочена дальневосточными проблемами. И хотя из Петербурга последовали строгие указания, ситуация на границах Княжества не улучшалась. А между тем, эти проблемы были изначально порождены решениями Петербурга по слишком обильному финансированию черногорской армии. Вообще князь Никола всегда предпочитал военно-политические способы решения насущных проблем курсу на мирное развитие экономики. Исходя из архивных документов, В.Б. Хлебникова опровергает попытки внедрить в черногорскую историографию мысль о том, что финансовая поддержка России была исключительно инструментом грубого политического давления на Княжество.

Хорошее впечатление производит написанная на материале войны 1877–1878 гг. статья М.М. Фроловой, разрушающая долго бытовавшие в российской историографии стереотипы о якобы чуть ли не безоблачных отношениях между русскими и болгарами в их повседневных контактах. В начале войны, отмечает автор, русская пресса была полна восторженных сообщений о якобы радостных встречах болгарами русских войск в городах и селениях, сопровождаемых щедрым угощением. Однако гвардейские полки, вступающие на правый берег Дуная в сентябре 1877 г. и затем шедшие к Плевне, ожидал в Придунайской

Болгарии очень сдержанный и даже негостеприимный прием. И такое отношение местного населения, довольно неожиданное для командования русской армии, превратилось для него в весьма серьезную проблему в связи с постоянными затруднениями в обеспечении русских войск продовольствием. М. М. Фролова объясняет это элементарным страхом болгар, очутившихся меж двух огней и, чтобы выжить, вынужденных приспособляться, а нередко служить и русским, и туркам. Как констатирует автор, «чувство самосохранения, забота о семье и обеспеченность за будущий урожай заставляли болгар скрывать свой достаток, чтобы не остаться на зиму без продовольствия. Кроме того, первые неудачи русского оружия усилили неуверенность болгар в возможной победе России, а также обострили память, поскольку, независимо от результатов предыдущих русско-турецких войн, турки всегда возвращались. И эти обстоятельства заметно отражались на отношении болгар к русским».

В центре внимания Н. С. Гусева — сербская и болгарская пропаганда по македонскому вопросу в России в конце XIX — начале XX вв. Как констатирует автор, предлагавшиеся каждой из сторон проекты национального объединения заведомо предполагали отсутствие возможности полюбовного разрешения вопроса, а главным камнем преткновения являлись македонские земли. В то же время было очевидно, что великие державы не позволят балканским народам самим определить свое будущее. В таких условиях особое значение приобретала внешнепо-

литическая пропаганда, нацеленная на формирование представлений о правах того или иного государства на спорные земли. В ходе пропагандистских усилий, особенно с сербской стороны, нередко происходила апелляция к прошлому: мобилизованное сербское средневековое становится одним из инструментов внешнеполитической агитации. Как резюмирует Н. С. Гусев, «с высоты сегодняшнего дня все конструкции болгарских и сербских пропагандистов выглядят абстракцией. Насильственное воспитание из “аморфной славянской массы” сербов не дало результатов, и сейчас существование македонской нации не вызывает сомнений. Однако мотив исторического права, опора на средневековую историю в своих действиях или притязаниях и ныне присутствуют в жизни Балкан. Причём практически в не изменившемся более чем за столетие виде».

П. А. Искендеров пишет об особенностях албанского национального движения и его этапах в более широком региональном контексте в 1878–1914 гг. Основные черты этого движения проявились уже в деятельности Призренской лиги 1878–1881 гг., ставшей первым институтом формирования албанской государственности на Балканах и одновременно апогеем подъема албанского национального движения в XIX веке. Автор приводит бытующее в историографии мнение о том, что «обращение большого количества албанцев в ислам, а также предоставляемая им Портой безопасность против славян и греков окончательно способствовали тому, что они скорее отождествляли себя в целом с оттоманскими

турками, нежели осознавали специфические албанские идеалы и цели. Таким образом, сама природа оттоманского правления отсрочила появление албанского национального самосознания и последующего национального движения и привела к тому, что албанцы стали последней балканской нацией, обретшей свою независимость от Оттоманской империи». Крайне запутанный уже в рассматриваемую эпоху албанский вопрос никогда не утрачивал значимости для дальнейшего развития ситуации в регионе. И как подтвердило развитие событий на Балканах в последующие десятилетия, именно албанский вопрос продолжает и сегодня лежать в основе многочисленных региональных конфликтов, не позволяющих региону забыть о своей печальной участи «порохового погреба Европы».

В центре внимания Я. В. Вишнякова — идеология сербской военной элиты начала XX в. Как доказывает автор, белградский переворот 29 мая 1903 г. не затронул основ существующих в стране политической и социально-экономической систем. А вместе с тем тезис о гармоничном развитии Сербского королевства после переворота нуждается в существенной корректировке. После переворота в стране начался опасный для спокойствия государства раскол среди сербского офицерского корпуса. События 1908–1909 гг., связанные с включением в состав Габсбургской монархии Боснии и Герцеговины, внесли существенные коррективы и в идеологию собственно сербской военной элиты, которая не только трансформируется в самостоятельную политическую силу, но и стре-

мится взять в свои руки инициативу в решении вопроса «об объединении всех сербов», что привело к образованию в стране оформленной военной партии, по сути «партии войны». Эту партию, по мнению Я. В. Вишнякова, представляла прежде всего организация «Черная рука», к началу Балканских войн ставшая совершенно самостоятельной политической силой, проникнутой серьезной националистической доктриной, а успех Младотурецкой революции и события того же времени в Греции явились для офицеров сербской армии примером для подражания.

Если македонский вопрос неоднократно становился предметом рассмотрения в отечественной историографии, гораздо меньше повезло в этом плане фракийскому вопросу, болгаро-греческому национально-территориальному спору вокруг Западной Фракии. Эту лакуну восполняет статья Т. В. Волокитиной, представленная в настоящем сборнике. Автор показывает, что вся история Западной Фракии дает основания считать ее одной из невралгических, конфликтогенных точек на Балканах, объектом взаимных территориальных претензий и споров, неоднократно заканчивавшихся военными столкновениями. Как отмечает Т. В. Волокитина, здесь столкнулись две «великие» идеи — болгары мечтали об «идеальном отечестве», государстве двух морей — Чёрного и Эгейского, а греческая «Мегáli идея» преследовала цель создать «Великую Грецию»: реставрировать Византийскую империю со столицей в Константинополе и с Эгейским морем в качестве «внутреннего озера». Т. В. Волокитина обращает внимание

на живучесть фантомных границ в памяти поколений. Болгария в границах Сан-Стефанского договора 1878 г., затем заметно откорректированного на Берлинском конгрессе 1878 г., настолько прочно утвердилась в политическом сознании болгар как идеальное пространство, что превратилась в «священную корову» болгарского национализма. И в наши дни территориальные потери Болгарии в результате Второй Балканской (1913 г.) и Первой мировой войн прочно закреплены в сознании болгар, как «две национальные катастрофы». В статье, основанной на скрупулезном изучении источников, уделено внимание решению фракийского вопроса на Парижской мирной конференции 1947 г., где все территориальные вопросы рассматривались под углом зрения «большой политики», оттесняя этнические, исторические, экономические и прочие доводы и, уж тем более, призывы к восстановлению «справедливости».

Авторы книги не ограничиваются национальными движениями Балкан,

в поле их зрения оказываются и югославянские движения габсбургского пространства. В статье Л. А. Кирилиной, основанной на мемуарах видного словенского либерала В. Равнихара, показаны усилия деятелей словенского национального движения, направленные на пробуждение национального сознания словенцев, особенно в сильно онемеченной Нижней Штирии. При этом внутри движения не обходилось без острых конфликтов между либералами и католиками, заставлявших расходовать силы во вредоносной борьбе. Делая упор на национальном вопросе, некоторые ведущие деятели движения не уделяли, однако, должного внимания разработке социально-экономической программы.

Нет сомнения в том, что рецензируемый труд представит интерес не только для историков-балканистов, но и для политических экспертов, занимающихся выявлением исторических корней теперешних национально-территориальных споров, не теряющих своей остроты.

Я. Г. Шепель

Рец.: Piper H. Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg. Berlin: BeBra, 2019. 351 S.

Написанная Генриеттой Пипер биография кёнигсбергского евангелического священника Хуго Линка имеет особое значение для всех исследователей истории Восточной Пруссии первой половины XX в. и первых лет Кёнигсбергской (Калининградской) области. Линк пережил важнейшие события истории этой земли — от Первой мировой войны до образования Калининградской области. Написанная на основе неопубликованных источников из семейного архива биография помогает увидеть трагические события первой половины прошлого века от лица священника и дополняет традиционный исторический нарратив.

Ключевые слова: биография, Восточная Пруссия, Кёнигсберг.

Сведения об авторе: Яков Геннадьевич Шепель — магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Россия.

Контактная информация: iakovshep@gmail.com

I. G. Shepel

REV.: PIPER H. DER LETZTE PFARRER VON KÖNIGSBERG. HUGO LINCK ZWISCHEN OSTPREUSSEN UND HAMBURG. BERLIN: BEBRA, 2019. 351 S.

The biography of the Königsberg evangelical priest Hugo Linck, written by Henriette Piper, is important for all researchers of the history of East Prussia in the 20th century. Written on the basis of unpublished sources from the family archive, the biography helps to see the tragic events of the first half of the last century from the perspective of the priest and extends the traditional historical narrative.

Key words: biography, Königsberg, East Prussia.

About the author: Iakov G. Shepel, Master student, National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russia.

Contact information: iakovshep@gmail.com

Изданная в 2019 г. в берлинском издательстве *BeBra* биография кёнигсбергского евангелического священника Хуго Линка — это пример гармоничного сочетания научного

исследования биографии и рассказа об истории собственной семьи. Автор книги, сценаристка и переводчица со шведского Генриетта Пипер, является внучкой главного героя. Ей

© Я. Г. Шепель, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-209-216

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43039 «Советский народ» на крайнем западе России: теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области (1945–1991)».

удалось реконструировать биографию родственника, который жил на переломе эпох, но при этом воздержаться от апологетики, свойственной, к сожалению, многим публикациям подобного рода.

Биография Хуго Линка важна по нескольким причинам. Во-первых, в ней отражены все важнейшие события истории Германии и Восточной Пруссии первой половины XX в.: Первая мировая война, плебисциты в юго-западных районах Восточной Пруссии в июле 1920 г., галопирующая инфляция Веймарской республики, рост популярности национал-социалистов, Вторая мировая война и жизнь в послевоенном Кёнигсберге — Калининграде, который в 1945–1948 гг. стал местом совместного проживания советского и немецкого народов. Линк оставил подробные воспоминания о жизни в городе в 1945–1948 гг. Его опубликованные мемуары представляют собой важный источник по истории повседневной жизни в полуразрушенном городе (*Linck 1972; Linck 2014*). Автор биографии справедливо пишет в первом же предложении книги, что «[имя Линка] известно многим исследователям Восточной Европы и Восточной Пруссии» (*Piper 2019: 7*). В 2020 г. в *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* на исследование Г. Пипер уже была опубликована положительная, но сугубо реферативная рецензия историка Гизелы Борхерс (*Borchers 2020*).

Родственная связь Пипер с Линком, с одной стороны, дает некоторые преимущества. Например, автор часто ссылается на семейные воспоминания — рассказы родственников,

которые передавались из поколения в поколение. Другое преимущество — свободный доступ к семейному архиву — фотографиям, письмам, неизданным воспоминаниям Линка о пребывании в лагере военнопленных в Красноярске в 1915–1918 гг. и т. д. Частые обширные цитирования из неопубликованных источников ценны для историков, занимающихся Восточной Пруссией. Также в исследовании используются материалы из Центрального евангелического архива (Берлин) и Федерального архива Германии (Берлин). С другой стороны, подобная близость к объекту исследования ведет и к ряду возможных ограничений, связанных с темными страницами семейной истории, которые почти неизбежно есть в истории любой немецкой семьи в XX в. Пипер в предисловии честно обозначает свое положение, и читатель понимает, что перед ним не (с)только строгая биография, но и результат работы памяти.

Книга выстроена в хронологическом порядке — от ранних страниц семейной истории и рождения Линка в 1890 г. в Кёнигсберге до его смерти в Гамбурге в 1976 г. Будущий пастор родился в семье Рихарда Линка, который прошел путь от строителя до владельца нескольких доходных домов в Кёнигсберге. Ранние годы Линка и его сестер омрачило то, что родители решили жить раздельно, хотя и не развелись официально, — этот постыдный для того времени факт тщательно скрывался от общества. По настоянию матери Линк поступил в элитную кёнигсбергскую гимназию — Фридрихсколлегиум (*Collegium Fridericianum*). После окончания гимназии в 1908 г. он

учился на теологическом факультете Кёнигсбергского университета. Интерес к религии был обусловлен тем, что дядей Линка по материнской линии был священник Герман Ямровский. Пипер пишет, что он заменил Линку отца (Piper 2019: 20).

В книге большое внимание уделяется знакомству Линка с будущей женой — дочерью пастора из Ноймюнстера, Марией Шрёдер. Счастливое начало их отношений было омрачено Первой мировой войной. Второго августа 1914 г. Линк ушел добровольцем на фронт, участвовал в боевых действиях на территории Восточной Пруссии и в приграничных районах. В июле 1915 г. он попал в русский плен и вместе с другими пленными (военными и гражданскими) был отправлен в Красноярск, куда прибыл в начале октября того же года. Автор восстанавливает условия жизни в лагере военнопленных на берегу Енисея, используя неопубликованные тексты Линка и интервью с сестрами Гертрудой и Элизабет Шука из книги Уллы Лахауер (*Lachauer* 2008). Для создания более объемной картины жизни в плену можно было также использовать воспоминания сестры милосердия Анны-Марии Венцель (*Wenzel* 1931), которая в 1916–1921 гг. дважды побывала в местах пребывания пленных из Германии. Помимо этого, текст органично дополнили бы сведения из самих опубликованных дневников сестер Шука (*Gefangen* 2001), которые также находились в плену в Красноярске.

В главе, посвященной пребыванию Линка в плену, проявляется и исследовательская честность Пипер.

Исследуя архив пастора, она обнаружила его заметку с историей побега из плена. Сведения из этой заметки противоречили семейной истории, согласно которой Линк бежал из плена благодаря помощи своей жены Марии. Она связалась с влиятельной сестрой милосердия Эльзой Брендштрём, а та организовала передачу поддельного паспорта для Линка. На самом деле, в этой семейной истории, в которой, как пишет Пипер, главное «не правда, а посыл» (Piper 2019: 41), смешались события нескольких других историй. Автор, однако, предпочла не распутывать этот клубок.

В межвоенный период вернувшийся из плена Линк был ординирован в пасторы в Кёнигсберге. Он служил в различных общинах Восточной Пруссии — в деревне Пуппен (ныне дер. Спихово в Польше) и в городе Велау (ныне пос. Знаменск в Калининградской области), в 1930-е был избран пастором в Лёбенихтской кирхе в Кёнигсберге.

Тогдашний Пуппен — деревня в отдаленном от «цивилизации» немецко-польском пограничье. Переезд туда беспокоил родственников жены Линка, Марии. Уроженцы Ноймюнстера, лишь услышав название провинции, писали: «Восточная Пруссия? Что это? Это где-то рядом с Сибирью?» (Piper 2019: 46). К тому же, это было спорное пограничье, в июле 1920 г. там прошли плебисциты, на которых жители должны были решить: оставаться в составе Германии или присоединиться к воссозданному Польскому государству. Неопределенность, видимо, заставила Линка подать заявку на место священника в Ноймюнстере. Она

была отклонена, «это было большим потрясением для Марии», но облегчением для коренного жителя Восточной Пруссии Хуго (*Piper* 2019: 50–51), который продолжал служить в Пушпене (оставшемся в составе Германии) до 1922 г.

В 1920-е гг. в Велау Линк пережил духовную (и политическую) эволюцию. В маленьком провинциальном городе он столкнулся с обострившимся противостоянием правых и левых. Со стороны правых был священник Холланд — поклонник Эриха Людендорфа, который, приходя на еженедельные богослужения не в черном костюме, а в коричневом свитере, рассказывал о подвигах немецких солдат (*Piper* 2019: 60). Однажды обеспокоенный таким поведением Линк два часа разговаривал с Холландом, пытаясь переубедить его и призвать к «теологическому размышлению и церковной ответственности», но безрезультатно — Холланд вынужден был покинуть свой пост (*Piper* 2019: 60). С левой стороны были призывавшие покончить с церковью коммунисты, среди которых были и те, кого конфирмовал Линк лично (*Piper* 2019: 61).

Подобное положение Линка «над схваткой» сохранилось и в начале 1930-х гг. Он не состоял ни в одной партии и считал, что священник должен сторониться политики (*Piper* 2019: 66). Однако, как пишет Пипер, ему не было чуждо «национальное чувство», обостренное у всех жителей провинции, отделенной от остальной территории Германии (*Piper* 2019: 66). Родственная связь с героем книги не помешала иссле-

довательнице сделать следующее предположение: «Мы не знаем, питал ли Хуго, как и многие будущие священники Исповедующей церкви, изначально определенную симпатию к нацистской партии, которая в своей программе выступала в поддержку церкви» (*Piper* 2019: 66).

После прихода национал-социалистов к власти Линк примкнул к Исповедующей церкви — организации христианского Сопротивления, члены которой, хотя и являлись частью вполне лояльной Немецкой евангелической церкви, но продолжали выступать против верных режиму Немецких христиан и полного подчинения церкви государству. В главе, посвященной месту Линка в евангелической церкви в Восточной Пруссии в 1933–1939 гг., Пипер кратко пересказывает исследование самого Линка (*Linck* 1968), дополняя его материалами семейного архива. Примечательно заключение исследовательницы о том, что Восточная Пруссия представляла собой «особый случай» в нацистской церковной политике, поскольку гауляйтером здесь был активный функционер (помимо прочего, церковный) Эрих Кох — воспитанный в религиозной семье и неплохо знавший Библию (*Piper* 2019: 78). Хотя церковная политика Э. Коха уже становилась объектом исследования (*Meindl* 2007: 164–172), Пипер подробно реконструирует ход борьбы между оппозиционными и партийными священниками за ключевые церковные посты в провинции и указывает на малоизученный сюжет, отражающий надежды оппозиционных священников (в том числе и Линка) на Коха (*Piper* 2019: 80).

В главе, которая рассматривает двенадцать лет национал-социалистической диктатуры, довольно мало внимания уделено теме Холокоста. Автор приводит лишь несколько эпизодов. Первый связан с женой Линка, которая была поражена и испугана событиями Хрустальной ночи и написала об этом своей сестре (Piper 2019: 118). Другой эпизод связан непосредственно с Линком. Вскоре после начала германского вторжения в Польшу к нему пришел офицер полиции, который признался, что участвовал в расстреле евреев (Piper 2019: 125–126). Неизвестно, что пастор ответил полицейскому, но Пипер пишет, что профессия офицера была для Линка одной из самых уважаемых; с этим связано то, что он, например, не возражал против того, что сын Герхард выбрал ее в 1937 г., однако этот эпизод впервые поставил под сомнение доверие пастора к офицерам (Piper 2019: 125). Видимо, сами источники «умалчивают» о реакции Линка на события Хрустальной ночи, депортации евреев из Кёнигсберга в 1942 г. и десятках других эпизодов Холокоста, которые не мог не видеть священник одной из центральных церквей столицы Восточной Пруссии. Возможно, Линк опасался, что его письма будут перлюстрированы. Еще одним ограничением могла быть тайна исповеди.

С началом войны Германии против Советского Союза и вовлечением семьи Линков в военные действия оппозиционные настроения пастора лишь усиливались: его старший сын Герхард погиб в марте 1944 г. (Piper 2019: 343), средний сын Герман пропал без вести на Восточном фронте в июле 1944 г. (Piper 2019: 343),

а младший — Роланд — был ранен в марте 1944 г. (Piper 2019: 163).

Особое внимание стоит уделить главе, посвященной жизни Линка в советском Кёнигсберге (Калининграде). Автор, основываясь на воспоминаниях Линка, скрупулёзно воссоздает атмосферу разрушенного города. По сути, в условиях, когда в Кёнигсберге исчезли коммунальные власти, а советской военной администрации не хватало ресурсов для восстановления нормальной городской жизни, пастор Линк, не дискредитировавший себя сотрудничеством с нацистским режимом, исполнял важные административные функции. Например, он был организатором похоронных бригад, посредничал при разрешении конфликтов между немецким гражданским населением и представителями Красной армии, вел переговоры с советскими чиновниками по поводу организации в городе церковной жизни. Однажды он совместно с офицерами НКВД участвовал в поиске двух пропавших при странных обстоятельствах кёнигсбергских священников. Реалистично восстанавливая общий контекст, фокусируясь на сложных и трагических эпизодах совместной жизни русских и немцев в Кёнигсберге в 1945–1948 гг., Пипер обходит стороной положительные эпизоды этого времени, о которых писал сам Линк. Например, моменты, связанные с выражением уважительного отношения советских людей к священнику (Linck 2014: 91, 126) или искренним интересом советских чиновников к вопросам религии (Linck 2014: 21, 51).

Последние главы книги посвящены жизни Линка в Западной Германии.

Семья Линков поселилась в Гамбурге. Линк продолжил церковную работу, занимался написанием воспоминаний и книгой по истории «борьбы с церковью» («Kirchenkampf») в Восточной Пруссии (Linck 1968).

При общем высоком полиграфическом качестве издания, множестве иллюстраций (от фотографий и карт до фотокопий писем), удобном именном указателе, книга все же не лишена опечаток и неточностей. Так, на с. 169 допущена опечатка в слове *Zivilvourage* (правильно — *Zivilcourage*). На с. 184 советский генерал В. М. Гузий назван генералом *Gusi*. Подобный вариант написания объясним в случае самого Линка (Linck 2014: 67), но сегодня не составляет труда установить правильную фамилию и привести инициалы в именном указателе (то же самое касается и полковника Е. В. Рудакова (Piper 2019: 347)).

Вызывают вопросы и статистические данные, касающиеся послевоенной истории Кёнигсберга, которые приводит Пипер. Так, на с. 7 исследовательница пишет, что «[Хуго Линк и его жена] принадлежали к тем 24 тыс. (из 126 тыс.) кёнигсбержцев, которые после 9 апреля 1945 г. не умерли от голода, не скончались от эпидемий, не совершили самоубийство, не были угнаны или убиты». Очевидно, что автор здесь ссылается на «статистику» самого Линка, который привел ее в одной из своих книг о Кёнигсберге (Linck 1973: 15). Примечательно, что те же цифры без

ссылки на источник приводит историк Андреас Коссерт в книге о положении изгнанных в Германии после 1945 г. (Kossert 2008: 40). Согласно «Справке о наличии местного населения в районах Восточной Пруссии, отошедших к СССР (без Мемельского края), по состоянию на 1 сентября 1945 г.», численность немцев в Кёнигсберге составляла чуть более 68 тыс. человек (Восточная Пруссия 2018: 272). Очевидно, что в условиях послевоенной неразберихи было невозможно вести точную статистику, численность гражданских в городе после штурма остается предметом дискуссий, немецким авторам свойственно завышать цифру, а российским — занижать¹. При этом очевидно, что личные подсчеты пастора должны сопровождаться ссылками на более подробные исследования. Сам Линк в той же книге в скобках пишет, что «профессор Штарлингер оценивает [численность населения послевоенного Кёнигсберга] в 100 тыс. человек» (Linck 1973: 15).

Книга Пипер, несомненно, — это важное исследование биографии Линка, чьи воспоминания приобрели статус хрестоматийных для всех исследователей Восточной Пруссии межвоенного периода. Однако автор слишком часто следует за нарративом самого пастора. Боясь свернуть с протоптанной им тропы, Пипер допускает ошибки и неточности. Обращение к новейшей немецкой и российской историографии и архивным источникам² позволило бы обогатить не только биографику Восточной

¹ См. подробнее: Виллемс 2015: 44.

² Например, в Федеральном архиве Германии хранится отчет Линка о его проповеднической деятельности в русском плену. См.: Bundesarchiv Freiburg. PH 32/623. Seelsorge an deutschen

Пруссии, но и историографию заката Кёнигсберга и начала Калининграда.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Gefangen 2001 — Gefangen in Sibirien: Tagebuch eines ostpreußischen Mädchens 1914–1920 / hrsg. von Karin Borck; Lothar Kölm. Osnabrück, 2001.

Linck 2014 — Linck H. Königsberg 1945–1948. Frankfurt am Main, 2014.

Linck 1972 — Linck H. Im Feuer geprüft, als die Sterbenden, und siehe, wir leben. Berichte aus dem Leben der Restgemeinden nach der Kapitulation in und um Königsberg. Leer, 1972.

Wenzel 1931 — Wenzel A. Deutsche Kraft in Fesseln: fünf Jahre deutscher Schwesterndienst in Sibirien (1916–1921). Potsdam, 1931.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виллемс 2015 — Виллемс Б. Между соучастником и жертвой: опыт гражданского населения при осаде крепости Кёнигсберг в 1945 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 12. С. 43–51.

Восточная Пруссия 2018 — Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю. В. Костяшова. Калининград, 2018.

Кретинин 2012 — Кретинин Г. В. Штурм Кёнигсберга в 1945 г.: численность и потери противостоявших сторон и гражданского населения // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2(11). С. 138–154.

Borchers 2020 — Borchers G. Rezension auf: Henriette Piper: *Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreu-*

ßen und Hamburg. BeBra. Berlin, 2019. // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 2020. H. 1. S. 142–144.

Kossert 2008 — Kossert A. *Kalte Heimat. Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945.* München, 2008.

Lachauer 2008 — Lachauer U. *Ostpreußische Lebensläufe.* Hamburg, 2008.

Linck 1968 — Linck H. *Der Kirchenkampf in Ostpreußen, 1933–1945. Geschichte und Dokumentation.* München, 1968.

Piper 2019 — Piper H. *Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg.* Berlin, 2019.

Meindl 2007 — Meindl R. *Ostpreußens Gauleiter. Erich Koch — eine politische Biographie.* Osnabrück, 2007.

REFERENCES

Borchers G. Rezension auf: Henriette Piper: *Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg.* BeBra. Berlin, 2019. // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 2020. H. 1. S. 142–144.

Kossert A. *Kalte Heimat. Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945.* München, 2008.

Kretinin G. V. Shturm Kyonigsberga v 1945 g.: chislennost' i poteri protivostoyavshih storon i grazhdanskogo naseleniya // *Problemy nacional'noj strategii.* 2012. no. 2(11). p. 138–154.

Lachauer U. *Ostpreußische Lebensläufe.* Hamburg, 2008.

Linck H. *Der Kirchenkampf in Ostpreußen, 1933–1945. Geschichte und Dokumentation.* München, 1968.

Meindl R. *Ostpreußens Gauleiter. Erich Koch — eine politische Biographie.* Osnabrück, 2007.

Piper H. *Der letzte Pfarrer von Königsberg. Hugo Linck zwischen Ostpreußen und Hamburg.* Berlin, 2019.

Kriegsgefangenen und Flüchtlingen. Bericht des Pfarramtskandidaten Lt. d. R. Hugo Linck über seine geistliche Tätigkeit während seiner Gefangenschaft in Russland 1915, o. Dat.

Villems B. Mezhdu souchastnikom i zhertvoj: opyt grazhdanskogo naseleniya pri osade kreposti Kyonigsberg v 1945 godu // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2015. no. 12. p. 43–51.

Vostochnaya Prussiya glazami sovetskih pereselencev. Pervye gody Kaliningradskoj oblasti v vospominaniyah i dokumentah / pod red. Yu. V. Kostyashova. Kaliningrad, 2018.

М. В. Кирчанов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И РЕВИЗИОНИЗМОМ: МЕМОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автор анализирует роль в современной историографии книги российских историков «Историческая политика в странах бывшей Югославии». Предполагается, что книга стала вкладом в современную российскую историографию, сфокусированную на анализе исторической политики. Анализируется восприятие политики памяти в постъюгославских контекстах в современной российской историографии. Изучены особенности авторского восприятия акторов исторической политики, ее особенностей на Балканах, роль национализма и ревизионизма в развитии мемориальных культур.

Ключевые слова: историография, политика памяти, историческая политика

Сведения об авторе: Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж).

Контактная информация: maksymkyrchanoff@gmail.com

M. V. Kyrchanoff

HISTORICAL MEMORY BETWEEN NATIONALISM AND REVISIONISM: MEMORIAL
POLICY IN THE FORMER YUGOSLAVIA IN CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The author analyzes the role of the book of Russian historians "Historical Policy in the Countries of the Former Yugoslavia" in modern historiography. It is assumed that the book has become a contribution to modern Russian historiography, focused on the analysis of historical politics. The perception of the

politics of memory in post-Yugoslav contexts in modern Russian historiography is analyzed. The features of the author's perception of the actors of historical politics, its features in the Balkans, the role of nationalism and revisionism in the development of memorial cultures are studied.

Keywords: historiography, politics of memory, historical politics

About the author: Kyrchanoff Maksym V., doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Department of foreign countries history and Oriental studies, Historical faculty, Voronezh State University (Voronezh).

Contact information: maksymkyrchanoff@gmail.com

В историографии особую актуальность приобрели сравнительные исследования исторической политики. В российской научной литературе не предложено единой дефиниции этого понятия. Отечественными историками активно используют термины «историческая политика», «политика памяти», «мемориальная политика» и другие дефиниции, позволяющие описывать манипуляции правящих элит и общества относительно собственного исторического опыта и истории других стран, если та затрагивает интересы политических элит. Историческая политика в современном мире относится к числу универсальных явлений, ее различные формы практикуются во всех обществах, ни одно современное государство не может обойтись без обращения к прошлому как мобилизационному ресурсу, который используется для решения различных политических задач.

Современные российские историки уделяют значительное внимание проблемам не только теоретических и методологических оснований политики памяти и развития мемориальных культур, связанных с трансформациями и мутациями коллективной исторической памяти под влиянием политических, религиозных, идеоло-

гических, культурных и других факторов, но и проводят исследования опыта отдельных европейских стран и незападных обществ, связанного с «проработкой прошлого» с целью решения тех или иных задач, которые стоят перед элитами.

На этом фоне следует приветствовать издание в 2022 г. коллективного труда под редакцией нижегородского историка М.В. Белова «Историческая политика в странах бывшей Югославии». Книга, подготовленная усилиями сотрудников Института славяноведения РАН (Н.С. Пилько, А.А. Силкин, Г.Н. Энгельгардт), Нижегородского университета (М.В. Белов, С.В. Кузнецова), МГИМО(У) МИД РФ (Я.В. Вишняков), СПбГУ (Е.А. Колосков) и Белградского университета (А.Ю. Тимофеев) представляет собой одно из немногочисленных фундаментальных исследований, посвященных политике памяти на пространстве бывшей СФРЮ.

Появление подобного издания в России в 2022 г. вызывает смешанные чувства. Амбициозная попытка российских историков-славистов систематизировать и в сравнительно-исторической перспективе обобщить проявления и механизмы развития

политики памяти, конечно же, свидетельствует как об академической зрелости научного сообщества, так и о значительном потенциале его развития, так как в Европе подобные проекты нередко реализуются на транснациональной основе. Можно сожалеть лишь о том, что такое исследование на русском языке появилось только в 2022 г.

В силу того, что, как полагает М. Тодорова, в современной историографии «в широком смысле предлагается воспринимать общую проблему истории и памяти со всеми ее сопутствующими аспектами — проблемой “общей”, “социальной”, “коллективной” или “народной” памяти» (Тодорова 2012), запрос на обобщающие исследования исторической политики становится все более очевидным. К настоящему времени аналогичные, сопоставимые по проблематике и географии исследования реализованы в Европе. Например, в 2003 г. в Сараево усилиями местного Института истории вышла коллективная монография «Исторические мифы на Балканах» (Kamberović 2003), которая тематически и содержательно пересекается с рецензируемой российской работой. Западные авторы внесли свой вклад в изучение исторической политики в постъюгославской сравнительной перспективе, анализируя различные мемориальные культуры и режимы функционирования памяти через призму европеизации (Milošević, Trošt 2021) и идеологизации (Jensen 2021) мнемонических практик и пространств.

Книга, подготовленная отечественными историками, не только не усту-

пает западным публикациям, но в целом соотносится с теми тенденциями, которые определяют основные векторы развития мемориальных штудий. Российское издание имеет оригинальную структуру, состоит из девяти крупных разделов, в которых авторский коллектив попытался проанализировать основные факторы, формирующие и определяющие особенности проведения исторической политики в странах бывшей Югославии. Среди объектов изучения авторского коллектива находятся как теоретические вопросы, связанные с политикой памяти, перестройкой и развитием институтов исторического знания, так и особенности функционирования исторического ревизионизма в изучаемом авторами регионе.

Особое внимание уделено одному из ключевых аспектов современных мемориальных штудий — проблеме акторов, вовлеченных в реализацию исторической политики и разного рода культурных мемориальных практик и стратегий, которые применяются на Балканах. Проблема участников, «агентов», по определению М. В. Белова (Белов 2022а: 15), или «контрагентов» (Колосков 2022а: 277), по версии Е. А. Колоскова, исторической политики актуальна для современной специализированной литературы, так как «число агентов “исторической политики” возрастает, и они находятся в отношениях конкуренции и сложного взаимодействия» (Белов 2022а: 15). Авторы книги проанализировали аспекты, связанные с символическими и визуальными формами исторической политики в странах бывшей Югославии.

Анализируя представленный труд, следует принимать во внимание его синтетический характер. Главы, вошедшие в издание, написаны разными авторами, которые представляют как столичные, так и региональные российские университеты. Авторы книги имеют различные академические интересы, и в этом контексте издание получилось в значительной степени репрезентативным, отражающим реальную ситуацию, которая в российской историографии сложилась в сфере изучения политики памяти, ограниченной пространством бывшей Югославии. Именно поэтому некая единая версия восприятия исторической политики в представленной коллективной монографии фактически отсутствует. Как ни парадоксально, именно это является одной из сильных сторон представленного издания, которое актуализирует различные точки зрения, высказанные и предложенные в современной российской историографии относительно исторической политики и разных форм мемориальной культуры.

Авторы книги весьма различно, в соответствии с их собственными представлениями о предмете и объекте исследования, подошли к изучению форм и проявлений исторической политики. Мы можем упомянуть ряд текстов, авторы которых успешно и эффективно ассимилировали исследовательские практики, ранее предложенные в западной историографии, сфокусированной на изучении исторической политики как политики памяти. В то же время в работе присутствуют тексты, которые формально не имеют непосредствен-

ного отношения к мемориальным культурам, формируемым и развивающимся в рамках исторической политики. Это относится к текстам, посвященным институтам исторического знания, которые представлены историческими факультетами и специализированными исследовательскими институциями в пространстве от Любляны до Приштины. Если мы обратимся к междисциплинарной историографии коллективной исторической памяти, то заметим, что эти акторы играют вторичную и вспомогательную роль в проведении исторической политики в сравнении с активностью и влиянием средств массовой информации и общественных активистов, вовлеченных в формирование и пересмотр актуальной повестки дня, связанной с трансформациями мемориальных культур в постсоциалистических государствах.

Следует помнить о том, что авторы монографии в ряде ее прорывных фрагментов, которые действительно могут быть отнесены к историографии памяти, проанализировали не только нарративные стратегии исторической политики, но и показали значительный потенциал визуальных практик, связанных с разного рода государственными символами, гербами и флагами, а также различными мемориальными политическими мероприятиями, которые проводятся по инициативе политических элит. М.В. Белов справедливо полагает, что «создание независимой государственности на руинах коммунистических федераций повлекло за собой чрезвычайно масштабные перемены в символическом инвентаре» (Белов 2022f: 155).

Подобные трансформации проанализированы в различных национальных контекстах, включая хорватский опыт. М. В. Белов и С. В. Кузнецова анализируют эти трансформации через призму Блайбургских мнемонических практик и ритуалов. Они показывают, что «Блайбург стал ключевым политическим ритуалом в современной Хорватии, который воплощает в себе одновременно травмирующее прошлое и момент исторического разрыва» (Белов, Кузнецова 2022: 249), актуализируя одновременно множественный состав акторов памяти (усташи, потомки усташей, левые, либеральные активисты) и ее идеологические доминанты (хорватский национализм, либерализм, европеизм, политическая корректность), отягощенные ревизионизмом, сращенным с националистической риторикой.

Книга представляет безусловный интерес, и отдельные ее фрагменты являются исключительно удачными, что нельзя, к сожалению, сказать о некоторых других разделах, вошедших в коллективную монографию. Если большая часть фрагментов написана в соответствии с канонами «мемориальных штудий», то меньшее число текстов, к сожалению, принадлежит исключительно к нормативной историографии. Авторы таких работ пребывают, вероятно, в рамках довольно архаичной парадигмы исторического анализа, а их выводы практически не соотносятся ни концептуально, ни методологически с другими составными элементами рецензируемого коллективного труда. Вместе с тем практически все тексты актуализируют различные проблемы, связанные именно с исто-

рической политикой как политикой памяти.

Безусловно интересной и оригинальной является попытка авторов проанализировать состав и структуру акторов исторической политики. В историографии относительно акторов, участвующих в выработке представлений общества о прошлом и формирующих его мемориальные культуры, единое мнение отсутствует, что отражает и восприятие авторами рецензируемого издания самого изучаемого ими явления исторической политики. Часть авторов склонна видеть в основных участниках политики памяти средства массовой информации и общественных активистов, которые оперируют различными интерпретациями прошлого для реализации тех или иных политических или идеологических целей и задач. В этом отношении заметно следование сложившейся историографической традиции, основанной на радикальном разделении понятий «политика памяти» и «историческая наука».

С другой стороны, авторы рецензируемой книги в целом соотносят свое восприятие политики памяти с составом ее участников и теми контекстами, в которых последние действуют. Следует признать, что сильной стороной рецензируемого издания являются как раз попытки его авторов подвергнуть пересмотру восприятие политики памяти, основанное на последовательной редукции ее акторов до СМИ и разного рода общественных активистов. Наряду с академическими историками и интеллектуалами, которые не всегда имеют историческое

образование, но активно участвуют в обсуждении прошлого на национальном уровне, в качестве акторов исторической политики воспринимаются разного рода научно-исследовательские институты, а также исторические и философские факультеты, вовлеченные в изучение истории, редуцируемой в балканском случае до границ отдельных государств.

Анализируя состав участников исторической политики, индивидуальных и коллективных, авторы представленной монографии предлагают их типологию, являющуюся также и ролевой иерархией. Во внимание следует принимать и вовлеченность, в ряде случаев — вынужденную, в нее профессиональных историков. Подобная точка зрения была, например, озвучена украинской исследовательницей И. Колесник, подчеркивающей, что «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллигент всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму» (Колесник 2017: 9). Весь этот диапазон иерархических ролей историков в политических манипуляциях памятью находят и авторы рецензируемого труда, соотнося эти функции с балканскими политическими и культурными реалиями.

По мнению российских историков-славистов, в реализации политики памяти в республиках бывшей Югославии следует выделять: «воителей или борцов, которые отстаивают свою версию прошлого как единственно верную; плюралистов, признающих разнообразие интерпретаций прошлого и готовых к компромиссам в рамочном соглашении об основных принципах политики памяти; уклонистов, избегающих по определенным причинам участия в исторических дискуссиях; прожектеров, с той же мерой агрессии, что и “борцы”, готовых порвать с прошлым, поскольку уже разгадали загадку финала истории... последнюю категорию в посткоммунистическом пространстве редакторы так и не обнаружили» (Белов 2022а: 18). Подобная иерархия, вероятно, применима для описания балканских реалий политики памяти, но такая градация и типология неоднократно была описана в предшествующей историографии, сфокусированной на восточно-европейском опыте.

Эти акторы связаны преимущественно с формированием, развитием, сохранением и воспроизводством академического исторического нарратива, необходимого для написания национальных историй, что решает конкретные задачи, стоящие перед политическими элитами. Авторы книги уделяют внимание тем участникам исторической политики, которые не так часто оказываются в центре внимания современных междисциплинарных исследований, посвященных исторической памяти и различных мемориальных культур. Рецензируемая монография интересна тем, что ее авторами показано, как

мемориальная культура в современных обществах может формироваться не только профессиональными историками, связанными с различными академическими институтами, но и неакадемическими институциями, включая средства массовой информации и разного рода политических активистов.

Подобная ситуация, как правило, характерна для политики памяти, ограниченной отдельными обществами. В представленной же монографии ее авторы существенно расширили состав и иерархию участников исторической политики, интегрировав в их число не только национальные, но и наднациональные структуры, включая Международный трибунал по бывшей Югославии. Последний в рецензируемом издании анализируется в качестве активного участника исторической политики и определяется как тот мнемонический актер, который внес существенный вклад в актуализацию травматического исторического опыта, а также содействовал виктимизации или реабилитации политиков, активность которых в национальных памятях государств региона воспринимается диаметрально противоположно.

В издании показано, что Трибунал, наряду с национальными интеллектуальными сообществами и академическими институциями, стал источником своего собственного исторического нарратива, который в той или иной степени формирует мемориальные культуры, влияя на функционирование национальных идентичностей и коллективной памяти тех сообществ, которые в Трибунале фигурировали в качестве жертв или

обвиняемых. При этом нарративные стратегии Трибунала авторами сборника оцениваются более чем скептически. По мнению С. В. Кузнецовой, «способность МТБЮ создать собственный исторический нарратив о конфликтах первой половины 90-х и через него оказывать влияние на национальные истории причастных к ним стран с целью их примирения» (Кузнецова 2022b: 79) на протяжении длительного времени пребывала на периферии исследовательского интереса не только историков, но также юристов и политологов.

Если С. В. Кузнецова указывает на важность наднациональных акторов памяти, представленных Трибуналом, то М. В. Белов ограничивает их иерархию национальными структурами, например — САНУ. Воспринимая академию как потенциального производителя смыслов, в том числе — и символических, М. В. Белов полагает, что наррация может подвергаться «мемориализации», что, например, и произошло с «Меморандумом САНУ», ставшим одновременно и формой ревизионизма, и текстуализованным местом памяти, и «орудием национальной и исторической политики» (Белов 2022e: 335).

Наряду с Трибуналом и академиями, не менее важным актором исторической политики является и сама государственность, особенно в тех случаях, если та или иная бывшая югославская республика не имеет атрибутированных и институционализированных в прошлом политических предков, связанных с формально титульной этнической группой. Примером такого коллективного

актора-государства в политике памяти является современная Северная Македония. Если МТБЮ в своей политике памяти руководствовался формально правовыми нормами, что фактически вело к виктимизации и актуализации коллективных травм, если авторы «Меморандума САНУ» были движимы одновременно подавленным гражданским национализмом, сербским этническим национализмом и в не меньшей мере этническим ревизионизмом, то современные македонские элиты склонны руководствоваться при проведении политики памяти сомнительной логикой редукции.

Актуальная македонская мемориальная культура наиболее ярко проявляется в скульптурных памятниках, основным заказчиком которых является государство. В центральных пространствах Скопье власти фактически санкционировали «доминирование античных персонажей в плане как расположения, так и размера на фоне государственных зданий, построенных в псевдоклассическом стиле» (Колосков 2022b: 386), что подвергло редукции албанский, османский и социалистический мнемонические пласты, переместив связанные с ними сюжеты в пространство коллективной амнезии или альтернативной, вытесняемой памяти.

Не менее значимый вариант функционирования мемориальной культуры представлен в Хорватии, где одна из конкурирующих версий исторической памяти основана на культе Франьо Туджмана. Хорватская ситуация уникальна в силу целого ряда факторов, отраженных в рецензируемой монографии. Хор-

ватский опыт актуализирует как общие, так и национальные тенденции мутации мемориальных культур в государствах бывшей Югославии, где «пересмотр прошлого произошел после краха коммунизма, частично от того, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в “режиме забывания”... крах коммунизма представлял собой также дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» (Айтүэйт, Рэй 2006: 30). В хорватском случае именно кризис коммунистической идеологии, которая, утратив свою монополию, оказалась вынужденной конкурировать с национализмом, стимулировал «эрозию» мемориальной культуры, проявившуюся в параллельном «забывании» крайностей собственного этнического национализма и «вспоминании» себя только как жертвы.

Влияние национализма, связанного с историческим ревизионизмом, не ставится под сомнение. Политика памяти в Хорватии никогда не отличалась последовательностью: пересмотр истории в направлении реабилитации усташей начался еще в период пребывания у власти президента-ветерана, который не только с ними боролся в период Второй мировой войны, но и сохранил в Загребе памятник Й. Броза Тито. Следствием этих противоречий стало то, что мемориальная культура современной Хорватии основана на «поверхностной реконструкции актуальной исторической памяти, скороспелой гламуризации недавнего прошлого и косметическом “евроремонте”» (Белов 2022с: 439) наиболее

травмоопасных эпизодов национальной истории, которые вполне применимы на внутреннем политическом рынке идентичностей, но про которые хорватские политики стыдливо умалчивают на европейском уровне.

Авторами рецензируемой монографии в качестве акторов исторической политики рассматриваются и различные культурные активисты, которые вносят свой вклад в визуализацию исторической памяти на современном этапе. Перспективными, с точки зрения синтеза достижений собственно истории с наработками истории культуры, являются разделы, посвященные попыткам визуализации исторических коллективных травм, полученных обществами бывшей Югославии в военных конфликтах 1990–2000-х гг. Особое внимание в настоящем издании уделено национальным кинематографиям, которые воспринимаются как участники исторической политики.

Диапазон визуальных форм памяти в бывших югославских республиках отличается разнообразием, в рамках которого сочетаются и соразвиваются «деконструкции патриотически заряженной памяти» (Тимофеев 2022: 207) и продвижение националистического нарратива, превращаемого в миф (Кузнецова 2022а: 472–482). Следует приветствовать попытку авторов существенно расширить восприятие политики памяти, содействия эрозии сложившихся стратегий ее описания через призму нарративов и формируемых ими дискурсов. Авторы уделили определенное внимание и визуализации самого явления «историческая память», показав, что проводимые на нацио-

нальных уровнях «проработки прошлого» актуализируют различный визуальный опыт общей коллективной исторической травмы.

Мы можем констатировать, пусть и опосредованное, но все же влияние визуального поворота в западной историографии. Зарубежные историки, вовлеченные в анализ символического и политического смыслов визуальности, внесли существенный вклад в изучение коллективных памятей и мемориальных культур, формирующих мнемонические пространства, в рамках которых функционируют современные представления общества о его историческом прошлом. Исследование памяти в современной историографии относится, таким образом, к числу междисциплинарных областей исторического знания. Изучение исторической политики в ее региональных и национальных аспектах через призму сравнения и сопоставления требует от историка памяти знакомства с основными методологическими тенденциями, которые определяют основные векторы и траектории развития современной историографии.

Что касается рецензируемого издания, то авторы представленных разделов демонстрируют не только знакомство с основными концептами «мемориальных штудий». Правда не совсем ясно, почему тексты западных историков, которые повлияли на значительную часть разделов рецензируемой коллективной монографии, столь выборочно представлены в справочно-библиографическом аппарате. С точки зрения развития междисциплинарной историографии, чрезвычайно показательными

являются разделы, посвященные утверждению новой государственной символики, а также развитию национальных валют и официальной атрибутики, включая флаги и национальные валюты. Ассимилировав достижения западной историографии, авторы сборника показывают, что и гербы, и флаги, и боны, и монеты в современном мире являются важными каналами визуализации и актуализации национальной идентичности в мемориальной перспективе.

Теоретические основы для изучения подобных явлений в современной политике памяти были заложены более сорока лет назад западными историками в рамках имажинативного и инвенционистского поворотов. В данном случае речь идет о концепциях «воображения сообществ» и «изобретения традиций». Стилистика и общее изложение материала в разделах, посвященных символике и валютам в качестве «изобретенных традиций» государств бывшей Югославии как «воображаемых сообществ», явно свидетельствует о том, что эти концепции авторам сборника не только знакомы, но успешно ими ассимилированы в рамках их собственного академического дискурса. Рецензируемая монография актуализирует и визуализирует степень ассимиляции некоторыми российскими авторами западного методологического инструментария, возникшего в рамках «мемориального поворота». Это допущение относится к разделам, посвященным развитию государственной символики, отражению национальной идентичности на банкнотах балканских государств, а также главам, сфокусированным на анализе различных праздников,

связанных с трагическими датами военных поражений или, наоборот, попытками глорифицировать недавний травматический исторический национальный опыт.

Авторами монографии показано, что балканские практики изобретения традиций оказались чрезвычайно пластичными и зависимыми как от внешней, так и от внутренней конъюнктуры. М.В. Белов подчеркивает важность «зависимости официального календаря от политических циклов и электоральных интересов», что автоматически запускало социальные и культурные механизмы «девальвации центральных дат» и «наращивания новой номенклатуры» (Белов 2022d: 193), хотя различные формы и стратегии публичного «поминовения» не вытесняют друг друга, продолжая со-функционировать, визуализируя ситуацию множественности мемориальных культур, представленных левыми, националистическими и гражданскими альтернативными памятьми или контрпамятями.

Одной из особенностей представленной коллективной монографии является то, что не все ее авторы четко различают и разделяют категории «академическая историография» и «историческая политика». Некоторые тексты, вошедшие в книгу, имеют опосредованное отношение к явлению политики памяти в современном мире, касаясь в большей степени вопросов развития академической исторической науки, которая не всегда является участником исторической политики памяти, хотя и может на нее влиять. К числу бесспорных достоинств книги относится то, что

авторы значительное внимание уделили проблемам исторического ревизионизма. При том, что в российской историографической традиции сложилось крайне настороженное отношение к такому явлению как «исторический ревизионизм».

В современной историографии существуют две точки зрения на ревизионизм. Первая представлена преимущественно в западной научной литературе, в рамках которой ревизия редуцирована до элемента познавательного инструментария историка. В 2003 г. Джэймс МакФерсон, президент Американской исторической ассоциации, актуализировал именно познавательные и эпистемологические компоненты ревизии, которая, по его словам, «является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой [...] Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах» (McPherson 2003: 1). В российском славяноведении, сфокусированном на изучении новейшей истории

постъюгославского пространства, доминирует более взвешенное и настороженное отношение к историческому ревизионизму, основанное на понимании его зависимости от этнического национализма.

Авторы книги в восприятии ревизионизма сосредоточены преимущественно на фиксации формальных различий «между “ревизией” как легитимным пересмотром историками научного образа прошлого в свете новых источников, усовершенствованной методологии и под влиянием широких общественных запросов, с одной стороны, и “историческим ревизионизмом”, с другой» (Белов 2022b: 60). Обратившись к балканскому опыту исторической политики, авторы коллективной монографии визуализируют именно региональные, национальные особенности его проявления в истории и использования в политике, что актуализирует специфику исторического ревизионизма в Сербии и Хорватии в отличие от, например, Чехии, где «переосмысление собственных исторических мифов было, несомненно, реакцией на идеологизированную социалистическую историографию. В то же время это была попытка переосмысления традиционных стереотипов в оценке мифов, исторических событий и личностей, которые сложились в XIX в.» (Маркава 2012:192).

Если в странах бывшей Югославии участники исторической политики с готовностью подвергают идеологически и политически мотивированной ревизии опыт СФРЮ, то с националистическими мифами собственного национального

сообщества им расстаться гораздо труднее. Белорусский историк А. Ластовский, комментируя инструменталистское восприятие истории как инструмента политики, подчеркивает, что «если прошлое воспринимается как нечто негативное, как тяжесть и отклонение от “нормального” пути, то перед элитами и обществом неизбежно встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» (Ластовский 2016: 37). Восприятие коммунистического прошлого как «ненормального» стимулировало элиты бывшей Югославии использовать ресурс ревизионизма, который, правда, не содействовал поиску новых «траекторий» развития, подменив их национализмом.

Анализируя роль ревизии истории в формировании политики памяти и пересмотре различных мемориальных канонов и культур, авторы рецензируемого издания особое внимание уделяют взаимозависимости ревизионизма с внешней идеологической конъюнктурой, связанной в балканском случае, как правило, со строительством национального государства. В результате постъюгославские страны получили то, что Н. Копосов определяет как «искусственно сконструированную память при живом участии историков, но неподвластную науке» (Копосов 2013: 62), а в балканском случае — в большей степени зависимую от национализма как фактора, претендующего на статус парадигмы в функционировании мемориальных культур.

М.В. Белов признает, что «обращаясь к разным эпохам, по мере экспан-

сии *memory studies* в гуманитарных науках, исследователи стали четче осознавать степень различий в способах поддержания памяти, которые и сами воздействуют на ее содержание, характерные черты и ритмы активации. Память исторична, как и сами ее исследования, а исследователи, идентифицирующие себя с *memory studies*, вовлечены в процессы формирования памяти» (Белов 2022а: 11). Авторы книги не становятся агентами конкурирующих мемориальных культур и вынужденными участниками «войн памяти», пребывая в рамках подчеркнуто академического восприятия предмета своего исследования.

Исходя из логики именно академического анализа авторов монографии, пусть и не всегда бесспорной, ревизионизм в исторической политике бывших югославских стран связан с развитием этнического и гражданского национализма. Степень видимости, влияния ревизионизма в национальных историографических культурах, с одной стороны, и в мемориальных пространствах, с другой, связано с доминированием принципов политического или этнического национализма. Зависимость балканского ревизионизма от идеологической конъюнктуры может содействовать усилению как этнических, так и гражданских мотивов в национализме. Авторы очень точно фиксируют миксацию националистического и академического языков, при помощи которых общество коммуницирует с элитами.

По мнению М.В. Белова, одно из центральных мест в постъюгославской политике памяти принадлежит

активно практикующим националистами, которые «будучи анахроничными и архаичными, оперируют заимствованной терминологией “мнемонического поворота”: жертвы и палачи, вина и безвинность, тоталитаризм и демократия» (Белов 2022b: 62). Ситуация с политикой памяти, например, в Хорватии, Косово или Сербии может быть отягощена множественными ролями-статусами ее участников, так как практикующие историки могут быть не менее активно практикующими националистами, что содействует миксации дискурса, синтезируя академические формы наррации с явно идеологическими нарративами национализма.

Авторы монографии соотносят и сопоставляют развитие исторического ревизионизма с попытками националистических элит построить современное, в их понимании, как правило, национальное, государство на Балканах. В западной историографии предложено несколько иное, расширенное понимание исторического ревизионизма как универсального инструмента, позволяющего историкам подвергать сомнению основные интерпретации фактов прошлого, что содействует особой культуре исторического знания, в основе которой лежит интерес исследователей, а не запросы элит.

Такое восприятие ревизионизма сводит это явление к научной дискуссии и дебатам в рамках академического сообщества, что генерирует новые нарративы. Подобный подход, к сожалению, представляется неэффективным в контекстах изучения политики памяти на территории бывшей Югославии, так как в госу-

дарствах этого региона восприятие исторического ревизионизма имеет инструменталистский, прикладной и практико-ориентированный характер. Проанализированные в коллективной монографии сербские и хорватские версии современного исторического ревизионизма в гораздо большей степени соотносятся не с развитием историографии, но с потребностями политики исторической памяти как именно «политики». Балканский опыт исторической политики, развития национальных мемориальных культур и связанных с ними мнемонических пространств актуализирует преобладание инструменталистского подхода, что фактически институционализирует зависимость между исторической политикой и ревизионизмом, который описывается через призму развития и функционирования этнического национализма, превращаясь в его частный случай.

Коллективная монография «Историческая политика в странах бывшей Югославии» стала не только вкладом российских историков-славистов в мемориальный поворот в современной междисциплинарной историографии, но и показала, как достижения, так и те проблемы и трудности методологического плана, с которыми сталкиваются отечественные историки, вовлеченные в изучение исторической политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ајтјџит, Рэй 2006 — *Ајтјџит Џ., Рэй Л.* Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27–43.

Белов 2022a — *Белов М. В.* «Историческая политика» или «политика памяти»? //

Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 7–27.

Белов 2022b — Белов М.В. «Исторический ревизионизм» в критике постъюгославских историков // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 58–73.

Белов 2022c — Белов М.В. «Только скульптуры знают, каким Туджман был»? Памятник в фокусе публичных дебатов // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 422–442.

Белов 2022d — Белов М.В. Новая реформа официального календаря в Хорватии // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 180–196.

Белов 2022e — Белов М.В. Обустройство «места памяти»: «Меморандум САНУ» тридцать лет спустя // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 334–348.

Белов 2022f — Белов М.В. Политика календаря в постъюгославских государствах: обзор // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 154–158.

Белов, Кузнецова 2022 — Белов М.В., Кузнецова С.В. «В память о невинных жертвах...»: Блайбург — спорное «место памяти» Хорватии // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 247–264.

Колесник 2017 — Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2017. Вип. 9. С. 9–24.

Колосков 2022a — Колосков Е.А. Память о войне 1998–1999 гг. в современном Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред.

М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 276–282.

Колосков 2022b — Колосков Е.А. Строительство vs разрушение: памятники и мемориальные пространства Северной Македонии и Косово // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 384–394.

Копосов 2013 — Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57–93.

Кузнецова 2022a — Кузнецова С.В. Генерал Анте Готовина: национальный (кино)герой независимой Хорватии // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 472–482.

Кузнецова 2022b — Кузнецова С.В. Международный трибунал по бывшей Югославии как мнемонический актор // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 73–90.

Ластойські 2016 — Ластойські А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // Палітычная сфера. 2016. № 24 (1). С. 37–55.

Маркава 2012 — Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі // Беларускі Гістарычны Агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1–2 (36–37). С. 179–212.

Тимофеев 2022 — Тимофеев А.Ю. Первая мировая война как системный нарратив сербского общества // Историческая политика в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 196–210.

Тодорова 2012 — Тодорова М. Създаването на един национален герой: Васил Левски в българската обществена памет // България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития. София: Просвета, 2012. URL: <http://www.librev.com/index>.

php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10

Milošević, Trošt 2021 — Europeanisation and Memory Politics in the Western Balkans / eds. A. Milošević, T. Trošt. L. — NY.: Palgrave Macmillan, 2021. 434 p.

Kamberović 2003 — Historijski mitovi na Balkanu: zbornik radova / ured. H. Kamberović. Sarajevo: Institut za istoriju, 2003. 330 s.

McPherson 2003 — *McPherson* J. Revisionist Historians // Perspectives on History. 2003. Vol. 41. No 6. P. 1.

Jensen 2021 — Memory Politics and Populism in Southeastern Europe / ed. J. Jensen. L. — NY.: Routledge, 2021. 218 p.

REFERENCES

Aūtūejt, Rej 2006 — Aūtūejt Ū., Rej L. Modernasć, pamiac i postkamunizm. *Palityčna-sfera*. 2006. no 6. p. 27–43.

Belov 2022a — Belov M.V. «Istoricheskaya politika» ili «politika pamyati»? *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 7–27.

Belov 2022b — Belov M.V. «Istoricheskiy revizionizm» v kritike post"yugoslavskikh istorikov. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 58–73.

Belov 2022c — Belov M.V. «Tol'ko skul'ptury znayut, kakim Tudzhman byl»? Pamyatnik v fokuse publicnykh debatov. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 422–442.

Belov 2022d — Belov M.V. Novaya reforma ofitsial'nogo kalendarya v Khorvatii. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 180–196.

Belov 2022e — Belov M.V. Obustroystvo «mesta pamyati»: «Memorandum SANU» tridtsat' let spustya. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red.

M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 334–348.

Belov 2022f — Belov M.V. Politika kalendarya v post"yugoslavskikh gosudarstvakh: obzor. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 154–158.

Belov, Kuznetsova 2022 — Belov M.V., Kuznetsova S.V. «V pamyat' o nevinnykh zhertvakh...»: Blayburg — spornoye «mesto pamyati» Khorvatii. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 247–264.

Jensen 2021 — *Memory Politics and Populism in Southeastern Europe* / ed. J. Jensen. L. — NY.: Routledge, 2021. 218 p.

Kamberović 2003 — *Historijski mitovi na Balkanu: zbornik radova* / ured. H. Kamberović. Sarajevo: Institut za istoriju, 2003. 330 s.

Kolesnyk 2017 — Kolesnyk I. Ukrayins kyy istoriy i vlada: vid prymusu do partnerstva. *Eydos. Al manakh teoriyi ta istoriyi istorychnoyi nauky*. 2017. no 9. p. 9–24.

Koloskov 2022a — Koloskov Ye.A. Pamyat' o voyne 1998–1999 gg. v sovremennom Kosovo. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 276–282.

Koloskov 2022b — Koloskov Ye.A. Stroitel'stvo vs razrusheniye: pamyatniki i memorial'nyye prostranstva Severnoy Makedonii i Kosovo. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 384–394.

Koposov 2013 — Koposov N. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego. *Kak my pishem istoriyu* / otv. red. G. Garreta, G. Dyufu, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013. S. 57–93.

Kuznetsova 2022a — Kuznetsova S.V. General Ante Gotovina: natsional'nyy (kino) geroy nezavisimoy Khorvatii. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya,

2022. p. 472–482. *Kuznetsova 2022b* — Kuznetsova S.V. Mezhdunarodnyy tribunal po byvshey Yugoslavii kak mnemonicheskiy actor. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 73–90.

Lastoŭski 2016 — Lastoŭski A. Prapracouka kamunistychnaha minulaha ŭ Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika. *Palitychnaja sfera*. 2016. no 24 (1). p. 37–55.

Markava 2012 — Markava A. Histarychnaja sviadomasć jak pradmiet samarefleksii ŭ češskaj histaryjahrafi. *Bielaruskij Histarychny Ahliad*. 2012. vol. 19. no. 1–2 (36–37). p. 179–212.

McPherson 2003 — McPherson J. Revisionist Historians. *Perspectives on History*. 2003. vol 41. no 6. p. 1.

Milošević, Trošt 2021 — *Europeanisation and Memory Politics in the Western Balkans* / eds. A. Milošević, T. Trošt. L. — NY.: Palgrave Macmillan, 2021. 434 p.

Timofeyev 2022 — Timofeyev A.Yu. Pervaya mirovaya vojna kak sistemnyy narrativ serbskogo obshchestva. *Istoricheskaya politika v stranakh byvshey Yugoslavii* / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. p. 196–210.

Todorova 2012 — Todorova M. Süzdavajeto na edin natsionalen geroi: Vasil Levski v bülgarskata obshtestvena pamet. *Bülgariya, Balkanite, svetüt: idei, protsesi, sübitiya*. Sofiya: Prosveta, 2012. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10>

С. С. Беляков

«РУССКОЕ САМОВЛАСТИЕ» СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВА

Рец.: Сергеев С. М. Русское самовластие. Власть и её границы: 1462–1917 гг. М.: Яуза-каталог, 2023.

Статья посвящена анализу монографии российского историка Сергея Сергеева о генезисе, исторических особенностях и основных характеристиках авторитарной монархической власти в России. Сергеев убедительно показывает принципиальные отличия русского авторитаризма от абсолютизма в Европе. Абсолютизм в Европе опирался на сравнительно развитую правовую систему и был в той или иной степени ограничен. Власть русского царя до 1905 года не была ограничена ни формально, ни фактически, что Сергеев трактует как особую «русскую аномалию». Генезис неограниченного авторитаризма в России Сергеев связывает с наследием монгольского господства, когда русские князья получали от монгольских ханов право собирать налоги и могли использовать свои новые полномочия против веча и бояр, прежде ограничивавших власть князя. Автор отмечает эти тезисы Сергеева как убедительные, но в то же время подвергает его критике за односторонность. Сергеев, с точки зрения автора, слишком увлекся критикой самодержавия, потеряв научную объективность. Автор считает, что у самодержавия в России были не только дурные, но и положительные стороны. Именно особенности самодержавной власти способствовали формированию боеспособной «военной машины», которая обеспечила расширение территории России на протяжении нескольких столетий. Сергеев смотрит на русского царя как на деспота, который управляет народом как завоеватель, колонизатор и удивляется «наивному монархизму» народа, который упорно поддерживает своего «мучителя». Из этого следует, что демократ Сергеев не понимает сущность монархизма и психологию монархистов. Монарх воспринимается не как завоеватель, а как воплощение народа и государства, как отец нации и даже как сын нации. Автор приводит высказывания русского консервативного мыслителя начала XIX века Н. М. Карамзина. Карамзин пишет о неограниченной власти русского царя, но считает эту власть не злом, а благом для России. В заключении автор

обращает внимание на схожесть власти русского царя и власти китайского императора. Тот и другой могут при определенных обстоятельствах утратить свою легитимность в глазах народа, что ведет к падению власти автократора.

Ключевые слова. История России, самодержавие, абсолютизм, монархия, власть, русская нация.

Сведения об авторе: Сергей Станиславович Беляков, кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; заместитель главного редактора журнала «Урал».

Контактная информация: sbeljakov@mail.ru beliakov.sergey@urfu.ru

S. S. Beliakov

"RUSSIAN AUTOCRACY" BY SERGEI SERGEEV

Rev.: Sergeev S. M. Russian autocracy. Power and its borders: 1462–1917. M.: Yauza-katalog, 2023.

The article is devoted to the analysis of the monograph of the Russian historian Sergey Sergeev on the genesis, historical features and main characteristics of authoritarian monarchical power in Russia. Sergeev convincingly shows the fundamental differences between Russian authoritarianism and absolutism in Europe. Absolutism in Europe was based on a relatively developed legal system and was more or less limited. Russian tsar's power until 1905 was not limited either formally or in fact, which Sergeev interprets as a special "Russian anomaly". Sergeev links the genesis of unlimited authoritarianism in Russia with the legacy of Mongol domination, when Russian princes received the right to collect taxes from the Mongol khans and could use their new powers against the Veche and boyars, previously limited the power of the prince. The author notes these theses of Sergeev as convincing, but at the same time criticizes him for his one-sidedness. Sergeev, from the author's point of view, got too carried away with criticism of the autocracy, having lost scientific objectivity. The author believes that the autocracy in Russia had not only bad, but also positive sides. It was the features of the autocratic government that contributed to the formation of a combat-ready "military machine", which ensured the expansion of the territory of Russia for several centuries. Sergeev looks at the Russian tsar as a despot who rules the people as a conqueror, a colonizer and is surprised at the "naive monarchism" of the people who stubbornly support their "tormentor". It follows from this that the democrat Sergeev does not understand the essence of monarchism and the psychology of monarchists. The monarch is perceived not as a conqueror, but as the embodiment of the people and the state, as the father of the nation and even as the son of the nation. The author cites the statements of the Russian conservative thinker of the beginning of the XIX century N. M. Karamzin. Karamzin writes about the unlimited power of the Russian tsar, but considers this power not evil, but good for Russia.

In conclusion, the author draws attention to the similarity of the power of the Russian tsar and the power of the Chinese emperor. Both may, under certain

circumstances, lose their legitimacy in the eyes of the people, which leads to the fall of the autocrat's power.

Keywords. History of Russia, autocracy, absolutism, monarchy, power, Russian nation.

About the author: Beliaikov Sergei S., candidate of History, Associate Professor at the Ural Federal University named after B. N. Yeltsin; Deputy Chief Editor of the magazine «Ural»

Contact information: sbeljakov@mail.ru beliaikov.sergey@urfu.ru

«У нас не Англия; мы столько веков видели судьбу в монархе и добрую волю его признавали высшим уставом».

Н. М. Карамзин

В 2017 г. историк и в то время научный редактор журнала «Вопросы национализма» Сергей Сергеев выпустил книгу «Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия» (Сергеев 2017). Она стала тогда событием в интеллектуальной жизни. О «Русской нации» много писали, обсуждали, спорили. Изданное в самом начале 2023 г. «Русское самовластие» во многом перекликается с книгой об «отсутствующей» русской нации, что подчеркивает сам автор: «Эта книга — своеобразное продолжение моей предыдущей работы <...> точнее, углубленное развитие одной из ее основных тем» (Сергеев 2023: 5).

Книга выглядит некоторым компромиссом между научным и научно-популярным изданиями. Есть постраничные сноски, но нет ни библиографии, ни указателя имен, ни комментариев. В этом, конечно, не вина автора. Коммерческие издательства, как правило, не имеют в штате научного редактора, а выход книги под грифом «научное издание» сопряжен с известными сложностями.

«Русскую нацию» и «Русское самовластие» объединяет и жанр, и, что

самое интересное, способ историописания. Читая Сергея Сергеева, я невольно вспоминал Хейдена Уайта. Американский учёный в своей спорной, но давно ставшей классикой исторической мысли монографии «Метаистория» отмечал: «Историки и хотели бы говорить буквально и ничего, кроме истины <...> но невозможно повествовать, не прибегая к фигуративной речи и дискурсу, который по своему типу является скорее поэтическим (или риторическим), нежели буквалистским. чисто буквалистское описание того, «что произошло» в прошлом, может быть использовано только для создания анналов или хроники, но не «истории» (Uytm 2002: 13).

Таким образом, на работу историка оказывает влияние избранный способ историописания. Он влияет на подбор источников и самих исторических фактов, а значит, и на содержание работы.

С первых же страниц ясно, что перед нами обличительный памфлет. Русское самодержавие (и сам принцип самовластия) рассматривается как зло, несомненное и абсолютное. Истории появления этого «зла», надеждам его преодолеть и попыткам его изжить посвящена книга.

История России века с XV предстает как бесконечный круговорот

насилия, мучительства, страданий народа. В общем, все это было уже и в книге о русской нации, но теперь взгляд автора сосредотачивается именно на природе неограниченной власти. Чего стоят одни только названия глав: «Опалы и казни», «Служилое государство», «Крутое правление», «Людодёрство», «Империя насилия», «Законы исполнения не имеют», «Государевы слуги», «Ежедневный ужас», «Деспот в полном смысле слова», «Гонения на мысль», «Произвол и коррупция», «Вся Россия была в крепости», «Нет ничего безобразнее русской бюрократии», «Произвол против своеволия», «Слабосильный деспот», «Катастрофа».

Тема далеко не новая, конечно, что признает и сам автор, надеясь привлечь внимание читателя не столько тематикой, сколько богатым фактическим материалом. Читатель найдет в книге немало примеров как безудержного деспотизма, так и слепого преклонения перед правителем, местами просто комического. Русский аристократ, сенатор, обер-гофмейстер Семён Андреевич Салтыков так делился с герцогом Бироном своей радостью: «Прошедшего апреля 30 дня получил я от её и(мператорского) в(еличе)ства милостивое письмо, и притом пожаловала мне, рабу, на именины вместо табакерки 1000 рублёв: истинно ко мне, рабу, милость не по моей рабской службе, истинно с такой радости и радуюсь и плачу» (Сергеев 2023: 311–312). Будто комментарием к известной реплике Грибоедовского Фамусова звучат слова сенатора, генерал-аншефа князя Ивана Фёдоровича Бяратинского:

«Кланяйся низко, подымешься высоко» (Сергеев 2023: 313). Даже в просвещенном XIX столетии, в Золотой век русской культуры, московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков (кстати, тоже в будущем сенатор) буквально тает от умиления: «Государь в Москве!.. Видел русского ангела, кланялся ему, а он мне... в маленькой голубенькой колясочке сидел наш бог земной... Всё хорошо, только воля твоя, зачем на монетах нет изображения государева? Право, нехорошо!.. Представь себе жителя Алеутских, Курильских островов, сибиряка, самоеда, у коего отнята навек отрада увидеть государя своего... Ежели бы я был Канкрин¹..., я бы умолял государя на коленях выбивать монету с царским изображением ... Тогда бы стали драться за деньги... Велик наш государь!» (Сергеев 2023: 393). Что уж там говорить о временах петровских и допетровских, когда и подданные лебезили перед государем, и государь не церемонился с подданными. Если же простой смертный осмеливался в чем-либо спорить с правителем, как сын боярский Иван Никитич Берсень-Беклемишев с великим князем Василием III, то следовал грубый окрик: «Поди прочь, смерд, ненадобен мне еси» (Сергеев 2023: 60). Жизнь Ивана кончилась на плахе. Как известно, Андрей Михайлович Курбский будет спорить с наследником великого князя Василия уже из-за рубежа.

Историк Андрей Тесля еще после книги о русской нации отметил, что Сергей Сергеев использует для описания русского национализма «язык революционно-освободительного

¹ Имеется в виду министр финансов граф Е. Ф. Канкрин.

движения. Вся история представляется историей вековых страданий народа под гнётом... <...> У Сергеева получается не национальная, а некая автономная власть. Автономный государственный режим, действующий в собственной логике. <...> Но народ оказывается объектом, материалом» (Тесля 2021).

«Русское самовластие» написано тем же языком, а русская власть предстает именно такой — абсолютно чуждой народу, изолированной от него, внешней. В сущности, колониальной. Хорошо, что еще не инопланетной. Однако Сергеев не устает подчеркивать, что сам народ добровольно соглашается подчиняться такой власти. Стихийный и, с точки зрения автора, «наивный» монархизм практически всего народа служил прочной основой самовластия. Даже получив исторический шанс серьезно ограничить власть, народ ею не пользуется. Смута начала XVII в. могла привести к ограничению царской власти. Василий Шуйский, вступая на престол, «обещал своим подданным соблюдать их права и не допускать царского произвола» и на том целовал крест. «Искони век в Московском государстве такого не вживалось», — цитирует Сергеев летописца (Сергеев 2023: 152). Возможно, крестоцеловальную грамоту составили и при восшествии на престол Михаила Романова, но текст ее не сохранился, а старые московские порядки были восстановлены очень скоро. Сергеев отказывает Земскому собору в статусе сословно-представительного учреждения, потому что «В точном смысле слова сословий в России тогда не было». В Европе «сословия представляли

собой <...> субъекты, с которыми монархи вынуждены были договариваться» (Сергеев 2023: 171). В России же единственным субъектом политики оставалось самодержавие (до Манифеста от 17 октября 1905 г). Более того, система бессудного и безудержного насилия и полного господства начальников над подчиненными пронизывает и все общество, и даже церковь. Сергеев неоднократно приводит примеры полного господства архиереев над священниками.

Казалось бы, эпоха дворцовых переворотов заметно переменяла пусть не статус монарха, но отношения между политической элитой и самодержцем. Однако автор заходит с другой стороны. Именно эта глава получила звучное название «Империя насилия»: «Произвол и беззаконие — родовые черты российской государственности, но их жертвами ранее были подданные, а не государыни <...> теперь же под это страшное, дробящее всё вокруг колесо попали и они». Невольно вспомнилось незабвенное: «А крестьянам жилось хуже...» Тут, правда, не крестьянам, а вообще всем.

Странно, что автор редко упоминает Чаадаева, тут бы самое место на него сослаться. Тем более, что Сергеев говорит ни много, ни мало о некой «русской аномалии». Создается впечатление, будто русский народ рассматривается автором как какое-то странное исключение. Или даже хуже того, как, используя выражение великого писателя (и сказанное по другому поводу), «прореха на человечестве». Уместнее всего здесь вспомнить Иннокентия Анненского:

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

<...>

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

С каждой страницей вопросов к автору становится все больше и больше. Он мимоходом упоминает «блестящие успехи во внешней политике» (Сергеев 2023: 303). Между прочим, упомянутый выше сенатор Семён Салтыков был отцом генерал-фельдмаршала Петра Семёновича Салтыкова. Того самого, что разбил Фридриха Великого в битве при Кунерсдорфе (1759 г.). Откуда же взялись эти успехи в столь мрачное для российской истории время? Если народ только бесконечно страдал от самодержавия, то откуда у него время и силы? Как же такой народ умудрился создать огромное государство, покорить Сибирь, дойти до самой Америки, завоевать и освоить Дикое поле, построить блистательный Санкт-Петербург и великолепную Москву? Как все эти «холопы» и «рабы» создали великую культуру, в ценности которой не сомневаются даже многие враги России?

Между началом правления Ивана III (середина XV в.) и серединой XVIII в. территория государства российского увеличилась в 50 раз. И, что более важно, постоянно росло население. За три века (XVI–XVIII) численность собственно русских (великороссов) выросла в четыре раза

(с 5 миллионов до 20 миллионов). А к началу XX в. русские обогнали по численности немцев, французов, японцев и уступали теперь только китайцам и народам Британской Индии (Соловей 2008: 93–94). Я ссылаюсь на того самого Валерия Соловья, который прежде, чем стать всезнающим политологом-«путиноведом», считался крупным специалистом по национализму. Соловей посвятил проблеме взаимоотношений русского народа и российского государства, по крайней мере, две монографии. Более того, Соловей входил в редакционный совет уже известного нам журнала «Вопросы национализма». Соловей, дальновидный и лукавый, тоже писал о противостоянии русского народа и «нерусской» (а в советский период даже «антирусской») империи, но не забывал и «подсластить пилюлю» для своего читателя. Рассказать о мощи и величии русского народа. При этом у него не было необходимости кривить душой: «Важным условием экспансии была способность русского народа выстоять, наладить жизнь и хозяйство в тяжелейших условиях» (Соловей 2009: 38). С этим не поспоришь. Сергеев же слишком увлечен критикой русского самовластия и, очевидно, просто не видит необходимости делать какие-то оговорки. Автор не находит, да, собственно, и не ищет, каких-либо преимуществ у самодержавного строя. Он слишком увлечен делом обличения самовластия. А преимущества всё-таки были.

Я еще во время работы над книгой «Тень Мазепы» предположил, что русские обогнали украинцев в историческом развитии (в развитии государственности, а потом и куль-

туры) в том числе благодаря наличию сильной авторитарной власти. Предки украинцев, населявшие богатое и благодатное Поднепровье, умели воевать не хуже предков великороссов, населявших сравнительно бедное междуречье Волги и Оки. Запорожские козаки переплывали на своих чайках Чёрное море, нападали на турецкие города, захватывали турецкие корабли. Вмешивались в дела Молдавии и Валахии. Козацкие восстания потрясли польско-литовское государство и, в конце концов, способствовали его краху. Словом, они могли создать военную машину, не хуже московской. Но сила украинцев тогда была растрачена даром на славные и выгодные, но бесполезные для строительства государственности походы. В то же время авторитарная власть великих князей, а затем царей московских, императоров всероссийских действовала более последовательно и эффективно (Беляков 2020: 180–184). И вот на помощь казакам Ермака, изнемогавшим в борьбе с войсками Кучума, русский царь присылает подкрепление. Вслед за суровыми землепроходцами шли русские воеводы: устанавливали власть российского государства и наводили какой-никакой порядок. Военные, организаторские преимущества самодержавия в XV–XVIII вв. были очевидны. Интересно, что свидетельство на сей счет можно найти и в рецензируемой книге. Сергеев цитирует Сигизмунда Герберштейна: «Если у нас с ними (русскими дворянами) заходила речь о литовцах, они обыкновенно с усмешкой говорили: «Когда их король или великий князь приказывает кому-либо из них отправляться с посольством или в какое другое место, то получает в от-

вет, что-де жена больна или лошадь хрома. А у нас не так, — говорят они, смеясь, — если хочешь, чтобы голова была цела, отправляйся по первому приказу» (Сергеев 2023: 71). Он приводит этот фрагмент как доказательство жестокости русской власти. Однако из текста хорошо видны некоторые причины будущего упадка Литвы и Польши. В XVIII столетии, как мы знаем, все литовские и немалая часть польских земель окажутся под властью императрицы Екатерины II, а польская и литовская государственность будет ликвидирована более чем на век.

Сергеев, ссылаясь на Макса Вебера, пишет о патримональном характере русской власти, то есть «формы традиционного господства, выросшей из патриархального подчинения домашних — главе дома, «детей» — отцу». Власть «отца»-государя надзаконна, не связана какими-либо юридическими ограничениями. Интересно, что примерно то же самое писал двести лет назад другой мыслитель — Николай Михайлович Карамзин. Но все то, что Сергеев считает пороком и откровенным злом, Карамзин рассматривал как настоящую добродетель: «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя — не боятся закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, — так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести» (Карамзин 1991: 102). Как видим, в своей «Записке о древней и новой России» Карамзин описал

ту же самую форму правления и систему организации власти, которая приводит Сергеева в такое отчаяние. Но вместо знака «минус» Карамзин, теоретик не только самодержавия, но и крепостничества, ставит жирный «плюс». Да, государь — единственный источник власти, и это хорошо! «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья» (Карамзин 1991: 105). Делая скидку на сословную и, как бы выразились марксисты, «классовую ограниченность» Николая Михайловича, нельзя не отметить: в нескольких словах он описал политическую и правовую систему, существующую и поныне.

Сергей Сергеев доводит повествование лишь до 1917 года, но в послесловии характеризует политический строй в 1929–1953 гг. так: «...настоящая самодержавная монархия, прикрытая фиговым листом «власти Советов» и «самой демократической конституции в мире» (Сергеев 2023: 569–570). А последние строки посвящает горестной констатации: «...система верховной власти после недолгого демократического поворота вернулась на свою столбовую дорожку, и, похоже, подавляющее большинство россиян это вполне устраивает» (Сергеев 2023: 574). Вывод столь же очевидный, сколь и неоригинальный. Книга интересна совсем не этим. Самое интересное, на мой взгляд, исследование генезиса самодержавия и установление принципиальных различий между русским самодержавием и европейским абсолютизмом.

1. Обоснованно проведено разграничение между властью в домонголь-

ской и в Московской Руси. Тоже мысль совсем не новая, но полезно вспомнить об этих различиях между властью московского или петербургского самодержца и властью князя, ограниченной вечем, дружиной, боярами, а иногда и письменным рядом (договором).

2. Убедительно опровергается еще живая (благодаря неуывающей популярности «Курса русской истории» В. О. Ключевского), хотя устаревшая точка зрения, связывающая генезис самодержавия с особенностями развития Ростово-Суздальской земли. Но принципиальных различий между властью князей на северо-востоке и юго-западе домонгольской Руси не было. Здесь автор ссылается на работы авторитетных специалистов по истории Руси, от статьи А. Н. Насонова «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» (Насонов 1924), опубликованной почти сто лет назад, до позднесоветских работ И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко (Фроянов, Дворниченко 1988: 117–149). Судьба знаменитого любителя самовластия Андрея Боголюбского только доказывает отсутствие предпосылок к созданию самодержавия в домонгольскую эпоху. Великий князь, как известно, был убит собственными слугами.

3. Опровергается популярный и в науке, и, особенно, в исторической публицистике взгляд на самодержавие как на следствие дурного климата или необходимости часто воевать. Климат не привел к формированию самодержавия на Руси в XI–XIII веках. Христиане Испании (кастильцы, каталонцы, баски, галисийцы) много веков сражались с маврами, но в Ара-

гоне и Кастилии действовали кортесы, которые утверждали законы и налоги и принимали королевские клятвы. Подданные могли не только спорить, но и успешно судиться с королями: «Потомки Христофора Колумба судились с испанской короной из-за нарушений последней ряда условий договора с их предком. Тяжба длилась десятки лет и закончилась мировой, по которой внуку Колумба выплатили денежную компенсацию и даровали герцогский титул с отрезком Панамского перешейка» (Сергеев 2023: 94).

4. Опираясь на недавно переведенную работу Э. Калделлиса «Византийская республика: народ и власть в Новом Риме», Сергеев доказывает, что идея о византийской природе российской власти также является мифом. Подлинного самодержавия во втором Риме не было: «Нарушение законов по личному произволу монарха воспринималось как тирания <...> Суверенитет в Византии принадлежал римскому народу. Восстания против императоров-«тиранов» воспринимались как осуществление вполне легитимного права свергать недостойного правителя» (Сергеев 2023: 35).

5. Возникновение самодержавия в России Сергеев связывает, в первую очередь, с монгольским игом, соглашаясь при этом с такими «корифеями русской историографии», как Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич. При этом русские князья вовсе не копировали устройство Золотой Орды, где ханов выбирали на курултае. Зато получив от ордынских ханов право собирать

налоги для хана и став, таким образом, колониальными администраторами с широкими полномочиями, они сумели со временем избавиться от веча и превратить все населения, включая бояр, в своих подданных. Князья прекращают заключать «ряд» с вечем, а затем и вовсе собирать его. Обычный прежде переезд бояр от одного князя к другому начинает рассматриваться как измена и т. д. Победе самодержавия способствовала и «слабость юридической культуры домонгольской Руси сравнительно с ареалом распространения римского права, от Византии до Западной Европы» (Сергеев 2023: 39).

6. К большим достоинствам книги относится убедительное обоснование различий между русским самодержавием и абсолютизмом в странах Европы. Сергеев сопоставляет порядки на московской Руси и в Российской империи с порядками в странах Европы. Нигде он не находит столь полного самовластия, как в России. Даже в такой абсолютистской стране, как Франция, король не мог нарушать наиболее важные, основополагающие законы, включая закон о престолонаследии. Провинциальные парламенты осуществляли судебную власть, их чиновники, в большинстве случаев, официально покупали свои должности и были независимы от короны. В Швеции даже такие авторитарные правители, как Карл XI и Карл XII, не сумели или не успели ликвидировать риксдаг. В Испании даже Филипп II вовсе не был неограниченным властителем. В Англии даже Генрих VIII, жестокий и авторитарный правитель с явно «тираническими замашками», вынужден был проводить свои реформы через

утверждение в парламенте. При этом Сергеев показывает, что, так сказать, «человеческий материал» был в Европе не хуже и не лучше русского, но развитая правовая культура и условия, независимые от королевской власти, не давали развернуться авторитарным лидерам. Так, Людовик XI очень похож на Ивана III. Но Великий князь Московский успешно провел операцию по переселению новгородской политической элиты, а затеянное французским королём переселение жителей города Арраса, в конце концов, провалилось. После смерти короля его наследник, Карл VIII, позволил переселенцам вернуться. Шведский король Эрик XIV начал было расправы над знатью и бессудные казни, не уступавшие казням и расправам его современника Ивана Грозного. Но Эрика свергли с престола и заключили в замке, где он и провел остаток жизни.

Правда, в России, как мы знаем, с царями поступали даже жестче. Но свержение шведского короля Сергеев трактует как дело вполне оправданное, справедливое и едва ли не законное дело. Ещё в начале книги есть ссылки на Фому Аквинского и Джона Локка, которые оправдывали и обосновывали восстание против тирана. Аналогичное деяние в России, как мы помним, трактуется им как еще один акт насилия и произвола. Интересно, что Сергеев, удачно сравнивая порядки в России с порядками в Европе, почему-то отказывается от этих сравнений, как только речь заходит о «печальном состоянии русских нравов» (Сергеев 2023: 43). Сергеев, ссылаясь на вполне достоверные свидетельства Е. Е. Голубинского, А. И. Кошелёва, Н. И. Греча,

приходит к такому выводу: «Несть числа источникам, красноречиво рассказывающим, как в самые разные эпохи русский человек, получив в свои руки мало-мальскую власть, перестает сдерживать свои страсти, а их жертвой становятся те, кто от него так или иначе зависит». Развращающее влияние самодержавия и «невыработанность «легалитского сознания» (Сергеев 2023: 45, 46) привели к закономерному результату. Однако русские безобразия с безобразиями французскими или английскими не сравниваются. А зря, ведь в истории стран Европы насилия, разврата, жестокости хватало, и развитая правовая культура не всегда могла помочь «исправлению нравов». Я даже не знаю, стоит ли иллюстрировать столь очевидную мысль примерами? Но на всякий случай открыл книгу Питера Акройда «Лондон». Открыл почти наугад, и вот что нашел: «Лондон всегда славился жестокостью. <...> Знаменательным примером лондонского зверства стало избиение всех евреев города в 1189 году во время коронации Ричарда I. Мужчин, женщин и детей жгли, резали на куски; то был один из первых погромов, направленных против городских чужеземцев, — но далеко не последний» (Акرويد 2005: 545). Перенесемся из мрачного средневековья в XVII век, век двух революций, Билля о правах и Habeas corpus: «Если на улице повздорили двое мальчишек, <...> прохожие останавливаются, мгновенно окружают их кольцом и принимают настраивать друг на друга». «Драка между мужчиной и женщиной тоже была делом обычным: «На Холборне я видел, как лупили друг друга мужчина и женщина... ударив ее со всей

силы, он отступал... женщина, пользуясь этими промежутками, лезла руками ему в лицо, в глаза... Полиции до схваток между отдельными горожанами нет никакого дела» (*Акройд* 2005: 547). «Согласно многим источникам, — продолжает Акройд, — одним из «развлечений» англичан были бои между женщинами, которые устраивались в таких местах увеселений, как Хокли-ин-де-Хоул. Очевидец пишет, что «женщины, почти обнаженные, сражались двуручными мечами, на концах заостренными как бритва». Обе то и дело получали порезы, и тогда схватка ненадолго прерывалась, чтобы зашить рану — разумеется, без всякой анестезии, кроме обуревавшей пациентку злости». Не удивительно, что другие европейцы воспринимали лондонцев «как варваров» (*Акройд* 2005: 548, 547). Следует ли из этого, будто англичане так озверели от британского конституционализма? Конечно, нет.

Среди проблем, не решенных и даже не вполне раскрытых автором «Русского самовластия», есть и такая: от чего зависит обретение и утрата монархом легитимности? В книге Сергеева показано, как постепенно утрачивал статус истинного царя Николай II. Автор книги ссылается на исследование Б.И. Колоницкого, посвященное образу императорской семьи в годы Первой мировой войны. Царя все чаще воспринимали как «бестолкового», «нерачительного» хозяина, который не соответствовал образу настоящего царя. Простые люди называли его «бабой» и, особенно часто, просто «дураком» (*Колоницкий* 2010: 207–208, 211; *Сергеев* 2023: 560–563). В самом деле интересно. Живой бог превращается

в обычного человека, слабого, почти беспомощного перед яростью толпы или произволом революционеров. Историческое волшебство, которое еще не вполне объяснили историки и политологи.

Даже такие могущественные, волевые правители, как Петр I и Николай I были сильны тем, что большинство населения признавало их законными царями. Без этого общественного консенсуса они быстро бы лишились власти. Что уж говорить о таких вполне заурядных людях, каким, видимо, был сам основатель династии Романовых. Недаром современный христианский публицист Эдуард Зибницкий пишет, что Михаил Романов «в момент величайшей угрозы для самого бытия Московской Руси является не как *отец нации* (здесь и далее курсив Зибницкого. — С.Б.), а как *сын нации*» (*Зибницкий* 2007: 115). При этом не всякий, занявший престол, воспринимается как истинный царь. Народ признает царём слабохарактерного и еще совсем юного Михаила, но этот же народ совсем недавно отказал в таком праве Борису Годунову, Фёдору Годунову, Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, Лжедмитрию II. Судьба непопулярных пусть не в народе, но в элите Петра III и Павла I, невинного Иоанна Антоновича (казалось бы, чем он хуже Миши Романова?) и трагедия последнего русского царя также требует какого-то объяснения. Мало человеку занять престол или президентское кресло, чтобы обрести статус настоящего, признанного народом русского царя.

Книга Сергея Сергеева построена во многом на сравнении «правильного»

западного пути развития и «русской аномалии». От сравнения со странами Востока автор отказывается, лишь мимоходом упоминая «восточные деспотии» со ссылкой на Л. С. Васильева (*Васильев 2000: 100–101*). Взгляды последнего представляются мне давно устаревшими. Восток очень разный. Индия, Китай, мусульманский мир отличаются друг от друга не менее, чем от Запада. Но вот какое сравнение буквально бросается в глаза. Власть русского царя сопоставима с властью китайского императора, но все же уступает ей в степени сакрализации. Один из крупнейших российских синологов Владимир Малавин пишет: «...государь, согласно официальной идеологии, направлял движение всего мира до последней его частицы и был настоящим «подателем жизни» для всех существ. Неповиновение правителю рассматривалось в Китае не просто как уголовное преступление и попрание моральных устоев, но как истинное святотатство, покушение на самые основы вселенского порядка. Этим объясняется, помимо прочего, безжалостность, с которой подавлялись даже самые робкие выступления против государственной власти» (*Малавин 2001: 106*). В то же самое время в китайской политической культуре существовало понятие «Небесный мандат» («пиньинь» или «тяньмин»). Сын Неба, утерявший «добродетель», терял «Небесный мандат», превращаясь в узурпатора, против которого восстать можно и даже нужно. Это я не к тому, чтобы обосновать модную ныне идею «поворота на Восток». В культурном отношении между Китаем и Россией — пропасть, просто разные миры. Отчасти совпадает только вот это отношение к власти.

Получается, что все могущество правителя построено на восприятии монарха как «живого закона», как зримого олицетворения государства и самого народа. Этого, очевидно, не может и не хочет понять автор. Сергей Сергеев, последовательный демократ, с явным предубеждением относится к монархии и, на мой взгляд, недопонимает сущность монархизма. У него самодержец предстает чем-то вроде безжалостного колонизатора, тирана, узурпировавшего власть. Поэтому его так удивляет и так возмущает видимая «покорность» народа. «Наивный монархизм» не только огорчает автора, но буквально ставит его в тупик. В этом, собственно, и заключается некоторая ограниченность этой книги. Феномен самодержавия не понять, если изначально не понимаешь и не принимаешь сам монархизм. Не обязательно как гражданин, но именно как исследователь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акройд 2005 — *Акройд П.* Лондон: Биография / Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. — М., 2005.

Беляков 2020 — *Беляков С. С.* Тень Мазепы: Украинская нация в эпоху Гоголя. — М., 2020.

Васильев 2000 — *Васильев Л. С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // *Альтернативные пути к цивилизации.* — М., 2000.

Зибницкий 2007 — *Зибницкий Э. В.* Монархический принцип и власть // *Новый мир.* 2007. № 4. С. 110–123.

Карамзин 1991 — *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. — М., 1991.

Колоницкий 2010 — *Колоницкий Б. И.* Трагическая эротика: Образы импера-

торской семьи в годы Первой мировой войны. — М., 2010.

Малявин 2001 — *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. — М., 2001.

Насонов 1924 — *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле. (В XII и первой половине XIII в.) // Века. Исторический сборник. Ч. 1. — Пг., 1924.

Сергеев 2017 — *Сергеев С. М.* Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. — М., 2017.

Сергеев 2023 — *Сергеев С. М.* Русское самовластие. Власть и её границы: 1462–1917 гг. М.: Яуза-каталог, 2023.

Соловей 2008 — *Соловей В.* Кровь и почва русской истории. — М., 2008.

Соловей 2009 — *Соловей Т., Соловей В.* Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. — М., 2009.

Тесля 2021. — *Тесля А.* В поисках русского // Россия в глобальной политике. 2021. №2 (Март-Апрель). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-poiskah-russkogo/> (дата обращения 25.02.2023).

Уайт 2022 — *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. — Екатеринбург, 2002.

Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

REFERENCES

Ackroyd P. *London: Biorrafiya / Per. s angl. V. Babkova, L. Motyliova.* Moscow, 2005.

Beliakov S. S. *Ten Mazepy: Ukrainskaya natsiya v epokhu Gogola.* Moscow, 2020.

Vasiljev L. S. *Vostok I Zapad I istoriyi (osnovniy parametry problematiki) // Alternativniy puti k tsivilizatsii.* Moscow, 2000.

Zibnitskiy E. V. *Monarkhicheskiy printsip I vlasti.* Noviy mir. 2007. № 4.

Karamzin N. M. *Zapiska o drevney I novoy Rossii v eyo politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh.* Moscow, 1991.

Kolonitskiy B. I. *Tragicheskaya erotica: Obrazy imperatorskoy semyi v godi Pervoy mirovoy voyni.* Moscow, 2010.

Malyavin V. V. *Kitayskaya tsivilizatsiya.* Moscow, 2001.

Nasonov A. N. *Knyaz i gorod v Rostovo-Suzdalskoy zemle. (V XII I pervoy polovine XIII v.).* Veka. Istoricheskiy sbornik. Ch. 1. Petrograd, 1924.

Sergeev S. M. *Ruskaya natsiya, ili Rasskaz ob istorii eyo otsutstviya.* Moscow, 2017.

Sergeev S. M. *Ruskoye samovlastie. Vlast i eyo granitsi: 1462–1917.* Moscow, 2023.

Solovey V. *Krov i pochva russkoy istorii.* Moscow, 2008.

Solovey V., Solovey T. *Nesosnoyavshayasya revolyutsiya. Istoricheskie smysly russkogo natsionalizma.* Moscow, 2009.

Teslya A. *V poiskakh russkogo.* Rossiya v globalnoy politike. 2021. №2 (Mart-April).

Uayt Kh. *Metaistoriya. Istoricheskoye voobrazhenie v Evrope XIX veka / Per. s angl. E. G. Trubinoy, V. V. Kharitonova.* Ekaterinburg, 2002.

Froyanov I. Ya, Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevney Rusi.* Leningrad, 1988.

А. А. Тесля

ЛИТВА В ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ И АДМИНИСТРАЦИИ: ДО И ПОСЛЕ 1863 ГОДА

Рец.: Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи / Авториз. пер. с лит. Т. Тимченко. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 376 с. — (серия "Historia Rossica")

Рассматривается новая работа известного литовского историка Дарюса Сталюнаса «Польша или Русь?», посвященная истории обитателей территорий, во 2-й половине XIX — нач. XX века, как правило, обозначавшихся как Северо-Западные губернии Российской империи. Работа Сталюнаса вносит существенный вклад в изучение деталей национальной политики в отношении местных этнических групп в XIX — нач. XX веке, в том числе в рамках складывания национально-политических сообществ в сложном переплетении с разнообразными административными и политическими факторами, как общеимперского, так и регионального и международного уровня.

Ключевые слова: Белоруссия, имперская политика, Литва, национализм, нациестроительство, окраины Российской империи

Сведения об авторе: Тесля Андрей Александрович кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com

© А. А. Тесля, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-246-250

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

A. A. Teslya

LITHUANIA IN IMPERIAL POLICY AND ADMINISTRATION: BEFORE AND AFTER 1863. REV.:

D. Staliunas Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossijskoj imperii / Avtoriz. per. s lit.

T. Timchenko. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. — 376 s. — (seriya "Historia Rossica")

A new work of the famous Lithuanian historian Darius Staliunas "Poland or Rus'?" is reviewed. The theme of the book is the history of the inhabitants of the territories, which in the second half of the 19th century and in early 20th century were, as a rule, designated as the North-Western provinces of the Russian Empire. The work of Staliunas makes a significant contribution to the study of the details of national policy towards local ethnic groups in the 19th century and in early 20th century, including within the framework of the formation of national-political communities in a complex interweaving with a variety of administrative and political factors on the general imperial, as well as regional and international levels.

Key words: Belarus, imperial policy, Lithuania, nationalism, nation-building, outskirts of the Russian Empire

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

Работа Д. Сталюноса, несмотря на свое общее заглавие, на деле сосредоточена на трех ракурсах рассмотрения одного центрального вопроса — как мыслилась и воображалась Литва в сознании имперской бюрократии (и, отчасти, публицистики) 1830-х — 1910-х годов, как она представала в качестве объекта управления (будучи частью имперского пространства), какие цели преследовались администрацией и насколько они достигались, каким образом менялись, если вообще менялись, и как динамика «объекта управления» влияла на действия администрации.

Большую важность представляет замечание автора о том, что как в публицистике, так и в бюрократических бумагах 1860-х¹ речь зачастую идет именно о «русификации» края — то есть мыслится некое состояние территории (административно выделенного объекта), которое может быть в свою очередь достигнуто теми или иными конкретными мерами и процедурами, начиная с контроля языка вывесок или уличных афиш и вплоть до языка богослужения. В том числе и поэтому в первой части повествования значительное место отведено подробному рассмотрению «Земель Великого княжества Литовского» на

¹ Различие между ними на практике провести бывает затруднительно — перед исследователем во многом не просто взаимосвязанные формы речи, но и буквально фрагменты единого высказывания, позволяющие переводить их из одного контекста в другой, когда, напр., попечитель Виленского учебного округа Корсаков публикует отчеты своих подчиненных.

ментальных картах эпохи (см. особо — гл. 5).

Помимо администрации (региональной и центральной), основными персонажами повествования выступают четыре этнические группы — «литовцы», «поляки», «белорусы» и «евреи». Центральным эпизодом, вокруг которого сосредоточено повествование, оказывается восстание 1863 г. — однако рассмотрение конкретных вопросов постоянно учитывает динамику 2-й половины 1850-х — начала 1860-х, демонстрируя вновь и вновь, что политика 1863 г. и ближайших последующих лет вырастает из обсуждений и мер предшествующих лет.

Основной тезис автора заключается в невозможности описать имперскую политику в отношении Литвы в рамках какого-либо одного понятия, будь то политика «ассимиляции», «аккультурации» или «сегрегации» — а понятие «русификации» именно тем специфично, что включает в себя для современников целый ряд разнообразных значений, в зависимости в том числе и от того, о какой группе идет речь. Говорить вполне об «ассимиляции» как цели имперской политики можно лишь применительно к «белорусам», осмысляемым как часть триединой «большой русской нации» — что в практическом плане приводило к характерным колебаниям в отношении восприятия местной специфики, описываемой то как локальное явление, то как следствие распространения «чужеродного влияния» (прежде всего «полонизации»). На политику оказывало влияние и восприятие процессов в других частях империи — так, чувствительность администрации к публика-

циям на «местном наречии» после 1863 г. была связана с оглядкой на «украинофильство» (и Валуевский циркуляр), когда местные процессы осмысляются как потенциально аналогичные малороссийским затруднениям.

В отличие от «белорусов» ни одна из трех других больших групп не мыслится как объект собственно «ассимиляционистской» политики. В отношении «литовцев» вопрос о финальной ассимиляции не является в 1-й половине 1860-х предметом консенсуса — сами «литовские» этнографические территории на картах выделяются в XIX веке разнообразно, вне однозначно прочитываемой логики управления и, как можно заключить, не включаются в 1860–70-е и последующие годы в «национальное тело» империи. Имперская политика заключается в двух связанных, но различных целях: во-первых, отдалить друг от друга польскую и литовскую общности (тем самым косвенно ослабляя «польское влияние»), во-вторых, стремиться к аккультурации литовцев (оставляя более или менее открытым вопрос о возможности и желательности их итогового включения в «русскую общность», чему способствуют представления 1830–70-х годов о наибольшей близости латышей и литовцев именно к славянам). Примечательно, что политика в отношении литовцев в рамках Царства Польского оказывается значительно более «либеральной», чем в рамках Северо-Западных губерний — здесь можно видеть, как административная рамка определяет и восприятие, и более или менее устойчивое направление политики: допущение об-

разования на литовском и его административное поощрение в административных границах, подчиненных Варшаве, оказывается связано с имперской политикой многообразия, стимулирования разнонаправленных сил (в конце концов ослабляющих главный — «польский» фактор), тогда как для Северо-Западных губерний основной выступает логика «укрепления» «русских начал», русского большинства — которое требует защиты от ино-конфессиональных и ино-национальных воздействий.

Обращаясь к «польскому вопросу», Сталюнас, в частности, фиксирует сложность смены идентичности — так, для целого ряда представителей местной шляхты значимым был вопрос, будут ли они рассматриваться как «поляки» в случае смены исповедания. Как местная, так и центральная администрация не были готовы положительно ответить на этот вопрос, понимая «польскость» как отнюдь не что-то совпадающее с конфессиональной принадлежностью. А вместе с тем отсутствовали правовые категории и инструменты для фиксирования этой, уже «национальной» реальности. Как для польской, так и для еврейской общностей значимым оказывался подробно рассматриваемый автором вопрос с «отверженной ассимиляцией» (см., напр., с. 265).

Как отмечает Сталюнас, в целом политика, выработанная в 1860-е годы, продолжает осуществляться вплоть до 1905 г., когда в ситуации революционных потрясений выдвигаются (и до некоторой степени реализуются) разнообразные предложения по изменению политического кур-

са, в частности — направленные на пересмотр антипольской политики, исходя уже из логики прежде всего социально-политического, а не национального противостояния. Однако после колебаний и неопределенности, к концу 1900-х — началу 1910-х имперская политика в целом возвращается в прежнее русло. Характеризуя самосознание имперских чиновников, обсуждавших политику в отношении Северо-Западных губерний, Сталюнас пишет о фиксации ими тупика (с. 350) — существующая политика не приводила к достижению заявленных целей, тогда как альтернативы ей не выглядели осуществимыми и/или предпочтительными с точки зрения последствий. Вместе с тем говорить, собственно, о «неудаче» имперской политики в означенных губерниях — затруднительно. Прежде всего потому, что основная цель — удержание господства, сохранение губерний под властью Петербурга и поддержание управляемости, оставалась реализуемой. Одновременно — как продемонстрируют ближайшие десятилетия — эти же территории оказались по меньшей мере не менее сложно инкорпорируемы в состав нового политического тела, Второй Речи Посполитой, а затем были вновь на длительный срок включены в имперское пространство Москвы. Если бы затруднительным прямолинейно увязывать эти результаты с политикой, проводимой в губерниях во 2-й пол. XIX — нач. XX века, то отрицать влияние данной политики на означенные результаты — столь же затруднительно.

В противодействии польскому влиянию имперский центр и местная

администрация оказывались в сложной ситуации проведения одновременно двух — не противоречащих друг другу, но сложно сопряженных политик, обозначаемых Сталюнасом как «имперская» и «национальная» (в смысле построения в рамках империи «национального ядра»). Так, например, активное введение в католическое богослужение местных языков и содействие распространению католической литературы на языках местных этнических групп, направленное на растождествление смычки «польского» и «католического» (и тем самым отделение конфессионального от национальной принадлежности) представляли собой политику, понятную в логике имперской

множественности, но, с другой стороны, она наталкивалась на вполне объяснимые опасения тем самым облегчить проникновение католичества в те «народные массы», которые мыслились как должныствующие быть включенными в состав русского «национального тела», а оно в свою очередь понималось как связанное в том числе религиозной идентичностью (православием). Об имперской политике не приходится, как показывает Сталюнас, говорить как о «балансировании» между разнонаправленными тяготениями — но вместе с тем империя не могла себе позволить однозначно и исключительно выбрать только один курс, в том числе в силу реальной наличной сложности.

П. И. Талеров

«МЁРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ...» ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

В заметках приводятся многочисленные примеры недобросовестности издателей исторической литературы, сказывающейся на возникновении новых мифов, получающих широкое распространение.

Ключевые слова: издание исторической литературы, мифотворчество, П. А. Кропоткин, М. А. Бакунин, революционное движение в России

Сведения об авторе: Талеров Павел Иванович — кандидат исторических наук, академик Петровской академии наук и искусств, доцент Санкт-Петербургского морского технического университета, Санкт-Петербург

Контактная информация: t5591p@mail.ru

P. I. Talerov

«THE DEAD HAVE NO SHAME...» INSTEAD OF A REVIEW

The notes give numerous examples of the dishonesty of the publishers of historical literature, which affects the emergence of new myths that are becoming widespread.

Key words: publication of historical literature, myth-making, P. A. Kropotkin, M. A. Bakunin, revolutionary movement in Russia

About the author: Talerov Pavel I. — Cand. Hist. Sc., Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Associate Professor, St. Petersburg Marine Technical University (Saint Petersburg)

Contact information: t5591p@mail.ru

Большое значение для любой книжки имеет обложка. Это — её лицо, её одёжка, по которой, как известно, встречают. Потом уже — провожают по уму, т.е. по содержанию самой книжки, а первое, что видит перед

собой читатель, — это, без сомнения, обложка. Именно в ней реализуется важнейший инструмент маркетинговой коммуникации, позволяющий существенно повысить интерес к книге, а, значит, увеличить прода-

жи, повысить доходы издательского коллектива и автора/авторов. Современные полиграфические возможности открывают широкие возможности для воплощения самых дерзновенных оформительских решений. И часто получается, что, взяв в руки книгу в яркой броской обложке, не всегда догадаешься, что там внутри. Это как фантик для вкусной, или не очень, конфеты. Только когда сунешь её в рот — поймёшь, вкусная она или нет. Но обманывать ожидания покупателя нельзя, поскольку, в конечном счёте, можно потерять не только его одного, но весь рынок сбыта.

Покупатели-потребители не любят обмана и болезненно на него реагируют. Могут запросто объявить бойкот продавцу, в нашем случае — издателю, а вместе с ним (совершенно, может быть, незаслуженно) — автору. Именно поэтому, когда сталкиваешься с вопиющей ложью, а, возможно, и просто промахом — нелепой ошибкой, неважно, вольно или невольно допущенной, становится как-то горестно на душе от такого невежества.

Вот и сейчас. Можно только порадоваться тому, что современные издатели решили переиздавать мемуары уже начинающих потихоньку забываться революционных народников. Молодёжь, по-видимому, в темпе вальса проскочила эту тему в постсоветской школе, совсем чуть-чуть вспомнив в вузе, спихивая зачёт по отечественной истории. Правда, внимание к последней сегодня у чиновников от образования начинает возвращаться, увеличиваются часы, отведённые на её изучение школьниками и студентами. Но только грубым невежеством можно, скорее

всего, объяснить (но никак не оправдать!) то, что на обложке книги воспоминаний Осипа Аптекмана «Общество «Земля и Воля» 1870-х гг. По личным воспоминаниям» (Аптекман 2023) разместилась трагическая сцена покушения народовольцев на императора Александра II. Нигде в книге, правда, не указан источник, который был взят за основу оформления книги, но эрудированному читателю хорошо известна эта сцена, да и, кроме того, легко узнаваемо ограждение Екатерининского канала, где произошло это эпохальное событие. Однако к организации «Земля и воля», как и к самому автору-мемуаристу, оно никакого отношения не имело. Да и произошедшее, как известно, 1 марта 1881 г., — выходит за хронологические рамки описываемого в самой книге.

Но одним лишь некорректным оформлением книги невежество издателя здесь не ограничилось. Краткая аннотация, традиционно помещаемая на второй странице, продублирована ещё и на тыльной стороне обложки. Такая практика уже стала традицией. Но о чём там? Кто мог такое написать? Явно с российской историей он знаком поверхностно! «Автор был, — сказано в аннотации, — одним из основателей знаменитых народовольческих организаций «Чёрный передел» и «Народное право». Речь идёт, напомним, об Осипе Аптекмане. Как известно, революционная народническая организация «Земля и воля» 1870-х гг. (а была ещё организация с таким же названием в 1860-х гг.) из-за возникших серьёзных разногласий в отношении тактики революционной борьбы в 1879 г. распалась на «На-

родную волю» и «Чёрный передел». Первая и приняла тактику покушений и террора, совершив убийство императора 1 марта 1881 г. Во главе её стояли А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, С.Л. Перовская и др. «Чёрный передел» (лидеры: Г.В. Плеханов, Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, М.Р. Попов и др.), сохранив программу «Земли и воли», сосредоточился на пропаганде среди рабочих, отвергнув политический террор. О.В. Аптекман вошёл в эту организацию и редактировал вместе с другими её печатный орган, издававшийся под тем же названием «Чёрный передел». Что касается партии «Народного права», в деятельности которой принимал участие Аптекман и даже написал очерк её истории (*Аптекман* 1907), то партия эта была создана в 1893 г. Она, хотя и являлась, возможно, по мнению В.И. Ленина, потомком народоольцев, тем не менее, изживала некоторые иллюзии народничества. При этом вождь мирового пролетариата отмечал неопределённость взглядов народоуправцев и непоследовательность их демократизма в смысле неполного освобождения от народнических предрассудков¹. В любом случае «Народное право» никак не было ни народнической, ни, тем более, народоольческой, организацией, а Аптекман — одним из его основателей (по крайней мере, на учредительном съезде, который собрался в сентябре 1893 г. в Саратове по инициативе М.А. Натансона и Н.С. Тютчева и на котором было около 20 чел., самого Аптекмана не было).

Если такие «загадки» российской истории не всегда просто разгадать (надо иметь хотя бы минимальные исторические знания и желание докопаться до истины), то **некоторые издатели просто не удосуживаются прочитать тот текст, который они публикуют**. Из-за этого происходят всякие забавные истории. Подобный казус случился с аннотацией на мемуары П.А. Кропоткина «Записки революционера», изданные (почему-то, правда, без последней, самой объёмной главы о жизни автора в эмиграции) издательской группой «Азбука-Аттикус» для массового читателя в серии «Азбука-классика»². «Одно описание заключения и побега Кропоткина из Петропавловской крепости тянет на приключенческий роман», — написано в аннотации. **Дальше просто некуда!** А если всё же прочитать, что там, в действительности, написал Пётр Алексеевич? Откуда и как он бежал? К сожалению, миф об этом побеге очень живуч, хотя подробности событий описаны не только самим знаменитым революционером, но и в ряде научных публикаций³. Ладно ещё журналисты напридумают, как, например, В.В. Малышев в своей книге (*Малышев* 2012), допустивший такой вот пассаж: «Удалось бежать из Петропавловской крепости и знаменитому князю Кропоткину. Однако он «сделал ноги», когда его перевозили в тюремную больницу» (*Малышев* 2012: 261). Журналистам свойственна гипербола — поиск «жаренных» фактов для повышения рейтингов и тиражей на свои издания. Но не-

¹ Подробнее см.: (*Широкова* 1972).

² См.: (*Кропоткин* 2011) Ответственная за выпуск Галина Соловьёва. Тираж 4000 экз.

³ См. например: (*Бирюков* 2002, *Талеров* 2017).

что подобное я однажды услышал из уст маститого историка А. В. Шубина, когда в передаче, посвящённой П. А. Кропоткину, он несколько раз повторил об этом «побеге из Петропавловской крепости». Я тогда не удержался — связался и поговорил по телефону с Александром Владленовичем, даже послал ему электронную копию детской книжки, представляющей соответствующую главу мемуаров Кропоткина — «Петропавловская крепость. Побег» (*Кропоткин Побег* 1967). Но, видимо, мой друг и коллега опять запямятовал, когда совсем недавно, накануне 180-летнего юбилея Петра Алексеевича, на канале «Культура» в передаче Сергея Соловьёва «Наблюдатель», посвящённой памяти мыслителя, вновь оговорился. А на реплику находившегося рядом Д. И. Рублёва, что бежал Кропоткин из Николаевского госпиталя, Александр Владленович отреагировал моментально и оригинально: «Но об этом же все знают!». **Занавес падает!** Но ненадолго, наверное...

Я вспомнил, как после моего выступления с докладом на тему побега на очередных Анцифировских чтениях в 2016 г., где я показал обложку книжки со странным названием «Побег из Петропавловской крепости революционера Кн. Кропоткина» (*Кропоткин Побег* 1921), ко мне обратился известный питерский журналист С. Е. Глезеров с не менее странным вопросом: «Раз была книжка с таким названием, так может быть Кропоткин всё-таки бежал из Петропавловской крепости?». Тушите свет! **Вот так создаются мифы, на пустом месте, из-за таких вот оплошностей (или маркетинговых ходов?) издателей!**

Конечно, ошибки в издательском деле неизбежны. С опечатками бороться сложно, почти невозможно, даже при наличии нынешних электронно-цифровых возможностей. Сколько раз я сам проверял и перепроверял свои тексты, но всё равно что-то пропускал — глаз замыливался... Но одно дело — тексты, содержание статьи, книги и т. д. (проблему можно решить, выпустив листок с исправлениями и вложив/вклеив его в книгу), другое — обложка, выходные данные, аннотация. Здесь мало проверять-перепроверять, здесь нужна особая бдительность. **Ошибки могут нанести невосполнимый вред** как имиджу издательства, автору и всем причастным к этому процессу, так и обществу в целом. Об этом надо помнить! Да, конечно, какая разница — написали на обложке, корешке и титульном листе вместо имени Дмитрий — Дмирий (*Рублёв* 2020). Автор переживёт, не маленький! Но автору обидно, что такое произошло, что издатель допустил оплошность, безответственность и даже не извинился, ему всё — трын-трава! А читателю — очередная загвоздка-загадка: что за странное имя появилось, такое оригинальное, что это он тут себе позволяет?! А если на обложке и на титульном листе написано: «Один из самых известных русских религиозных и политических философов» (*Кропоткин Анархия* 2023), то грех не поверить, что Кропоткин был именно религиозным философом. Но в действительности-то Пётр Алексеевич был весьма критичен и к религии, и к церкви, какой уж тут религиозный философ!..

С подобной халатностью и откровенной безграмотностью мы столкну-

лись, когда вдруг увидели на обложке, подготовленной мной в 2014 г. к печати в издательстве Русской христианской гуманитарной академии объёмной книги «Бакунин: pro et contra» (Бакунин 2014), не тот портрет: то есть вместо Михаила Александровича Бакунина, которому собственно и была посвящена книга в год его 200-летнего юбилея, на нас смотрел его брат Николай. Надо сказать, что есть портреты обоих братьев, выполненные известным русским художником Николаем Ге. Но они совершенно разные, не похожие друг на друга! И портреты, и сами братья! Хорошо ещё, что тогда напечатали лишь несколько сигнальных экземпляров и нам удалось быстро всё исправить и весь тираж вышел уже с правильным портретом. Но я постоянно удивляюсь тому, что вместо портрета Михаила многие издатели без тени сомнения помещают портрет его брата Николая⁴. Аналогичный парадокс регулярно происходит и с портретом Петра Алексеевича Кропоткина: почему-то издателям больше нравится портрет его старшего брата Александра, хотя братья внешне тоже не были похожи друг на друга, и их личности на портретах легко идентифицируются. Так произошло, например, с изданием более 10 лет тому назад биографии Петра Алексеевича, подготовленной в издательстве «Молодая гвардия» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» (Маркин 2009). Правда (слава Богу!), не на обложке, а на первой вклейке, но, к сожалению, с факсимильной подписью Петра Алексеевича. Но ещё более непри-

ятно было столкнуться с подобным конфузом в издании «Записок революционера», выпущенных петербургским издателем Г. Маркеловым (Кропоткин Записки 2018).

Издатель, несомненно, имеет право в целях продвижения «своей» интеллектуальной продукции вносить определённые оформительские элементы, позволяющие привлечь внимание покупателя и повысить спрос. **Но всему есть предел!** Эти изменения не должны искажать суть публикуемых материалов, вызывать негативные эмоции у читателей и общества. Недавно в издательстве «Родина» вышли две прекрасно оформленные книги трудов М. А. Бакунина (Бакунин 2011) и П. А. Кропоткина (Кропоткин Речи 2022) (редактор обоих изданий О. В. Селин). Если во второй сохранены названия первоисточников и даже указано в подзаголовке, что материалы взяты из книги «Речи бунтовщика», статей и выступлений Кропоткина (правда, неясно, каких), то заглавия заимствованных отрывков первой книги придуманы издателем, как и само название книги. Возможно, конечно, это отражает суть взглядов классика анархизма, но может несколько дезориентировать читателя, создать определённые иллюзии. Так было, кстати, с книгой Петра Алексеевича «Этика: Избранные труды» (Кропоткин Этика 1991), подготовленной ещё в советское время и вызвавшей путаницу у некоторых исследователей в идентификации источников, хотя в предисловии было честно сказано, что некоторые заглавия фрагментам

⁴ См., например: (Речи, изменившие мир 2014: 97, Князья, цари и императоры 2020, Бакунин 2020: 4, Знаменитые династии 2014: 13 и обл.).

даны составителем. Я в таких случаях, кстати, помещаю предложенные мною заглавия в квадратные скобки, чтобы сразу было видно.

В связи с этим невольно вспоминается история, произошедшая с И. С. Книжником-Ветровым, которого вдруг стали публично именовать Бланком. Вначале это случилось у И. Ф. Масанова в его знаменитом словаре псевдонимов (*Масанов-1* 1956: 238), а потом ещё и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького»⁵. Всё это подвигло Ивана Сергеевича обратиться с письмом к директору Института мировой литературы с просьбой исправить ошибку: «Я жил в эмиграции в 1905–1909 гг. по паспорту Бланка. Покойный Масанов на этом «основании» приписал мне в 1-м томе «Словаря псевдонимов» эту фамилию. Но в 3-м томе это недоразумение исправлено в «дополнениях» (*Масанов-3* 1959: 357), а у Вас этого не заметили. Прошу Вас в 4-м томе «Летописи» поместить заметку, исправляющую эту ошибку. Моя фамилия Книжник, старейший псевдоним — Ветров, с 1930 г. я подписываюсь Книжник-Ветров» (*Книжник-Ветров* б/д). И на самом деле, в 4-м выпуске «Летописи» (*Летопись Горького-4* 1960: 720) такое исправление было сделано. Было ведь тогда кому обратиться с претензией, которая и была удовлетворена. Хотя, по правде сказать, эту ошибку с Книжником-Ветровым до сих пор допускают некоторые авторы, которые не удосужились докопаться до истины, а в Интернете кто-то даже

позволяет себе ёрничать по этому поводу. А что делать тем, кто уже не может защитить свои права? Да и потомков или учеников-последователей, возможно, уже не найти, готовых потягаться с неразумными издателями и прочими лицами...

Итак, что сказать в заключение? **Тщательней работать надо, товарищи!** Скрупулёзнее изучать страницы отечественной (да и не только отечественной!) истории, внимательнее просматривать подготовленные к печати материалы, чтобы не допустить нелепые ошибки, а уж если такое случилось — не жалеть времени и усилий для их исправления и принесения извинений авторам и читателям, получившим вдруг откровенную дезинформацию (халтуру?!), и трудно оцениваемый моральный ущерб.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аптекман 1907 — *Аптекман О. В.* Партия «Народного права» (По личным воспоминаниям) // *Былое*. — Пб., 1907. — № 7 (19). — С. 177–206.

Аптекман 2023 — *Аптекман О. [В.]* Общество «Земля и Воля» 1870-х гг. По личным воспоминаниям. М.: Изд-во «Вече», 2023. 512 с. (Русская история). Выпускающий редактор С. Э. Ласточкин.

Бакунин 2011 — *Бакунин М. [А.]* Бунт — дело правое. Записки русского анархиста. М.: Родина, 2011. 256 с., портр. (Кто мы?).

Бакунин 2014 — Бакунин: pro et contra. Личность и творчество Михаила Бакунина в оценке отечественных исследователей: антология / [сост. П. И. Талеров]. СПб.: НОКО, 2014. 1014 с. (Сер. «Рус-

⁵ См.: (*Летопись Горького-3* 1959: 63), запись от 7.01.1917 о статье Книжника «Интеллигент из народа» о Горьком в газете «Правда».

ский Путь: pro et contra» / Русская христианская гуманитарная акад.).

Бакунин 2020 — М. А. Бакунин: теоретик анархизма. М.: ООО «Ашет Коллекция», 2020. 48 с., ил., портр.

Бирюков 2002 — *Бирюков А. В.* О месте побега П. А. Кропоткина в 1876 г. // Труды Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. П. А. Кропоткина. — Вып. 4: Идеи П. А. Кропоткина и естествознание; Вопросы биографии П. А. Кропоткина. М., 2002. — С. 101–108.

Знаменитые династии 2014 — Знаменитые династии России: еженедельное издание / издатель, учредитель, ред.: ООО "Де Агостини". М.: Де Агостини, 2014. — № 116: Бакунины. 31 с., ил.

Книжник-Ветров б/д — *Книжник-Ветров И. С.* Письмо директору Института мировой литературы // ОР РНБ, Дом Плеханова. Ф. 352. Ед. хр. 1643. Л. 6.

Князья, цари и императоры 2020 — Князья, цари и императоры России. — Ч. 12: Александр II. Годы правления 1855–1881. — № 217: М. А. Бакунин: теоретик анархизма. М.: ООО «Ашет Коллекция», 2020. 48 с., ил., портр.

Кропоткин Анархия 2023 — *Кропоткин П. А.* Анархия и нравственность: [сборник] / Пётр Кропоткин. М.: Эксмо, 2023. 480 с. (Философия в кармане).

Кропоткин Записки 2018 — *Кропоткин П. А.* Записки революционера. Воспоминания. СПб.: Издатель Геннадий Маркелов, 2018. 552 с., ил.

Кропоткин Записки 2011 — *Кропоткин П. А.* Записки революционера. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 384 с.

Кропоткин Речи 2022 — *Кропоткин П. А.* Нужен ли анархизм в России? Речи бунтовщика. М.: Родина, 2022. 224 с., портр. (Кто мы?).

Кропоткин Побег 1921 — [*Кропоткин П. А.*] Побег из Петропавловской крепости революционера кн. Кропоткина. Пг.: Центропечать, [1921]. 16 с. (Б-ка изд. "Центропечать". — Кн. № 3).

Кропоткин Побег 1967 — *Кропоткин П. А.* Петропавловская крепость. — Побег / [Для младш. школьного возраста; Вступление, заключение, примеч. и подгот. текста Е. А. Таратута; Ил.: О. Коровин]. М.: Дет. лит., 1967. 63 с., ил. (На обл.: Книга за книгой). Перездавалась много раз, вплоть до 1987 г.

Кропоткин Этика 1991 — *Кропоткин П. А.* Этика: Избранные труды / [Общ. ред., сост. и предисл. Ю. В. Гридчина]. М.: Политиздат, 1991. 493, [3] с. (Б-ка этической мысли).

Летопись Горького-3 1959 — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. — Вып. 3. 1917–1929. М., 1959. 767 с.

Летопись Горького-4 1960 — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. — Вып. 4. 1930–1936. М., 1960. 723 с.

Мальшиев 2012 — *Мальшиев В. В.* Петербургские тайны. Исторический путеводитель. Город и его камни. СПб., 2012. 381, [1] с., ил., портр.

Маркин 2009 — *Маркин В. А.* Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 333, [1] с., [16] л. ил., портр., факс. (Жизнь замечательных людей: серия биографий; Вып. 1358 (1158)). Редактор: В. В. Эрлихман.

Масанов-1 1956 — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4-х т. — Т. 1. М., 1956. 442 с.

Масанов-3 1959 — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4-х т. Т. 3. М., 1958. 415 с.

Речи, изменившие мир 2014 — Речи, изменившие мир: от Сократа до Джобса: [55 важнейших выступлений в истории: сборник]. М.: Эксмо Nofun publishing, 2014. 381, [1] с., ил., портр. (Подарочные издания. Они изменили мир).

Рублёв 2020 — *Рублёв Д. И.* Чёрная гвардия: Московская Федерация Анархистских групп в 1917–1918 гг. М.: Common Place, 2020. 704 с. + 32 с. вкл. ил. (Проект «Центр либертарных исследований»).

Талеров 2017 — Талеров П.И. Дерзкий побег князя-бунтовщика Кропоткина: по материалам следственного дела / Личность в истории города // IX Анциферовские краеведческие чтения: 2016 года, Санкт-Петербург [Аничков дворец]: Материалы конференции / С.-Петербургский союз краеведов, С.-Петербургский Дворец творчества юных, Фонд им. Д. С. Лихачёва. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2017. С. 150–158.

Широкова 1972 — Широкова В.В. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. 206 с.

REFERENCES

Аптекман О.[V.] *Obshchestvo «Zemlya i Volya» 1870-kh gg. Po lichnym vospominaniyam*. М.: Изд-во «Veche», 2023. 512 с. (Russkaya istoriya). Vypuskayushchiy redaktor S. E. Lastochkin.

Аптекман О. V. *Partiya «Narodnogo prava» (Po lichnym vospominaniyam)* // Byloye. — Pb., 1907. — № 7 (19). — S. 177–206.

Bakunin M.[A.] *Bunt — delo pravoye. Zapiski russkogo anarkhista*. М.: Rodina, 2011. 256 с., portr. (Kto my?).

Bakunin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Mikhaila Bakunina v otsenke otechestvennykh issledovateley: antologiya / [sost. P. I. Talerov]. SPb.: NOKO, 2014. 1014 s. (Ser. «Russkiy Put': pro et contra» / Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akad.).

M. A. Bakunin: *teoretik anarkhizma*. М.: ООО «Ashet Kolleksiya», 2020. 48 с., il., portr.

Biryukov A. V. *O meste pobega P. A. Kropotkina v 1876 g.* // Trudy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu so dnya rozhd. P. A. Kropotkina. — Vyp. 4: Idei P. A. Kropotkina i yestestvoznaniye; Voprosy biografii P. A. Kropotkina. М., 2002. — S. 101–108.

Knizhnik-Vetrov I. S. *Pis'mo direktoru Instituta mirovoy literatury* // OR RNB, Dom Plekhanova. F. 352. Yed. khr. 1643. L. 6.

Knyaz'ya, tsari i imperatory Rossii. — CH. 12: Aleksandr II. Gody pravleniya 1855–1881. — № 217: M. A. Bakunin: teoretik anarkhizma. М.: ООО «Ashet Kolleksiya», 2020. 48 с., il., portr.

Kropotkin P. A. *Anarkhiya i npravstvennost': [sbornik]* / Potr Kropotkin. М.: Eksmo, 2023. 480 s. (Filosofiya v karmane).

Kropotkin P. A. *Etika: Izbrannyye trudy* / [Obshch. red., sost. i predisl. YU. V. Gridchina]. М.: Politizdat, 1991. 493, [3] s. (B-ka eticheskoy mysli).

Kropotkin P. A. *Nuzhen li anarkhizm v Rossii? Rechi buntovshchika*. М.: Rodina, 2022. 224 с., portr. (Kto my?).

Kropotkin P. A. *Petropavlovskaya krepost'*. — *Pobeg* / [Dlya mladsh. shkol'nogo vozrasta; Vstupleniye, zaklyucheniye, primech. i podgot. teksta Ye. A. Taratuta; Il.: O. Korovin]. М.: Det. lit., 1967. 63 с., il. (Na obl.: Kniga za knigoy).

[Kropotkin P. A.] *Pobeg iz Petropavlovskoy kreposti revolyutsionera kn. Kropotkina*. Pg.: Tsentropechat', [1921]. 16 s. (B-ka izd. "Tsentropechat'". — Kn. № 3).

Kropotkin P. A. *Zapiski revolyutsionera. Vospominaniya*. SPb.: Izdatel' Gennadiy Markelov, 2018. 552 с., il.

Kropotkin P. A. *Zapiski revolyutsionera*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 384 s.

Letopis' zhizni i tvorchestva A. M. Gor'kogo. — Vyp. 3. 1917–1929. М., 1959. 767 s.

Letopis' zhizni i tvorchestva A. M. Gor'kogo. — Vyp. 4. 1930–1936. М., 1960. 723 s.

Malyshev V. V. *Peterburgskiy tajny. Istorieskiy putevoditel'. Gorod i yego kamni*. SPb., 2012. 381, [1] s., il., portr.

Markin V. A. *Kropotkin*. М.: Molodaya gvardiya, 2009. 333, [1] s., [16] l. il., portr., faks. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey: seriya biografii; Vyp. 1358 (1158)). Redaktor: V. V. Erlikhman.

Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchonykh i obshchestvennykh deyateley*. V 4-kh t. — T. 1. M., 1956. 442 s.

Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchonykh i obshchestvennykh deyateley*. V 4-kh t. T. 3. M., 1958. 415 s.

Rechi, izmenivshiy mir: ot Sokrata do Dzhobsa: [55 vazhneyshikh vystupleniy v istorii: sbornik]. M.: Eksmo Nofun publishing, 2014. 381, [1] s., il., portr. (Podarochnyye izdaniya. Oni izmenili mir).

Rublov D. I. *Chornaya gvardiya: Moskovskaya Federatsiya Anarkhistskikh grupp v 1917–1918 gg.* M.: Common Place, 2020. 704 s. + 32 s. vkl. il. (Proyekt «Tsentr libertarnykh issledovaniy»).

Shirokova V. V. *Partiya «Narodnogo prava»: Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya 90-kh godov XIX veka*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1972. 206 s.

Talero P. I. *Derzkiy pobeg knyazya-buntovshchika Kropotkina: po materialam sledstvennogo dela / Lichnost' v istorii goroda // IX Antsiferovskiye krayevedcheskiye chteniya: 2016 goda, Sankt-Peterburg [Anichkov dvorets]: Materialy konferentsii / S.-Peterburgskiy soyuz krayevedov, S.-Peterburgskiy Dvorets tvorchestva yunyh, Fond im. D. S. Likhachova. SPb.: Izd-vo «Yevropeyskiy Dom», 2017. S. 150–158.*

Znamenitiyye dinastii Rossii: yezhenedel'noye izdaniye / izdatel', uchreditel', red.: OOO "De Agostini". M.: De Agostini, 2014. — № 116: Bakuniny. 31 s., il.

А. Л. Кудряшов

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЙ ПЕЙЗАЖ (ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ)

Рец: Николай Митрохин. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1–2. — М., Новое литературное обозрение, 2023.

Рецензируемая книга представляет собой научное исследование о формировании и реализации политических решений Советского государства в социально-экономической сфере, написанная кандидатом исторических наук, историком-советологом Н. А. Митрохиным.

Ключевые слова: СССР, Экономика, ЦК КПСС, Госплан, Косыгинская реформа.

Сведения об авторе: Кудряшов Андрей Леонидович, историк-архивист

Контактная информация: ankudry@yandex.ru

A. L. Kudryashov

A NEW LOOK AT THE OLD LANDSCAPE (MARGINAL NOTES)

Rev.: N. A. Mitrokhin Oчерki sovetskoj ehkonomicheskoy politiki v 1965–1989 godakh. Tom 1–2, — М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

The reviewed book is a scientific study on the formation and implementation of political decisions of the Soviet state in the socio-economic sphere, written by Candidate of Historical Sciences, historian-Sovietologist N. A. Mitrokhin.

Keywords: USSR, Economy, CPSU Central Committee, Gosplan, Kosygin reform.

About the author: Kudryashov Andrey Leonidovich, historian-archivist

Contact information: ankudry@yandex.ru

© А. Л. Кудряшов, 2023

DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-260–264

Появление этого двухтомника было воспринято мной как, несомненно, большое событие научной и культурной жизни. Пишу о событии, так как появление таких комплексных работ вызывает интерес не только в плане пополнения знаний по конкретному вопросу, но и в контексте примеров использования новых исследовательских методик и навыков.

Очерки Н. А. Митрохина несомненно являются прорывом к знанию предмета на основе вновь построенной оптики. Новизна этой оптики основана в свою очередь, как кажется, на новом понимании автором понятия «политика», изучение которой сводится не к анализу её результатов, что можно было наблюдать у предшественников, а к изучению самой структуры политики, механизмов её формирования, движущих сил этого формирования. Столкновение разных интересов, политических группировок при формировании экономической политики, при этом переплетение идеологии, понимания и оценки проблем, эгоизма участников процесса попадают в фокус рассмотрения автора.

В небольшом отвлечении стоит отметить богатство и разнообразие материала, на основе которого решены исследовательские задачи. Представляется нетривиальным тот подход к источникам, когда в условиях продолжающейся недоступности многих документов автор продуктивно использует и собственные интервью, и интервью Ольги Сибиревой со многими акторами исследуемых процессов. Здесь ценно то, что никакой документ так непосредственно не фиксирует мнение участника

событий, как прямая речь в диалоге. Кроме этого большой интерес вызывает использование недавно опубликованных Рабочих и дневниковых записей Л. И. Брежнева, персона которого занимает центральное место в рассматриваемом периоде истории СССР в целом и теме исследования в частности. Под воздействием этих записок краски официального и анти-портретов Брежнева меняют свои цвета, когда-то застывший монументальный образ оживает, несколько меняя представление читателя.

Рассмотрим же картину Н. А. Митрохина. Представляется, что главное здесь это история выработки в условиях изнурительно затратной холодной войны политических решений нарастающих экономических проблем. Кажется, что отказ от экономической модели ГУЛАГа при увеличении расходов на ВПК поставил руководство СССР перед задачей поиска новой модели экономического устройства, но при сохранении политических и идеологических парадигм. Форсированное наращивание военной мощи с одной стороны, а с другой, рост социальных проблем, увеличение городского населения с отстающими возможностями его снабжения, исчерпание старых мотиваций к труду, изменение структуры потребительского запроса и многое другое подталкивало правительство к реформам.

Чтобы понять, какова была военно-промышленная нагрузка на экономику, как это влияло на социально-экономическое развитие страны, достаточно привести следующие обстоятельства. Во-первых, оборонные расходы составляли 16–18%

бюджета страны. Из этого объема выделялось 45,6% на НИОКР, которые осваивали 46 НИИ Министерства обороны. Это, не считая военную тематику гражданских предприятий и НИИ с собственными бюджетами. Во-вторых, к концу 1980-х годов 1770 предприятий ВПК производили 50–60% гражданской продукции, что во многом говорит об остаточном принципе выполнения потребительского запроса. В-третьих, с 8 января 1960 года действовало постановление Правительства, по которому значительный финансовый объем из государственного бюджета уходил на поощрение работников ВПК за форсированную разработку и внедрение нового вооружения. Здесь необходимо отметить, что наметившийся в 1965–1975 гг. рост благосостояния граждан практически «гасил» рост военных расходов, обращения же из академической среды о вредности экономических перекосов в пользу ВПК блокировались самим А. Н. Косыгиным. Все эти и другие обстоятельства советского противостояния в холодной войне сказывались на развитии экономики и социально-экономическом положении в стране.

А что с экономикой? Комиссией ЦК КПСС, созданной осенью 1980 года, была подготовлена записка «К проектам Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на 1982 год», в которой были перечислены основные накопившиеся проблемы и угрозы дальнейшего развития. Нельзя сказать, что до начала 1980-х годов Правительство не обращало внимания на кризисные явления в экономике и не пыталось провести реформы. О Косыгинской

реформе будет сказано ниже. Однако именно в это время обнаружилась особая озабоченность, о чём свидетельствует формирование 25 октября 1982 года 6-го управления КГБ для контрразведывательного сопровождения экономики, для борьбы с коррупцией и другими экономическими преступлениями. Показательна и записка идеолога партии Суллова о состоянии экономики в стране. Фактически запредельный уровень экономических преступлений стал вершиной накопившихся социально-экономических проблем.

Особое внимание среди многочисленных проблем в экономике требовало положение в сельском хозяйстве, напрямую связанное с уровнем благосостояния населения. В советской экономической политике задачи вывода сельского хозяйства из кризисного состояния и повышения уровня благосостояния граждан были переплетены как никогда ранее. Особенно в вопросе о производстве и снабжении зерном. Проблема заключалась в следующем: с 1970-го до 1985-го увеличилось примерно на 10% городское население, которое было необходимо снабжать продовольствием; производство же зерна с конца 1960-х начало падать, при этом всё больший объем собранного приходилось оставлять на селе. Но, несмотря на то, что зарплата колхозников была значительно повышена и гарантирована, темпы роста сельхозпроизводства упали вдвое, с 1963 сальдо торговли сельскохозяйственной продукцией стало отрицательным. В этих условиях с 1960-х гг. СССР из активного экспортера зерна превращается в активного импортера. В 1970-е этот импорт резко

увеличивается, к 1984 году импорт зерна относительно 1970 года вырос в 20 раз благодаря выбранной государством стратегии, когда вместо закупок мяса, компенсирующих нехватку этого продукта, интенсивно закупалось зерно для откорма скота.

Причина нарастающего зернового дефицита заключалась не только в росте городского населения, исключенного из сельскохозяйственного производства и требующего продовольственного снабжения, но и в быстро развивающемся кризисе старых моделей управления этим производством. На фоне бюджетного недофинансирования сельского хозяйства резко проявлялись черты его нерентабельности. Эта нерентабельность изначально была продиктована идеологическим выбором плановой экономики против рыночной конкуренции, что подтверждалось предпочтениями директорско-председательского корпуса колхозов и совхозов. Запланированные сверху и неизменные государственные закупочные цены сталкивались с неизбежным ростом оперативных расходов, что приводило к накоплению долгов сельхозпроизводителей. Единственным выходом из этой ситуации было периодическое списание этих долгов государством. Проблема кризиса временно купировалась, но кардинально не решалась.

Рассмотрение социально-экономических проблем несколько отвлекло от самой сильной, кажется, стороны исследования Н. А. Митрохина, а именно непосредственной истории формирования экономической политики Советского государства как реакции и ответа на вызовы вышепе-

речисленных проблем. Как складывался и насколько эффективен был этот ответ?

Несомненно, что в центре этого рассмотрения лежит судьба Косыгинской реформы. В основу реформы легли теоретические разработки харьковского ученого-экономиста Е. Г. Либермана, который предлагал сокращение плановых заданий и числа форм отчетности предприятий, наделение директоров предприятий более широкими полномочиями с ослаблением их опеки центром, разработку новой системы стимулирования работников через формирование фондов материального поощрения. За пять лет проведения реформы на новую систему хозяйствования были переведены практически все предприятия страны. Всё было направлено на повышение темпов роста экономики с декларацией повышения уровня жизни населения. Однако эффект практически стал обратным. В условиях, когда по новой системе распределения доходы оставались на предприятиях, а расходы ложились на государство, появились дисбалансы бюджетов; порой происходило намеренное занижение плановых заданий, чтобы искусственно увеличить фонд заработной платы; с значительным увеличением доходов как городского, так и сельского населения, увеличением банковских вкладов запасы, предназначенные для реализации в розничной торговле, сократились вдвое. Вряд ли при таких итогах проведение реформы можно было назвать успешным. Началось сворачивание реформы — все накопления предприятий были отобраны в пользу государственного бюджета... Старые проблемы так и не

были решены, но добавились новые... Пользуясь метафорой В.О. Ключевского о действиях Петра I, можно сказать, что реформа пронеслась над страной очередным ураганом.

В чем же были причины неуспеха реформы, да и многих последующих действий Советского руководства, направленных на устранение кризисных проблем в экономике? Кажется, главный ответ заключается в словах А.Н. Косыгина: «...мне возражали: реформой подорвем устои социализма...». Несомненно, что твердое намерение сохранить идеологические установки Советского государства кастрировало все попытки социально-экономической модернизации страны.

Действительно, из исследования Николая Митрохина видно, как попытки решения глобальных проблем в своём развитии в лучшем случае приводили к косметическому ремонту. Идеология зубами плановой экономики разгрызала всё новаторство проектов. Читая, мы видим, что центральное место Госплана при всех обстоятельствах развития определяло его итоги. Н.А. Митрохин прямо пишет: «...Плановая экономика (главным проводником которой несомненно являлся Госплан) ...не была способна ничего рационально спланировать» по причине чего де-факто не существовало». Само планирование и отчетность по выполнению планов напоминали какое-то бюрократическое шаманство.

Этот процесс вдобавок был погружён в ожесточенную борьбу самого Госплана, аппарата ЦК КПСС, министерств и ведомств, борьбу, становящуюся системным центром экономики. А наряду с этим план не выполняли 2/3 министерств, 95% не производили продукцию высшего качества.

Кроме квази-планирования на судьбу принятых решений сильно влияли ещё две реалии формирования экономической политики. Во-первых, это весьма сложная и запутанная система сбора плановой информации и отчетности — существовало 100–120 тысяч показателей экономического развития, манипулируя которыми можно было «нарисовать» любую картину. А во-вторых, неслыханный режим секретности информации, когда разработчики экономической политики не обладали полнотой доступа к статистическим сведениям и к документам смежников. В этой связи характерно воспоминание М.С. Горбачева о том, что некоторые «секреты бюджета» стали ему известны незадолго до отставки.

Ещё многие стороны экономической политики Советского государства по-новому освещает исследование Н.А. Митрохина. Я остановился только на центральных. Надеюсь, что этот двухтомник станет предметом долгого и плодотворного обсуждения...

12 февраля 2023 г.

«ВСЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЯЗЫКА БЫЛА ОТВЕТОМ НА ВРАЖДЕБНОСТЬ ТОГО НАРОДА, КОТОРЫЙ ПРЕДСТОЯЛО ОСВОБОДИТЬ».

Интервью с Е. Н. Блиновым

Известный ученый Е. Н. Блинов в интервью делится воспоминаниями из своей семейной памяти, об обстоятельствах выбора своей профессии — ученого, об особенностях французских и русских революций и в частности различиях в проектах функционирования языков.

Ключевые слова: Семейная память, революции, языковые проекты.

Сведения об авторе: Евгений Николаевич Блинов, кандидат философских наук, PhD, профессор кафедры мировой политики и новой истории ТюмГУ,

Контактная информация: e.n.blinov@utmn.ru

"THE WHOLE REVOLUTIONARY POLICY OF LANGUAGE WAS A RESPONSE TO THE HOSTILITY OF THE PEOPLE WHO WERE TO BE LIBERATED." Interview with E. N. Blinov

Philosopher E. N. Blinov in an interview shares memories from his family memory, talks about the circumstances of choosing his profession, about the features of the French and Russian revolutions and, in particular, the differences in the projects of the functioning of languages.

Key words: Family memory, revolutions, language projects.

About the author: Evgeniy Nikolaevich Blinov, Candidate of Philosophical Sciences, PhD, Professor of the Department of World Politics and Modern History of Tyumen State University

Contact information: e.n.blinov@utmn.ru

Автор книги: Пером и штыком: введение в революционную политику языка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. **Переводчик:** Делез, Ж. Мая-68-го не было. Составление, перевод с французского и послесловие. Москва: Ад Маргинем, 2016; Латур, Б. Политики природы. Перевод с французского и послесловие. Москва: Ад Маргинем, 2018.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, о вашей семейной памяти.

Е.Б.: Я думаю, непосредственная память редко у кого бывает дальше четырёх поколений. Хотя дедушки и бабушки — это не семейная память в прямом смысле. Скорее, некий опыт, который в нас вкладывается и с которым мы живём. У меня этот лимит — четвёртое поколение, то есть те воспоминания, которые родители получили от своих дедушек и бабушек. По материнской линии со стороны мамы у нас казачьи корни — сегодня это донецкий хутор Дударевка. Если выстраивать некую реконструкцию, то скорее всего с конца XVIII века наши предки жили в донских станицах. Мамин отец Александр Иванович Плаксин после гражданской войны попал в детский дом, он жил на территории нынешнего Татарстана, сведения о его происхождении расходятся, там, видимо, много кровей намешано: и татары, и евреи, но с уверенностью сказать сложно. Со слов мамы, его отец был священником, что было не самым многообещающим фактом биографии. У него была очень советская биография для человека, рожденного в 1906-м году: детдом, рабфак, инженерное образование, война, арест, тюрьма, а затем полная реабилитация, к счастью, прижизненная, и руководящая должность в конце жизни. По отцовской линии мой прадед —

отец моего деда — Иван Семенович Блинов из Смоленской губернии, он пропал в революционных событиях в 1917 году. Другой прадед Никита Сотсков — дед моего отца по материнской линии — из рязанского села Ходынино, он прожил долгую жизнь, застал полет Гагарина, у нас сохранилось много его фотографий. В русско-японскую он воевал в Порт-Артуре. Одна из моих семейных миссий на будущее — я хочу доехать до Владивостока, было фотоателье Мацкевича, где фотографировались многие участники Русско-японской войны. Насколько мне известно, этот дом до сих пор сохранился. Если можно так выразиться, это один из векторов моего «ориентализма». Несколько поколений моей семьи проходили военную службу во Владивостоке. Папа рассказывал, что в семье дяди осталась характеристика, написанная каллиграфическим почерком за подписью Стесселя. Прадед воевал в Порт-Артуре, а его будущий зять, Евгений Блинов, в честь которого я назван, был подводником и также готовился к войне с Японией, но после подвига Рихарда Зорге его перебросили с Дальнего Востока на прорыв блокады Ленинграда. Так он стал морпехом и дрался в самой мясорубке, на его теле буквально не было живого места. Вообще со слов отца, из ближайшего семейного круга из десяти мужчин с войны вернулись трое, двое инвалидами, включая

моего деда. Топографически я могу определить — три четверти моей семьи были из Рязанской и Смоленской губернии и с Дона, но в Москве и области осели еще до войны. То есть, точно известные предки — казаки и крестьяне.

С.Э.: Получается, вы помните до прадедушек?

Е.Б.: Да. А дальше это семейные предания, о которых сложно судить достоверно. Мой дед Евгений Иванович Блинов, родился в городе Гжатск Смоленской Губернии, ныне Гагарин. Он рассказывал со слов своей бабки, которая также узнала эту историю от своей то ли бабки, то ли прабабки об отступлении разбитых французов по Смоленской дороге, как их били батогами. Это такая реконструированная память, из которой можно заключить, что они жили в Смоленской губернии уже в эпоху наполеоновских войн. По бабушкиной линии со стороны отца есть легенда, что после пугачевского восстания ее предков переселили в Рязанскую губернию, в село Ходынино. Согласно народной этимологии, в этом месте была жестокая сеча с татарами и приходилось ходить по трупам. Я не проверял эту версию, но есть семейная легенда, что они были из расказаченных. В екатерининские времена в конце XVIII века на этой территории вроде бы селили расказаченных донцов. Родственники до четвертого поколения для меня существуют в виде фотографий. Казаки, например, любили фотографироваться. Прадед, донской казак погибший в 25 лет в Гражданскую войну под Царицыным, воевал точно за белых, поэтому с Дона было луч-

ше уехать. Хотя ряд его ближайших родственников воевали и за красных, и за белых — раньше это была типичная история.

С.Э.: Типичный «Тихий Дон».

Е.Б.: Да, со слов моей бабушки, мы состоим в дальнем родстве с Шолоховым. Дударевка рядом с Вешенской, это шолоховские места. И по отцовской линии в моей семье тоже присутствует казачий миф — вынужденные переселенцы в Рязань. Если верить семейным преданиям, то по линии деда они уже в начале XIX века жили в Смоленской губернии, а по линии бабушки (папиной) в конце XVIII века жили в Рязанской губернии. Казаки, видимо, также стали оседлыми, когда Войско Донское присягнуло на верность короне.

С.Э. Расскажите о Ваших родителях.

Е.Б. По профессии мои родители юристы, познакомились во время учебы на Юрфаке МГУ. Папа родился в Москве, мама — в Подмосковье. Я не пошел по семейной линии и решил стать свободным философом, хотя юристом стал мой старший брат. Отчасти это связано с тем, что, хотя у моих родителей были вполне приличные карьеры в советское время, 90-е годы стали для людей с советским правовым сознанием настоящим шоком. Им очень не нравилась постсоветская юридическая культура, назовем это так, поэтому они не пытались оказать влияние на мой выбор профессии. Хотя они вполне себя нашли в новой жизни — у них была востребованная профессия, которую не пришлось менять. В этом смысле,

у меня не было профессиональных гуманитариев в семье, я первый. Хотя высшее образование было и у бабушки — она была хирургом, и у дедушки — он был инженером.

С.Э.: Вы потомственный интеллигент в третьем поколении.

Е.Б.: Можно и так сказать, хотя мне не особо нравится этот термин. Ещё одна из семейных историй относится к несостоявшейся научной карьере моей бабушки. Она была хирургом-гинекологом и в 50-е годы хотела защищаться на тему: «Влияние радиации на репродуктивную систему человека». Когда она об этом обмолвилась, то на неё завели уголовное дело за разглашение государственной тайны. Дело потом закрыли, это была уже не сталинская эпоха, но научная карьера для нее была закрыта навсегда. Папа учился в МГУ у Валерия Дмитриевича Зорькина. С его слов ему предложили поступать в аспирантуру, но потом, когда у самого Зорькина начались проблемы и ему пришлось уйти из МГУ, папа понял, что научная карьера — не самое перспективное занятие (это было в начале 70-х годов). А маме предлагали защищать диссертацию по научному коммунизму, когда она работала в НИИ электроники начальником юротдела. Но «научный коммунизм» в середине восьмидесятых не выглядел перспективным направлением, поэтому она также этой возможностью не воспользовалась. Таким образом, научная карьера у членов моей семьи особо не складывалась по независящим от них обстоятельствам.

С.Э.: Вы ее сделали за бабушку, за папу и за маму!

Е.Б.: Да, так получилось, что по не совсем зависящим от них причинам, научную степень в моей семье никто не получил. Я в этом смысле первопроходец. И первый отправился получать образование в Европу. Но такие возможности появились только в начале 90-х годов, когда они уже были сложившимися людьми.

С.Э.: Вы как раз начали говорить о выборе профессии. Вы не пошли по стопам родителей, и это немного странный выбор, потому что в 90-е годы, как раз профессии юриста и экономиста были особенно популярны, но не философия, история или филология.

Е.Б.: Я всегда был немного странный человек или, как дипломатично выражается моя японская жена — эксцентричный. Меня не вдохновляла юриспруденция, поэтому я поступил на философский факультет РГГУ, который в конце девяностых считался куда более продвинутым, чем консервативный МГУ, а Высшая Школа Экономики тогда занималась только экономикой. При этом, как я сейчас понимаю, рубеж 90-х и 00-х годов был худшим периодом для того, чтобы учиться на философском. В начале 90-х была некая волна перестроечной эйфории, особенно в области философии. Появилась масса переводов, люди начали печататься, свобода слова и возможность путешествовать. Когда поступили мы, в сентябре 1998 года, то есть сразу после дефолта, наступило всеобщее уныние и упадок. Годы нашей учёбы, как мне кажется, были самым депрессивным периодом для нашей гуманитарной науки: прошла перестроечная эйфория от того, что

«все позволено». И в этот момент, к сожалению, наши гуманитарии и философы стали несколько маргинализироваться. Я помню, что нам тогда активно не советовали начинать научную карьеру, и очень мало людей из нашего выпуска осталось в науке. Но, как мне кажется, нас это закалило. Многие из тех, кто остался в науке, о себе заявили. И наше поколение, на мой взгляд, было первое постсоветское поколение, которое не застало перестроечной эйфории. Так что мы в каком-то смысле оттолкнулись от дна. Нам сразу прямым текстом сказали, что нас никто не ждёт, и вообще наука — занятие для очень странных людей. Либо для тех, кто умеет крутиться-вертеться и встроен в бюрократическую систему, но это не совсем учёные, а люди с иными, как сейчас принято говорить, компетенциями. Так что наше поколение в науке весьма немногочисленно, но это довольно закалённые ребята и девчата. В 90-е и 00-е годы, когда практически не было финансирования, многие из нашего поколения философов и гуманитариев ориентировались на то, чтобы поехать за границу и получать гранты.

С. Э. Как вы попали за границу?

Е. Б. Поскольку я учился во французской спецшколе и всегда был франко-ориентированным исследователем, у меня это заняло несколько больше времени: поехать в Германию или США было значительно проще. После аспирантуры в Институте философии я получил стипендию Евросоюза и в итоге я защитился во Франции, в Университете Тулуза 2 в 2014-м году. Моя супруга — японка, мы познакомились во

время учебы в Европе, она получила на Родине постоянную позицию, и мы приняли решение отправиться в Страну восходящего солнца. Во Франции философу получить постоянную позицию практически невозможно с тамошней системой Высших школ и экзаменов Агреже, которые невозможно сдать, если вы не гражданин Евросоюза. Существуют, разумеется, изолированные области — типа славистики — гуманитарные направления, но я тогда не был готов менять профессию. Мы переехали в Японию, и я стал философом-номадом: преподавал там и здесь, колесил по миру, а в России в основном занимался в московском Институте философии различными исследовательскими проектами. Затем возник интересный вариант с Тюменским государственным университетом, там открылась экспериментальная англоязычная магистратура по международным отношениям. Возможно, это заметно по моей книге, я достаточно всеядный гуманитарий. Хотя я не отказываюсь от гордого звания философа, но, как и мои любимые Фуко и Делёз, работаю с самым различным материалом. Мне очень нравится термин Фуко «история мысли», мне приятно было бы назвать себе «историком мысли». Меня не привлекает идея создания какого-то гетто, в котором заперта «метафизика» со своей отдельной историей. Все значительные мыслители занимались огромным количеством различных предметов, которые потом искусственно расфасовывались по другим дисциплинам. Я люблю сравнивать философские концепты с условно «нефилософскими», делать экскурсии в различные науки, чтобы выделять в них некое

философское зерно. Поэтому для меня, к примеру, курсы по экологической политике или «глобальным вызовам» — это одновременно и работа с философскими концептами, и ответы на насущные вопросы, которые как я надеюсь, интересны нашим студентам, среди которых по-прежнему много иностранцев.

С.Э. А кто поступает в вашу магистратуру?

Е.Б. У нас интересная магистратура и она пользуется успехом, несмотря на не самые простые времена, а может и благодаря им. Раньше у нас были студенты по обмену, например, из Швейцарии или Франции, но им пришлось вернуться домой из-за известных событий. Сейчас много студентов приезжает из арабских стран, из Африки и Латинской Америки. Помимо, разумеется, республик Средней или, как сейчас выражаются, Центральной Азии, откуда часто приезжали учиться в Сибирь еще в советское время. Думаю, сегодня у нас нет другого выхода кроме обращения к советскому опыту по заветам Университета Патриса Лумумбы. Я говорю это совершенно серьезно и без всякого сарказма. Жизнь продолжается, мир куда больше Европы и Северной Америки. Как человеку, прожившему много лет в Европе, мне грустно наблюдать за этим разрывом, но удивляет скорее то, что новый железный занавес закрылся с другой стороны. Хотя, как мне кажется, это куда больший шок для коллег старшего поколения, чем для нас. Мы, поколение, условно 35-ти — 45-ти летних куда дольше жили на Западе и основательно «расколдовали» для себя Европу и США. Мы

посмотрели на Запад изнутри, для нас больше нет этого мистического ореола «одной и единственной» Цивилизации.

С.Э.: Как говорил А.С. Хомяков: «Страна святых чудес»?

Е.Б.: Да. Мне кажется, что мы лишились большей части иллюзий задолго до нынешних трагических событий. Но если говорить о моей карьере, то я был своего рода вечным студентом, защитив французскую диссертацию в 35 лет, поэтому моя карьера в строгом смысле слова только начинается, как и жизнь после 40. Мой европейский гранд-тур был своего рода второй молодостью, о которой я вспоминаю с теплотой. Возможно, поэтому я не чувствую никакой усталости, на меня не давит «груз прожитых лет» в виде безумного количества прочитанных часов и составленных отчетов, как у некоторых коллег моего возраста. Хорошо, когда у вас есть какой-то опыт, кругозор и навыки, но при этом остаются амбиции и еще не иссяк жизненный порыв, как говорил нобелевский лауреат. Я надеюсь, что моя карьера ещё в начале долгого и, надеюсь, славного пути.

С.Э.: Хочется поговорить о вашей книге, которую я с удовольствием прочёл: Блинов, Е.Н. Пером и штыком: введение в революционную политику языка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. Вы являетесь учеником постструктуралистов — направления, которое англичане язвительно называют «французской теорией». Читая вашу книгу, я, наконец, понял, почему они все пишут так мутно — потому что отрицают основополагающую

роль структур, утверждая, что мир к структурам не сводится. Поэтому, когда их читаешь, трудно понять, что они хотят сказать. Вас отличает от ваших учителей именно структурное мышление. Излагая их идеи, вы стараетесь структурировать этих «темных гераклитов», выделить главное.

Е. Б. Это относится не ко всем, и вряд ли было их целью. Но на стиль, это, безусловно, повлияло.

С. Э. Я попробую изложить главные идеи вашей книги, как я их понял, а вы прокомментируйте. Первое и главное, с чем я полностью согласен (и заметил этот же феномен на своём материале — нарративах памяти, идентичности, и воображения), что язык — это не столько информация, сколько перформанс. Традиционная структуралистская теория де Соссюра утверждает, что язык нейтрален. Вы на основе опыта постструктурализма утверждаете, что язык — это, прежде всего, приказ, это всегда выражение интереса каких-то групп. Вы выделяете три этапа эволюции языка приказов: первый — Великая французская революция, потом — Русская революция, потом — Красный май 1968 года. С моей точки зрения, получилась гегелевская триада с перестановкой мест. Французская революция пришла к выводу, что для эффективного доведения приказов необходимо преодолеть «деревенские языки», т. н. патуа, и выучить население Франции говорить на общем «универсальном» языке, под которым подразумевался французский. Франция в этом смысле уникальная страна по успешному по-

давлению языкового разнообразия. Кроме диалектов французского, там существовали и самостоятельные языки. И не только романские, но и кельтские, германские, баскский. Кроме того, они смогли подавить не только «деревенские» патуа, но также языки со средневековой литературой — провансальский, каталанский. В этом смысле — это уникальный эксперимент подавления языкового разнообразия.

Е. Б.: Мне кажется, так называемая французская исключительность состоит не в том, что она была направлена на подавление: много кто до и после пытался подавлять культурное и языковое разнообразие. Уникальность скорее в том, что им это практически удалось. На постсоветском пространстве мы видим массу обратных примеров, когда разнообразие сохраняется, несмотря на все усилия и дискриминационные законы. Тот же аббат Грегуар, один из героев моей книги, прекрасно понимал, что помимо парижского стандарта, северного ланг дойль, есть близкородственные южные языки южные — провансальский, гасконский со своей литературой и долгой историей. Главный посыл революционеров в том, что французский выполнял уникальную функцию: он был логически стройным и ясным, что было необходимо для науки и составления справедливых законов. Это основа Большого французского нарратива о прозрачности, ясности, который формировался в течение XVII-XVIII-го веков и затем был поставлен на службу революции. Им казалось, что ни один из этих языков, при всех их достоинствах — поэтичности, страстности, напевности

и т. д. — не может стать языком философии Просвещения и созданных им политических институтов. Грегуар отмечает даже, что в синтаксисе южных языков с литературной традицией меньше странностей, они во многом энергичнее, и могут стать опасным оружием в руках искусного оратора, такого как корсиканец Паоли, виртуозно владевшего местным итальянским диалектом. Но Грегуару казалось, что только французский язык может стать универсальным, на первом этапе вытеснив латынь в науке, а затем и все местные языки, будь то грубые «патуа» и «жаргоны» или языки с историей. И, разумеется, он вытеснит все языки враждебных государств на приграничных территориях: итальянский, немецкий, испанский. В этом смысле революционеры никогда не стремились к подавлению ради подавления.

С.Э.: Подавление преследовало цель сделать понятными приказы Республики.

Е.Б.: Да, эта общепонятность революционных декретов виделась кульминацией просвещенческой идеологии, в которой соединялся язык философии и новых политических институтов. Революционная политика языка никогда не была каким-то семантически пустым национализмом, который превозносил собственный язык только потому, что он был посконным и «местным».

С.Э.: Я хочу уточнить, что специфика французского национализма в том, что он не исключает этнические меньшинства, а наоборот — включает: «Вы все граждане Франции, мы вас всех включаем в состав

французской нации, но для того чтобы наши прогрессивные приказы доходили до всех, вы должны перейти на французский язык».

Е.Б.: Да, безусловно. Но если говорить об идентичности, тот же Грегуар был известен тем, что защищал права чёрных из колоний (Гаити и т. д.) и евреев. Но как католик, он считал, что евреи могут стать гражданами Франции и влиться, как у нас выражались, в «дружную семью народов», только в том случае, если больше не будут следовать ритуалам иудаизма и станут католиками или, в крайнем случае, протестантами. В этом отношении он был последователен. Это и есть французский революционный универсализм.

С.Э.: Это общий принцип: «Все права как гражданам, никаких прав как этносу».

Е.Б.: Да, подобная революционная мифология связана с тем, что чтобы стать французом, нужно избавиться от всех предрассудков, от локальной идентичности. Иудаизм также рассматривался с точки зрения универсализма как нечто вроде локальной идентичности.

С.Э.: Этнической идентичности, которая мешает понимать приказы Республики.

Е.Б.: Есть такой историк Пьер Бирнбаум, который много занимался историей евреев во Франции, в частности, делом Дрейфуса. У него есть замечательная книга «Республика и свинья», посвящённая тому, как многие деятели Просвещения (Вольтер и др.) пытались приучить евреев

есть свинину, доказывая им, что для того, чтобы стать республиканцем, они должны разделять со всеми стол: «Иначе вы не будете республиканцами и у вас будет свой отдельный стол». Почему мы об этом вспомнили? Потому что сейчас во Франции регулярно возникает дискуссия: нужно ли делать отдельный халяльный стол для школьников-мусульман. А в XVIII веке это были споры просвещенческие о том, что евреи никогда не смогут стать в прямом смысле французами, если не будут соблюдать общие правила. Франции «веселие есть пити» вино и есть мясо. А если евреи не хотят с нами разделять стол, то они никогда не станут гражданами в полном смысле. При этом после Революции церковь строго отделяется от государства и всем предоставляется свобода вероисповедования. Но не свобода не следовать правилам общежития.

С.Э.: Аргументы понятны. И это не специфический антисемитизм, это общее течение по вытеснению местных идентичностей.

Е.Б.: Да, это не какой-то специфический антисемитизм, он не связан с сакральной историей евреев, у которых всегда были свои особые отношения с христианством. Смысл не в этом. Во Франции исторически были две группы разных евреев. Те евреи, что жили в стране басков, по большей части иммигрировавшие из Испании, они формально были крещёными — *conversos*, но во Франции при этом не было инквизиции, поэтому в XVIII-м веке уже никто не проверял — едят ли они свинину, не спрятана ли у них синагога в подвале. В отличие от Испании, где этот

процесс был налажен. Эта группа была очень неплохо интегрирована, жила в юго-западном регионе, изначально в Стране басков. Многие известные купеческие семьи в Тулузе, построившие великолепные ренессансные особняки в 15–16-м веках, имели еврейское происхождение. Современные исследователи пишут о еврейских корнях Монтеня, об этом есть отдельное исследование. Одновременно были германоязычные семьи из Эльзаса и Лотарингии, они говорили на разных языках. И евреи, жившие в Стране басков, очень быстро получили гражданство. А по поводу евреев из Эльзаса и Лотарингии достаточно долго шли дискуссии. То есть, были формально крещёные юго-западные евреи и они, как принято считать, были очень хорошо интегрированы во французское общество до Революции.

С.Э.: Я хотел бы прочертить до конца общую линию вашей книги. **Французская революция: мы создаём универсальный язык, подавляя местные; Русская революция: с одной стороны, у нас есть язык межнационального общения — это русский, но тем не менее, языки угнетённых меньшинств мы не просто разрешаем, а поддерживаем и во многих случаях (в Средней Азии) конструируем.**

Е.Б.: Да, но стоит уточнить, что была такая советская формулировка «бесписьменные и младописьменные языки», а в шестидесятые годы существовала так называемая «социологическая пирамида» языков. В ней русскому отводилась роль «первого среди равных».

С.Э.: Я думаю, что понятий «таджикский язык», «узбекский язык» и т. д. до 1917 не существовало. Но, с другой стороны, в такой важной сфере как армия, где без приказов нельзя и где национальные части (латышские стрелки и т. д.) были только в первые годы, был допустим только «язык межнационального общения». Приказы отдавались на русском языке. С этой целью люди специально отрывались от родных мест. Например, я из Молдавии, а служил в Казахстане. Не помню, чтобы у нас в части был хоть один казах.

Е.Б.: Это принцип ещё Римской империи.

С.Э.: Да. Язык приказов в советской армии был русский. То есть, в Советском Союзе в отличие от тотального языкового «универсализма» послереволюционной Франции сочетались два принципа: «универсальный» русский язык и языки меньшинств, угнетенных в Российской империи. Третий этап, который с философской точки зрения был разработан постструктуралистами по итогам «Красного мая» 1968, опять выдвигал только один принцип: «Мы должны дать голос меньшинствам. Никакого универсального структурированного языка нет, а есть множество языков, связанных с интересами и т. д., и все должны получить возможность говорить на своих языках». Важно, чтобы не кто-то говорил, представляя интересы меньшинств, а они сами могли говорить за себя. Вполне возможно, Европейская хартия региональных языков в какой-то мере стала воплощением языковых

идей постструктуралистов. У меня возникла мысль, что три этапа языковой политики это гегелевская триада с перестановкой мест: Французская революция — тезис, Русская революция — синтез, Красный май — антитезис.

Е.Б.: При этом не стоит забывать, что во Франции роль французского языка закреплена в Конституции и когда социалисты во главе с Лионелем Жоспеном пытались этот принцип оспорить, Конституционный суд признал верховенство французского закона над европейскими. Я попробую прояснить этот вопрос в выбранной мной перспективе. Я стремился показать в динамике, каким образом развивалась языковая политика Французской революции. Если сравнивать Французскую и Русскую революции, то они шли, на первый взгляд, в противоположных направлениях. Французская революция начиналась с перевода декретов. В этом пафос речи Грегуара: мы свершили большую ошибку, когда в 1790-м году начали переводить декреты и «Декларацию прав человека и гражданина» на разные языки. Именно с этого начинается языковая политика французской революции в собственном смысле слова, как полагал Фердинанд Брюно — великий историк, который оставил нам фундаментальную историю французского языка (в значительной степени социально-политическую), его очень любили представители первого поколения школы «Анналов». Все современные исследователи обращаются к этой работе, и очень жаль, что у нас нет «русского Брюно». Итак, они начинали с переводов, поскольку раньше Париж подавлял эти про-

винции и местные культуры, а сейчас (после того, как была создана Национальная ассамблея) они собрались, но потом случится шок Вандейского восстания. Другой яркий оратор якобинской партии Бертран Барер восклицал: «Вот так мои сограждане рождается Вандея!», потому что, мол, мы говорим на разных языках. В современных версиях национализма мы видим своеобразную карикатуру на этот якобинский пафос национального единения на почве языка. Но это сравнение не выдерживает критики, потому что французские крестьяне, например, баски действительно не понимали парижского французского. При этом идея единого языка для всех слоев населения была достаточно слабо реализована на практике. Именно поэтому после Франко-прусской войны, было сказано, что победу в ней одержал прусский школьный учитель. В Германии идея единого языка была реализована гораздо лучше, чем во Франции в эпоху Второй империи. После Революционных войн она, как говорят французы, упала в воду. Педагогические проекты Первой республики были реализованы только в восьмидесятые годы XIX-го века после знаменитых реформ Жюлья Ферри. Поэтому языковое многообразие фактически сохранялось и, как принято считать, окончательно объединила французов в единую нацию только Первая мировая. О об этом есть книга американского историка румынско-еврейского происхождения Юджина Вебера, который показывает, как крестьяне превращались в французов. То есть от задумки до практической реализации прошло более 120 лет. И французские школьные учителя сыграли далеко не по-

следнюю роль в том, что Франция, которая в техническом отношении была готова к Мировой войне намного хуже Германии, выдержала самые кровопролитные бои осени 1914-го года. Реванш за Седан в этом смысле удался.

С.Э.: А что происходило во время Русской революции?

Е.Б.: Советский Союз я тоже показываю в динамике. Во время Гражданской войны де факто было что-то вроде культуры языковой нейтральности, об этом пишет Терри Мартин и другие историки. Вопреки советскому нарративу и современным адептам монархизма, в белом движении доминировало так называемое неопределенчество («давайте сперва разобьем большевиков, а потом решим, что у нас будет — монархия, республика или диктатура»). Как мы теперь понимаем, это скверная идеология в эпоху гражданской войны. Чтобы победить в гражданской войне, нужно как можно скорее определиться с идеологией. Четкая идеология всегда сильнее, чем апелляция к легитимности, уничтожение которой и является точкой отсчета гражданской войны. Партия большевиков при образовании СССР отошла от идеи нейтральности, появилось то, что называлось «положительным действием» или «аффирмативным», как переводит Мартин. На современном политическом языке это называется позитивной дискриминацией. Но потом, пройдя через все вызовы индустриализации, создание союзного бюрократического аппарата и единой армии, пришли к идее о необходимости не столько единого для всех языка, сколько

общепонятного, что совершенно не одно и то же. Поскольку билингвизм не тождественен нелояльности. При этом Ленин писал о пролетарском централизме и делал акцент на идее Маркса о том, что пролетарии при прочих равных условиях предпочитают более крупное государство, то есть государство централизованное и с единым языком. Но это должен быть «демократический централизм» нового типа, без угнетения периферии. Таким образом Советский Союз на практике в середине 30-х годов пришёл к необходимости языка, который был бы посредником. Официальной идеологией в послевоенный период стало так называемое «русско-национальное» или «национально-русское» двуязычие или многоязычие при фактическом главенстве русского языка. При этом всегда официально заявлялось, что двуязычие или многоязычие при наличии языка межнационального общения не является препятствием для централизации пролетарского типа и создания культуры «национальной по форме, пролетарской по содержанию». Этот феномен считался доказательством того, что СССР является уникальной государственной формацией нового типа, где центр не угнетает периферию, а русская культура — все остальные.

С. Э.: Но во Франции эту модель не принимали и в шестидесятые-семидесятые годы?

Е. Б.: Да, ведь тех же Делёза и Фуко часто обвиняли в том, что несмотря на весь свой антиякобинский пафос, они оставались франкоцентричными. Делёз серьёзно относится к локальному национализму, но он его

совершенно не принимал и даже высмеивал. Что такое миноритарный язык по Делёзу и Гваттари? Это попытка понять, каким образом миноритарный язык работает внутри мажоритарного. Всегда нужно помнить, что для Делёза миноритарная литература — это не баскская и не каталонская. Миноритарной литературой занимается «чешский еврей, который пишет по-немецки», «румын, который пишет по-французски» или даже «узбек, который пишет по-русски». Меня это очень заинтересовало, потому что у Делёза много скрытых цитат и аллюзий. Румын, который пишет по-французски это — Герасим Люка или Лука — близкий к сюрреалистам румынский поэт, который, переехав во Францию и перешел на французский. Делёз очень любил его французские экспериментальные стихи, например, «Песнь карпа». Меня крайне заинтриговал упомянутый «узбек, который пишет по-русски», но его личность идентифицировать не удалось.

С. Э.: Возможно, он перепутал его с киргизом Айтматовым?

Е. Б.: Этого я пока не смог установить. В «Кафке и миноритарной литературе» Делёз и Гваттари пишут именно о русскоязычном узбеке. Возможно, в будущем мне удастся разгадать эту загадку.

С. Э.: Айтматова в то время уже могли переводить, и он мог его читать.

Е. Б.: Это интересная тема для будущих исследователей. По крайней мере, я не нашёл каких-то известных русскоязычных узбекских авторов, которые бы активно переводились,

так что это вполне мог быть Айтматов. С точки зрения Делёза — каким образом трансформируется структура мажоритарного языка? Авангардный проект языковых экспериментов изменяет его структуру, у него, например, есть отсылки к Хлебникову, для которого были важны русские хтонические мотивы. Под «миноритарностью» подразумевалась возможность экспериментировать, но именно внутри мажоритарного языка с тем, чтобы менять его устоявшуюся ригидную структуру. Сам по себе мажоритарный язык, пусть и недавно обретший этот статус, не влияет на вашу манеру выражаться политически, потому что он работает в других регистрах. А двуязычие и местные диалекты могут трансформировать мажоритарный язык, но неким особым образом. Это очень специфическая трансформация: Делёз думал не об архаизации — это был, условно говоря, анти-Хайдеггер, он не практиковал почвенничество и не вел поиски аутентичного одомашненного бытия языка. В то же время это не был классический французский прогрессизм. Делез и Гваттари считали, что кафкианская трансформация немецкого или то, что делал с французским Герасим Лука, позволяет проводить миноритарные эксперименты с языком, у которых есть политические последствия. Я полагаю, Делез был бы счастлив, если бы узнал, что Маяковский немного говорил по-грузински. Я шучу, конечно, но в каждой шутке есть что-то от миноритарной трансформации, а Делез предпочитал изящное скольжение еврейского юмора глубине немецкой иронии. Если серьезно, Маяковский был бы для Делёза идеальным автором, если бы появился лингвист, который доказал,

что Маяковский смог реформировать русский язык, потому что иногда мыслил по-грузински и за счет этого преобразовывал морфологию русского языка. Грузиноязычный, точнее двуязычный Маяковский, но при этом не тот, который пишет симпатичные грузинские стихи про горы, вино, хачапури, цыплят и могилу Сулико, а тот, кто ломает устоявшийся синтаксис и морфологию русского. Или, если бы Хлебников, например, владел калмыцким (он родился в «степи — высохшем дне Каспийского моря») и эта миноритарность оказывала определенное влияние на его дерзкие эксперименты. Но, разумеется, не потомок казаков Маяковский, который стал писать по-грузински или выходец из купеческой семьи Хлебников, ставший национальным калмыцким поэтом.

С.Э.: Вы очень чётко провели эту мысль. Они поменяли понятие языка в том традиционном смысле, что каждая группа имеет свои интересы, т.е. никакого единого языка в этом смысле не существует, есть просто язык доминирующего класса.

Е.Б.: Они не очень любили марксистский термин «класс», но постоянно подчеркивали, что единство языка изначально является не-лингвистическим и поддерживается политическими средствами.

С.Э.: Да, это и разные интересы и т.д. И когда Кафка начинает писать на немецком, то он вносит еврейские смыслы в немецкий язык и немецкий язык изменяется.

Е.Б.: Да, но они в этом случае перестают быть аутентично еврейскими.

что проект Французской республики о создании единого языка стал реально реализовываться после франко-прусской войны (1870–1871) в виде всеобщего бесплатного обязательного обучения на французском языке, т. е. другие языки просто запрещались. В результате всего 44 года спустя (это лишь два поколения) второе поколение уже почувствовало себя французами, и они уже воевали и умирали за Францию. В Российской империи того времени господствовала другая концепция: чем неграмотнее народ, тем он больше будет верен царю. Вы с сожалением пишете, что в России, в отличие от Франции, не ввели обязательное обучение и в связи с этим упрекаете царское правительство за то, что оно пыталось русифицировать евреев, поляков и литовцев, но не предпринимало попыток сделать русских русскими через всеобщее образование. Вы не упомянули среди русифицируемых народов украинцев и белорусов, потому что, видимо, считаете их частью несостоявшегося проекта большой русской нации. Как вы считаете, почему большевики, которые моделировали свое поведение по образцам Великой французской революции, не стали реализовывать французский проект универсального языка после 1917 года? Если бы они устроили школы не на украинском и белорусском, а на русском языке, то через два поколения (как в примере Франции) все бы стали русскими. Могу в этом контексте привести любопытный пример: в состав Украины в 1924–1940 входила Молдавская автономная республика, и мать моего профессора вначале ходила в молдавскую школу

и была молдаванкой; а потом это село вывели из состава МАССР и ввели в школе украинский язык, и она стала украинкой. То есть, тут даже не два поколения, а одно и происходит смена этничности. Почему большевики не пошли этим путем?

Е. Б.: Сложно сказать однозначно. Как показывают историки, тот же Мартин, единства не было с самого начала. Многие старые большевики выступали именно за русский язык. Тут нужно поднимать архивы, чтобы понять эту логику — почему Сталин решил продавливать именно этот проект? Во-первых, большевики не пошли на это, потому что изначально Советский Союз формально не был единым государством, а именно союзом независимых государств. С установлением границ вопрос был сложный, но формально республики были независимыми государствами. Они не были независимыми в смысле европейских представлений о суверенных нациях, но обладали значительной степенью автономии, эта концепция активно продвигалась в 20-е годы. Во-вторых, русский национализм изначально рассматривался как наибольшая опасность, однако на рубеже 33–34 годов по разным причинам возник новый консенсус относительно того, что местные национализмы представляют большую опасность, чем «великодержавный русский шовинизм». До начала 30-х годов большевикам (ЦК) казалось, что все функции управления можно выполнять при помощи перевода. Но потом эта иллюзия исчезла, о чем хорошо пишет Майкл Джи Смит в своей книге «Язык и власть при создании СССР». Я постарался объяснить этот момент: Сталин с самого начала

писал о том, что советская власть должна стать родной. Это именно руссоистский элемент революционного дискурса, который относится к аффективной политике. Пьер Розанваллон называл этот эффект «Сентиментальным договором» между гражданами и Республикой. Сталин также считал, что советская власть не должна быть просто навязана силой. Как выражался Руссо: «Народ должен не просто уважать и бояться законы, он должен их любить». Весь опыт Гражданской войны после развала армии — это опыт непрерывных мобилизаций различных групп. И подобный опыт для Сталина как представителя малого симпатичного народа (это важный момент), стал глубоким убеждением. Он подчеркивал, что аффективная привязанность к родному языку укрепляет советскую власть гораздо больше, чем очевидная прагматическая выгода от наличия единого русского языка, который бы всё связывал. Мне кажется, это было глубоким убеждением Сталина до середины 30-х годов, когда возникла проблема пантюркизма, украинского национализма и связанных с ними «национальных процессов». К тому же, на «буржуазный национализм» было решено списать все перегибы эпохи культурной революции, включая голод. Это моя гипотеза, которую я не развиваю в книге, но рассчитываю развить в дальнейшем. Мне кажется, опыт большевиков, который они вынесли из мобилизаций во время Гражданской войны и установления советской власти как в русских, так и нерусских областях, состоял в том, что родной язык гораздо важнее, чем прагматическая польза от единого и доступного всем языка. Разумеет-

ся, для создания крупного государства или некоего нового квазигосударственного образования или же «новой исторической формации» требовался единый язык. Эта идея утвердилась после шока 33-го года, когда пошли национальные процессы и возобладало представление о том, что буржуазный национализм может оказаться сильнее советских идей. При этом историки показывают, что многие старые большевики были склонны считать, что русская культура может сплотить все народы, хотя их до определённого момента жестко критиковали за «руссопийство», как любил выражаться Сталин. Но именно в «рабочих массах» и коллективах заводов зрели конфликты вокруг украинизации на том же Донбассе в 20-е — 30-е годы. На этот счет сегодня хватает исследований.

С.Э.: Идея о том, что советская власть должна стать родной, а родной она будет через язык.

Е.Б.: Да. Я показываю это в главе о Евгении Поливанове, где объясняется по каким критериям выбирался базовый диалект того или иного языка при создании его литературной версии. Раньше в этом вопросе преобладала историческая случайность, о чем пишет Сталин в своей работе о языке. Но Поливанов объяснял, что в процессе языкового строительства, например, узбекского языка, необходимо выбрать тот диалект, которые считают родным те группы населения, которые поддерживают советскую власть. Например, по его мнению, вредна нарочитая тюркизация узбекского языка, которая у трудовых дехкан будет ассоциироваться

с буржуазией из городов. Для них он не будет «родным» языком, ведь это те же старые эксплуататоры, которые теперь переделались в комиссаров и по-прежнему ими помыкают. Схожая проблема была у французских революционеров: аристократы и священники, которые приняли Республику формально, не сказали народу сразу братья за топоры и вилы, пойти жечь коммунаров. Нет, они затаились и постепенно обрабатывали народ таким образом, что он стал настроен против Республики. Так и с советской властью — чтобы стать родной, мы должны не просто развивать «местные» языки, эти новые языковые культуры должны быть связаны с народной жизнью, а не средневековыми традициями. Кто-то может сказать, что для мусульман родной язык — арабский, так как для них нет ничего важнее Корана и тогда на всей территории бывшего Туркестана доминирующим будет арабский литературный язык. Нет, мы должны выбрать ту группу, которая поддерживает советскую власть, и показать им, что для них она стала «родной». То есть не просто просветить их, а символически «породниться» с ними, это и есть учредительный акт советских республик, некий аналог французской «клятвы в зале для игры в мяч». Причем советская власть встречала сопротивление как в русских, так и нерусских регионах. Если, конечно, мы не следуем фантастической истории гражданской войны, в которой нерусские комиссары воюют с русской властью, конечно. Основной массой Красной армии были великорусские рабочие и крестьяне, именно им предстояло утверждать ее в нерусских и нехристианских регионах, большевики это

понимали также хорошо, как и их оппоненты. В известном советском истерне «Седьмая пуля» комиссар-таджик Максумов говорит, как важно для борьбы с басмачами иметь красный мусульманский батальон. Мне кажется, этот постоянный опыт мобилизации, в том числе по этническому и религиозному принципу, был крайне важным. Сталин прекрасно понимал менталитет кавказских народов и вообще нацменьшинств, с чем, полагаю, мало кто будет спорить.

С. Э.: Тут есть ещё один интересный момент: сначала большевики думали, что с национальными языками им будет легче завоевать доверие масс, а потом увидели, что возникают этнические проблемы. Но можно сравнить языковую политику с земельной. Землю крестьянам сначала дали, а потом отобрали (а это главная ценность для крестьянина). Сопротивление крестьян было преодолено при помощи репрессий и голода. Почему Сталин не решился «отыграть назад» национальные республики? Он посчитал — и это интересно («не хлебом единым») — что отобрать язык будет гораздо опаснее, чем отобрать землю?

Е. Б.: В каком-то смысле да, хотя окрепла идея сбалансировать, условно говоря, русский империализм и нерусские национализмы. Недавно в русском переводе вышла отличная книга «Империя наций» Франсин Хирш. Она показывает, что главным конкурентом проекта разделения Союза по национальному признаку был проект, предложенный Госпланом, о создании нескольких макрорегионов исключительно по экономиче-

скому принципу. Она в чем-то схожа с идеей создания Федеральных округов в современной РФ и префектур в республиканской Франции, хотя последние все же значительно ближе к историческим границам. Один из главных теоретиков Госплана Александров писал, что только подобное разделение разрешит многие национальные вопросы, потому что справедливое распределение ресурсов и благ между ними возможно только при отсутствии национальных границ. В противном случае всегда останется ревность, произвольные границы и т.д. И нельзя сказать, что он оказался полностью не прав. В 20-е и 30-е годы при установлении границ между национальными республиками было много споров, некоторые из них, как мы знаем, продолжаются до сих пор. Достоинство книги Хирш в том, что ей удалось показать, что ранний Сталин и Комнац полностью не победили, потому что при разделении республик всегда учитывался экономический фактор. Сегодня принято считать, Хрущёв отдал Крым, потому что хотел сделать символический жест по отношению к Украинской ССР (хотя сам Хрущёв не был «этническим» украинцем), формально это было связано с экономическими факторами. Но это, как мне кажется, происходит от непонимания советской политической логики, которая стремилась к балансу национальных и экономических факторов. В середине пятидесятых годов изменение административных границ определенно высшим руководством не воспринималось как изменение государственных границ.

С.Э.: В советское время административные границы никакого зна-

чения не имели. Когда собирались осуществить переброску сибирских рек в Среднюю Азию (этот проект серьезно прорабатывался), то не собирались при этом присоединить Среднюю Азию к Сибири. Днепровский канал, на мой взгляд, это аргумент, придуманный задним числом, и мы никогда не сможем понять истинные мотивы Хрущева.

Е. Б.: Для обычных граждан, особенно в РСФСР, возможно, границы, не имели значения, но национальные элиты воспринимали это иначе, что и вылилось в те конфликты, которые вспыхнули в конце восьмидесятых.

С.Э.: Хочу задать вопрос, относящийся уже к современности. Я не раз общался с просвещёнными русскими националистами, то есть теми, кто выступает с лозунгами «Россия для русских». Они мыслят как раз в категориях Французской революции и говорят, что Россия до сих пор — это феодальное сословное общество, условные силовики — это служивое дворянство, являющееся господствующим классом. Пока будет существовать такое общественное устройство в России всегда будет нищета. Чтобы изменить ситуацию, нужно создать единую русскую нацию по европейскому принципу, и включить в нее всех жителей России: якутов, татар, башкир и всех остальных. В результате возникновения русской нации по французской модели, можно будет построить реальные республиканские институты, с действующим правом, с реальной борьбой с коррупцией. В результате жизнь наладится. Как, по-вашему, решаем ли вопрос со-

здания русской нации в масштабах нынешней Российской Федерации?

Е. Б.: Мне кажется, что это разные вопросы: большой русской нации и единства в рамках Российской Федерации.

С. Э.: Хорошо, возможно ли воплотить французскую национальную модель в рамках Российской Федерации? Или это было возможно после Русской революции, но сейчас нереально и нужно делать что-то другое?

Е. Б.: Мне кажется, что это не очень реалистичный план. Это уже не совсем актуально для самих французов, хотя республиканская идеология никуда не делась. Понятно, что в техническом плане вопрос распространения русского языка внутри России уже давно не стоит. Но если говорить об институтах, то у меня иногда возникает впечатление, что для упомянутых вами просвещённых русских националистов единая русская нация — это что-то вроде коммунизма с теориями бесконфликтности и бесклассового общества: «Если мы создадим единую нацию, то эти конфликты уладятся сами собой». Мне кажется, необходимо разделить эти вопросы. Если мы говорим о каких-то институциональных реформах, то это вообще напрямую не связано с вопросом единства нации, если мы говорим о правовом государстве. Если, конечно, мы не говорим о так называемых этнократах, у которых могут быть свои стандарты права. Но подобная проблема существует во всех странах — есть какие-то этнические сообщества со своими специфическими правилами и габитусами вне зависимости от то-

го, признаем мы сам факт их существования и наделяем легитимностью. Например, в США доминирует коммунитаристская модель, там нет этнических регионов, за исключением индейских резерваций, но исторически всегда существовали Чайнатауны, а сегодня целые кварталы контролируются мощными этническими группировками, состоящими из выходцев из Латинской Америки и т. д. Вы можете признавать это и изучать их «идентичность», принимать меры по позитивной дискриминации и т. д. Но если вы не будете этого делать, то они никуда не исчезнут. Во Франции есть только французы, и при этом там тоже есть кварталы, в которых своя специфика, свои законы. Вне зависимости от того, признаёте вы это или нет, вне зависимости от того, есть ли у вас правовой механизм и т. д., от них всегда что-то ускользает, как выражаются Делез и Гваттари. В этом смысле я не думаю, что существует какой-то универсальный рецепт, который позволяет создать единое правовое поле. В XIX-м веке многим казалось, что это единство нации, в XX-м решение виделось в построении социализма. Как в единой и неделимой Французской Республике, так и в федерации под названием Соединённые Штаты Америки всегда будут сплочённые этнические группы. Поэтому я не очень понимаю, каким образом сегодня реальное или воображаемое «единство» нации может нам помочь при проведении институциональных реформ. Правовое государство может быть каким угодно с точки зрения территориальной организации и символических форм. Безусловно, когда правовое поле радикально изменяется, этническая солидарность может выступить на первый план, но обратное

не верно: этническая солидарность сама по себе не создает правового поля. Для мобилизации безусловно нужен единый язык. Если мы говорим про момент текущей мобилизации, то мы слышим апелляции к советскому или имперскому опыту, которые, может быть, содержат национальное ядро. Но это национальное ядро было и в империи, и в Советском Союзе. Оно было в Российской империи, которая была вполне многонациональной (императоры были царями польскими и т.д.). Я же задаюсь вопросом — какую функцию выполняет «единство» нации? Функции и преимущества «единого» языка понятны: это удобство госуправления, единообразная идеология, удобство для делопроизводства, перемещений, торговли и т.п., Сакральная функция языкового единства также играет свою роль, но, на мой взгляд, она никак не определяет форму политических институтов. Просвещённые националисты же не мыслят единство языка исключительно в терминах сакральности.

С. Э.: Нет. Есть разные формы русского национализма. Есть, грубо выражаясь, националисты «нацистского» и «монархического» типов. Их дикие идеи обсуждать нет смысла. А есть подход, что у нас будет феодальное сословное общество, пока мы не учредим буржуазную русскую нацию по французской модели. Эти националисты считают, что базис для институционных изменений — это создание единой русской идентичности на всей территории.

Е. Б.: Повторюсь, все зависит от того, какой функционал она будет нести.

Самой могущественной в мире американской нации не особо удаётся привить свою правовую культуру латиноамериканским бандам, а французам не очень удаётся привить правовую культуру каким-то сплочённым группам и выходцам из бывших колоний, которые компактно проживают в пригородах крупных городов. Это в том, что касается институционального момента. Что касается мобилизации в период войн и конфликтов, то для сплочения общества в России есть вполне работающие модели, которые связаны как с имперским, так и советским прошлым: борьба с фашизмом и т.д. Они по-прежнему работают без особого нажима со стороны государства. С моей точки зрения, проблема современного русского национализма в том, что ему не удастся мобилизовать самих русских в узком смысле этого слова. Он слишком категоричен и конфликтен, слишком многое отбрасывает, но это объяснимо: он фактически никогда не был господствующей идеологией, не строил империю или национальное государство. С коммунистами же все было наоборот: они были вынуждены создавать разнообразные гибридные формы как для консолидации старого имперского пространства, так и для глобальной игры. Здесь можно отметить, что если бы «русские» в самом узком смысле слова были полностью мобилизованы, то это увлекло бы другие группы, потому что энтузиазм всегда заразителен, и тогда все захотели бы становиться русскими, а не кем угодно, кроме русских, включая самые фантастические идентичности. Мне кажется, реальная мобилизация идёт скорее через имперский или советский нарратив. На Украине, как

мне кажется, нечто вроде советской идеологии куда популярнее того, что можно было бы назвать этническим русским национализмом. Точнее, советская идеология, которая вполне успешно инкорпорировала имперский патриотический нарратив с его военной историей. Часть населения, которая не принимает радикальную версию украинского национализма, (если судить по количеству советских флагов и т.д.), она вполне советская, как мне кажется.

С.Э.: Нам придется вернуться к идее большой русской нации, потому что Путин сейчас пытается воплотить ее на практике, согласно его утверждениям, что украинцы и русские — это один народ. Но если посмотреть видеоролики, которые украинские солдаты выкладывают в социальных сетях, там не менее 80% говорят на русском языке. То есть, люди, которые говорят на русском, почему-то решили встречать не цветами российскую армию, а сопротивляться ей.

Е.Б.: Мне не кажется, что в военное время мы можем полагаться на социологию, если, конечно, дело не дойдет до создания солдатских комитетов. Я не думаю, что мы можем делать глубокие социологические выводы в условиях войны и господства пропаганды. Революционеры бы сказали, что если мы мобилизовали 20 тысяч человек из миллионного города и они в военном смысле состоятельны — если они отобьются, то остальная часть примет свою судьбу; а если они потерпят поражение, то они поменяют свою точку зрения или уедут. Революция же вообще, как говорил Ленин, процесс навязывания

своей воли одной части населения другой «при помощи средств чрезвычайно авторитарных». Отсюда, кстати, постоянные «обмены населением» и депортации, которые были в XX веке привычным явлением. Все, разумеется, зависит от конкретного города. И политический смысл языковой культуры в таком случае принципиально изменится.

С.Э.: Почему это не их решение? Если бы они считали российскую армию освободительницей, то могли бы повернуть оружие на Киев. Для сторонников проекта большой русской нации возникла серьезная проблема. Как вы считаете почему всё пошло вопреки теории о «едином народе»?

Е.Б.: Я не думаю, что это ее опровергает, хотя, разумеется, это крайне сложный вопрос. Когда-то единый или крайне схожий в языковом и культурном смысле народ может проживать в разных государствах, при условии, что они не враждуют друг с другом. Когда меняются обстоятельства, меняются и идеологические оценки подобного «единства». Но именно процесс объединения нации, который лежит в основе большинства национальных нарративов, почти всегда был долгим и кровавым. Железом и кровью в разное время и в разных обстоятельствах объединяли Великобританию, Францию, США, Германию, Испанию, Италию и даже Японию, в этом нет никакого противоречия. А уже потом, как объяснял Бенедикт Андерсон, эти войны называли «братоубийственными», хотя они могли восприниматься современниками как иностранное вторжение. Поэтому единство нации

существует в прошлом и будущем, но не в настоящем, иначе зачем идти на подобные жертвы? Но если мы возьмем классических националистов, то для них это никогда не было проблемой. Для настоящего националиста не существует проблемы «встречи с цветами». Не важно, говорим мы о французских, русских или украинских националистах и даже не так важно, строится это единство на «этнической» основе или нет. Классический националист мыслит не категориями референдумов, а рассуждает по принципу «уничтожим тех, кто сопротивляется, а всех остальных запугаем или перекодируем». Якобинцы думали именно так, но у них, разумеется, была куда более сложная мотивация. Например, один из революционных проектов францизации Альзаса и Лотарингии предполагал отправить 25 процентов всех мужчин на гильотину, а остальных депортировать. Все для вящей славы Республики, единой и неделимой. Большевики были в некотором смысле менее кровожадны, так как они разделяли народ и элиты. Разумеется, в теории, а на практике классовая борьба может быть не менее кровавой, чем этнические чистки.

С.Э.: Расчёт отчасти строился на том, что люди не просто говорят на русском, русский язык для них родной, русская культура родная, значит они будут рады встретить русских.

Е.Б.: Не знаю, на чем строился расчёт и не готов это комментировать, но при этом, повторюсь, я совершенно не верю в «военную социологию». Повторюсь, если говорить из перспективы моих исследований, то для

революционеров было важно не мнение, как им казалось, одурманенных пропагандой «масс», а готовность тех самых 20 тысяч драться.

С.Э.: Важный момент: среди этих 20 тысяч, около 15 тысяч говорят на русском, и это их родной язык.

Е.Б.: Это как раз главный аргумент против радикального украинского национализма и идеи насильственного насаждения украинского языка, потому что политическая идентичность в одних случаях связана с языком, а в других — нет. Тем любопытнее в этом смысле их настойчивость, которую лично я для себя до сих пор до конца не объяснил. Это показывает, что русскоязычные люди могут иметь политическую идентичность не вполне русскую, если под ней понимается имперская или советская идеи. Но политическая идентичность возникает в определенном историческом контексте и не зафиксирована раз и навсегда. Точнее, она фиксируется «навсегда», пока не заканчивается, мы же помним про «братских народов союз вековой». Тому, кто этого не понимает, вообще не стоит заниматься политикой. Проблема в том, что национализм как проект лишь отчасти связан с некими «спонтанными движениями масс», похожая история с большевизмом. Якобинцев и большевиков не пугало, когда освобождённый народ не встречал их цветами. Точнее, вся революционная политика языка была ответом на враждебность того народа, который предстояло освободить, объяснив ему, в чем состоят его собственные интересы. Рассуждая в революционной логике, если народ враждебен, то он пока сам не понима-

ет своего счастья. Когда вы формируете нацию, буржуазную или советскую, вы меняете мышление и всегда найдете причины этой враждебности. Французские якобинцы считали, что народ тёмный и не знает национального языка, большевики заявляли, что он одурманен религиозной и шовинистической пропагандой. Я думаю, было бы ошибочно исходить из неких фиксированных идентичностей: современная украинская политическая нация формировалась буквально на наших глазах, ведь еще в девяностые годы западная версия украинского национализма была явлением достаточно маргинальным, а в России ее и вовсе не воспринимали всерьез, что было серьезным просчетом. Сила же политического национализма именно в том, что мы можем переформатировать людей, то есть буквально «создать нового человека» или, как выражались якобинцы, «возродить» его. Разумеется, подобная идентичность должна учитывать массу разных обстоятельств, исторический контекст, взаимные обиды и т. д. Язык в этом смысле важный инструмент, но далеко не единственный и не всегда определяющий. И русская революция в этом смысле училась у французской, хотя и пришла к своим собственным выводам.

С.Э.: Главный вывод, к которому мы сейчас пришли совместными усилиями — что политическая идентичность с этнической вообще может не совпадать. На Украине уже начинают делать какие-то выводы в этом отношении. Тот же Арестович — очень талантливый пропагандист уже сказал, что необходимо будет ввести два языка — русский и украинский, — и русский объ-

явить частью культурного наследия Украины. Я считаю, что большую ошибку совершили те, кто этого не сделал. Это мощнейший пропагандистский ход, который выбил бы у российской пропаганды все аргументы, а во-вторых, он помогал бы успешно вести пропаганду в отношении России. Важный момент — что человек не побоялся это высказать, значит сейчас — это уже не воспринимается как крамола.

Е.Б.: Тем не менее, мы видим, что изучение русского языка отменено в Киеве и Одессе, видим, как сносятся памятники Пушкину. Важен именно официальный, то есть юридически закрепленный статус языка, который определяет сферы его употребления. Иначе получается, как говорил один известный любитель исторических реконструкций, что русскоязычные украинцы сражаются за то, чтобы их дети не говорили по-русски. Возможно, именно этого они и хотят: история рассудит, как говорят в подобных случаях. Упомянутый же Вами гражданин в меру своих способностей занимается пропагандой, а не предлагает новый общественный договор. А обещать, как известно, можно что угодно. Главное, что будет «потом».

С.Э.: В заключение, хочу задать вам вопрос о будущем русской гуманитарной науки — во что она превратится, будет ли она изолирована и замкнута на себя (хотя она и до этого была очень сильно изолирована), или (вы сказали, что у вас в Тюмени возрождается Институт дружбы народов) это сотрудничество будет идти по каналам не европейским, а азиатским, африканским, латиноамериканским?

Е. Б.: Это была моя интерпретация, и да, в настоящую, а не декларируемую дружбу народов хотелось бы верить вопреки тому, что сейчас происходит. Мне кажется, это сложно прогнозировать. У нас долгое время, не исключая позднесоветский период, выражаясь шершавым языком плаката, преобладало «низкопоклонничество» перед Европой и США. Я как человек скорее левых убеждений, хотя и совершенно не в современном неолиберальном смысле, хотел бы воскликнуть «Давайте вновь поднимем флаг антиколониальной борьбы». Но я не знаю, будет ли реализована эта идея. У меня даже возникла крамольная мысль, что попытка изоляции русской культуры и науки может в хорошем смысле разозлить и раззадорить наших гуманитариев. Мы же пытались в Советском Союзе за железным занавесом следить за тем, что происходит на Западе и каким-то образом это переосмысливать. Я, конечно, несколько утрирую. С другой стороны — а как сегодня вообще можно изолировать науку? Проблемы нашей науки состоят не столько в изоляции, сколько в некой добровольной провинциализации. Закрывать доступ к научным базам сегодня несерьезно, ну какой процент ученых пользовался ими по лицензии? Сегодня физически невозможно изолировать доступ к информации, ни снаружи, ни изнутри. А что касается личных контактов, то это происходит индивидуально. Многие европейские коллеги совершенно не разделяют идею отмены русской культуры и науки, хотя об этом редко говорят открыто. В технических дисциплинах блокаду организовать проще: достаточно лишить доступа к определенным технологи-

ям и производствам. Если вы отстаёте в производстве полупроводников, то не сможете кустарно производить какие-то передовые вещи. Плохо, когда нет обмена, конференций и т. д. С другой стороны, у нас и раньше этот обмен был не то чтобы интенсивным и уж точно практически односторонним. Остается огромная проблема чрезмерной бюрократизации, она куда серьезнее реальной или мнимой изоляции. Например, многие в России с оптимизмом восприняли информацию о том, что кварталы Скопуса перестанут быть критерием научной продуктивности.

С. Э.: За это ещё и премии давали.

Е. Б.: Не просто премии — на этом условии рассчитывали зарплату, причем иногда довольно значительную часть. Что, насколько я могу судить, является российским ноу-хау. Полагаю, в отечественной гуманитарной науке многие всерьез рассчитывают, что эти неолиберальные нормы в их российской интерпретации будут каким-то образом отменены или, во всяком случае, пересмотрены. У меня в этом отношении нет однозначного пессимизма: я философ, а нам часто требуется посидеть и подумать в тишине. Я понимаю, что историкам куда хуже, ведь если у вас нет доступа к архивам, то ваша работа может просто встать. Если бы я, например, занимался культурой Окситании и мне требовался доступ к архиву уездного гасконского города N, то моя работа была бы совершенно иного качества. Тут всё зависит от конкретной дисциплины. Но в каком-то смысле это бывает полезно — посидеть подумать, порефлексировать, без суеты, конференций и стажировок. В конференци-

ях, в конце концов, мы все привыкли участвовать онлайн. Хотя у некоторых особо востребованных коллег на этой почве случаются нервные срывы. Поэтому я не верю в полную изоляцию. Зачастую, для осмысления нужна сознательная дистанция. Не говоря уже о том, что многие выдающиеся произведения русской мысли, включая работы классиков марксизма-ленинизма, были написаны в эмиграции. Как в XIX-м, так и в XX-м веках.

С. Э.: И в завершение, расскажите, пожалуйста, о своих творческих планах.

Е. Б.: В творческих планах у меня две книги. Одна из них в каком-то смысле будет продолжением моей работы по языку, но я уже буду выходить на другой уровень обобщения. В этой книге я показываю логику культурного отбора: каким образом мы реформируем языки, допустим, в случае диалектов — какие диалекты мы берем за основу нашего национального литературного языка. Я хочу распространить эти принципы на проблематику сознательного культурного выбора, как это недавно делал известный антрополог Дэвид Гребер, но в пафосном смысле «цивилизационного» выбора, а в более практическом аспекте. Если брать, например, Японию, то в момент контакта с западной цивилизацией, у японцев возникла своеобразная идеология отбора всего лучшего из чужой (понятно, что это не всегда им удавалось и это в некотором смысле иллюзия). Им казалось, что они могут избежать слепого подражания, при этом сохраняя свою культурную идентичность. Я хочу проследить

именно эту логику культурного выбора, начиная с эпохи Просвещения, которая как раз подобный выбор отрицала. Мы видим с одной, стороны, прогрессистскую логику: «Ничего не нужно выбирать, за вас уже всё выбрали, нужно только надеть европейское платье, создать университет, парламент и правовые институты». Или же вы будете работать на более просвещённых людей в каком-то качестве и опосредованно станете частью «Европы». Довольно отдаленной при этом. Я хочу проследить этот процесс, на разных примерах: на взаимоотношениях Европы с теми, кого называли «дикарями», с индейцами — как они производили культурный отбор, и каким образом этот культурный отбор производился представителями другой цивилизации, теми же японцами. Советский Союз — это был гигантский эксперимент по культурному отбору. Ленин всегда говорил, что мы должны взять лучшие достижения буржуазной культуры, но потом возникла идея культурной революции. В итоге пришли к выводу, что мы что-то берём от национализма, что-то от империи, а что-то из великого учения Карла Маркса. Взять Советский Союз в качестве лаборатории культурного отбора и перейти через это к современности — что мы возьмём с собой из прошлой жизни, что нам может пригодиться на отдалённом острове под названием «Россия» для будущей схватки с мировым империализмом. Рабочее название второй книги «Эпоха подозрения», она о том, что сегодня мало кому можно верить.

С. Э.: Спасибо вам за интервью.

Е. Б. Спасибо вам за вопросы.

«МНЕ РАНО РАССКАЗЫВАТЬ О ТРУДНОСТЯХ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ, ПОТОМУ ЧТО ОНА У МЕНЯ ТОЛЬКО НАЧАЛАСЬ». Интервью с А. С. Десницким

Известный ученый, библеист А. С. Десницкий делится сведениями о своих ближайших предках, вспоминает яркие события семейной памяти, рассказывает о своем пути в науку, показывает отличия и особенности современных библейских исследований, высказывает мнение о том, как греческая культура повлияла на развитие раннего христианства.

Ключевые слова: семейная память, репрессии, филология и библейские исследования, христианство, Ветхий и Новый завет, евангелия, эмиграция.

Сведения об авторе: Десницкий Андрей Сергеевич, доктор филологических наук, профессор РАН, российский библеист, переводчик, публицист, писатель.

Контактная информация: ailoyros@gmail.com

TOO EARLY TO DESCRIBE THE HARDSHIPS OF MY EMIGRATION, IT BARELY STARTED.

Interview with A. S. Desnitsky

Prominent Bible scholar A. S. Desnitsky shares information about his closest ancestors, recalls vivid events in family memory, talks about his path to science, shows the differences and features of modern biblical studies, and expresses an opinion on how Greek culture influenced the development of early Christianity.

Key words: family memory, repressions, philology and biblical studies, Christianity, Old and New Testaments, gospels, emigration.

About the author: Desnitsky Andrey Sergeevich, Doctor of Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian biblical scholar, translator, publicist, writer.

Contact information: ailoyros@gmail.com

Автор книги: Св. Григорий Нисский. О жизни Моисея Законодателя, или о совершенстве в добродетели. Перевод с древнегреческого (при участии И. Прольгиной и О. Титовой), вступительная статья, примечания. М., 1999. ([Изд. 2-е]. — М.: Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2009. — 110 с. ISBN 978-5-89825-007-2); Толковый Новый Завет. Послание к Ефесеянам. Послание к Евреям. Введение, комментарии (совместно с О. М. Лазаренко). М., 2005; Писание — Предание — современность. Сборник статей. К.: Центр православной книги, 2007. — 414 с. тираж 4000 экз.; Поэтика биб-

лейского параллелизма. М.: ББИ, 2007, 554 с., ISBN 5-89647-133-5 тираж 1000 экз.; Библия и православная традиция. М.: Эксмо, 2008. — 446 с. ISBN 978-5-699-28391-0, тираж 7000 экз.; Люди и фразы. — М.: Никая, 2011. — 158 с. ISBN 978-5-91761-036-8 первый тираж 3000; второй тираж 5000 экз.; Введение в библейскую экзегетику / Правосл. Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, Ин-т востоковедения Российской акад. наук, Ин-т пер. Библии. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. — 413 с. — (Библиотека Свято-Тихоновского гуманитарного университета; 4). ISBN 978-5-7429-0660-5; Введение в библейскую экзегетику. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. — 413 с. — ISBN 978-5-7429-0660-5; Введение в библейскую экзегетику. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. — 413 с. — ISBN 978-5-7429-1008-4—1000 экз.; 40 вопросов о Библии. — М.: Дарь, 2011. — 415 с. ISBN 978-5-485-00330-2—2000 экз.; 40 вопросов о Библии. — Москва : Дарь, 2014. — 415 с. — ISBN 978-5-485-00359-3; Современный библейский перевод: теория и методология. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 432 с. ISBN 978-5-7429-0972-9; Вожди и цари Израиля. — Москва : РИПОЛ классик, 2018. — 533 с. — (Библейские переводы Андрея Десницкого). — ISBN 978-5-386-10413-9; Пророки Израиля. — Москва : РИПОЛ классик, сор. 2018. — 574 с. — (Библейские переводы Андрея Десницкого). — ISBN 978-5-386-10750-5; Послания апостолов / Институт востоковедения РАН; перевод и комментарии А. С. Десницкого; научный редактор Е. Б. Смагина. — Москва : Гранат, сор. 2021. — 36 с. — (Библейские переводы Андрея Десницкого). — ISBN 978-5-906456-47-2—2000 экз.

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, о ваших предках и вашей семейной памяти.

А.Д.: Я знаю довольно мало о своих предках, кроме Десницких, потому что эта фамилия имеет некоторую историю. Мне повезло, что Михаил Дмитриевич Афанасьев — наш дальний родственник и директор Исторической библиотеки — эту историю для нас раскопал (так как это и история его семьи тоже).

Десницкие — это поповская семья. Один из Десницких сумел стать митрополитом Михаилом — это был женатый священник, поэтому потомство он оставил. Его сын поступил в армию, стал офицером, получил дворянство. Изначально Десницкие — семья из Подмосковья, а потом они уже жили в Орловской губернии, и мой дед уже родился в Орле.

Если говорить о маме отца, то она из Риги, дочка мастера на той электрофабрике, которая потом называлась ВЭФ. В 1915 году этот завод эвакуировался в Харьков, там была довольно большая латышская колония. В Латвию она вернулась уже после Второй мировой войны. Мой отец вырос в основном в Риге.

Мамины родители — крестьяне из Тверской губернии. Потом они стали партийными функционерами, теми людьми, которые пошли в Революцию, и которым Революция дала довольно много. Об их предках я не знаю практически ничего. Мне, конечно, показывали: «Вот, тут стояла мельница нашего прадеда...» Но это было подо Ржевом, где было практически всё уничтожено в 1942 году. Остались некоторые могилы Цинских и Филипповых — это фамилии моих предков по маме из одной и той же деревни Борковской волости

Зубцовского уезда (сегодня Зубцовского района).

С.Э.: Репрессии, начавшиеся вместе с революцией — красный и белый террор, коллективизация, Большой террор и т. д., — коснулись вашей семьи?

А. Д.: С одной стороны, это есть, как и у всех. С другой — мы же потомки выживших. Ведь очень многие из тех, кого репрессии коснулись по-настоящему, потомства не оставили, а если и оставили, то это потомство о них ничего не знает...

Того моего деда, который был мастером на ВЭФе, а потом и на Харьковском заводе, арестовали в 1937 году. Он был этнический латыш, а латышей брали всех почти поголовно. Но у него случился инсульт, и из тюрьмы его принесли лежачего, неговорящего. Умер он дома. Хотя ясно, что, если бы не этот арест, он бы ещё прожил какую-то часть своей жизни. Сестра моей бабушки (его дочери) была замужем за политработником. Его звали Александр Михайлович Ланда-Круглов. В чине уже бригадного комиссара он был арестован и расстрелян в 1938 году. Я, конечно, понимаю, что как политработник, служивший в ГПУ последние годы своей жизни, он наверняка был сам к этому причастен.

Легенды про моего деда Глеба Сергеевича Десницкого, который был кадровым военным, гласят, что, служа в Генеральном штабе, накануне войны (т. е. в период разгара репрессий), как только появлялись признаки, что сейчас начнут брать, он очень вовремя уезжал в командировку ин-

спектировать что-нибудь в дальнем военном округе. Когда он возвращался, эта волна уже схлынула. Но насколько эта легенда справедлива — неизвестно.

Понятно, что то, что мы слышали от дедушек и бабушек, в значительной степени определялось их идеальным образом прошлого. Мой дед по маме умер до моего рождения. А моя бабушка и её муж (отчим моей мамы) были вполне правочерными коммунистами и ничего такого не рассказывали. Я не знаю, что там бывало... Но семейное предание гласит, что моя бабушка вышла за своего мужа — который был значительно старше её — ровно для того, чтобы спасти свою семью. Она была из зажиточной крестьянской семьи. И когда в неё влюбился местный активист (это около 1920 года), она пошла за него, чем и спасла семью. Кажется, она его особо и не любила. Во всяком случае, там было много всяких (уже личных) историй.

С.Э.: Это достаточно типичная история, когда женщины выходили замуж, чтобы не репрессировали их родственников.

А. Д.: Мы не знаем, как было на самом деле, даже в моём случае. Я могу просто пересказать. Мама вообще об этом не любила говорить, об этом я слышал даже от её сестёр. Ну, любому человеку хочется думать, что он рождён от большой любви, что «двое юных слились душами и телами и в результате ты возник...» А история, где понимаешь, что ты — побочный продукт больших политических процессов, совершенно никого не радуют.

С.Э.: Как вы стали историком, что оказало на вас влияние?

А.Д.: Строго говоря, я не историк, я филолог. Но я занимаюсь Древним миром. Мне очень нравится, как когда-то были всюду историко-филологические факультеты. Это, мне кажется, очень правильный подход, потому что одно без другого немислимо. Ну, если, только не заниматься современным русским языком — тогда, конечно, историк тебе не очень нужен, а в Древнем мире эти вещи тесно связаны.

Я хорошо помню, как в своё время мне очень понравилась книга «Алкамен — театральный мальчик» — история мальчика-раба из Древних Афин. Я её прочёл лет в семь. Потом ещё и ещё...

У нас в школе был очень хороший учитель истории, его звали Николай Павлович. Проработал он недолго, видимо его съел очень «дружный» учительский коллектив. Он был только что после университета (закончил МГУ), работал в нашей школе и очень здорово обо всём рассказывал. Ты прямо туда переносился! Тот год, что он у нас вел (пятый класс) — это была как раз история Древнего мира. И тогда мне стало понятно, что я хочу этим заниматься. Школу я закончил в 1985 году. Ясно, что это было за время... Я понял, что хочу заниматься чем-то, что было бы связано с языками, историей и прочим. Поскольку тогда никто не понимал, что скоро всё рухнет, то многие уходили в Древний мир просто для того, чтобы Маркса и Энгельса было как можно меньше. Если ты занимаешься чем-то из XIX века, то

от классовой борьбы на каждой странице никуда не деться, а в Древнем мире — не важно, это Греция, Восток или что-то ещё — Маркса и Энгельса тоже надо цитировать, но они не так много об этом сказали, и можно быть от них относительно свободными. И мне кажется, что сейчас в России будет происходить примерно то же самое. Да уже происходит.

С.Э.: Получается, что вы уже школьником чувствовали давление идеологии на гуманитарную науку?

А.Д.: Мы были детьми, подростками, но были же классные часы, политинформации, комсомольские собрания — вся эта *лабуд* настолько давила! Ну, вот как ты её не замечаешь? Живёшь где-то, где полгода зима: ну, ты знаешь — зима, но ты не страдаешь из-за этого обычно, а просто одеваешься теплее. Так мы и жили. Я уверен, что нынешние школьники сейчас в России, на которых это всё опять повалилось, может уже в каком-то фейковом виде, постонут, поохают, но приучатся. Дети очень адаптивны.

С.Э.: Почему меня удивило ваше раннее прозрение? Потому что я поступил в университет очень поздно — после техникума и армии — в двадцать два года. На первом курсе (в 1983 году) я спросил у преподавателя истории КПСС, почему Ленин так высоко ценил Троцкого. После такого вопроса у меня пятёрки по этому предмету быть не могло. В этом плане я достаточно долго был наивным «совком».

А.Д.: Я прекрасно помню урок истории в девятом или десятом классе: идёт речь про Первую мировую,

и учительница истории — совершенно другая, — которая прежде со своими родителями была в США в дипмиссии и при этом была праввернейшей коммунисткой — была уверена, что мир в Советском Союзе примерно так же одевается и тем же питается, что и её семья. Первые полгода девчонки в классе гадали, когда же она наконец придёт в *том же самом*, когда она начнет повторять свои наряды. Где-то полгода прошло, прежде чем она повторила... Так вот, она рассказывала, что большевики на фронте Первой мировой агитировали солдат, чтобы они бросали оружие и уходили с фронта. И я помню голос нашего хулигана с задней парты: «А зачем?» Она остановилась и говорит: «Ну, как? Чтобы навредить!» И тот же хулиган говорит: «Кому? России?» Она замялась и начала выдавать какие-то вопли: «Как ты смеешь?! Ты плохой комсомолец!» Но класс был согласен с ним. Может быть потому, что он был такой отпетый (к сожалению, его уже нет в живых, он сел после школы — парень тяжёлой судьбы), а нам надо было сохранять хорошие характеристики, надо было поступать, и мы молчали. Но я прекрасно помню, что одним своим этим вопросом он разваливал всё её построение. Причём, люди могли по-разному относиться к Первой мировой, но ложность всего этого дискурса, всей лабуды, которая вешалась на уши...но было абсолютно очевидно, что «ноябрь в Москве — не самое лучшее время года» и надо просто его перетерпеть.

С. Э.: К окончанию средней школы вы уже знали, что надо заниматься чем-то древним. Куда вы решили пойти учиться?

А. Д.: На филологический факультет МГУ. Тогда была кафедра классической филологии. Конечно, тут тоже не обошлось без личности. Я ходил на «День открытых дверей», последние два года как раз была возможность посмотреть на своих будущих учителей. У меня была ещё мысль поступить на романо-германское, выбрать какой-то редкий язык... Но меня совершенно пленил Николай Алексеевич Фёдоров — очень известный латинист. Мне потом действительно довелось у него учиться. Представители других кафедр преподаватели агитировали, почему к ним нужно поступать. А Фёдоров и стал объяснять (он был абсолютный Цицерон — очень хорошо говорил, уже немолодой, но очень красивый мужчина), почему к ним поступать НЕ НАДО: потому что личной жизни не будет, потому что много сложных языков... «Оба-на! — подумал я. — Вот это я хочу!» Что такое личная жизнь, я ещё не очень понимал в шестнадцать лет, а вот древние языки, и такой прекрасный Николай Алексеевич — это моё! И не пожалел.

С. Э.: Кто ещё из профессоров, кроме Фёдорова, повлиял на вас, когда вы учились?

А. Д.: Много кто. У нас было два главных языка. Греческий вела Марина Николаевна Славятинская — дай Бог ей ещё долгих лет жизни! Конечно, для филолога-классика самое главное эти два языка. Понятно, что были ещё другие преподаватели. Но вот они заложили основу и оба делали это очень-очень качественно.

Я всех называть не буду, но как человек на меня очень большое впечат-

ление произвёл Андрей Чеславович Козаржевский. Он как раз преподавал на историческом факультете. С одной стороны, он вместе с нами (это был поздний Советский Союз, правда, уже шла Перестройка, но всё же...) читал текст Евангелия по-гречески — это называлось западно-ионийское койне I в. н.э. (чтобы никто не догадался), но одновременно он был таким мостиком к христианской истории и культуре. Он рассказывал о самых разных вещах, которые ему просто приходили в голову. Это сейчас у нас есть Интернет, где огромное количество воспоминаний и всяких фактов. А когда ты живёшь в такой пустыне ледяной, и любой огонёк, который горит — даже не очень важно, о чём говорят вокруг этого огонька, — но говорят люди, которым дорого то, что они обсуждают, и которые знают этот предмет: они, конечно, очень многое дают. И из университетских преподавателей — не то, чтобы я больше всего научился у него по специальности (он был моим руководителем двух курсовых и дипломной работы), но как от человека, мне кажется, я от него очень многое взял.

Конечно, было много других учителей. Некоторые совсем мимолётные. В России как раз был очень популярен Сергей Сергеевич Аверинцев, который в самые-самые последние советские годы проводил публичные лекции. Набивалась одна поточная аудитория: сидели и стояли человек двести, даже больше. А во вторую аудиторию ещё транслировали, потому что всё равно толпа стояла в коридоре (то есть человек по пятьсот собирали его лекции). Из тех, кто сидел и стоял (включая меня само-

го), большинство не очень понимало, о чём он говорит. Он жил в какой-то абсолютно своей сфере. Он мог сказать: «Как помнит всякий, кто читал Аммиана Марцеллина в подлиннике...» А в аудитории, может два-три человека знали, что такой Аммиан Марцеллин вообще существует, а что его никто не читал даже по-русски — это можно было просто сходу определить. А Аверинцев разговаривал с людьми, возвышая их до своего уровня. Даже если это был элемент риторики, это было здорово!.. У меня есть ник, который я использую в адресе мейла — Айлурос — это кот по-древнегречески. И впервые я об этом узнал от Сергея Сергеевича. Он читал какую-то лекцию, и нас — первокурсников — согнали специально (именно согнали!). А мы засыпали над парадигмами, зубрили античную расписную керамику... Так вот, нас согнали, кажется в ИМЛИ, он читал какой-то свой доклад, когда в зал внезапно вошла кошка (случайно). Сергей Сергеевич на неё посмотрел и сказал: «Кот по-древнегречески — айлурос. Если бы мы заимствовали это слово от византийцев, то в современном русском языке кот назывался бы едурь». Меня так это поразило! О чём можно думать, глядя на кошку, идущую по залу? А он подумал о возможном слове, которое пришло бы от Византии и дошло бы до наших дней...

С. Э.: Вы сразу при поступлении нацелились на научную работу?

А. Д.: Нет, не думаю. Я не знал, чем я буду заниматься. Я думал, что буду по ходу дела определяться, но так вышло, что я достаточно рано женился и стал отцом. Тем более, что

это были годы Перестройки, потом ранние 90-е. В общем, какое-то время было не до науки — что получалось, то и получалось. А в 1994 я пришёл в Институт востоковедения РАН и это было уже место, куда я пришёл, чтобы заниматься Библией (профессионально в России ею почти никто не занимался). И в этом месте я проработал до октября 2022 года.

С.Э.: В Википедии написано, что вы несколько лет учились в Голландии. Вы занимались там библейскими исследованиями?

А.Д.: Я, честно говоря, не читал, что про меня написано в Википедии. Я знаю, что там очень часто про Пушкина или Гоголя написана правда, а про людей менее известных там обычно сборная солянка случайных фактов... Да, после МГУ я год проучился в Амстердамском свободном университете, там был специальный курс по библейскому переводу (это были 92–93 гг.), и это стало надолго моей основной специализацией: переводы Библии, теория и практика перевода. Я довольно долго работал как консультант в Институте перевода Библии — это организация в Москве — с языками народов России и некоторых сопредельных стран.

С.Э.: До сих пор идёт перевод на языки народов России? Я думал, что ещё при царе всё перевели в Библейском обществе.

А.Д.: Нет. Когда распался Советский Союз и возникла независимая Российская федерация, как вы думаете, на каком числе языков Российской федерации (а их всего около ста) существовала полная Библия на

1991 год? На одном. На русском. Так что, конечно, эта работа идёт. В советское время это было невозможно по идеологическим причинам. С другой стороны, в советское время появились национальные языки, кодифицированные, со своей литературой. Где раньше был только устный вариант и много диалектов, там возникли национальные полноценные языки. А те, которые существовали ещё раньше, по крайней мере обрели какую-то свою современную форму. Так что, да, переводы Библии на эти языки продолжаются.

С.Э.: Расскажите о ваших основных трудах: что вам наиболее интересно в исследованиях Библии?

А.Д.: Что там интересного надо спрашивать тех, кто читает эти книги и статьи. У меня с библеистикой, с одной стороны, очень хорошие отношения, а, с другой стороны, они немножко сложные. Я не могу сказать, что я такой крупный учёный-библеист, если говорить на мировом уровне. Абсолютно нет. Я — большая лягушка в очень-очень маленьком пруду. Поскольку в России этим не занимался почти никто (да и сейчас очень мало кто занимается), то любая трансляция мировых знаний в этой области в России достаточно востребована. Вот этим я по большей части и занимался. У меня есть какие-то работы, но я не могу сказать, что сделал выдающиеся научные открытия, о которых знает весь мир. Нет. Более того, библеистика, это такая область, где плотность исследований слишком высока. В русской литературе, наверное, это аналог пушкиноведения: новых текстов нет и не ожидается, крайне трудно себе представить,

что появятся новые факты, а если и появятся, то будут очень незначительными. Но в силу того, что фигура очень значимая — очень многим людям важно про это знать, слышать, качественно читать, — то пушкиноведение существует. Библиистика во всём мире (по крайней мере, в его частях с христианскими корнями) существует, и её в каком-то смысле очень много. Какой-нибудь хороший западный университет обязательно содержит — так пошло со Средневековья — теологический факультет. Там без этого не бывает. На нём, конечно же, должна быть кафедра Священного Писания или отдельно Ветхого и Нового Завета. Там есть люди, которые пишут книги, статьи (им надо как-то этим отчитываться), и в результате возникает переизводство научных текстов, потому что новых открытий нет, но нужно демонстрировать свою актуальность. Может быть, было бы проще, если бы их стало меньше. Сейчас я не в России, и видимо, буду заниматься чем-то другим. Но это отдельный разговор, пока мне нечем похвастаться, поэтому я не буду заранее рассказывать.

С.Э.: Если говорить о России, то здесь есть деление на религиоведение (научный взгляд) и теологию (подход с точки зрения веры)?

А.Д.: Это большая тема: «Наука ли теология?» Во многих западных университетах, по крайней мере — европейских, действительно существует теологический факультет. Во-первых, это просто дань традиции: в средневековых университетах это был один из трёх главных факультетов наряду с медицинским

и юридическим. Медицинский — про тело человека, юридический — про общество людей, а теологический — про место человека в этом мире, про его отношения с Богом и Мирозданием. Это самые базовые. В России немножко иначе. В России не было светского теологического образования, и место этого факультета занимали философские факультеты. А собственно теологическое образование было если не уделом семинарии, академии, то по крайней мере уделом каких-то братств, которые уже чисто религиозные по своему назначению. Это давняя, ныне осуществившаяся мечта прежде всего Митрополита Иллариона (Алфеева) и, конечно, Патриарха Кирилла тоже: ввести теологию в номенклатуру научных специальностей. В основном для того, чтобы показать, что мы ничуть не хуже, что наши дипломы и наши диссертации на том же уровне, что и всё остальное. Что, конечно же, встретило резкое сопротивление значительной части научного сообщества. Особенно если учесть, что эти диссертации пишутся зачастую всё тем же старым семинарским языком, где в качестве главного метода используется трактовка святых отцов. Когда это читает какой-нибудь химик или математик, ему это кажется полной нелепицей... Может ли теология быть независимой наукой? Я думаю, что в принципе может, если может философия. Потому что это некоторое размышление о главных для человека сущностях и явлениях. При этом — осознанно-субъективное. В принципе, все гуманитарии субъективны, но хорошо, когда эта субъективность осознана и мы понимаем, из чего мы исходим.

Вот в этом смысле теология в западных университетах бывает научной.

Я сам учился в Голландии одновременно на филологическом и на теологическом. Теологический там вовсе не по подготовке священников и не по доказательству превосходства нашей веры над остальными, а обо всём, что относится к истории церкви, христианства и т. д. Библия изучается на этом факультете любыми научными методами...

Но у России сложилась немножко другая история высшего образования и научных специальностей. Поэтому то, что сейчас теология стала научной специальностью, мне скорее не нравится в том виде, в котором это произошло. Хотя, с моей точки зрения, русскому интеллектуальному обществу очень не хватает неклерикальных разговоров о Боге и о вере. Как раз университетский факультет теологии был в Европе именно тем местом, где, не будучи клириком, не будучи членом узкой закрытой корпорации, ты можешь говорить об этих вещах. Современная герменевтика родилась из толкования Священного Писания, потому что это главный текст, и нужно понять, как его истолковывать. Иначе мы, грубо говоря, в аду будем гореть. Это крайне важная задача. И так рождались методы, которые сегодня применяются к совершенно другим текстам. И в этом смысле было бы неплохо иметь пространство для светских, неклерикальных, неконфессиональных разговоров о главном, включая религию. И это возможно. В православном мире такое существует: в Греции и Румынии существуют такого рода университеты и факультеты. Но

в России пока этого нет. Будет ли? Я не знаю...

С. Э.: То есть то, что сейчас в России называется теологией — это публикации выпускников Духовной академии. А научный подход к изучению Библии как называется?

А. Д.: Это может быть очень по-разному. Наверное, главная наука для библеиста — это филология. Хотя я уже говорил, что без каких-то исторических методов в нашей области нечего делать филологам. Как, впрочем, и историкам — без филологических в этой области. Понятно, что есть разные подходы. И диссертации, посвящённые каким-то местам Библии или истории Древнего Израиля, или истории ранней Христианской Церкви могут защищаться историками, философами, могут защищаться религиоведами. Но здесь есть немножко шаблонная фраза, что «теология — это религия, а религиоведение — это наука». Но на самом деле граница довольно зыбкая, потому что тем самым религиоведение как бы выводится из сферы субъективного, т. е. религиовед — стерильно-объективен. Но так не бывает, у него всё равно есть свои взгляды. Если он занимается этими вещами, то они ему интересны. Если они ему интересны, то у него есть на них свой взгляд. И поэтому зачастую религиоведение — это просто другое слово для теологии. Теология чуть менее строгая со своими предпосылками и субъективными вещами, которые всё равно там тоже есть, но, может, они не определяются конфессиональной принадлежностью исследователя. Или он по крайней мере не декларирует её, но всё равно часто определяется.

С.Э.: То есть, есть такая дисциплина — религиоведение, и по ней защищаются диссертации?

А.Д.: Есть.

С.Э.: В советское время был научный атеизм и его преобразовали в религиоведение?

А.Д.: В худшем варианте — да. Но если есть религия, то есть и научные методы, с помощью которых она изучается. Просто религиоведение — это такой комплекс. Это как есть геология, а есть науки о земле. Религиоведение — как науки о земле. То есть круг научных дисциплин и исследований определяется по предмету, а не по методу. А можно сказать — есть историки, есть филологи, есть социологи, которые изучают религию. И это тоже существует.

С.Э.: Получается, что христианство можно сегодня изучать не только в рамках религиоведения, филологии и истории, но и теологии, которая уже входит в номенклатуру научных специальностей?

А.Д.: Да, в России сейчас так. При том, что научное сообщество в массе своей от этого не в восторге.

С.Э.: Задам дилетантский, но волнующий меня вопрос. Мы издавали книгу покойного археолога Виктора Юрьевича Андреева, работавшего в питерском Институте истории материальной культуры. Он занимался Древней Грецией, но для себя в тайне в советское время писал на разные темы, в том числе и о раннем христианстве. Меня поразили его размышления о том, что

христианство стало таким, каким мы его знаем, благодаря мощному греческому влиянию. По его гипотезе, изначально это была религия простецов, а греки, благодаря своей философской подготовке, придали христианству более «утонченную» форму. Насколько это предположение соответствует современному научному уровню?

А.Д.: Об этом много пишут. Совершенно верно, что исторически сложившееся Христианство, во многом сложилось в грекоязычной среде на почве греческой философии, откуда были взяты многие термины. Их, между прочим, даже в Новом Завете нет: «сущность», «ипостась» и т.д. (а если и есть, то в другом значении). С другой стороны, можно ли представить некоторое религиозное или философское учение, которое вообще вненационально, которое написано на некоем, упавшем из космоса языке и не основано ни на культуре, ни на стереотипах, не имеет никакой среды обитания? Нет такого. Буддизм тоже зародился в Индии и во многом принял свои формы благодаря той культуре, в которой он возник. Действительно, можно говорить, что в христианстве есть какие-то элементы греческие, как и семитские тоже. Иногда возникает такое желание заявить, что первые апостолы были не греками, вернуться в догреческое христианство. Это очень интересно в качестве задачи, в том числе научной. Об этом много пишут. Но, понятно, что невозможно дуб вернуть в жёлудь: он вырос из жёлудя и уже непохож на жёлудь. Но он вырос, и это не значит, что это было ошибкой и что он должен был оставаться жёлудем. Наверное, с христианством, как и со

многими *выросшими и расцветшими* явлениями, случилась та самая история: оно, вырастая, изменяется в значительной степени под влиянием той среды — языковой, культурной, — в которой оно растёт.

С. Э.: Хочу задать ещё один вопрос, связанный с предыдущим. Христианство — это единственная религия самопожертвования (все остальные — религии жертвоприношения). Но у греков тоже был Прометей, пожертвовавший собой ради людей, которого жрецы каннибала Зевса потом старательно дискредитировали. Могли ли греки активно взяться за преобразование христианства в связи с тем, что они почувствовали в Христе что-то родственное с Прометеем? Или никаких оснований для такого предположения нет?

А. Д.: Историй о продвинутых духовно людях или прочих сущностях, помогающих и действующих из сострадания к низшим, много в том же буддизме и, уверен, что и во многих других традициях и культурах. Мне кажется, что это нечто такое, что вообще присуще человечеству: альтруизм и взаимопомощь распространены среди людей и даже среди высших животных. В этом смысле я бы не сказал, что христианство совершенно уникально. Конечно, в христианстве есть вещи, которых нет больше нигде: идея о том, что Бог становится человеком, чтобы пройти через унижение и смерть ради победы над смертью для остальных людей — это, действительно, именно христианское. Насколько греки могли увидеть здесь что-то общее? Могли. С очень разными вещами. Потому что Евангелия написаны по-гречески, в них, наверняка, очень

много преданий, которые звучали сначала на арамейском, а может быть и на других языках Ближнего Востока. Но написаны они по-гречески, зачастую с оглядкой на греческую аудиторию, привычки и ожидания. В конце концов, жизнь выдающегося мужа, философа, мистика и т. д. — это известный жанр в греческой литературе. Евангелие в значительной мере этому жанру соответствует.

Это то, о чём говорил Сергей Сергеевич Аверинцев на своих лекциях. Многие приходили к нему сдавать зачёт по этому спецкурсу (это был такой раритет — роспись Аверинцева в зачётке) и ждали, что он в силу своей «неотмирности» будет всем автоматически ставить. Но он задавал очень простой вопрос: «Назовите античные реминисценции в Евангелии от Луки с указанием главы и стиха, пожалуйста». Люди выпадали в осадок. Какие там античные реминисценции?.. Всё очень просто — 1-я глава 1-й стих. Лука начинает писать как хороший эллинистический историк. Он обращается к некому Феофилу, которому он посвящает свой труд (литературная условность того времени), потом он даёт датировку: когда, в правление каких правителей это случилось. Собственно, первая половина 1-й главы Евангелия от Луки, это именно такой сигнал греческому читателю: «Я свой». Это не какие-то байки каких-то варваров. Это нормальное историческое повествование, написанное по всем правилам эллинистического историографического искусства. Конечно, греки в этом видели что-то своё, и Лука на это ориентировался. И не только Лука. Просто у него это в большей степени проявлялось.

Или, когда Иоанн начинает свое Евангелие: «В начале было слово...» «Слово» — это «логос» — важнейшее понятие греческой философии. Он, конечно, не только греков этим радуется, но радуется и многие другие культуры, в которых слово божества — это нечто, являющееся воплощением и действием этого божества в мире. Очень ближневосточная мысль. Но грек видит, что в начале был «логос», и это очень хорошо понятно: наша философия примерно то же самое говорит, пересечений очень много.

С.Э.: А от Прометея в христианстве что-то есть?

А.Д.: Вообще в мире не так много сюжетов, все они повторяются.

Но можно найти очень много схожих сюжетов. Например, Алкеста, которая ради своего мужа Адмета ходит в Аид, чтобы избавить его от смерти. Много совпадений. Более того, один из раннехристианских писателей — Иустин философ, писавший аполигию, защищавший христианство перед язычниками, — сравнивая греческую мифологию с христианскими рассказами сказал, почему в наших историях так много общего. Он объяснил это так: «Потому что бесы, заранее зная, что произойдет, чтобы сбить людей с толку, рассказали им эти истории заранее, и те уже услышали их в другом, неправильном варианте». Это его оценка, но факт, который он заметил, существует: в этих историях, действительно, много общих мотивов.

С.Э.: Читая «Занимательную Грецию» Гаспарова, я обратил внимание, что вся история Греции пронизана самопожертвованием, но Вет-

хому завету самопожертвование не слишком свойственно. Поэтому у меня возникло предположение, что облик Христа, жертвующего собой ради людей, был ближе грекам, чем евреям, и именно поэтому греки приняли активное участие в раннем христианстве.

А.Д.: Я так не думаю. Есть очень разные взгляды на происхождение Христианства, в том числе, взгляд, что это совершенно самостоятельная религия, никак не связанная с ветхозаветной, с иудейской. Но я так не считаю. Есть аргументы в пользу и той, и другой точек зрения. Мне гораздо ближе взгляд, разделяемый большинством исследователей раннего христианства, что раннее христианство — это некая модификация иудаизма Второго Храма (как это называют учёные), т.е. иудаизма, который был в те времена. Понятно, что он тоже был очень разнообразным. Одно из его направлений, взявшее за главную мысль почитание Иисуса из Назарета как Спасителя, собственно говоря, и стало христианством.

С.Э.: Вопрос, волнующий сейчас многих: то, что в России называют «спецоперацией», а мы, находясь за пределами России, можем прямо называть войной — это тяжёлый удар не только по Украине, но и в значительной мере по самой России. Как вы считаете, к каким последствиям это приведёт русскую гуманитарную науку?

А.Д.: Вы меня назвали историком, я сказал, что я филолог, но никто не говорил, что я — пророк. Поэтому я не берусь делать пророчества. Но мне кажется, что последствия для

всей страны будут кошмарными. Они уже начинаются. И если даже завтра всё закончится, они не прекратятся ещё очень долго. И в том числе для науки. Фактически, русская гуманитарная наука сейчас начинает существовать в самоизоляции. Отчасти добровольной, отчасти в связи с тем, что просто нет возможности участвовать в каких-то конференциях, а отчасти иногда и в силу того, что западные коллеги не хотят сотрудничать и для них проще наказать тех, до кого они дотягиваются, а не тех, кто виноват в произошедшем (такое тоже есть). С другой стороны, то, что начинается безумный идеологический пресс государства, причём он начинает валиться сам по себе — не то чтобы напрямую диктуют, какие писать работы, но предъявляются определённые требования писать на патриотическую тематику, которая будет профинансирована и поддержана, и надо думать, как всему этому соответствовать. И в результате, конечно, есть очень большое опасение, что гуманитарная наука будет превращаться в госпропаганду. Особенно история. Она к этому очень-очень удобно приспособлена: всегда можно найти примеры всего чего хочешь в истории и продать это за историческую правду. И когда начинаются разговоры про «древний русский город Мариуполь» (вообще-то основанный греками, переселёнными из Крыма), то понятно, что теперь, наверное, у нас не только Мариуполь будет древним русским городом.

С.Э.: ...В котором, оказывается, Петр I строил свой флот.

А.Д.: Ну, ещё ДО того наверное — Юрий Долгорукий его одновремен-

но с Москвой основал и поселил туда москвичей, или на каникулах возил к морю погреться... Я шучу, конечно, но ведь это же действительно происходит. И это ужасно. Но я бы сказал, что дело не только в военных событиях, а ещё в том, что, к сожалению, в России в значительной степени создавалась система фейковой отчётности, и в научной сфере — чем дальше, тем больше — она видна, когда нужно предоставить какие-то показатели. Понятно, что всегда нужно отчитываться, но, когда эти показатели становятся самоцелью, их очень легко воспроизводить, очень легко давать вал статей. Причём: «я цитирую тебя, ты — цитируешь меня, у нас индексы быстро растут, а если нас десять человек, и мы цитируем друг друга — вообще всё замечательно, мы выходим на топовые позиции, наши институты, университеты тоже выходят на топовые позиции...» — и начинается гонка. Да, это есть во всём мире. Но так, как это стало происходить в России в последние годы, когда во всех научных и учебных заведениях изготовление этой отчётности становилось приоритетной главной деятельностью, а собственно научная работа становилась приложением. И это требовалось. Это далеко не всегда фейки, но в этой отчётности очень трудно отделить настоящее от придуманного. И, к сожалению, в России мы это видим буквально на каждом шагу: когда главная цель почти любого чиновника — это отчитаться перед начальством и дать красивую картинку, за которой может быть просто пустота или полный провал и развал. Но картинка выдаётся, награды получают, а дальше: «Ой, а отчего? А мы не знали. И вообще, мы ни при

чём». Это на самом деле страшно. И я боюсь, что очень сильное отставание, которое и так есть в России по целому ряду научных дисциплин, будет ещё вырастать. Но хуже того, что в очередной раз будет дискредитация, особенно исторической науки.

Когда в 90-е годы закончилась вся марксистская история, то у многих людей возникло ощущение: «Нам врал, а теперь мы знаем правду, что всё было совсем не так». И полезли «новые хронологии, заговоры инопланетян, абсолютно бредовые идеи, — это тоже версия, историки же доказали нам, что...» Никакой истории нет. Есть просто идеология, протянутая в прошлое. «При марксизме нам объясняли, что всё — борьба классов, а сегодня мы хотим слышать, что этруски — это русские, значит, это такая же правда, что при марксизме». Только-только стала возникать популярная наука, что меня очень радует в современной России. Появляется заметное количество очень серьёзных, очень хороших научно-популярных изданий, программ, премия «Просветитель», жюри приходится отбирать, кому ее присуждать, — потому что много прекрасных книг выходит каждый год. И, казалось бы, вот начался серьёзный разворот русской читающей думающей публики к серьёзной науке. Меня больше всего беспокоит гуманитарная, потому что физика понятна: мы в самолётах летаем, компьютерами пользуемся, — значит, физика работает. А вот работает ли история, филология, социология, психология — это вопрос. И то, что происходит сейчас, боюсь, приведёт к очередному резкому понижению доверия к гуманитарной науке как

таковой. И дальше нам скажут: «А, эта ваша история — служанка идеологии, она просто поставляет материалы, доказывающие, что всегда было так, как мы хотим сегодня». Вот это очень печально.

С.Э.: То есть идеологизация будет только усиливаться? Даже не в брежневском смысле, когда было достаточно привести в начале работы ритуальную цитату из Маркса и Ленина, а дальше писать, что думаешь, но мы уже приближаемся к звериной идеологической серьёзности сталинских времен?

А.Д.: Это тоже всё во многом фейк. В значительной степени требуется отчётность и красивая картинка. И это, кстати, одновременно спасает, даёт какую-то надежду, что настоящие учёные — которые в России безусловно есть, — многие либо уехали, либо полу-уехали, либо раздумывают об отъезде, потому что невозможно «сидеть в накуренной комнате, где законопачены все форточки» — хочется выйти на улицу, подышать хотя бы иногда. Но среди них очень много честных людей, которые так или иначе будут сохранять то, что можно. И как раз борьба за эту идеологическую чистоту тоже в значительной степени фейковая. Это тоже в значительной степени какие-то фестивали на Красной площади, когда люди наряжаются в кого-то, поют-пляшут, а потом расходятся и поносят последними словами то, в чём они участвовали.

Я в своё время в телепередаче слышал рассказ человека, который отсидел в нацистском концлагере, а потом в советском. Его спросили — где

было хуже. Он сказал: «Конечно, хуже было в нацистском. Потому что, если там вышел приказ «всех расстрелять», то всех расстреляют. А в советском — караул устал, патроны закончились, начальника лагеря самого посадили, вышло новое постановление о борьбе с перегибами... То есть дан приказ, а до завтра ещё многое произойдёт и есть шанс уцелеть». Да, сейчас такой фейковый сталинизм, косплей сталинизма, но туфты ещё больше.

С. Э.: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»?

А. Д.: Да, в этом утешение, но оно очень слабое. И на будущее российской гуманитарной науки сейчас я смотрю с очень большой печалью.

С. Э.: Если вспомнить позднюю советскую гуманитарную науку, то работы выдающихся ученых — Лотмана, Успенского, Иванова, Топорова и др., — вопреки железному занавесу, переводились на иностранные языки как соответствующие высшим достижениям мировой науки. Я не раз, в частности, встречал ссылки на Лотмана в работах, никак не связанных с Россией.

А. Д.: Лотман, а до того — Бахтин.

С. Э.: Бахтин, Пропп — это, все-таки, наследие еще царского режима. Я имею в виду людей, которые получили уже советскую социализацию. Тем не менее, они вопреки всему создавали конкурентоспособный продукт. После 1991 вроде бы все кардинально изменилось: открылись границы и с ними по-

явилась возможность полноценных контактов с зарубежными коллегами, открылся доступ к научной литературе, но при всем этом, на мой взгляд, не заметны научные прорывы. Более того возникает впечатление, что наша гуманитарная наука находится в упадке. Что вы думаете по этому поводу?

А. Д.: Вы сами сказали — открылись границы. Лотман сидел в Тартуском университете, потому что в Стокгольмском или Копенгагенском у него не было возможности сидеть. А сейчас границы открыты, и люди с русскими, татарскими, еврейскими фамилиями из России сейчас по всему миру. И многие, между прочим, довольно успешные ученые.

С. Э.: Вы хотите сказать, что таланты перекочевали в более благоприятные условия?

А. Д.: Я не хочу сказать, что они все уехали. Но если в советское время ты хотел чем-то заниматься серьезно, у тебя был только один вариант — найти в СССР институт, кафедру. В СССР, кстати (кроме этого идеологического пресса), для учёных были неплохие условия: если ты доктор наук, завкафедрой, то у тебя все хорошо на среднем фоне: машина, дача, зарплата. Сегодня это совершенно не так. С другой стороны, если ты понимаешь, что у тебя есть желание чем-то заниматься, ты смотришь: «Какие там есть кафедры? А где? А в Гёттингене этим занимаются, а еще там и там...» и т. д. И талантливые студенты до недавнего времени (сейчас это всё будет по-другому) даже поступали на какие-нибудь особые программы, которые предпо-

лагают получение второго диплома или возможность стажировки. А за стажировкой (там же не дураки сидят в университетах), если ты хорошо себя проявил, тебя приглашают и предлагают докторат и т.д. Вот все эти люди либо уехали, либо участвуют в каких-то международных проектах и *одной ногой здесь, а другой там*. И это в целом для науки хорошо. Может быть для престижа отечественной науки это плохо, но для человечества это полезно, чтобы люди занимались тем, чем они хотят, и там, где они могут это делать с наибольшей эффективностью.

С.Э.: Да, «перетекание» в более благоприятные для жизни и работы научные институции я не учёл... После 24 февраля тема эмиграции приобрела для русского учёного огромную актуальность. Многие уже уехали. Понимая, что перспективы у нас в науке грустные, оставшиеся также часто думают, можно ли им попытаться сменить «локацию». Но эмиграция — это всегда очень сложно. Вы сейчас оказались в Вильнюсе. Вы могли бы рассказать оставшимся какие трудности их подстерегают, а с другой стороны — какие возможности открываются? Может это им как-то поможет.

А.Д.: Мне рано рассказывать о трудностях эмигрантской жизни, потому что она у меня только началась. Но, очевидно, что это многие вещи: язык, вопрос легализации, необходимость доказывать свою нужность этой стране (потому что в любой момент тебя могут пинком вышибить и даже жаловаться будет не на что), полная смена среды. Понятно, что на фоне тех, кто три дня стоял в очереди на

Верхнем Ларсе или в казахстанской степи, тут вообще жаловаться не на что. Я могу сказать, одно: в 92–93 годах я учился в Нидерландах и у меня ни одной секунды не было желания остаться, хотя меня в России ждала полная нищета, и, понятно, что в Нидерландах был бы более высокий уровень жизни сразу, не говоря уже о перспективах. Но в России было невероятно интересно, и я думал: «Зачем я буду в стране, где всё не моё, где всё прекрасно, но не для меня, я вернусь туда, где я на месте». Но последние несколько лет для меня это был мучительный вопрос: «А на месте ли я?» При том, что я действительно очень люблю Москву, Россию, у меня огромное количество близких мне людей и дорогих мест, которые во сне снятся. Но всё чаще я себе задавал вопрос: «Здесь ли я хочу жить дальше? И готов ли я оставаться в этом всё и не чувствовать никакой возможности — это изменить?» И в какой-то момент я дал себе ответ, который и привёл меня сюда...

А трудности, они, конечно, у каждого свои. Не дай бог мне когда-нибудь людей поучать! Сейчас многие говорят: «Вы остались, значит вы спонсоры режима». Или: «Вы уехали, значит вы дезертиры, вы бежали». У всех вообще свои истории, и сравнивать абсолютно невозможно. Я слышал столько разных историй и столько разных убеждённостей, которые я уважаю в том, что надо лично человеку поступить так или иначе. И вижу столько растерянности, когда человек не знает, что случится. Но мне кажется, мы выбираем для себя и своих самых близких сейчас на очень короткую перспективу. Последние полгода я живу, планирую

горизонт максимум на месяц. То есть я, конечно, думаю, что будет дальше, но ничего не планирую. Как я буду встречать Новый год и где вообще? Пока не знаю. И меня это совершенно не беспокоит. А я думаю, куда я поеду завтра. Завтра у меня встреча с моим новым начальством в Вильнюсском университете, это очень важная встреча. Я хочу познакомиться, поговорить, что-то предложить, что-то, наоборот — спросить. Вот этим я сейчас живу. Мне надо позвонить близким, которые остались сейчас в Москве. Вот это — да.

С.Э.: Для меня Facebook — это такая социологическая лаборатория. Я обратил внимание, что многие люди находятся в каком-то истерическом состоянии. Те, кто уехал, часто начинают обвинять тех, кто остался, в том, что они коллаборанты и т.д. Лично мне повезло, что я родом из Молдавии, взял и уехал. А у людей могут быть старые родители и мало ли ещё какие проблемы, по причине которых они не могут всё бросить и уехать...

А.Д.: Конечно. Кто-то начинает говорить: «Вы платите налоги режиму». Но это тринадцать процентов подоходного налога, которые, кстати, идут в местный бюджет, а из него не финансируется армия. А вы, дорогие мои на Западе, что делали все эти восемь лет? Вы жгли российский газ, вы жгли бензин, вы потребляли электричество, и вот как раз эти деньги составляют львиную долю федерального бюджета, из которого и финансируется армия. Вы жгли газ

и бензин все эти восемь лет? Давайте тогда помолчим, кто эти восемь лет куда ещё сколько платил.

С.Э.: И в этом году, кстати, тоже во всю покупали. Я читал, Россия получила от продажи нефти и газа в Европу в три раза больше денег, чем Европа и США предоставили Украине.

А.Д.: И это прекрасно понятно, что нельзя вот так вот взять и всё отключить сразу. Очевидно, что мы живём в мире, где всё взаимосвязано. И очень хочется надеть белое пальто и встать на табуреточку и сказать: «Вы все козлы, а я один Д'Артаньян», но это не работает, потому что всё взаимосвязано.

С.Э.: Наш традиционный вопрос о творческих планах.

А.Д.: Что я очень хотел бы сделать прежде, чем жизнь закончится, это попробовать построить какие-то модели разговора о русской культуре, русской истории, русской литературе и русском языке, которые были бы человечными, которые избегали бы милитаризма, реваншизма, империализма. Я уверен, что это возможно. И мне кажется, что это одна из самых важных вещей, которые русские гуманитарии должны делать сегодня. Естественно, не я один, а в сотрудничестве с другими людьми. Во что это выльется, я не знаю. Но я бы хотел что-то для этого сделать.

С.Э.: Спасибо! Было очень интересно!

«МЫ НАЧИНАЕМ СМОТРЕТЬ НА ПРОШЛОЕ И ЧИТАТЬ НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ, ДЕРЖА В УМЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022».

Интервью с И. Р. Петровым

Российский историк, И. Р. Петров, работающий в Германии и занимающийся проблемами истории Второй мировой войны, рассказывает о главных направлениях своих научных исследований.

Ключевые слова: новые источники по истории Второй мировой войны, нападение нацистской Германии на СССР, русская эмиграция на Западе, генерал Власов, Альфред Розенберг, история города Мюнхена.

Сведения об авторе: Петров Игорь Романович, независимый исследователь (Мюнхен, Германия).

Контактная информация: igor.petrov@gmx.de

“WE ARE STARTING TO LOOK BACK AND READ SOME HISTORICAL DOCUMENTS WITH FEBRUARY 24, 2022 IN MIND”. Interview with I. R. Petrov

A Russian Historian I. R. Petrov working in Germany and dealing with the problems of the history of the World War II, talks about the main directions of his research.

Key words: new sources on the history of the World War II, the attack of Nazi Germany on the USSR, Russian emigration in the West, General Vlasov, Alfred Rosenberg, the history of the city of Munich.

About the author: Petrov Igor — independent researcher (Munich, Germany)

Contact information: igor.petrov@gmx.de

Соавтор книг: Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. / Под ред. И. Петрова; Пер. с немецк. С. Визгиной, И. Петрова; Комментар. С. Визгиной, А. Дюкова, В. Симиндея, И. Петрова; Предисл. А. Дюкова; сопр. ст. И. Петрова. М., 2015. 448 с.; *Joining Hitler's Crusade : European Nations and the Invasion of the Soviet Union 1941.* Cambridge University Press, 2017. (соавтор главы); Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисловие к рус. изд., коммент. О. И. Бэйдя, И. Р. Петрова. СПб.: Издательство восточного университета в Санкт-Петербурге, 2018. 328 с.

И. Э.: Вы — физик, который едва не стал лириком, но в итоге вы успешно сочетаете работу инженера с историческими исследованиями. Расскажите, пожалуйста, об этапах вашей эволюции, как от Физтеха и Литинститута вы обратились к истории. Были ли у вас учителя на этом поприще? Проблемы истории Второй мировой войны с самого начала оказались в центре вашего внимания?

И. П.: Буквально пару недель назад мой хороший знакомый, известный лингвист Дмитрий Сичинава, рассказал мне о французском историке Филиппе Арьесе, который называл себя «воскресным историком», потому что по будням занимался импортом тропических фруктов. Так давно существовавшее явление приобрело название. Действительно, вот уже много лет я — воскресный историк, потому что зарабатываю на жизнь я проектно-менеджментом в инженерной области, последние полтора года я работаю в довольно передовом немецком проекте по созданию так называемых пространств данных (Dataspace). Проект весьма интересный, но и очень энергозатратный, по службе в день я пишу десятки мейлов, участвую в 5–6 совещаниях, что создает некоторый переизбыток общения, поэтому лучшая форма релаксации на выходных — с головой зарыться в какие-нибудь архивные материалы

и тихо ими шуршать. Пользуясь случаем, приношу извинения коллегам за то, что я не всегда аккуратно и быстро отвечаю на их вопросы — это происходит действительно из-за перманентного цейтнота.

Что касается эволюции, то ее лучше всего описывает поговорка про «коготок увяз». Вроде бы зашел 15 лет назад в читальный зал Баварской государственной библиотеки полистать из любопытства газетную подшивку, и вот уже пора подумать о покупке нового диска памяти, потому что старый на 4 терабайта уже переполнен архивными материалами.

Думаю, что свою роль сыграли несколько факторов. Во-первых, начавшаяся в 2008–2010 годах оцифровка архивов. Я уверен, что в подшивках архивных дел есть такие невидимые магнитики, которые взаимодействуют непосредственно с центром удовольствий в голове исследователя и при оцифровке документов этот эффект, очевидно, сохраняется. И вот лет 12 назад я начал листать свежеоцифрованные материалы оперативного штаба Розенберга — это было такое ведомство, которое занималось на первом этапе учетом и вывозом культурных ценностей, библиотек и архивов с оккупированных территорий, а на втором этапе сбором и систематизацией информации о Советском Союзе (не-

удивительно, что когда после войны в Мюнхене был основан Институт по изучению истории и культуры СССР, то половина эмигрантов-основателей была выходцами из оперштаба). И довольно быстро мне там попалась автобиография, написанная одним из русских сотрудников оперштаба по имени Евгений Садовский. Я захотел уточнить его советское прошлое, он был переводчиком с немецкого, переводил Гёльдерлина, Генриха Манна. И оказалось, что по советской версии он погиб в начале 1942 года, опубликованы воспоминания вдовы и друзей о нем и, более того, его имя даже фигурирует в ЦДЛ на мемориальной доске «Московские писатели, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны». Ладно, значит, он остался жив, ну а что было дальше. К сожалению, архивы Арользена, в которых сейчас оцифрованы документы бывших советских граждан, оставшихся после войны на западе, тогда еще не были доступны онлайн, но с помощью поисковых систем удалось выяснить, что Евгений Иванович стал из Ойгена Юджином, переехал в Флориду, где преподавал в университете и умер в почтенном возрасте. Так на месте одной жизни обнаружилось сразу три. И вот этот симбиоз архивного поиска с детективным сюжетом — наверное то, что меня заинтересовало и зацепило. И буквально тут же оказалось, что Гарвардский университет оцифровал материалы Гарвардского проекта — это был в начале 50-х проект по интервьюированию бывших советских граждан опять-таки для сбора и систематизации информации о Советском Союзе, на его основе американские историки и социологи

написали потом полдюжины книг, в том числе Александр Даллин свой знаменитый труд «German Rule in Russia». И вот было оцифровано несколько десятков интервью по теме немецкой оккупации, которые, кстати, сам Даллин и проводил. Весьма интересные свидетельства, но есть нюанс — все интервью были анонимные. И я решил, а не попробовать ли — на основе имеющейся в интервью информации — установить имена респондентов. Я переводил интервью на русский, публиковал их в своем блоге и высказывал свои предположения о том, кто скрывается за анонимным номером. Обработал таким образом пару десятков интервью и — как теперь можно с уверенностью сказать — ни разу не ошибся. То есть опять-таки стык исторического исследования с детективным. Впрочем, хотел бы пояснить: хотя мне порой и удается напасть на след тех или иных военных преступников, вот, например, год назад нашлись следы бывшего начальника смоленской полиции Сверчкова, в раннем СССР он был масоном, и как теперь оказалось, после войны понес свет масонского просвещения в Южную Америку, основал там несколько лож, в которых его до сих пор почитают... так вот, мои скромные экзерсисы на этом поприще не имеют ничего общего с работой знаменитых «охотников за нацистами» из прошлого, которые реально выслеживали спрятавшихся после войны нацистов. Нет, все мои герои давно и бесповоротно мертвы, что и позволяет мне интересоваться их прошлым с известной бесцеремонностью. Результатами порой бывают недовольны их потомки, ну с этим приходится мириться.

Кстати, в 2018 году под редакцией уважаемого Олега Будницкого вышла книга «Гарвардский проект», в которой опубликовано несколько десятков интервью Даллина с комментариями и деанонимизацией респондентов. Мои заготовки они не использовали, переводили заново, но в предисловии поблагодарили, так сказать, за «плодотворную дебютную идею», что, конечно, приятно.

Другой фактор, сыгравший свою роль — знание немецкого языка и умение быстро переводить. Оказалось, что сотни интереснейших немецких документов на русском языке до сих пор просто не публиковались. Кое-какие лакуны я заполнял в своем блоге и, когда я впоследствии видел, что те же документы (пусть и в другом переводе) появлялись в первом томе власовского трехтомника Росархива или в сборниках о нацистских преступлениях, то тоже возникало некоторое удовлетворение проделанной работой.

Что касается учителей, то учился я, читая чужие книжки и статьи, в том числе Бориса Равдина, Александра Соболева и Габриэля Суперфина, которые мне очень помогали, буквально, словом и делом, огромное им спасибо. Также назову две книги, которые несомненно оказали на меня влияние: «The Secret Lives of Trebitsch Lincoln» Бернарда Вассерштайна в качестве толчка на раннем этапе и «Klatt» Винфрида Майера в качестве образца научной дотошности, внимания к деталям и даже к второстепенным ниточкам, раскручивающимся затем в самостоятельные сюжеты.

И. Э.: Одна из ваших излюбленных тем — позиция русской эмиграции во время Второй мировой войны. Можно ли говорить о том, что нападение Гитлера на СССР породило раскол среди русской эмиграции и в том числе среди генералитета и офицерства? Какая позиция доминировала в тех или иных странах в эмигрантских кругах? Вас обвиняли в том, что Вы преувеличиваете пронацистские симпатии русской эмиграции. Считаете ли Вы себя борцом с некоторыми мифами, бытующими среди историков в оценке роли российской эмиграции?

И. П.: Это скорее тема моего дорогого друга и соавтора Олега Бэйдды, который в отличие от меня историк профессиональный, преподает сейчас в Мельбурне и как раз по этой теме защитил диссертацию, которая скоро должна выйти отдельной книжкой. Немалая часть эмиграции первой волны к 1941 году полностью отошла от русскоязычной общественной жизни, укоренилась или даже ассимилировалась. Но среди политически активной части эмиграции в Европе, разумеется, большинство занимало антисоветскую позицию и, следуя этой логике, приветствовало нападение Германии на СССР. И многие бывшие белые офицеры с первых дней войны отправились на восток, записываясь переводчиками или шоферами, но надеясь впоследствии взять в руки оружие. В основе этого лежало непонимание немецкой политики на востоке, политики, которая никакой политической самостоятельности для оккупированной русской территории не предполагала вовсе, но это непонимание было не случайным, белоэми-

гранты предпочитали не вникать или не задумываться об этом. Кое-кто, познакомившись с немецкими методами управления, достаточно быстро разочаровался и вернулся назад, но многие остались, преодолевая помимо прочего все препоны, которые немецкие власти им ставили.

При этом то, что мы видим, это лишь верхушка айсберга. Совместно с Олегом мы вели в моем блоге рубрику под саркастическим названием «Ходоки у фюрера», в которой публиковали обращения разных, чаще всего неизвестных, представителей эмиграции к Гитлеру, Розенбергу и пр. Таких обращений, только сохранившихся в архивах, сотни. Кто-то хотел любой ценой оказаться в России, кто-то спешил заявить права на отобранное большевиками имущество, кем-то двигали сообщения гуманитарного характера. Автор самого пафосного письма из опубликованных нами впоследствии вступил в организацию Тодт, побывал в России, но счастья это ему не принесло, а в конце войны он и вовсе оказался в концлагере. Там же за несколько дней до конца войны умер русский национал-социалист Сергей Червяков, который в середине 30-х перевел на русский «Майн Кампф» и прислал Гитлеру брошюру «Братья по оружию Германия и Россия» собственного авторства. Но проблема была в том, что Гитлер не воспринимал русскую эмиграцию как значимого актора, с которым имеет смысл вести какие-то переговоры или о чем-то договариваться, более того, националистические тенденции он считал не менее опасными для будущего оккупированных восточных территорий, чем большевистские,

поэтому в его планах русские эмигранты были и до самого конца оставались лишь расходным материалом.

Борцом с мифами я себя не считаю, а лишь призываю активнее обращаться к первоисточникам, вводить в оборот ранее неизвестные документы и быть внимательнее к деталям, тем более что благодаря глобальной оцифровке архивов для доступа к миллионам релевантных документов исследователям уже даже не нужно покидать домашнее кресло. У нас же часто биографические справки об эмигрантах первой или второй волны просто переписываются из источника в источник или даже копируются из википедии, которая при всей безусловной полезности в силу собственных ограничений не может прямо ссылаться на новейшие архивные находки.

И.Э.: **Какие другие темы привлекали ваше внимание? Вспоминаются сенсационные записки генерала Хейнрици, введенные вами в оборот совместно с Олегом Бэйдой. Какие из других опубликованных вами источников вызывали особый отклик в профессиональной среде?**

И.П.: Мне кажется, известную популярность в последнее время приобрела история Лонгина Иры, человека, который во время войны заваливал немецкую разведку сотнями выдуманных донесений о планах советского командования и передвижениях советских войск, причем в какой-то момент эти донесения составляли 70–80% от общего объема «важных разведанных», использовавшихся немецкими штабами на востоке. Это абсолютно швейковский

сюжет, гениальный саботаж, масштабы которого, к счастью, не понимал и сам Ира, но который несомненно ослеплял немецкую разведку восточного фронта и тем самым внес немалый вклад в победу союзников. Правда, должен сказать, что в этом сюжете я лишь популяризатор, заслуга раскрытия всей истории принадлежит немецкому историку Винфриду Майеру, которого я уже упоминал.

Две большие статьи, несколько лет назад напечатанные в «Неприкосновенном запасе» — биографии Карла Лева-Альбрехта, советского функционера и нацистского пропагандиста, и Сергея Таборицкого, убийцы Набокова-старшего, тоже, как мне кажется, были встречены публикой благосклонно. Намечалась и третья — биография загадочного Милетия Зыкова, человека, создавшего идеологию власовского движения; в недавней передаче на Радио Свобода я изложил общий конспект, а подробная статья остается пока в планах. Правда, тут интересен не только результат, но и сам процесс поиска: мы с коллегами как бы очищали биографическую луковицу, находя все новые подсказки. Сначала Зыкова, который оказался не слишком известным, но весьма склонным к перемене мест советским журналистом, удалось запеленговать в середине 30-х в Остяко-Вогульске, потом в конце 20-х в Воронеже, потом в середине 20-х в Казани. Дальше наступил обрыв, но благодаря разоблачительным публикациям в советской прессе 30-х годов, выяснилось, что до 1925 года Милетия Зыкова звали Николай Ярхо. Его следы нашлись в Крыму и Екатеринославе, обнаружилось,

что он участвовал в «орловщине», в восстании во врангелевском тылу, был белыми арестован и чудом избежал смерти. В тюрьме его знали как Колю Аптекмана. И наконец, благодаря гениальной подсказке Габриэля Суперфина удалось найти самые ранние документы. Оказалось, что звали нашего героя при рождении Эмиль Ярхо, Аптекман была фамилия его отчима, а при крещении в 1910 г. он получил имя Мелетий. Так вся эта крайне запутанная история нашла свою развязку.

Как видите, биографии и исследования частных сюжетов привлекают меня куда больше, чем глобальные вопросы, и благодаря любезному приглашению Ивана Толстого на «Свободе» у меня есть возможность примерно раз в месяц выходить в эфир, я называю этот цикл «Рассказы о непростых людях», вышло уже 11 выпусков, на днях запишем 12-й.

И. Э.: Вы неизменно работаете с архивными документами. В каких архивах вы работали? Вы работаете только в западных архивах, а не предпринимали ли попытки получить что-то в российских архивах — в РГВА, а также в Центральном архиве Министерства обороны?

И. П.: Вживую в архивах я работал фактически только в Германии: в бундесархиве в Берлине и во Фрайбурге, в Ландесархиве в Берлине, там же в архиве немецкого МИДа, в Бремене в архиве Института Восточной Европы, ну и конечно в Мюнхене, тут у нас пять архивов, среди которых особо выделю архив Института современной истории, в котором я появлялся так часто, что

в какой-то момент в читальном зале микрофильмов меня уже принимали за сотрудника. Что касается архивов в других городах, то роль «воскресного историка» накладывает свою специфику: все мои поездки финансируются из семейного бюджета, поэтому моя основная задача в архиве — это не чтение документов, а их копирование, к счастью, уже лет 5–6 как в немецких архивах официально разрешена пересъемка, причем она бесплатна.

Я вижу, как работают профессиональные историки, получившие грант на исследование: они неспешно появляются в читальном зале около 10, получают дела, открывают ноутбук, листают пару страниц, потом идут пить кофе и трепаться в курилке и тут уже приходит время обеда. Я же работаю с 8 утра до 6 вечера в режиме нон-стоп: получил дела, просмотрел, отметил, что копировать, заказал следующую партию, переснял, получил... То есть наверняка со стороны это смотрится весьма комично: такой корпулентный электровеник, который со стопками дел снуюет по читальному залу между своим местом, окошком выдачи и столом для копирования. А разбирать нафотографированное приходится уже дома, причем и на это не всегда хватает времени, так что уже несколько раз были случаи, когда коллеги публиковали весьма важный документ, за которым я тоже безуспешно гонялся, после чего я его находил в собственной папке «Неразобранное». Что ж, у любой исследовательской методики есть свои недостатки.

Что касается российских или американских архивов, то тут приходится

полагаться либо на помощь коллег, либо оплачивать чьи-то услуги, либо заказывать копии напрямую в архиве. Конкретно по РГВА кое-какой материал по эмигрантской тематике удалось подобрать, но список дезидерат, конечно, еще довольно обширен.

В ЦАМО же весьма активно идет оцифровка, как оперативных документов, так и личных, к примеру, учетно-послужных карточек офицерского состава РККА, что, конечно, бесценно для работы над биографиями эмигрантов второй волны, то есть оставшихся после Второй мировой войны на Западе. И тут мы подходим к главному пункту: я действительно много работаю с архивами, но большей частью с онлайн-архивами. ЦАМО в этом смысле с порталом «Подвиг народа» и российско-германским проектом по оцифровке трофейных документов в какой-то момент был моим личным фаворитом, но в последние годы подтягиваются бундесархив и NARA, которые очень активно занимаются оцифровкой, ну и, конечно, кладезем данных по послевоенной эмиграции являются архивы Арользена, тоже доступные онлайн. Всего я на более-менее постоянной основе мониторию несколько десятков цифровых архивов, впрочем, уже явно ощущая, что поток информации заметно превышает возможности ее обработки, так что пора следовать по стопам мудрого первобытного человека и переходить от охоты и собирательства к земледелию, то есть к регулярному возделыванию грядок с собственными, заботливо отобранными, сюжетами.

И.Э.: Подключались ли вы к дискуссиям вокруг работ Суворова,

Солонина? Как сами относитесь к представлениям о том, что Гитлер нанес в июне 1941 превентивный удар?

И. П.: Мои претензии к названным авторам (которые я, впрочем, прежде формулировал лишь в частных беседах) лежат исключительно в методологической плоскости. Во-первых, как человек, много читавший современных немецких историков и привыкший к их академическому стилю изложения, я очень не люблю, когда меня, как читателя, берут за грудки, азартно трясут и пытаются в чем-то убедить. Такая суггестивная практика кажется мне неспортивным приемом. То есть понятно, что если человек на одной стороне доски будет играть в шахматы, а его визави в Чапаева, то второй, вероятно, победит быстро и эффектно. Но и правила игры в Чапаева на западе не слишком известны, и теория названных Вами авторов в западной академической среде не слишком популярна. Я бы не исключал, что между этими фактами есть корреляция.

Кроме того, мне кажется странным, что их концепция излагается практически без привлечения немецких документов, а в отношении прочих документов и свидетельств использует как парадигму cherry picking, то есть документы и свидетельства, подтверждающие концепцию, используются, а прочие игнорируются.

Что касается самой теории превентивного удара, то это вполне легитимная тема исторической науки, заслуживающая тщательного и аккуратного исследования, какового

я, к сожалению, до сих пор не встречал. Другое дело, что на западе она не имеет того флера новизны, что в России, потому что и самим Гитлером она была озвучена уже 22 июня и в нацистской пропаганде ее пытались разрабатывать, в частности, интересуясь известной речью Сталина 5 мая 1941 года, и потом, уже в Федеративной Республике, она тоже была предметом как мемуарной, так и исторической полемики.

Меня же самого в этой теме, как и во многих других, куда больше интересуют частности и детали. Например, мне совместно с коллегами удалось выяснить, что автором (или, по крайней мере, первопубликатором) идеи «Ледокола» был аккредитованный в начале 30-х в СССР австрийский журналист Николас Бассехес (к слову, прототип Гейнриха из "Золотого теленка") и впервые на русском языке она была изложена в рижской газете «Сегодня» 10 мая 1933 года.

И. Э.: **Поговорим о генерале Власове, которым вы тоже занимались. Что это был за человек? Им двигали шкурные интересы, амбиции или что-то еще? Его можно хотя бы в некоторой мере считать человеком идеи?**

И. П.: Я бы предостерег от чересчур упрощенного восприятия. Ни символом шкурничества и кондотьерства, ни наоборот символом антисталинской оппозиции я бы Власова выставлять не стал. Когда немцы в Виннице в августе 1942 года склонили его к сотрудничеству, им безусловно двигали амбиции, но он совершенно не разбирался во внутренних тонкостях немецкой политики и не пони-

мал, что вся эта акция является лишь пропагандистской операцией, разработанной чиновниками и офицерами среднего звена и никто в высших нацистских кругах о ней не знает и ее не покрывает. Поэтому амбиции очень быстро уперлись в потолок возможностей и сменились резигнацией, пониманием, что для реализации своих антисталинских лозунгов он выбрал максимально неудачные время и место. В середине 1942 года у нацистов не было никакого желания предоставлять оккупированной России хоть какую-то политическую самостоятельность, а в конце 1944, когда Власов, наконец, превратился из пропагандистского жупела в командующего хотя бы парой реальных дивизий, под нацистским сапогом уже не было никакой оккупированной России.

С другой стороны, было бы наивным относиться к пунктам как Смоленской декларации, так и Пражского манифеста как к реальной программе действий. Оба власовских документа разрабатывались не просто под контролем, но и при прямом участии немецких пропагандистов, а во втором случае, даже лично Гимmlера, что, на мой взгляд, сильно снижает их идеологическую ценность. Мы с Олегом Бэйдой заканчиваем сейчас книгу о власовском движении, которую написали по заказу английского издательства, и мы постарались в ней по возможности подробно осветить хитросплетения и противоречия этого трагического сюжета.

А. С.: Вы занимались и Альфредом Розенбергом. Этот уроженец Ревеля, по отзывам знавших его людей, говорил по-русски без акцен-

та. А значит знал в некоторой мере и высокую русскую культуру. Как это сосуществовало в его сознании с представлениями о славянах как людях второго сорта?

И. П.: Розенберг недолюбливал русских эмигрантов, но тому виной причины идеологические, а не расовые. Любопытно, что на страницах его дневника, русское издание которого я готовил к печати, русские эмигранты, даже его старый знакомый генерал Бискупский — официальный возглавитель русской эмиграции в Германии с мая 1936 года — фактически отсутствуют вообще. Но и тут я склонен видеть скорее психологическую мотивацию, в самом начале 20-х Розенберг находился в подчинении у Бискупского, а смотреть сверху вниз на человека, на которого ты когда-то смотрел снизу вверх, не всегда легко, проще его игнорировать.

Ну и Розенберг с середины 20-х активно продвигал идеи расчленения России, которые, разумеется, не встречали одобрения у белоэмигрантов-монархистов, а после нападения Германии на СССР активно отстаивал идеи привлечения украинцев на сторону рейха путем предоставления им лучших условий жизни и даже, возможно, марионеточной государственности. Впрочем, эта теория немедленно почилла, столкнувшись с реальностью в виде 1) интенций Гитлера, запретившего политические дискуссии и отрезавшего от Украины Галицию и Транснистрию, 2) экономических нужд, требовавших безжалостной эксплуатации всех оккупированных территорий и 3) лично рейхскомиссара Украины Эриха Коха, внесшего немалую

лепту в дело ожесточения населения против оккупантов.

И. Э.: Поговорим о месте Холокоста в современной немецкой памяти. Да, начиная с Вилли Брандта были покаяния на уровне элиты. Покаяние нашло отражение и в художественной литературе и искусстве. А насколько сейчас тема Холокоста привлекает общественное внимание, не вызывает ли она раздражения у немецких граждан?

И. П.: Я не уверен, что среда моего общения абсолютно репрезентативна, но тема, с одной стороны, явно утратила остроту, которую имела, когда еще были живы прошлые немецкие поколения, а с другой стороны, прочно закрепились в общественном сознании.

И. Э.: Мюнхен, где вы живете, — это город, где Гитлер начал путь в политике. Это часто обыгрывалось в свое время советской пропагандой, любившей писать о Мюнхене как логове неонацизма, при этом часто ссылались на правых политиков из ХСС, Штрауса и др., ностальгировавших по старым германским границам и т. д.

И. П.: А вот этот вопрос я с удовольствием использую для рекламы. У меня сейчас на столе лежит совсем недавно вышедшая книга Владимира Шубина «Летопись русского Мюнхена 1785–1995», который дает замечательную картину двух последних веков мюнхенской истории через оптику его гостей и жителей российского происхождения. Оцифрованную книгу можно скачать в замечательной онлайн-библиотеке imwerden.de,

которую вот уже 20 лет бескорыстно собирает Андрей Никитин-Перенский, тоже мюнхенский житель.

И. Э.: Подвигла ли кого-то в Германии военная акция России в Украине на пересмотр роли СССР в победе над нацизмом?

И. П.: Если подразумевается какой-то реваншизм, то ответ прежний: тема утратила остроту в связи с тем, что все активно интересовавшиеся ей, уже умерли. Разумеется, ни вопрос роли Советского Союза в разгроме нацистской Германии, ни вопрос нацистских преступлений, в частности, преступлений вермахта на оккупированных территориях пересматриваться не будет. Другое дело, что мы сами начинаем смотреть на прошлое и читать некоторые исторические документы, держа в уме 24 февраля 2022.

Безумное и катастрофическое решение Владимира Путина имеет множество последствий, в том числе исторических. Не секрет, что в риторике украинского национализма антирусский пафос был всегда очень силен. Трагедия и одновременно идиотизм ситуации в том, что своим решением о нападении Путин этот пафос легитимировал. И каждая российская ракета, нацеленная на украинскую гражданскую инфраструктуру, ежедневно цементирует этот пафос. Не будет преувеличением сказать, что Путин в наши дни осуществил мечту Альфреда Розенберга о полном обособлении Украины от России. Осуществление мечты нацистского теоретика, конечно, не было целью российского президента, но стало результатом его действий.

Что касается того, будет ли история в тех или иных нюансах прогибаться под текущий момент, то, наверное, да, будет. До 24 февраля вопрос того, являлся ли голодомор геноцидом, был предметом исторической дискуссии. Теперь на месте исторической дискуссии образовалась резолюция бундестага. Наверняка и кое-где еще украинская точка зрения возобла-

дает над российской (нет, памятник Бандере в Брюсселе не поставят). Не уверен, что это всегда хорошо для истории, потому что данная точка зрения порой уходит корнями в украинскую эмигрантскую историографию, а та зачастую предпочитала идеологию фактологии. Но свою критику по этому поводу я готов высказывать не раньше, чем закончится война.

«СТРАНА, КОТОРАЯ ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ, ОБРЕЧЕНА НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ...»

Интервью с П. В. Кузенковым

Видный ученый-византист Павел Владимирович Кузенков рассказывает об открытых им принципах выстраивания византийской хронологической системы и размышляет о преемственности русской культуры от византийской и об ответственности политиков перед лицом истории своего государства.

Ключевые слова: история Византии, историческая хронология, византийская хронография, русско-византийские связи, история Церкви, церковно-государственные отношения

Кузенков Павел Владимирович — историк-византист, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета

Контактная информация: pk407@mail.ru

«A COUNTRY THAT FALSIFIES ITS HISTORY, DOOMED TO EXTINCTION...»

Interview with P. V. Kuzenkov

Renowned Byzantinist Pavel Vladimirovich Kuzenkov talks about the principles of building the Byzantine chronological system discovered by him and reflects on the continuity of Russian culture from the Byzantine and on the responsibility of politicians in the face of the history of their state.

Keywords: history of Byzantium, historical chronology, Byzantine chronography, Russian-Byzantine relations, history of the Church, church-state relations

About the author: **Kuzenkov Pavel**, Byzantinist, PhD, leading researcher, Sevastopol State University

Contact information: pk407@mail.ru

Основные публикации: Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. Сб. за 2000 г. М.: Восточная лит., 2003. С. 3–172; «Великого книжника антиохийского возгласение о календах, ножах и идах»: трактат о римских древностях в древнеславянской кормчей // *Καὶ ἄλλοι*: Юбилейный сб. в честь 60-летия проф. И. С. Чичурова. М.,

2006. С. 240–279; Русь Олега у Константинополя в 904 году // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. М.; СПб., 2011. С. 7–35; Пасхалистический трактат прп. Максима Исповедника // Богословские труды. Вып. 43–44. М., 2012. С. 99–178; О происхождении александрийской эры: (По поводу новой книги А. Моссхаммера) // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сборник памяти проф. И. С. Чичурова. М., 2012. С. 116–170; *Броль Р. В., Кузенков П. В.* Астурология и политика в Византии V в. // Византийский временник. Т. 72. М., 2013 [2014]. С. 134–163; Христианские хронологические системы: История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М.: Русский издательский центр, 2015. 991 с., ил., электронные приложения; Дата визита княгини Ольги в Константинополь в свете новых данных: 946 г. // Византийский временник. Т. 104. М., 2020. С. 127–149. Поход халифа аль-Мутасима на Аморий в 838 г.: уточнение хронологии // Античная древность и средние века. Вып. 48. Екатеринбург, 2020. С. 74–95; «Византийский» тип средиземноморской цивилизации: генезис, эволюция, трансформация // МЕТОД 11: Вслед за Дарвином: Эволюция знания об эволюции и самого феномена развития. М., 2021. С. 319–334.

Беседовала М. Ю. Андрейчева

М. А.: Что Вам известно о Ваших предках?

П. К.: У нас с советских времен было принято не особенно вникать в этот вопрос. Напротив, воспитывалась гордость, что мы отrekliсь от «старого мира» и начали жить «с Великого Октября». Многих это спасало от гонений. Ведь те, кто принадлежали к так называемым эксплуататорским классам (священству, дворянству, купечеству), были официально людьми второго сорта. Фактически, генетическая память стала социально опасной. Моих родственников это тоже коснулось. У своего дедушки я выяснил, что его отец скрывал свое происхождение и писал о себе в анкетах: «переплётчик книг», хотя на самом деле он был подмосковным священником. Овдовев, он женился во второй раз и был, как второбрачный, почислен за штат. Это ему и помогло после революции, когда стало опасно указывать свою принадлежность к духовному сословию...

Мне, к сожалению, долго даже в голову не приходило заняться изуче-

нием своих семейных корней. Но недавно меня осенило: вот, я составляю хронологические таблицы по древней истории Византии и Руси. А создам-ка я хронику своей собственной семьи. Залез в семейную шкатулку, вытряхнул из нее все документы, и передо мной открылся целый мир: в семейной «микроистории» отражалась история всей страны. Вот зарплатная книжка деда за 1951 год, вот трудовые книжки, профсоюзные билеты, дипломы, грамоты, сначала родителей, потом мои. Письма, открытки. Ценнейший архив (с точными датами — это особенно важно для моей таблицы!). Но... в шкатулке не оказалось ни одного документа старше 1942 года: это было свидетельство о рождении мамы, выданное Саракташским ЗАГС НКВД СССР (мама родилась в эвакуации на Урале). Поэтому дальше я стал двигаться путем «устных опросов» — на даче, за самоваром. Расспрашивал нашего дядю-сторожила, Игоря Сергеевича (недавно мы праздновали его 90-летие, но, к сожалению, в прошлом году он покинул нас). У него оказалась феноменальная память:

он помнил даже детали довоенных событий. На основании его рассказа я выстроил хронологию событий в нашей семье. Получилась удивительная вещь. Оказалось, что самый древний предок, о котором сохранились известия — это мой прапрадед по материнской линии, Григорий Петрович Быстрицкий. Информацию о нём обнаружил в интернете мой 90-летний дядя, который сам увлёкся поисками родословных корней. Выяснилось, что Г. П. Быстрицкий окончил Московскую духовную академию в 1850 году, со степенью магистра богословия, а затем стал духовным писателем и попал в словарь Брокгауза и Эфрона. Умер он в 1865 году. А в 1897 году 15 августа под Шатурой, в селе Власовское, родился Сергей Евгеньевич Быстрицкий — мой дед. Таковы мои корни по материнской линии. Отцовскую линию я не знаю совсем. Родители мои развелись, когда я был маленьким. Это — тоже одна из проблем современной России, ведь разводы разрушают семейную память. Родители, как правило, стараются забыть о своих неудачных опытах брачной жизни... Меня тема семейной памяти и ее передачи и сохранения очень заинтересовала не только как историка, но и как преподавателя. Я стал давать задание студентам: собрать сведения о своих предках. Результат меня, честно говоря, просто шокировал. Практически никто не помнил предков дальше третьего поколения! Только в мусульманских семьях память обычно уходила несколько дальше — в XVIII век. И это не случайная выборка, а явление. Я преподавал в разных вузах, в разных городах страны — и везде сталкивался с этим феноменом «Иванов,

не помнящих родства»... Конечно, причиной тому была и политика социальной сегрегации, проводившаяся советской властью, и массовые миграционные процессы, происходившие в СССР. Люди добровольно, а нередко и принудительно переезжали с места на место, разрывая связи с малой родиной, со своими корнями. Но началось это смешение еще раньше, века с XVI-го. Лингвистам известен феномен отсутствия диалектов в русском языке: есть говоры, но для такой огромной территории это ничтожные отличия. А отсутствие диалектов — яркий признак активной социальной мобильности. Короче говоря, оказалось, что у нашего народа очень короткая историческая память...

М. А.: Почему Вы решили стать историком? При каких обстоятельствах Вы поняли, что Вас привлекает историческая наука?

П. К.: Началось все в теперь уже далеком 1986 году, когда стартовала политика горбачёвской гласности. Появились публикации массы интересных исторических материалов. В частности, была переиздана «История государства Российского» Карамзина. Помню, как еще в школе, классе в восьмом, я прочитал в короткой сноске в учебнике литературы, что Николай Михайлович, помимо известных прозаических произведений, еще является автором многотомной «Истории государства Российского», о которой А. С. Пушкин написал: *«В его «Истории» изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластия и прелести кнута...»*. Это было году в 1984-м, и я подумал:

вот, никогда в жизни я не прочитаю эту книгу... И вдруг, о чудо! В журнале «Москва» начали публиковать этот труд Карамзина. Я немедленно бросился его читать, читал взахлеб. В это время я уже учился на машиностроительном факультете в «Бауманке». Архаичный, наивно-морализирующий слог Карамзина, как благоуханный аромат, украшал мои студенческие будни, наполнял их какой-то особой эстетикой «старой» России...

МГТУ я закончил в 1992 году. Это были уже другая страна. Преподаватели, технократы старого закала, напутствовали нас словами: «Ну, теперь спасайтесь, кто как может!» На дворе ельцинские реформы, шоковая терапия, ваучеризация. Легендарный военно-промышленный комплекс, для которого нас готовили как инженеров (и готовили, признаюсь, очень неплохо!), в подвешенном состоянии. Мы теперь с Америкой друзья, танки и ракеты больше, вроде как, не нужны. В чести банкиры и юристы. Я и сам пошел брокером на Московскую товарную биржу. Но лихое постсоветское предпринимательство мало увлекало меня. Как инженер, я ломал голову над загадкой: что же сломалось в этом гигантском советском механизме, который, казалось, работал как часы и был создан на века? Чтобы разобраться в этом вопросе, я стал читать книги по социологии, экономике, философии. Но, наконец, понял, что ключ к этой разгадке может дать только история... Я люблю сравнивать труд историка с работой следователя. Ведь слово «ἵστωρ» по-гречески значит «свидетель» — тот, кто видел и тот, кого допрашивают в суде. Потом

стали называть так писателей, вроде Геродота и Фукидида, которые, в общем-то, сами никакими свидетелями не были, но всё же старались через чужие свидетельства выявить и сохранить истинную информацию о важных событиях. И задача историка — выявить в этих «показаниях» писателей и других источников, что истинно, а что ложно, что выдуманно, а на что, действительно, можно опереться как на ценный опыт. Это меня очень вдохновило и увлекло. Но тут же понял и другое. Чтобы разобраться в материале, необходимо знать языки: ведь любое сообщение может быть искажено в результате перевода. А для историка важно не только адекватное прочтение источника, но и «вживание» в эпоху, умение думать и рассуждать, как его автор, чтобы верно «дешифровать» его сообщение (а оно может быть и молчаливым!). Этим занимаются текстология и герменевтика. Но самое главное — зубрить языки. Я накопил самоучителей и засел... за латынь, иврит и японский.

Неизвестно, надолго ли хватило бы моего энтузиазма. Но тут — счастливая случайность (а случай, «бог-изобретатель», выражаясь словами поэта, — один из главных творцов истории; по-немецки история, кстати, так и называется: Geschichte — «то, что случилось»). В январе 1993 года мама (а она знала о моих исканиях) приносит мне газету «Известия» с заметкой Андрея Кураева о наборе в новый вуз — Российский Православный Университет св. Иоанна Богослова, где будет впервые за долгие годы создан историко-филологический факультет. Надо сказать, что таких факультетов не было

в советский период, нет их и сейчас. А ведь соединение истории и филологии — огромный плюс. Моя мечта сбылась! Отбросив в сторону свои проекты обогащения и/или эмиграции, я отправился сдавать экзамены — и, к своему удивлению, поступил. Вокруг — «лихие 90-е», а в моей жизни началась эпоха почти непрерывного счастья: погружение в чарующий мир древних языков, высоких смыслов религиозных доктрин и великолепных цивилизаций. И среди них, как алмаз в короне, — Византия, духовная мать России.

К этому времени Византийская империя меня уже очень увлекала. В ней было что-то загадочное. Вроде бы Римская империя, но с греческой христианской культурой. Вроде бы осколок Античности, чудом выживший в темные века, — но в то же время типичное Средневековье, с его приматом духовного над светским. Вроде как та же, что и у нас, теократическая автократия, — но при этом правовое государство, с выборными императорами и признания «гласа народа» как источника легитимности.

К моменту поступления в РПУ я прочитал единственный византийский источник — «Хронографию» Продолжателя Феофана. И она тоже была загадкой. Почему мы не знаем ее автора? И кто такой этот Феофан, которого продолжает аноним? Позже я узнал, что Феофан Исповедник — величайший византийский хронист IX века. У него, кстати, тоже был предшественник — Георгий Синкелл. Всемирная хроника Георгия и Феофана — уникальное по своему значению сочинение, описы-

вающее — с точными (хотя и не всегда верными) датировками! — всю мировую историю от Адама до императора Михаила I. И она, увы, до сих пор не переведена на русский язык. Точнее, частичный перевод есть — но он очень старый, времен Николая I, и пользоваться им сейчас невозможно из-за множества ошибок и отсутствия комментария. Сейчас я работаю над новым, комментированным переводом, и для его подготовки приходится задействовать всю мощь современных компьютерных технологий. А византийские книжники работали в кельях при свечах, в перерывах между монашескими трудами и молитвами (а Феофан претерпел и гонение: за почитание икон он был сослан и стал святым исповедником).

Труд Георгия и Феофана стал этапом для византийских историков, а его название — «хронография», по-русски «летопись», прочно вошло и в русскую традицию. В студенческие годы мы читали это произведение на семинарах с Игорем Сергеевичем Чичуровым. Я тогда заинтересовался загадочной хронологией, которой пользовался Феофан, и помню, как профессор Чичуров принёс толстый том Венанса Грюмеля, который так и назывался: «La chronologie». Так зародилась моя будущая диссертация, посвящённая истории христианских хронологических систем.

История — в подлинном смысле «наука всех наук», причем не только гуманитарных: ведь есть и т.н. естественная история, изучающая природные процессы, и в строгом смысле слова любой эксперимент — не

что иное, как историческое событие. А гуманитарные науки без истории просто немислимы. И как математика является царицей наук точных, так история является царицей всех наук гуманитарных.

Но чтобы понять, что нам говорит история, необходимо иметь к ней ключи. К сожалению, с этим пока большие трудности. Драма истории в том, что она до сих пор не имеет универсальной общепризнанной методологии «дешифровки и верификации данных», наподобие той, что есть у физиков. С одной стороны, сами эти «данные» очень плохо формализуются, а с другой — поскольку они связаны с поступками человека, со свободной волей исторических личностей, людей, как правило, неординарных, эти «данные» не могут быть описаны через социальные законы. Наконец, в истории невозможен «научный эксперимент»: все исторические события уникальны и неповторимы. Но значит ли это, что история — не наука?

Известна крылатая фраза Гегеля: «Единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит». Обычно забывают, что у этих слов есть продолжение: «... правительства и народы». Сам-то Гегель считал, что он уроки истории усвоил вполне... Действительно, если бы из истории извлекались уроки, мы не имели бы дела с таким количеством фатальных ошибок — которые в политике, по известной французской крылатой фразе, «хуже, чем преступление»: ведь ошибки политика ведут к страданиям целых народов. Уже древние это прекрасно осознавали, и именно для политиков создавали свои истори-

ческие труды. Тит Ливий, Плутарх, Сыма Цянь наставляли и вооружали опытом прошлого в первую очередь для тех, кто принимал ответственные политические решения, чтобы те могли учиться не на своих ошибках, а на чужих.

Но для того, чтобы этим опытом пользоваться, необходимы две вещи. Первое — это уважение к прошлому, понимание его пользы и актуальности, принятие непрерывности цивилизационной традиции, то есть восприятие исторического опыта как своего. Второе — решение проблемы герменевтики, то есть адекватное описание этого опыта на понятном современным политикам языке.

И если с первым ситуация сейчас не столь плачевна, как еще недавно, и мы наблюдаем резкий всплеск интереса к истории на самом высоком государственном уровне, то со вторым дело обстоит сложнее. Герменевтическая культура утрачена в силу разрушения самой культуры как таковой. Сложные смыслы (а в истории простых смыслов нет: это сложная наука о сложных системах) упрощаются до вульгаризации — и превращаются из лекарства в яд. А тут еще и новое технологическое искушение. Нынешняя цифровая культура дает широчайшие возможности для искажения и фальсификации истории. Истина просто тонет в морях лжи и полуправды. Ведь многие наши современники убеждены, в том числе и люди с высшим образованием, что «настоящую» историю от народа скрывают профессиональные историки, которые представляются им бандой заговорщиков, водящих за нос все человечество. Правда, не

до конца понятно, зачем. Возможно, по приказу тайных сил или инопланетян? И такая дискредитация академической истории бросает широкие массы в опасные воды фантазий «альтернативщиков», а то и в когти действительно проплаченных манипуляторов...

М. А.: В университете были люди, которые на Вас произвели глубокое впечатление?

П. К.: Мне повезло, поскольку в РПУ устремились преподавать те, кому была интересна христианская средневековая цивилизация, которая в советские годы стала жертвой идеологической борьбы. Это были лучшие специалисты в своих областях. Наш декан, известный латинист Николай Алексеевич Федоров, говорил, что кандидат наук — это несерьезно: академик, в крайнем случае доктор — вот наш уровень. И на нашем факультете преподавали настоящие светила, которых даже в МГУ нельзя было встретить вместе в рамках одной учебной программы. Особенно повезло тем, кто увлекался Византией: у нас вели лекции и семинары, наверное, все ведущие московские византилисты. Историю Византии читал уже упоминавшийся выше мой учитель, профессор Чичуров, ученый с мировым именем. Византийскую литературу вел Михаил Владимирович Бибииков, мой любимый преподаватель, ныне возглавляющий византиноведение в Институте всеобщей истории РАН. Борис Львович Фонкич раскрывал нам секреты византийских рукописей и вел спецсеминар по греческо-русским связям в поствизантийское время. Введение в христианскую традицию

читал прекрасный эллинист Андрей Чеславович Козаржевский. Церковную историю читал отец Валентин Асмус. Патрологию — Александр Арнольдович Столяров. Академик Никита Ильич Толстой знакомил нас со славянскими древностями. А неумолимый Алексей Дунаев ставил нам колы за ошибки в древнегреческом... Можно назвать еще много известных имен. Это были не просто хорошие ученые, научившие меня важным профессиональным вещам: методологии и знанию источников. Это были, прежде всего, люди высочайшей культуры. Их научная сфера деятельности непосредственным образом сказывалась на их образе жизни, даже на внешнем облике. Ведь, например, Античность — это не просто эпоха, это целый мир. И когда человек ею занимается, он живет в ней и ею. Сфера занятий влияет на формирование ученого как личности. Это почти мистическая вещь. Но по-другому быть не может. Историк никогда не станет профессионалом, если не вживется в изучаемую эпоху.

Так я постепенно «вживался» в Византию. Хотя античная история гораздо богаче и лучше изучена, чем византийская, а европейское средневековье кажется более привлекательным — но каждый, кто соприкоснулся с Византией, мне кажется, навсегда будет ею увлечен. Это — уникальная цивилизация, соединившая Античность со Средневековьем. Конечно, и в Византии был и упадок «темных веков», но ей удалось не просто выжить под ударами варваров и арабов, но и отчасти вернуть былое величие. Здесь впервые возродилась античная культура (т. н. Македонское возрождение IX–X вв.).

Важно, что Византия свою античную культуру знала, любила, пестовала. И, фактически, именно она и транслировала ее в Западную Европу. Итальянское Возрождение было бы невозможно без Византии. Европейское возрождение подпитывалось греческими мигрантами, уехавшими из Византии на фоне турецкой экспансии. И знаменитые итальянские гуманисты учились у греков.

Но нельзя забывать, что задолго до этого византийская культура пришла на Русь. Конечно, это была не античная, а христианская ее сторона (в Византии две эти стороны органично сочетались): в основном тексты церковные, исторические и нравоучительные. Но и в них жило античное наследие. Наши князья, приняв крещение, воспитывались на византийской литературе, в том числе и на тех древних авторах, которых византийцы включали в свои флорилегии — сборники мудрых мыслей и изречений. Настольной книгой русских князей стал «Изборник» — антология собранных на все случаи жизни сентенций: о дружбе, богатстве, смерти, любви, славе и т.д. А благодаря переводным византийским хроникам наши князья очень хорошо знали мировую историю. Иван Грозный просто вырос на них: ведь при нем был создан Московский летописный свод. Правда, он сделал из всемирной истории ложные выводы, возомнив себя царем наподобие Давида и Соломона, который напрямую общается с Богом и не терпит вмешательства духовенства. Иван Васильевич словно забыл, что Христос уже пришел и воцарился на небе и на земле, и началась новая эпоха — благодати и любви, а не закона и кары.

В Византии не уважали тиранов. Императоры, которые смотрели на Церковь как на свою обслугу, считались еретиками и безбожниками. Идеалом соотношения светской и религиозной властей была симфония, когда царь и патриарх были равны по чести и каждый по-своему обустроивал общественную жизнь. Царь не мог в обход церкви решать духовные вопросы, а церковь была вне политики. Христианство вообще пришло в мир как учение, решительно осудившее сакрализацию политики, характерную для античного мира, когда происходили страшные вещи: любой безнравственный поступок, любое преступление сходило с рук властелину, объявившему себя богом. Сфера сакрального опустилась до профанного уровня, что приводило к духовному оскудению.

А христианство давало свой рецепт — «Богу богово, а кесарю кесарево». Всякая власть от Бога, но не всякий властитель. Император — смертный человек, со всеми грехами и заблуждениями. А верховную власть Господь дает ему, чтобы не допустить полного хаоса и беззакония. Если же император оказывался человеком дурным, то он становился не только преступным тираном, но и богохульником, святотатцем. Поэтому каждый император боялся услышать обличения в свой адрес со стороны Церкви. Потому что немедленно следовала реакция общества. Не может быть царь неблагочестивым. Помните цитату «Нельзя молиться за царя Ирода...»?

М. А.: Расскажите о реализованных проектах, которые Вы считаете наиболее значимыми.

П. К.: Я могу так сказать по поводу только одного проекта. И то вопрос, можно ли его назвать завершённым? Ведь любое исследование по определению может быть продолжено. Но есть определенные этапы, которые можно воспринимать как рубежные. Таким я могу назвать своё исследование о происхождении различных эр. Этот вопрос в науке обсуждается не один век, написаны тысячи страниц. Когда я впервые занялся этой темой, почти все казалось понятным, оставалось лишь несколько мелких вопросов. Но, погрузившись в научные дискуссии, я в какой-то момент понял, что запутался окончательно. Все хронологические системы относительны, при этом в каждой свои сбои и погрешности; опереться буквально не на что. Ум быстро заходит за разум. Нет точки, за которую можно было бы ухватиться, и к ней все привязать. И вдруг... Как сейчас помню этот момент. Я ждал электричку, попал в перерыв и, как обычно, коротал время в раздумьях — и тут произошло озарение. Всё, как в той легенде об Архимеде. Эврика! Всё выстроилось, как по полочкам. Так родилась моя кандидатская диссертация.

М. А.: А какой теме она была посвящена?

П. К.: Начиналось всё, как я уже рассказывал, с Феофана Исповедника. Нужно было перевести даты из александрийской эры, которой он пользовался, в наше летоисчисление. Простая математическая формула не давала удовлетворительных результатов. Кроме того, оставалось непонятно, чем Феофана не устраивала византийская эра. Да и почему вдруг

византийцы решили, что от сотворения мира до того года, который мы считаем первым, прошло 5508 лет. Откуда эта цифра взялась? Выяснилось, что изначально от Адама до Христа считали ровно 5500 лет, но годом Рождества считался не тот, который считаем мы... В общем, выстраивание исторической хронологии — это целое искусство. Оно мало кому было по плечу: в мировой истории искусством хронологии владели лишь несколько народов, и византийцы были в их числе. Напомню, что ни в древнем Египте, ни в античной Греции, ни в Риме не было мировой эры. В Китае новая эра начиналась с нового девиза правления — а их могло быть несколько за одно правление. Китайцы, конечно, скрупулезно фиксируют эти «микроэры», но все равно накапливаются сбои: например, царь правил несколько месяцев, а посчитали за год. Эти «швы» накапливались и приводили к тому, что между системами летоисчисления возникали зазоры. Кроме того, отсутствие мировой эры лишает возможности создавать всемирную историю, стыковать правления разных правителей разных стран.

Конечно, удобнее всего взять за «начало координат» сотворение мира. Но как вычисляли эту дату? А ведь вычисляли с точностью до дня, даже до минуты! Все эти вопросы описаны в моей диссертации «История христианских хронологических систем». Вышла довольно толстая книга, в которой представлена масса источников, многие переведены впервые или заново (из-за ошибок в имеющихся переводах: как в свое время ехидно заметил Моммзен, «на большинство умов цифра производит угнетающее

впечатление»). Мне же, как «технарю», наоборот, было интересно работать с вычислениями — и гигантские таблицы с расчетами, из сотен тысяч ячеек, прилагались к книге на компакт-диске (клеить для них «кармашки» пришлось вручную). А сейчас уже и компакт-диски ушли в прошлое...

М. А.: **Расскажите, пожалуйста, о Вашей нынешней работе в Севастопольском государственном университете.**

П. К.: В Севастополе я оказался, ведомый византийской звездой. Я не мог остаться равнодушным к тому факту, что на территории Российской Федерации есть город, основанный древними греками, который процветал со времени классической античности до конца византийской эпохи. Этот город — древний Херсонес, средневековый Херсон или, как его называли русские, Корсунь. А теперь это Севастополь. И опять счастливый случай — хотя византийцы сказали бы: Промысл Божий. В этом году, благодаря гранту Минобрнауки, в СевГУ открылась лаборатория по изучению византийского Причерноморья. Возглавил эту лабораторию наш ведущий византист, академик Сергей Павлович Карпов. В рамках деятельности нашей лаборатории особое место уделяется археологии: это направление курирует Сергей Геннадьевич Бочаров, известный крымский археолог. Я же, в свою очередь, сосредотачиваюсь на работе с византийскими источниками. У меня большие планы и по переводу разных текстов, и по созданию больших интегральных проектов. Ведь современная цифровая куль-

тура предоставляет нам уникальные возможности для «интегрального» постижения истории. Задача наших дней — бережно перенести на новые технологические платформы, в новые информационные условия все те знания, которые накоплены историками за предыдущие века. Один из таких проектов мы назвали «цивилизационным ландшафтом». Под этим феноменом понимается совокупность письменных, археологических и других источников, которая представляет плоды цивилизации, ее культурное «лицо». Этот ландшафт состоит из модулей, связанных баз данных и геоинформационных систем, в том числе подробные хронологические таблицы. Эти последние, по сути, на новом уровне продолжают дело, начатое Евсевием Кесарийским, Георгием Синкеллом и Феофаном Исповедником, создавая связанную канву событий мировой истории. Это очень трудоемкое занятие: ведь счет идет на десятки, даже сотни тысяч «элементарных» событий (мы называем их «фактонами»), каждое из которых надо датировать, привязать к источникам, научной литературе, географии, просопографии... Сейчас я работаю над средне-византийским периодом, особенно фокусируясь на истории Причерноморья, на отношениях с Русью.

М. А.: **Это будет открытая база данных?**

П. К.: Конечно! Более того, у нас большие надежды на crowd-sourcing: ведь емкость современных хроник неисчерпаема, и записывать в одну многоуровневую таблицу можно события сколь угодно малые, например, историю собственной семьи.

Представляете, какие это откроет горизонты познания! Путем несложных фильтров каждый сможет отыскать в этой базе свои собственные корни. А если привязать эту базу к современным GIS-ресурсам, добавить качественную визуализацию, 3D-моделирование — можно будет в буквальном смысле слова погрузиться в историю. И, что важно, в историю реальную, а не выдуманную.

Ведь в современном мире очень большой запрос на историю как антураж. Много существует компьютерных игр на исторические темы. А «Игра престолов»? События, характеры, интриги имитируют европейское средневековье. Так создается квазиистория. Казалось бы, что в этом плохого? История становится модной, привлекает массовый интерес. Но дело в том, что история выдуманная вытесняет историю настоящую. Спонсоры заинтересованы в максимальной выгоде (не обязательно финансовой) — а значит, заказывают то, что эту выгоду принесет. И никто почему-то не думает, что если так же красиво показать *настоящую* историю той же Англии, Руси или Византии, то это будет не менее интересно, чем вымыслы никому не известных сценаристов, со всякими драконами и колдунами. А самое главное, это будет действительно *полезно*! Возьмите любого византийского императора и снимите по нему фильм! Это будет триллер и блокбастер — но при этом еще и наглядный *урок*, потому что всё это *было*. А значит, нечто похожее может случиться и сейчас. В этом, как уже было сказано, и заключается главная задача истории как наставницы человечества. А кто сейчас занял ее место? Сценаристы?

Продюсеры? Авторы компьютерных игр? С такими «наставниками» нас ждет череда катастроф. Что будет, если не наигравшийся в компьютерные игры политик, потеряв связь с реальностью, решит нажать кнопку «delete all», забыв, что «сохранить игру» не получится, и сакраментальную фразу «game over» читать будет некому. Миллионы судеб, тысячелетия культур, выстраданные законы и принципы могут быть стерты в один момент, если мы, историки, не будем бороться за истину в истории.

Один остряк назвал Россию «страной с непредсказуемым прошлым». Каждое новое правительство вторгается в историческую науку, пытаясь ею манипулировать. Увы, с этим трудно спорить. В XX веке мы видели массу примеров фальсификации истории, да и сейчас это — обычное средство в геополитической борьбе. Но если историческая наука становится средством пропаганды, она перестает быть наукой, да и как средство пропаганды работает плохо: люди не любят, когда ими манипулируют. Мы помним, как рухнул авторитет коммунистов, когда вскрылись десятилетиями замалчивавшиеся «неприятные» исторические факты.

Следует помнить один очень важный урок истории. Страна, которая фальсифицирует свою историю, обречена на исчезновение. Один греческий правитель (по-моему, это был Антигон) как-то услышал от какого-то лилоблюда: «Прекрасно и справедливо всё, что делают цари!» На это он сказал: «У варваров — да; у нас же, эллинов, прекрасно только прекрасное, а справедливо только справедливое».

Вот почему греческая культура процветала почти два тысячелетия, породив Византию и став духовным ориентиром для русского князя Владимира...

В этом заключается мистика истории: занимаясь прошлым, она является хозяйкой будущего. А историки-профессионалы — полномочные хозяева истории, наделенные огром-

ной, сверхчеловеческой ответственностью. Ведь именно они в ответе за те знания, которыми оперируют политики. И насколько правдивым и точным будет сформированный ими образ истории, настолько верным и надежным окажется и вектор развития страны в будущем.

М.А.: Большое спасибо за интервью!

«Я ПО ХАРАКТЕРУ — АРХИВНАЯ КРЫСА». Интервью с И. В. Курукиным

Видный специалист в области отечественной истории XVI–XVIII веков Игорь Курукин рассказывает о своих трудностях и достижениях в профессиональной сфере и о том, меняется ли студент-историк в течение последних 30 лет.

Ключевые слова: история России в XVI–XVIII, Сигурд Оттович Шмидт, Московский историко-архивный институт, протопоп Сильвестр, Иван Грозный, Эпоха дворцовых переворотов

Сведения об авторе: Курукин Игорь Владимирович, – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средневековья и нового времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, автор ряда монографий и книг серии «Жизнь замечательных людей».

Контактная информация: kurukin@mail.ru

«I AM AN ARCHIVAL RESEARCHER». Interview with I. V. Kurukin

Igor Kurukin, prominent specialist in the field of Russian history of the XVI–XVIII centuries, talks about difficulties and achievements during his professional career, and how did change young Russian historians in the last 30 years.

Keywords: Russian history of the XVI–XVIII centuries, Sigurd Ottovich Schmidt, Moscow Historical and Archival Institute, Protopop Sylvester, John the Terrible, the Era of Palace coups

About the author: Kurukin Igor Vladimirovich is Professor of Russian history, Associate Professor of the Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times in the Russian State University for the Humanities, author of several biographies from the popular series «Life of outstanding people».

Contact information: kurukin@mail.ru

Основные публикации: Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: П. А. Трибунский, 2003. 570 с.; Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, Санкт-Петербургский фил., 2019. 757 с.; Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006. 426 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий); Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с. (Живая история. Повседневная жизнь человечества); 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М.: Квадрига, 2010. 275 с.; Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010. 375 с.; На пути в Индию. Персидский поход 1722–1723 гг. М.: Русские витязи, 2015. 64 с.; Артемий Вольнский. М.: Молодая

© Историческая Экспертиза, 2023
DOI 10.31754/2410-1419-2023-2-330-338

гвардия, 2011. 411 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий); Романовы. М.: Молодая гвардия, 2012. 509 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий); Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014. 427 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий); Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2016. 397 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий); Последний фаворит. Платон Зубов. СПб.: Наука, 2022. 447 с.

Беседовала М. Ю. Андрейчева

М. А.: Исследовали ли Вы свою семейную память? Если да, то насколько глубоко? Каковы Ваши семейные корни?

И. К.: По отцу я происхожу из рязанских крестьян, а по маме — из астраханских дворян, вышедших из купечества. Оба моих дедушки умерли до моего рождения. Кое-что об одном из моих дедов я смог посмотреть в Российском государственном военно-историческом архиве. В Первую мировую войну он был разведчиком. Ему удалось выйти в офицеры, хотя изначально он принадлежал к мещанскому сословию. Однако при советской власти пришлось этот факт скрывать и в 1930-е годы уничтожить все документы, связанные с чином. Еще кое-что знаю по рассказам мамы и папы. У меня папа живой, ему уже исполнилось сто лет, но у него прекрасная память. Он — фронтовик, пошел на фронт в 1943 году, служил в 4-м Кубанском казачьем корпусе. Службу он начал в Молдавии, прошел Румынию, Венгрию и закончил службу в Чехословакии, где его ранило под самый новый 1945 год. У него было тяжелое ранение, и победу он встретил в госпитале. Я завидую его памяти, потому что он до сих пор помнит всех своих одноклассников. Я не помню, а он помнит.

М. А.: Это действительно так: у наших дедушек и прадедов память бы-

ла лучше, чем у последующих поколений. Непонятно, с чем это связано.

И. К.: Это как раз понятно. Мы же книжки читали. Не было компьютеров, в поисковик не заглянешь.

М. А.: Ваша мама была ровесницей отца и тоже принимала участие в Великой Отечественной войне?

И. К.: Нет, она 1929 года рождения и была в эвакуации. С отцом они познакомились уже после войны. Оба они в итоге стали медиками, оба — стоматологи.

М. А.: Получается, что Вы не пошли по семейному пути и не стали продолжать династию врачей?

И. К.: Да, и кажется папа был этим не очень доволен, но что поделаешь? Я не единственный ребенок в семье, у меня есть сестра. Она закончила факультет иностранных языков в Институте Мориса Тореза, блестяще владеет двумя языками и всю жизнь работала переводчиком. Последнее место, где она работала — канадское посольство.

М. А.: Когда Вы впервые начали осознавать, что Вас увлекает история?

И. К.: Это произошло в школе. Я закончил школу в 1970 году, и в 9–10 классе мне стало понятно,

чем я хочу заниматься. В итоге я выбрал Историко-архивный институт. На меня повлияли в детстве и романы (особенно Вальтер Скотт — «Квентин Дорвард», «Айвенго»), и популярные работы про археологические исследования и особенно книга Романа Пересветова «Тайны выцветших строк». Очень хорошая книжка для детей, которая повествовала о поисках источников и о работе с ними. У меня с детства было плохое зрение, и на исторический факультет МГУ у меня даже документы не взяли. И я пошел в Историко-архивный. И не пожалел — оказалось, это именно то, что мне нужно. Правда, был момент, захотелось стать археологом: это была поездка в первую археологическую экспедицию после первого курса. Но потом оказалось, что то, чем я занимаюсь, и так интересно, а в экспедиции можно ездить в своё удовольствие. Так и вышло: с 1971 года по 2022 каждое лето я в поле.

М. А.: Сложно ли Вам было поступить в институт?

И. К.: Я поступил на факультет архивного дела, там на тот момент была очень хорошая историческая школа. Был конкурс 9 или 10 человек на место. И поступить было не так просто. Сочинение и язык я сдал легко, по истории я был уверен, что все знал, но получил четыре, что я воспринял как оскорбление. Но тем не менее прошёл.

М. А.: Кто из преподавателей на Вас произвел наиболее глубокое впечатление?

И. К.: Для меня, конечно, таким человеком стал мой учитель Сигурд Оттович Шмидт. Он был блестящим

историком и преподавателем, человеком редкого организационно-педагогического дара и просто ходячей энциклопедией. Как историк я состоялся в созданном им кружке источниковедения. Это была очень серьезная школа, где речь шла о проблемах исторических эпох, о разных проблемах от Киевской Руси до нашей истории XX века. Это была школа работы с источником, что было принципиально важно. Поскольку можно увлекаться разными теориями, но есть ты и источник — а это и есть наша подлинная работа. Источниковедческий кружок С. О. Шмидта был великолепной школой. Здесь ты мог слушать старших коллег, поскольку Сигурд Оттович постоянно приглашал туда разных интересных людей. И ты видел задаваемую ими исследовательскую планку. Когда, например, выступал Валентин Лаврентьевич Янин и рассказывал об истории Новгорода, о том, что такое берестяные грамоты, ты осознавал уровень, к которому тебя подводят. Или, когда приезжал пушкинист Натан Яковлевич Эйдельман и рассказывал о своих поисках и находках. Таким образом задавалась планка, и ты понимал, что, если ты хочешь что-то сделать, то необходимо под эту планку работать.

А. М.: Чему была посвящена Ваша дипломная работа?

И. К.: В 1970-е годы Сигурд Оттович занимался XVI веком, и я тоже стал заниматься этим периодом. Когда я к нему пришел, то сказал, что собираюсь найти библиотеку Ивана Грозного. А он мне вежливо объяснил, что вопрос не о том, где лежит библиотека, а о подлинности так назы-

ваемого «списка Дабелова», то есть первого и главного свидетельства о ней, якобы обнаруженного случайно немецким профессором в начале XIX века... Кстати, библиотеку мне тоже довелось искать, потому что моя первая археологическая экспедиция проходила в Александровской слободе, где проводил раскопки академик Б.А. Рыбаков. Библиотеку, правда, так и не нашли, хотя работали тяжело: пришлось копать полтора метра битого кирпича с цемянкой.

Мой диплом, в итоге переросший в диссертацию, с подачи Сигурда Оттовича был посвящен одной из знаковых фигур первой половины царствования Ивана Грозного — священнику Благовещенского собора Сильвестру. С одной стороны, он был лицом духовным и наставником Ивана IV, а с другой стороны — человеком, который тогда оказался при правительстве. Мне пришлось собрать все, что связано с этой фигурой: его книги, свидетельства современников, скупые летописные записи. Пришлось ехать в Ленинград и работать в рукописном отделе тогдашней Публичной библиотеки (нынешней Российской национальной библиотеки) — непередаваемый опыт первой самостоятельной работы с рукописями XVI века.

М. А.: Вы сразу после окончания вуза поступили в аспирантуру?

И. К.: Нет, это случилось не сразу. Сразу не взяли. Это меня страшно обидело, и я пошел работать в Архив древних актов. Благодаря системе распределения, я знал, куда пойду. И опять не пожалел. Работа в архиве и общение с опытными старши-

ми коллегами дали понимание того, как складывались архивные фонды и коллекции, где можно и нужно искать те или иные документы — и конечно, практический опыт их исследования. С тех пор прошло уже много лет, но я до сих пор иногда консультирую коллег касательно поиска нужных источников в архивах. А потом из архива я пошел в аспирантуру. Сигурд Оттович меня взял в Институт истории СССР АН СССР (ныне — Институт Российской истории РАН).

Аспирантские годы — лучшие годы. С одной стороны, ты уже не мальчик, а с другой — ты свободен, как птица, и раз в неделю приходишь послушать умных людей на ученом заседании в своём секторе. Плюс есть много времени для работы в архивах с источниками. Это было чудесное время работы в Москве и Ленинграде. Писалось легко. Тогда было сложнее публиковаться, потому что молодым трудно было попасть в академические журналы. И поэтому мы ходили строем к руководству института, чтобы нам разрешили выпустить ротاپринтные сборнички: что-то среднее между машинописным текстом и типографской печатью. Сейчас публиковаться гораздо легче.

М. А.: Вы в какой-то момент начали преподавать в Историко-архивном институте. Расскажите о том, как это произошло.

И. К.: Я закончил аспирантуру и, хотя диссертация к ее окончанию была готова, были проблемы с советом: его в тот момент переутверждали. Из-за этого мне пришлось год ждать защиты. В этот момент я был

безработным и работал фотографом на свадьбах, был какое-то время экскурсоводом. А потом один из моих друзей помог мне устроиться в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, готовившую комсомольских лидеров. В основе своей там была программа пединститута, там была очень сильная кафедра во главе с обаятельным и заводным профессором В. Г. Сироткиным, дружный коллектив и большой курс истории. В ВКШ я проработал с 1981 по 1994 год. Это было тоже очень хорошее время, потому что студенты там были замечательные интересные, дружные, жадно поглощавшие знания. Мои студенты выпуска 1980-х годов до сих пор встречаются, хотя мы с ними уже пенсионеры. В 1991–1992 годы советская система была сломана, и эта школа оказалась одним из частных университетов. Надо было уходить, потому что в своем профессиональном качестве мы уже были не нужны. Вот тогда, в 1994 году, я и вернулся в альма-матер — Историко-архивный институт, который тогда уже был в составе Российского государственного гуманитарного университета.

М. А.: На какую кафедру Вы пришли работать?

И. К.: Вначале она называлась кафедра истории СССР периода феодализма, потом меняла названия и сейчас называется кафедрой истории России средневековья и нового времени. В этот почти тридцатилетний период моего преподавания были разные этапы. Было время, когда было очень туго с аспирантами. В 1990-х годах их просто не было, даже не помню, чтобы к нам кто-то

шел активно на кафедру. В 2000-е годы у меня были ученики, но не все из них дошли до защиты кандидатской диссертации. Сейчас ситуация немножко меняется: люди приходят в аспирантуру, сознательно приходят, чтобы профессионально заниматься историей.

М. А.: Когда Вы поняли, что хотите защищать диссертацию, и как Вы определились с ее темой?

И. К.: Это как-то само собой получилось. Мне немножко надоело в XVI веке: там очень узкий круг источников. Надоедает ходить все время по кругу. Ты понимаешь, что проблема есть, но на чем ее исследовать — непонятно. Можно выдвигать версии, но ты понимаешь, что найти что-то новое вряд ли удастся. А я по характеру — архивная крыса, любящая поиск. А вот в более позднем времени — XVIII веке — оказывается очень много всего. И так совершенно естественно я пришел в это время. Просто были интересные сюжеты эпохи дворцовых переворотов, и само собой так получилось, что я стал ими заниматься. Оказалось, что от этого времени сохранилось много источников, и меня это затянуло. И я помню, что докторскую диссертацию я написал довольно быстро. Буквально за один год. Но перед этим надо было десять лет поработать. Поэтому докторская диссертация — это своего рода холодное блюдо в отличие от горячего пирожка кандидатской. Докторская диссертация — это то, что у тебя отлежалось, то, что ты уже давно нашел, осмыслил, обсудил с коллегами, опубликовал. Так и написалась диссертация на тему «Эпоха дворцовых переворотов» 1725–1762 гг. в контек-

сте политической истории России». То есть я рассматривал в ней эпоху дворцовых переворотов как явление: что это за период, почему он начался, можно ли в нем выявить какие-то тенденции и закономерности.

М. А.: Вы известны как один из самых плодовитых авторов серии «Жизнь замечательных людей». Какие из Ваших книг этой серии показали наиболее удачными, а какие, напротив, вызвали неожиданные трудности?

И. К.: Здесь надо иметь в виду, что, работая над этой серией, ты можешь заниматься тем, что тебе интересно, но с другой стороны есть издательский заказ. Первая моя книга «Бирон» была написана не потому, что он мне очень нравился, а потому, что мне его заказали. По той же причине появилась книга «Романовы». Эта книжка получилась по содержанию популярной, моего там очень мало. Не могу сказать, что я ею не доволен, но это все же не исследование. Бывает, что наоборот, тему книги ты предлагаешь сам. И, как правило, такие книжки, образно говоря, вышли из «шинели», то есть из моей докторской диссертации. Когда ты разбираешься в эпохе, то пишешь про Екатерину I, Анну Иоанновну, Бирона, про правительницу Анну Леопольдовну. Сядь писать, ты знаешь, где найти нужный материал. Пишется такая работа иногда довольно быстро — за полгода. Но источники надо собирать, потому что глава в диссертации — это одно, а когда ты должен написать книжку и у тебя должен быть приличный объем — это совершенно другое. Естественно, хочется не повторять известные вещи, а найти

что-то новое. На это тоже требуется время: обязательно надо ехать в Питер, поскольку архивы поделены между ним и Москвой.

М. А.: Вы сейчас работаете над каким-то проектом для серии ЖЗЛ?

И. К.: Я буквально на днях закончил работать по заказу «Молодой гвардии» над книгой о фаворитах Екатерины II. Не могу сказать, что эта тема была мне очень интересна, но решил написать, потому как персонажи мне более-менее знакомы, а сам феномен фаворитизма вполне достоин внимания — как элемент системы управления. В частности, у меня в издательстве «Наука» уже выходила книга о фаворите Екатерины Великой — Платоне Зубове. Сам он фигура довольно второстепенная, но интересен был именно тем, что на его примере можно показать, что такое фаворит в XVIII веке: какое место он занимал при дворе, чем занимался, как функционировал. Так что сейчас книжка пройдет редактуру, и где-то через месяц я ее отдам в печать, и она выйдет, возможно, даже в этом году. Но это уже зависит от издательства.

М. А.: Тема фаворитов — пикантная сама по себе. В свое время я ею интересовалась, и мне казалось, что вокруг нее существует много мифов. Работая над книгой, сталкивались ли Вы с этим?

И. К.: Говоря о таких вещах, всегда сталкиваешься с очень важной деталью. Есть сюжеты, которые невозможно проверить. Вот, например, возьмем Платона Зубова. У нас сохранилась его канцелярия, и мы видим, чем человек официально на

службе занимался. Но какие-то вещи ни где и никак не фиксируются. Он живет во дворце и ежедневно общается с императрицей. Но нет источников, которые бы отражали сведения об их беседах. И когда ты встречаешь известие о том, что некий человек сказал, что то-то и то-то было, ты думаешь, что это негде проверить, потому что есть вещи, которые не оставляют следов. Хотя XVIII век у нас задокументирован хорошо, далеко не все хорошо отражается в источниках. Плюс некоторые вещи, даже если они фиксировались на бумаге, все равно потом утрачивались. Например, был такой порядок: умирает какой-то знатный человек, к его семье приезжает генерал-адъютант государя императора и приказывает отдать все письма, касающиеся переписки с государем. И что с ними потом происходит, тоже большой вопрос. Что-то сохраняется, а что-то нет.

М. А.: В целом если оценивать пройденный профессиональный путь, есть проекты или достижения, которые высчитаете завершенными?

И. К.: Пока ты в состоянии работать, ты все время на что-то рассчитываешь и думаешь о том, что ты еще в состоянии сделать. Из того, что сделано, есть то, что тебе нравится больше и то, что нравится меньше. Моя докторская диссертация должна была быть написана еще в начале XX века. Но поскольку она весь советский период не относилась к актуальным проблематикам, то сейчас в начале XXI века я подвел итог того, что было осмыслено ранее, в дореволюционный период, касательно этого явления. Я ею, безусловно, доволен, так как я сделал то, что должно быть в науке.

Среди моих книг есть более или менее удачные вещи. Я доволен книгой «Анна Иоанновна», которую писал в Америке. Увез с собой материал и писал там, поскольку было очень много времени. Там преподаватель располагает временем гораздо свободнее, чем у нас. У меня были одна лекция и один семинар в неделю. Делать было нечего, поэтому писалось легко и свободно.

С другой стороны, я писал по заказу издательства книгу о княжне Таракановой. Я тогда подумал, что я обязательно найду что-то новое, но, увы — ничего не нашел. И тогда пришлось придумать такой ход: сопоставить историю этой псевдокняжны с одним романом XVIII века, который мне попался на глаза. В принципе я это воспринимаю в каком-то смысле как неудачу, потому что ничего особенного сделать не получилось. Оказалось, что все, что с ней связано, было добротнo издано еще в XIX веке, и никаких дворцовых тайн в этой истории не было. И сам персонаж оказался не очень интересным: обычная девушка, которая «разводила» мужчин на деньги, решила немного побыть русской принцессой, но вышла промашка, закончившаяся для нее трагически в Петропавловской крепости. И, конечно, никакой реальной самозванкой она не была. Это была всего лишь игра, завершившаяся плохим финалом.

М. А.: С Вашей точки зрения, не было ли связи между княжной Таракановой и загадочной монахиней Досифеей из Иоанновского женского монастыря?

И. К.: Нет, между ними никакой связи не было. Эта девочка была ино-

странкой, не имевшей никакого отношения к российской действительности. А вот история монахини — это другая тема, но я ею не занимался специально и не очень понимаю, есть ли у нас еще что-то помимо воспоминаний, которые свидетельствовали о том, кто она такая.

М. А.: Вы говорите, что некоторое время работали в Америке. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

И. К.: Я был там дважды по работе по полгода: ездил туда по программе нашего университета, согласно которой зарубежные ученые приезжали в Россию, а мы ездили преподавать за рубеж. Мне довелось поработать в университете штата Айова в первый раз, а во второй — в университете Карнеги-Меллон в Питтсбурге. Там я читал курс русской истории. Читал по-английски и в общем успешно, хотя американская публика другая. В России мы читаем студентам-историкам и архивистам, а там на твою лекцию ходят люди из разных факультетов (гуманитарных, технических). Это связано было со спецификой их университетов, когда студент сам по своему желанию выбирает предметы в определенном количестве. Приходилось эту ситуацию учитывать и понятно объяснять американцам незнакомые вещи из российской действительности. Необходимо было следить за реакцией слушателей, учитывая, что те вещи, которые кажутся тебе прозрачными, могут быть просто не поняты — вот, например, объяснять, кто такие крестьяне (в Америке крестьяне когда-то тоже были, но давно превратились в фермеров).

М. А.: У Вас очень большой общий стаж работы в университете. Скажите, пожалуйста, меняются ли, с Вашей точки зрения, студенты: темы их интересующие, уровень подготовки?

И. К.: Наборы на курсы могут быть разными. Например, сейчас набор историков заметно сильнее, чем набор прошлого года. Почему так, я не могу объяснить. Но так бывало и раньше. Поэтому нельзя сказать, что за почти тридцатилетний период студенты как-то принципиально поменялись. Изменилась другая ситуация. Мы выросли на книжках. А нынешнее поколение книжек не читает. Вот приведу пример: я рассказываю о формировании централизованного государства — процессе, идущем в России и в Западной Европе, упоминаю Францию и кардинала Ришелье, про мушкетеров короля и понимаю, что не вижу живой реакции студентов. Задаю им вопрос: «Ребята, поднимите руки те, кто читал «Три мушкетера»? Из пятидесяти человек подняли руки семь-восемь. Для остальных Д'Артаньян и Ришелье — это персонажи из другой жизни. Вот это провисание. Потому что для гуманитария что-то, что есть за пределами учебника, нарабатывается долго. А для того, чтобы осмыслить какие-то явления, знать учебник мало. Нужно то знание, которое ты приобретаешь в процессе. Когда были еще реальные вступительные экзамены, приходили люди, и я сталкивался с тем, что человек знает блестяще да ту, героев, но только в рамках учебника. А шаг в сторону — пустота. Для современного студента если чего-то нет в интернете, этого нет в жизни. В библиотеку сходить — это уже со-

бытие. А мы выросли в библиотеке. Что такое Историческая библиотека? Это — второй дом. Я прихожу туда и встречаю людей, которых впервые повстречал там сорок лет назад. Я совсем недавно говорил студентам, что интернет — это огромная куча мусора, и порой мне легче прийти в библиотеку, где я знаю, что я должен заказать или просто взять с полки и посмотреть, чем искать это в интернете. Поэтому сейчас при попытке отправить студента в библиотеку, он удивляется: «А зачем?», «А в интернете есть?»

М. А.: Когда мы учились в конце 1990-х годов, даже в голову не приходило, что можно где-то позаимствовать реферат, что можно воспользоваться в своих интересах чужой работой. Мы честно ходили в библиотеки и сами делали задания. Но в какой-то момент интернет стал тем злом, когда тебе можно не напрягаться, можно взять скопировать, сделать рерайт и выдать за свое. Как часто Вы с этим сталкиваетесь?

И. К.: Это как раз не очень большая проблема. Потому что у меня принцип: вот источник, вот задание по работе с этим источником. В таком случае списать невозможно. Это проблема для преподавателя, потому что, если ты даешь задание написать про Ивана Грозного, то понятно, что здесь можно все легко в готовом виде найти в интернете. Значит, стоит подумать и давать такие темы и сюжеты, задания по которым нельзя просто скачать.

М. А.: Есть ли у Вас какие краткосрочные или долгосрочные пла-

ны, которые Вы хотели бы осуществить?

И. К.: Мне в этом году уже исполняется 70 лет. Но все же есть набор сюжетов, которыми можно было бы заняться. Одни из них мелкие: например, попались мне материалы, которые показывают, какие были расходы на ту или иную военную кампанию в России. По этому поводу я написал статью. Это вещи текущие: попадают какие-то интересные источники, и ты понимаешь, что с их помощью можно написать на такую-то тему. Таких материалов у меня достаточно много. Всегда есть, чем заняться. Вот, например, история Персидского похода Петра I. Это такой колониальный эксперимент, когда Россия получила заморские владения за Каспийским морем. На эту тему сохранился целый массив неизученных материалов в архиве внешней политики Российской империи. На эту тему я практически написал еще одну диссертацию — книгу о том, как Россия управляла этими заморскими провинциями. И в связи с этим были обнаружены еще какие-то интересные сюжеты, которыми я сейчас тоже занимаюсь. По-прежнему интересует Петровская эпоха, яркая, переломная в судьбе России, поэтому я рассчитываю, что напишу на какую-то тему из этого периода. Привлекают последние годы Петра I, подведение итогов его политики и реформ. Интересуют его планы, поскольку умирать он не собирался, и за неделю до смерти планировал, что будет делать в 1725 году.

М. А.: Большое Вам спасибо за интересную беседу!

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).